

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- Вывести власть из подполья
- Отсроченное банкротство
- Говорит Юрий Афанасьев
- Высшая ценность
- Через трещину в блоке
- Красное колесо дружбы народов
- Нагорный Карабах на перекрестке мнений
- Луковая судьба
- Бой с тенью
- Страна АПСН
- Военная коммерция
- Сорокалетие космополитов
- Цензура как социальное зло
- СПИД и "антиспид"

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Эткинд (Париж), Б.Вайль (Копенгаген). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 53 ам. доллара, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 58 долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высланного в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Неприятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтамов.</i> Вниз по лестнице, ведущей вниз	14
Вести из СССР	25
Резкое обострение дружбы народов	34
Я верю, Литва будет свободной. <i>Интервью с Казимирасом Мотекой</i>	35
<i>Х.Аррак.</i> Враг во главе колонны	41
<i>Ю.Айхенвальд.</i> Надо ли ехать в общей телеге?	44
<i>Д.Зантария.</i> Размышления с инородными цитатами	49
<i>Г.Чантурия.</i> Будем лечить болезни	56
<i>С.Митрофанов.</i> Ловушка для перестройки	61
Архив. "Обращение к грузинскому народу..."	63
Рано или поздно мы договоримся. <i>Беседа с Юсифом Самедоглу</i>	64
<i>М.Ибрагимбеков.</i> Цель не оправдывает средства	73
<i>С.Шахвердян.</i> Сумгаит... геноцид... гласность?	76
<i>Р.Папаян.</i> Сила и дух	82
<i>В.Майер.</i> Корейцы в контексте дружбы народов	85
Словечко "плюрализм"...	90
<i>А.Кузьмин.</i> Основные принципы	91
"Обновление России"	93
<i>Г.Шиманов.</i> Как делаются кризисы и кое о чем еще	94
<i>Г.Померанц.</i> Национальное достоинство или националистическая опухоль	96
<i>Ю.Карабчиевский.</i> Битва с евреем	99
Точка зрения Виктора Астафьева	113
<i>Э.Маркштайн.</i> Великое слово — народ	115
<i>Гюнтер Грасс.</i> Тот, кто так говорит	117
<i>Э.Такер.</i> Главный экспортный товар	120
<i>И.Ефимов.</i> Ухабы статистики	125
Новая книга. "Вести из СССР"	128
<i>С.Лезов.</i> Правовое государство в интеллектуальной традиции	129
<i>А.Хеллер.</i> Свобода как высшая идея	139
<i>Я.Пишибила.</i> Великий китайский эксперимент. Статья вторая	149
<i>М.Скеммел.</i> Цензура	158
<i>Б.Сарнов.</i> Только снег	170
<i>С.Бабеньшева.</i> Черные дни сорок девятого года	179
<i>А.Алова.</i> Счет № 70000015 "АнтиСПИД"	184
<i>Р.Зюсмут.</i> СПИД	185
Письма в редакцию	190
Сообщение редакции	192

В номере 192 страницы

Das Land und die Welt e.V.
 Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
 Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603
 Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
 Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

Шестой год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ДАЛАЙ-ЛАМА — ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

Более ста кандидатов было представлено в этом году на соискание Нобелевской премии мира.

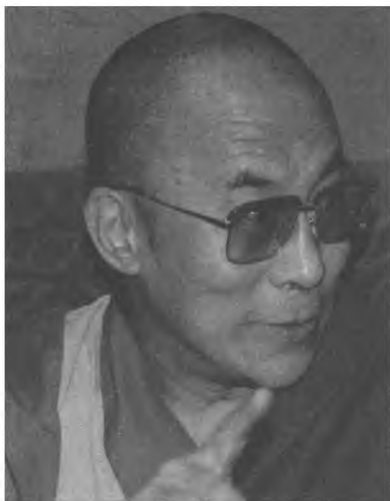
5 октября Нобелевский комитет норвежского парламента объявил о своем решении: Нобелевская премия мира за 1989 г., золотая медаль и денежное вознаграждение в размере 436 тысяч долларов присуждены живущему в изгнании духовному и политическому лидеру тибетского народа Далай-ламе. В решении Нобелевского комитета сказано, что премия присуждена ему "за решительный отказ от насилия... за проповедь и поиск мирных решений, направленных на восстановление суверенитета, сохранения исторического и культурного наследия тибетского народа".

Тензин Гватсо, известный в мире под своим монгольским именем Далай-лама (море мудрости), родился в 1935 г. В возрасте пяти лет был провозглашен главой ламаистской церкви и Тибетского государства. Хотя в последующие десять лет страной правил Совет монахов, а молодой Далай-лама постигал премудрости религиозных и светских наук, в 15 лет он уже стал реальным правителем Тибетского королевства. Увы, долго править страной новому, четырнадцатому по счету Далай-ламе не пришлось — в 1950 г. Тибет оккупировали войска маоцзе-дуновского Китая. Правительство в Пекине просто-напросто заявило, что это небольшое, расположенное высоко в Гималаях и

испокон веков независимое государство — ни больше ни меньше, как "исконная территория Китайской народной республики"!

Далай-лама всячески противился оккупации страны, протестовал против грубой, бесчеловечной попытки Пекина сломать вековые устои тибетской независимости и своеобразной, в сущности уникальной, национальной жизни. В 1954 г. он отправился в Пекин и провел там целый год в поисках компромиссного, взаимоприемлемого решения. Однако пекинское правительство, перенявшее у своего северного соседа "самую передовую идеологию" и богатый опыт решения национальных проблем в духе пролетарского интернационализма, и слышать не хотело о компромиссе. В далекую горную страну отправлялись все новые и новые контингенты Народно-освободительной (!) армии Китая, посылались чиновники всех рангов, завозились китайские крестьяне-колонисты. Провал попыток Далай-ламы найти мирное решение проблемы привел к восстанию 1959 г., которое было свирепо подавлено оккупационной армией. Тысячи тибетцев погибли, десятки селений и храмов были сожжены и разграблены. Далай-лама и около ста тысяч его приверженцев "отправились в ссылку", а попросту говоря, бежали в соседнюю Индию. (О истории и проблемах современного Тибета наш журнал писал в № 8, 1986 г., № 5, 1987 г., № 2, 1989 г.)

Присуждение Нобелевской премии мира Далай-ламе явилось полной неожиданностью для мировой общественности. Дело в том,

что вплоть до 5 октября, когда Нобелевский комитет в Осло объявил о своем решении, мировая пресса практически единодушно считала, что в этом году наибольшие шансы получить почетную награду у двух чехословацких правозащитников — Вацлава Гавела и Иржи Гайека. Тем не менее, выбор Нобелевского комитета сразу был одобрен и прессой, и широкими кругами общественности. По сообщениям из Дхармсалы, индийского города в Гималаях, где нашли убежище Далай-лама и его приверженцы, люди молились, пели, танцевали прямо на улицах. Тибетцы обнимались и поздравляли друг друга. "Наконец-то солнце взошло и над Тибетом", — скандировали ликующие толпы. Что касается самого Тибета, то сведений оттуда не поступает. Как видно, китайские власти приняли особые меры, чтобы пресечь "утечку информации" из Лхасы и тем самым продемонстрировать миру, что в Тибете известие о присуждении Нобелевской премии мира Далай-ламе не произвело на население никакого впечатления.

Конечно, радость тибетцев понятна, но чем вызваны симпатии общественности к далекой маленькой стране и к ее экзотическому лидеру, который сам себя называет "простым буддийским монахом"? Разумеется, сочувствием к маленькому народу (по приблизительным оценкам, тибетцев насчитывается от пяти до шести миллионов человек), над которым нависла угроза со стороны громадного Китая. Конечно же, симпатиями к его стойкости, к упорству, с ко-

торым он пытается сохранить свое самобытное существование и культурное наследие. Но быть может, Далай-лама и его народ пользуются особыми симпатиями мировой общественности именно потому, что их борьба, их противостояние могучей враждебной силе носят, главным образом, ненасильственный характер. Уже в изгнании, уже после того, как китайские оккупанты пролили в Тибете реки крови и поставили его народ на грань национального существования, Далай-лама остался верен принципам и политической линии, которые он проповедовал и пытался проводить в жизнь еще в пятидесятые годы. Далай-лама использовал свое влияние, чтобы убедить своих приверженцев, главным образом среди молодых монахов и учащихя, не прибегать к силе, не отвечать насилием на насилие. Параллельно все эти годы он вел малозаметную, но очень напряженную и весьма эффективную работу на дипломатическом и политическом поприще. Его основная цель — выработать компромиссное решение тибетской проблемы, приемлемое для Пекина и, одновременно, гарантирующее тибетцам национально-культурную автономию. Призывая Пекин пойти на компромисс, Далай-лама сам сделал первый шаг. Публично и по каналам "тихой дипломатии" он дал знать пекинским руководителям, что готов отказаться от требования полной политической независимости своей страны, передав в ведение Пекина вопросы обороны, внешней политики и даже финансов. Но Далай-лама требует твердых и, главное, международных гарантий права его народа на национально-культурную автономию. (Тибетский лидер слишком хорошо знает, что вероломства пекинским лидерам не занимать!)

Призыв Далай-ламы к своему народу был услышан. Тибетцы не прибегают к насилию, продолжают упорно держаться национальных традиций, храня верность религии и культуре отцов и дедов. (Исключение составляют лишь кровавые события в марте этого года, однако до сих пор неизвестно, кем именно они были спровоцированы.) Все это ставит китайских колонизаторов в затруднительное положение, усугубляемое тем, что новому, дэнсяопиновскому Китаю приходится считаться с мировым общественным мнением. (Это не помешало пекинскому руководству "старыми методами" распра-

виться с протестовавшими в марте тибетцами, но массового кровопролития не было. Пекин ограничился введением военного положения и наглухо закупорил Тибет от внешнего мира.)

Итак, Пекин вынужден делать ответные шаги. И он их делает. Несколько лет назад пекинское руководство начало неофициальный диалог с Далай-ламой, намекнув, что оно готово согласиться на национально-культурную автономию Тибета при условии, что Далай-лама прекратит добиваться международной поддержки. Ясно, к чему стремится Пекин и чего он более всего опасается. Переговоры с Далай-ламой "один-на-один" позволят Пекину говорить с позиции силы, диктовать тибетскому лидеру свои условия. Если же за столом переговоров так или иначе будет присутствовать мировое сообщество, разговор получится на равных, чего китайское руководство всячески старается избежать. Понимая тактику Пекина в тибетском вопросе, легко понять почему присуждение Нобелевской премии Далай-ламе было воспринято в китайской столице как удар ниже пояса. Ответная реакция последовала молниеносно. Уже на следующий день после того, как решение Нобелевского комитета было обнародовано, китайский консул в Осло Ван Гушен заявил Норвежскому агентству новостей буквально следующее: "...Это вмешательство во внутренние дела Китая, это удар по чувствам китайского народа. Проблема Тибета — целиком и полностью внутреннее дело Китая". Не замедлило себя ждать и официальное заявление правительства КНР, выражавшее "крайнее негодование" решением Нобелевского комитета. Решение это названо "выражением открытой поддержки действиям Далай-ламы и тибетских сепаратистов, которые стремятся нарушить национальное единство и территориальную целостность Китая". Центральные пекинские газеты, понятно с чьего ведома и согласия, пошли еще дальше, угрожая Норвегии политическими и экономическими санкциями. Не приходится сомневаться, что последуют и другие дипломатические и пропагандистские демарши Пекина, направленные на дискредитацию Далай-ламы и его дела.

Что касается Москвы, то здесь словно воды в рот набрали. Несмотря на перестройку, ни одно из официальных ведомств,

никто из руководителей страны словом не обмолвился о столь значительном событии, каким, безусловно, стало присуждение Нобелевской премии мира тибетскому лидеру. Молчит, опять-таки несмотря на гласность, и официальная советская печать. Если, конечно, не считать сообщения в "Известиях" от 6 октября под заголовком "Как присуждаются и вручаются Нобелевские премии". Сообщение это, к слову сказать, выдержано в лучших традициях "застойной", всеми осуждаемой нынче, брежневской эры. И все-таки, чем вызвано стыдливое молчание Москвы? Быть может, советским руководителям неудобно произносить теплые слова в адрес человека, которого, в свое время, буквально поливали грязью? Причина, безусловно, в другом. Проблема национального самоопределения народов, населяющих империю, стоит перед советским руководством не менее остро, чем перед китайским. Но готовы ли новые советские руководители, провозгласившие курс на обновление страны и общества, подойти к решению национальных проблем с позиции уважения прав народов на самоопределение, на национально-культурную автономию и, наконец, на государственную независимость? Если они готовы к этому, то почему бы им не поздравить главу государства, удостоенного столь высокой награды, и не выразить поддержку ему и его борьбе? Похоже, однако, что в Кремле по этому поводу думают иначе. Скорее всего, кое-кто в советской столице пришел в ужас при мысли, что в следующий раз Нобелевская премия мира может быть присуждена кому-то из руководителей Народных фронтов в балтийских странах, кому-то из лидеров армянского, крымско-татарского или грузинского национальных движений...

Присуждение Далай-ламе Нобелевской премии мира имеет и более широкое значение, выходящее за рамки проблем Китая и Советского Союза.

Вот уже 45 лет, как человечество живет без мировых войн. Однако мир продолжают сотрясать локальные войны, партизанские нападения, восстания, перевороты... Причины всех этих конфликтов самые разные. Это территориальные споры и межэтнические трения, ущемление прав малых и больших наций, религиозная вражда, фанатизм, амбиции и невежество диктаторов всех мас-

тей. Однако несмотря на разные цели и характер, освободительные движения в разных уголках мира стали все чаще и чаще использовать общую тактику. Сознательно прибегая к террору, массовым убийствам и другим актам вандализма, лидеры освободительных или псевдоосвободительных движений пытаются привлечь внимание мирового общественного мнения к своей борьбе, вызвать сочувствие к своим целям. Конечно, о сочувствии и симпатиях в таких случаях говорить не приходится, но мир сегодня приучен, — чем ужаснее злодеяния, совершаемые во имя высоких идеалов, тем, должно быть, серьезнее конфликт, взрывоопаснее ситуация в регионе. И уж совсем предосудительным считается осуждать злодеяния, если они совершены "борцами за правое дело". Так что Нобелевский комитет оказал миру большую услугу, заметив и наградив именно того лидера, который отвергает применение насилия во имя достижения национальных целей.

Остается надеяться, что "послание мира" будет услышано теми, кому оно в первую очередь предназначается. ●

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ПОЛЬША: УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ПЕРЕУЧИВАТЬСЯ

Итак, впервые в истории коммунистического блока одна из его стран лишилась... коммунистического правительства — к власти в Польше пришла оппозиция. Но как только эйфория по этому поводу улеглась, очевидна стала абсурдность политической ситуации в стране. Вот некоторые симптомы социальной патологии: в новом правительстве сведены воедино убежденные антикоммунисты и заскорузлые марксисты, деловое сотрудничество которых еще не означает, что в стране создано правительство национального единства. Оппозиция, находящаяся у власти, вынуждена в экономической сфере продолжать политику, против которой она еще вчера шла на баррикады. Недавние борцы за права рабочих теперь больше напирают на их обязанности, а казенные профсоюзы, призванные, по идее, мобилизовать

рабочий класс на выполнение правительственных решений, в новых условиях вживаются в роль единственных защитников обездоленного населения. Двусмысленностью отличается и внешняя политика Польши.

Как же оказалась Польша в такой, мягко говоря, странной ситуации?

Вскоре после июньских выборов польский парламент нового созыва избрал президентом страны генерала Войцеха Ярузельского. Чтобы дать ему возможность выступать в качестве лидера всех поляков, на посту первого секретаря ЦК ПОРП его сменил Мечислав Раковский. "Солидарность", учитывая геополитический фактор, склонна была поддержать кандидатуру Ярузельского на должность президента страны, но решительно отвергла претензии ПОРП еще и на кресло премьера, считая, что в ходе выборов польский народ вложил мандат на правление страной в ее, оппозиции, руки. Игнорируя на первых порах волеизъявление избирателей, новый президент поручил сформировать правительство национального единства генералу Чеславу Кищаку. Сколачивая "большую коалицию", тот предложил деятелям оппозиции несколько второстепенных мест в своем кабинете. Оппозиция, естественно, отказалась. К началу августа стало ясно, что позиционная борьба затягивается и дело заходит в тупик.

Кишак пытался было переложить обязанности премьер-министра на Романа Малиновского, бывшего маршала Сейма и теперь уже бывшего председателя Объединенной крестьянской партии, но тот не успел даже приступить к делу. 7 августа Лех Валенса сделал неожиданно сильный ход, изменивший всю картину: он предложил Объединенной крестьянской и Демократической партиям вступить в политический союз с "Солидарностью".

Обе партии, начиная с 1947 года, были неизменными союзниками ПОРП. Точнее, именовались союзниками, на деле же были марионетками, бумажными партиями, поддерживавшими фикцию многопартийности. Но в последние месяцы, под впечатлением общего политического ледохода в Польше, и эти партии прошли ускоренный курс эмансипации. Членам партий, особенно рядовым, захотелось самостоятельности. На июньских выборах обе партии еще выступали в едином списке с коммунистами, но на первых же

сессиях новоизбранного Сейма фракции этих малых партий стали демонстрировать независимость мышления — например, многие из их депутатов голосовали против кандидатуры Ярузельского на должность президента. Этим-то партиям и предложил Лех Валенса создать — впервые в послевоенной истории Восточной Европы — правительство без коммунистов или, на худой конец, без "руководящей роли" коммунистов. В конечном итоге прошел второй вариант. Малые партии, на ходу меняя лидеров, с энтузиазмом приняли предложение. ПОРП, какое-то время для приличия поломавшись, вняла рекомендациям президента Ярузельского и вошла в правительство на условиях, предложенных новым премьером Тадеушем Мазовецким.

Т.Мазовецкий до высокого назначения был одним из наиболее авторитетных деятелей оппозиции. Интеллигент из провинциальной профессорской семьи, активист Клуба католической интеллигенции, близкого к церковной иерархии, советник "Солидарности" с момента ее зарождения, редактор профсоюзного журнала, личный друг Леха Валенсы — лучшего выбора Ярузельский не мог сделать.

В составе нового польского правительства — 25 человек. В их числе — председатель Совета Министров, 17 отраслевых министров и 7 министров без портфеля. Как же распределились должности между участниками правительственной коалиции? 12 мест из 25 достались представителям "Солидарности", 5 выторговали для себя коммунисты, ссылаясь на пропорциональный вес своей фракции в парламенте, 4 министерских поста получила Объединенная Крестьянская партия и 3 — Демократическая. Наконец, 25-е кресло, последнее по счету, но отнюдь не по значению, принял формально независимый деятель, специалист по международному праву Кшиштоф Скубишевский — он стал министром иностранных дел. В прошлом Скубишевский — советник кардинала Глемпа, член Консультативного Совета при Ярузельском, эксперт в области польско-немецких отношений. Независимый, то есть неопределенный, статус нового шефа польской дипломатии хорошо соответствует неопределенному характеру внешней политики Польши. В целом можно предположить, что значение дипломатического ведомства в новом правительстве возрастает — в той же

мере, в какой сходит на нет роль некогда ключевых министерств обороны и внутренних дел. Символизируя преемственность власти, эти министерства, как и прежде, возглавляют генералы-коммунисты Флориан Сивицкий и Чеслав Кищак. Однако ведомства генералов подлежат частичному демонтажу и переориентации, их бюджеты уже урезаны чуть ли не вдвое.

Успех или провал всего кабинета зависит от деятельности команды, набранной исключительно из людей "Солидарности", то есть от руководителей экономических ведомств. Это министр финансов Лешек Балцерович, министр промышленности Тадеуш Сырыйчик, министр жилищного строительства Александр Пашиньский, председатель Экономического Совета Витольд Тшечьяковский, председатель Госплана Ежи Осятиньский. Все пятеро — по образованию экономисты, сторонники и теоретики рыночного хозяйства, убежденные реформаторы и либералы. Сырыйчик и Пашиньский к тому же — процветающие частные предприниматели. В свою очередь, успех этой команды в немалой степени зависит от того, как справится со своими задачами новый министр труда — на эту должность Мазовецкий назначил ветерана борьбы за права рабочих, одного из основателей Комитета защиты рабочих, советника "Солидарности" Яцека Куроня. Авторитет этого человека должен гарантировать хоть какую-то лояльность рабочих по отношению к правительству, которое вынуждено будет принимать непопулярные в народе меры.

В минувшем сентябре новый учебный год в Польше начался не только для школьников — по существу, на школьную скамью села вся нация, руководители и руководимые. Кто учиться, а кто переучиваться. Все изменилось даже для тех, для кого, казалось бы, ничего не меняется. Генерал Чеслав Кищак, к примеру, как был министром внутренних дел, так и остался им. Но и он был вынужден заявить в комиссии Сейма, утверждавшей его в старой должности: "Задачи органов внутренних дел в Польше теперь не те, что раньше. Другим должно быть и министерство. Свою задачу вижу в том, чтобы полностью деполитизировать полицию и силы безопасности. Полиция должна охранять порядок, а не партийные привилегии, госбезопасность должна заниматься разведкой и контрразведкой, не вмешиваясь в частную жизнь граждан. Сегодня, когда МВД лишено возможности устанавливать подслушивающие устройства в квартирах министра Куроня и депутата Михника, 4-е Управление этого министерства, занятое внутренним сыском, становится лишним, и я обещаю расформировать его. Но сперва будет проведено расследование фактов злоупотребления властью, допущенного в недавнем прошлом сотрудниками этого управления". Незаурядному политику Чеславу Кищаку нельзя отказать ни в чувстве юмора, ни в способности быстро обывкаться в новых условиях.

Насколько быстро и радикально меняются в современной Польше роли и позиции, показывает следующий пример. 1 августа коммунистическое правительство отменило государственные дотации на ряд продовольственных товаров. Цены на них, естественно, подскочили вдвое. Общественная оппозиция, Гражданский комитет "Солидарности" резко критиковали власти за неразумный шаг, приведший к снижению жизненного уровня населения. В сентябре, едва приступив к делам, правительство "Солидарности" первым же декретом отменило последние государственные дотации на все продукты питания. Пятикратный рост цен на них критикуют теперь уже коммунистические профсоюзы.

Впрочем, у любого польского правительства не было бы иного выхода: народное хозяйство страны агонизирует и, по общему мнению, нуждается в шоковой терапии. Самой трудной экономической проблемой Поль-

ши остается головокружительная инфляция, показатели которой колеблются от 500 до нескольких тысяч процентов в год. Регулярные девальвации национальной валюты инфляцию обуздать не могут. Их следствием стал поголовный переход поляков на долларовый расчет. Экономисты в правительстве Мазовецкого, в сотрудничестве с западными консультантами, выработали систему мер, которые должны реанимировать народное хозяйство Польши:

— Первым делом следует изменить систему заработной платы и цен таким образом, чтобы они отражали рыночную действительность, реальное соотношение между спросом и предложением. При этом недопустимы никакие субсидии и иные формы государственного вмешательства. Обменный курс злогого должен быть приведен в соответствие с его реальной рыночной стоимостью.

— Следующий шаг — преобразование сельского хозяйства. Сейчас в Польше крестьяне-единоличники владеют землей, но государство по-прежнему рационазирует сельхозтехнику, семенной фонд и удобрения. Такое рационазирование следует отменить. Кроме того, польским фермерам необходимо повысить квалификацию: в условиях государственного планирования они привыкли собирать только один урожай в году, а могли бы и больше.

— Третий шаг: денационализация промышленности. Государственные предприятия должны быть проданы частным лицам или крупным инвеститорам. Государственное субсидирование нерентабельных предприятий, позволяющее искусственно удерживать цены на низком уровне, должно быть отменено. Во избежание монополизации тех или иных отраслей производства крупные государственные концерны, до передачи их в частные руки, следует разбить на более мелкие производственные единицы, способные конкурировать друг с другом.

— Четвертый и последний шаг: устранение нынешних ограничений на торговые сделки, на рекламу и т.д. Только после этого западные предприниматели сочтут возможным вкладывать капиталы в Польшу. Сейчас же, по их словам, этим занимаются только авантюристы.

По оценке министра финансов Л.Бальцеровича, Польша нуждается в иностранной помощи в объеме 10 миллиардов долларов —

при условии, что выплаты по старым долговым обязательствам (предположительно порядка 40 млрд долларов) будут заморожены. В настоящее время эксперты Международного Валютного фонда инспектируют польское народное хозяйство, чтобы на месте разобраться в его скрытых возможностях. В любом случае, первоначальная эйфория среди промышленников в связи с открытием польского рынка быстро сменилась трезвой, расчетливой осторожностью — исключение составляют лишь предприниматели польского происхождения, готовые идти на риск из патристических побуждений. Другие разделяют скептическое отношение к деловым качествам поляков, выразившееся в популярном афоризме: "Поляк готов умереть за Родину, но он не готов работать на нее". Главный экономист Мирового банка Фишер советует не обманываться насчет перспектив польского народного хозяйства, а представитель правления Немецкого банка Геррхаузен выразил убеждение, что руководить созданным при этом банке Институтом экономического обновления Польши должен кто угодно, но только не поляк.

По общему мнению, все описанные выше экономические реформы следует осуществлять одновременно и в комплексе. Пример континентального Китая показал, что частичные (по отдельным отраслям) реформы контрпродуктивны — вывод какой-то одной группы товаров из системы центрального планирования ведет лишь к резкому росту цен на них, общему дисбалансу и инфляции. Но шоковая терапия, получившая название "большого щелчка", неизбежно оборачивается для социально слабых групп населения большой оплеухой. Этой осенью в разряд нищих попали многие из тех, кто раньше кое-как сводили концы с концами. Средняя пенсия поляков составила в октябре 75 тысяч злотых. Это в тридцать раз больше, чем десять лет назад. Но и деньги теперь стоят в пятьдесят раз меньше: к примеру, 250 гр. масла после последнего подорожания стоят 4 тысячи злотых. Пытаясь облегчить положение неимущих, совсем недавно правительство ввело продовольственные карточки, которые должны спасти от регулярного недоедания примерно 4 миллиона поляков.

Всепольское соглашение профсоюзов, созданное ПОРП, когда та находилась в вла-

сти, было задумано как эрзац запрещенной в ту пору "Солидарности". Сегодня эпитет "казенные" к этим профсоюзам неприменим: отношения между ними и государственной властью самые натянутые. Но и пуповина, связывавшая ВСП с коммунистической партией, отсохла и отвалилась. ВСП стало в оппозицию к ПОРП, когда было принято решение начать с "Солидарностью" переговоры "за круглым столом". По мнению коммунистических профсоюзников, ПОРП пала жертвой правого уклона. Председатель ВСП Альфред Медович был выведен из состава партийного руководства. Бывшие "казенные" профсоюзы в сегодняшней Польше — единственные политические представители воинствующего коммунизма. Популистской демагогией и разжиганием примитивных социальных страстей им удается сохранять определенное влияние на беднейшие слои населения. Так, ВСП последовательно солидаризуется со всеми стихийными стачечными инициативами — его члены проявили небывалую активность в ходе октябрьских забастовок персонала больниц и акций протеста на угольных шахтах.

"Солидарность", напротив, переживает период некоторой растерянности, связанный с непривычным для нее статусом правящей силы. Шоковая терапия, прописанная Польше иностранными и отечественными экономистами, повергла в шоковое состояние многих активистов "Солидарности". В поисках приемлемого объяснения чудовищного роста цен они обнаруживают сомнительных виновников. Так, председатель независимого Союза журналистов Братковский в своем комментарии в "Газете Выборчей" назвал нынешний рост цен "делом рук бюрократов, испытывающих терпение народа, так как подобные цены никак не могут быть продиктованы свободным рынком". Но кто бы ни был виноват в крахе экономики страны, в глазах населения вина падает на правительство. Лех Валенса, чуткий к переменам настроений общественности, с горечью констатировал в сентябре: "Энтузиазм населения привел "Солидарность" к власти, но правительство погасило этот энтузиазм своими действиями. Теперь мне в пору опасаться, как бы недовольный люд не поджег мой дом". И Валенса, и другие, не входящие в правительство деятели "Солидарности", не скрывают своей тревоги. Гдань-

ский активист Богдан Борусевич прямо заявил: "Еще два подорожания — и взрыва народного негодования не избежать. Наше правительство может пасть еще до нового года. И его падение означало бы и наше поражение". Лидер парламентской фракции Гражданского Комитета "Солидарности" Бронислав Геремек добавляет: "В любой момент может произойти социальный взрыв, который сметет наш хрупкий демократический порядок".

Между правительством Тадеуша Мазовецкого и гданьской штаб-квартирой "Солидарности" никогда не было отношений прямой подчиненности. Как Мазовецкий и его министры, так и Валенса, и его команда делают лишь то, к чему их вынуждают обстоятельства и понимание долга. Сейчас обстоятельства скорее разъединяют их, и осторожная, но настойчивая критика правительства со стороны Валенсы объясняется прежде всего желанием отмежеваться и сохранить добрую репутацию в глазах населения.

А ведь самое трудное у Мазовецкого впереди. Сам он прекрасно сознает, что взялся за невысказанное и неблагоприятное дело. "Я — верующий человек и черпаю в вере силу", — говорит он. Не удивительно, что свою первую зарубежную поездку новый польский премьер совершил не в Вашингтон и не в Москву, а в Ватикан.

Современная Польша живет совершенно особой жизнью, пытаясь усидеть сразу на нескольких стульях: она сохраняет "нерушимую верность" союзническим обязательствам в рамках Варшавского Договора, настойчиво и даже требовательно добивается западной помощи, подчеркивает своеобразие польского пути и черпает силу в вере.

Все как всегда. Все по-польски. ●

ГДР: ПАРАД ПОБЕЖДЕННЫХ

7 октября ГДР торжественно отметила 40-ю годовщину своего существования — формального превращения советской оккупационной зоны в "первое рабоче-крестьянское государство на германской земле". Отметим не без купеческого размаха, созвав дорогих гостей. И хотя все приметы традиционного гулянья были налицо: и медь фанфар, и демонстрация трудящихся, которую принимали примерно те же люди, что и

сорок лет назад, — праздник получился совсем не традиционный, а скорее сюрреалистический. Нечто среднее между "Пиром во время чумы" и "Последним днем Помпеи".

Дорогие гости съехались согласно пригласительным билетам, но вот хозяев не досчитались. За несколько недель до праздника, начиная с конца сентября, из восточногерманского рабоче-крестьянского государства бежали десятки тысяч его жителей. (Приводить точные цифры здесь было бы неразумно, так как ежедневно общее число беженцев увеличивается на сотни, а иногда и тысячи человек.) Бежали, оставив свои дома, нажитый скарб, родню и друзей...

Массовый исход начался в тот момент, когда колючая проволока на западной границе Венгрии была разрезана на 15-сантиметровые куски, которые теперь служат милым и недорогим сувениром. В образовавшиеся бреши хлынули потоки восточных немцев, оказавшихся под конец летних отпусков в самой Венгрии или в Чехословакии. Те же, кто не смог получить выездную визу для поездки в Венгрию, пытались счастье по-разному. Одни пересекали тогда еще слабо охранявшуюся "зеленую" границу ГДР с Польшей и при удаче оседали в здании западногерманского посольства в Варшаве. Другие переплывали Дунай, отделяющий в своем среднем течении Чехословакию от желанной Венгрии (не менее десятка человек заплатили жизнью за такую попытку). Третьи — сминали редкие кордоны чехословацких полицейских, выставленные вокруг Лобковицкого дворца в Праге, где размещается посольство ФРГ, чтобы влиться в тысячные толпы земляков, уже заполнивших до последнего квадратного метра внутренний двор и газоны посольства.

Объяснить феномен массового бегства граждан ГДР одним только психозом, временным помрачением умов невозможно. С другой стороны, средний восточный немец живет не хуже, если не лучше, своих соседей по Восточной Европе. Следовательно, податься в бега его толкает не безысходная нужда, а невыгодное сравнение восточногерманской действительности с картинами западногерманской жизни, доступными любому телезрителю в ГДР. Не голод, а тягостное предчувствие того, что история коммунизма на их родине сорока годами не исчерпана, заставляет людей бросать насыщенные ме-

ста. Бегут от безысходности и неверия в скорые перемены, предпочитают трудную, но богатую надеждами жизнь новичка на Западе. Только серьезная общественная реформа способна, по общему мнению, дать восточному немцу надежду и чувство сопричастности к делам в своем доме.

Общезвестно крайне недружеское отношение руководителей СЕПГ к перестройке, к пересмотру самых замшелых коммунистических догм. Виднейшему идеологу СЕПГ Курту Хагеру принадлежит ставшее крылатым сравнение перестройки с "обоями, которые нет необходимости менять только потому, что это делает сосед". Самое откровенное, недвусмысленно агрессивное отношение к реформе высказала Маргот Хонеккер, жена бывшего генсека и, по совместительству, министр народного образования ГДР. В своем докладе на 9-м съезде восточногерманских педагогов, перепечатанном на шести полосах газетой "Neues Deutschland", Маргот Хонеккер дала такое толкование политическому развитию в Восточной Европе: "За демагогической болтовней о плюрализме и гуманном социализме скрывается возврат к буржуазным идеалам и ценностям. За программой плюрализма скрываются контрреволюционеры, которые, прикрываясь лозунгами о прогрессе, мечтают о социальном рванше. В этих условиях первейшая задача восточногерманских педагогов — воспитывать молодежь в таком духе, чтобы она была готова защищать социализм словом и делом, а если понадобится, то и с оружием в руках".

Идеологическая причина непригодности руководства ГДР к фронтальной реформе связана с характером восточногерманской государственности. ГДР — образование не национально-территориальное, а классовое. Одно время, правда, Хонеккер утверждал, что в ГДР сложилась новая национальная общность, отличная от общегерманской, но для новой нации и ее языка так и не нашли адекватного обозначения, и оригинальный тезис генсека не получил дальнейшей теоретической разработки. Для ГДР осталось, как было вначале, только классовое обоснование — как государства рабочих и крестьян. При классовом подходе совершенно неважным оказывается то обстоятельство, что Эрих Хонеккер происходит из земли Саарланд, что на крайнем западе ФРГ, а,

скажем, министр иностранных дел Западной Германии Геншер — из Лейпцига, что ныне в ГДР. Пока классовая борьба, непременно обостряясь, остается двигателем и смыслом истории человечества, искусственный мир основателей ГДР сохраняет свою цельность и свой "резон д'этр". Но он немедленно теряет внутренний смысл, как только классовая борьба упраздняется, а ее место занимают общечеловеческие ценности, в том числе и национальные. Говоря проще, перестройка ставит вопрос: в каком качестве присутствует на наших картах ГДР? Ведь она не совпадает по территории даже с отдельными княжествами добисмарковской Германии. Вот почему Хонеккер и его СЕПГ не могли принять перестройку.

Приходится ли удивляться, что жителей ГДР, интуитивно чувствующих, что руководство страны упорно не желает искать выход из исторического тупика, охватывает непреодолимое желание уйти, бросив все и вся. Пока они уходили десятками, сотнями, даже тысячами, это не создавало особых неудобств для восточногерманских властей. Скорее наоборот: отловленных на границе можно было не без выгоды продавать ФРГ. Но когда в бегство обратились десятки тысяч и стало ясно, что страну покидает целое поколение 20-летних, исход вырос в политическую проблему, требующую решения. Тем более, что она начинала вызывать в рядах СЕПГ если не брожение, то во всяком случае некоторое волнение. Первым еще в середине сентября подал голос человек, давно ставший легендой. Маркус Вольф, которого иначе, чем Мишей Вольфом не называют, был создателем и душой восточногерманской разведки. Даже выйдя на пенсию, он сохранил в стране громкое имя и партийные связи. Как всякий гебист, лучше функционеров чувствующий настроения населения, Миша Вольф в интервью западногерманской прессе высказал еретическую мысль о том, что перед лицом массовой утечки человеческого материала откладывать реформы в ГДР долее невозможно. Миша Вольф скорее всего высказал мнение, общее для какой-то части партийных функционеров среднего звена. Между прочим, в ФРГ в эти напряженные недели побывал один-единственный видный представитель СЕПГ — первый секретарь Дрезденской партийной организации Ганс Модров. На пресс-конференции

в Штутгарте Модров заявил, что в целом разделяет взгляды "своего друга Миши Вольфа", хотя и обставил свою реформаторскую позицию множеством оговорок. Стилистически отмежевываясь от жесткой линии Хонеккера, Ганс Модров сразу же завоевал на Западе репутацию прогрессиста, и многие даже разглядели в его фигуре потенциального преемника Хонеккера.

Такой поворот отнюдь не исключен. На последнем пленуме ЦК СЕПГ Ганс Модров избран в состав Политбюро и рекомендован на пост председателя Совета Министров ГДР.

И все же уехать из страны могут и хотят отнюдь не все. Остающихся экстремальная ситуация обычно подвигает на решительные действия. Политическая активность населения в начале этой осени нарастала с чисто немецким упорством и неуступностью. Если раньше сопротивление режиму проявлялось главным образом в кругах влиятельной в стране Евангелистской церкви и ее активистов-мирян, да еще иногда писателями из восточногерманского ПЕН-клуба, то теперь оно явно охватывает все новые социальные слои, в частности техническую и творческую интеллигенцию. В течение сентября сформировались и обратились к общественности по меньшей мере четыре новых движения: "Новый форум", "Демократия сейчас", "Демократическое пробуждение" и "Второй список". Среди 2 тысяч подписавших программный документ "Нового форума" — бывшие и нынешние члены СЕПГ. Среди составителей этого документа — художница Бербель Болей, известный критик режима и автор книги "Патерналистское государство" Рольф Генрих, Катя Хавеман — вдова знаменитого философа-диссидента Роберта Хавемана, микробиолог Йенс Райх. Приведем и несколько имен из числа учредителей движения "Демократия сейчас": физик Ганс-Юрген Фишбек, писатель Райнер Флюгге, кинорежиссер Конрад Вайсс, правозащитница Ульрике Поппе. Одним словом, активизируются люди, которые в свою очередь способны своим авторитетом оказать влияние на широкий круг друзей и читателей. Все без исключения новые группировки первым делом прокламировали свою преданность идеалам социализма (правда, в его расширительном толковании) и Конституции ГДР, что, впрочем, не помешало властям отказать им в регистрации и даже

пригрозить судебным преследованием по обвинению в антигосударственной деятельности.

Еще недавно практиковать митинговую демократию в ГДР решался только тот, кому терять было нечего, поэтому обычным девизом таких демонстраций было требование: "Дайте нам уйти!" Теперь, когда желающие уйти уходят, а не демонстрируют, в толпе все громче и слаженней звучит: "Мы остаемся здесь!".

Под аккомпанемент этих звуков, не заглушенных звуками фанфар и грохотом парадных танков, и проходил визит в ГДР Михаила Горбачева. У советского президента особое счастье: сам того не желая, он выступает в роли ликвидатора тоталитарных режимов. Приглашенный Хонеккером порадоваться устойчивости руководства ГДР, Горбачев оказался если не могильщиком, то во всяком случае участником тризны. Слабый после болезни восточногерманский генсек протягивал ему для братского поцелуя свои дрожащие губы, а из берлинской толпы доносились выкрики: "Горби, помоги!". О чем беседовал Горбачев с членами Политбюро СЕПГ, одному Богу известно, но, переговорив по душам, он бросил репортерам загадочную в тот момент фразу: "Того, кто не прислушивается к требованиям действительности, сама жизнь и наказывает". Смысл предсказания раскрылся через десять дней.

За эти дни жители Восточной Германии окончательно потеряли всякий страх. Демонстрации, каждый раз возникающие после еженедельных богослужений за мир в лейпцигском храме Св.Николая, стали собирать по сто тысяч человек. Меньше многолюдные, но все же достаточно представительные демонстрации прокатились по всем крупным городам ГДР. Чужа приближение освежающей грозы, в неожиданно радикальных тонах заговорили малые партии ГДР, ранее во всем послушные коммунистам: Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая партия Германии и другие. Популярные певцы включили в свои репертуары песни протеста, критикующие партийное руководство. Идея отставки Хонеккера носилась в воздухе. Это случилось 18 октября — Эрих Хонеккер просто исчез из политической жизни ГДР, словно его и не было. На его месте возник Эгон Кренц, им же возвращенный и намеченный в преемники.

Беженцы из ГДР перелезают через стену посольства ФРГ в Праге

Бывший комсомольский вождь, аппаратчик с младых ногтей, Эгон Кренц, несмотря на свой еще нежный по меркам гдзэровского руководства возраст (ему 52 года), уже заслужил репутацию свирепого догматика. В другие времена он сделал бы честь своей репутации, но ему суждено зарабатывать на хлеб совсем не тем, к чему он готовил себя всю жизнь: ему суждено стать реформатором. За считанные дни восточногерманское общество преобразилось до неузнаваемости, на бегу формируя демократические институты, и Эгон Кренц, подталкиваемый в спину народом, ведет его "от победы к победе". Он еще успел, по примеру предшественников, сосредоточить в своих руках не только партийную, но и государственную власть, но против его назначения председателем Государственного Совета уже голосовало два десятка парламентариев, вчера еще бессловесных. И это еще цветочки, еще только первая волна реформы, которая безусловно будет иметь и свой девятый вал. Эгон Кренц разрешает то, что все равно не в силах запретить. От него еще зависит многое, но уже далеко не все. Свежеиспеченному руководителю ГДР впору присматривать себе преемника. ●

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

ПАНАМА: США ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА НОРЬЕГИ

3 октября в Панаме произошел неудачный военный переворот. Около 8 часов утра колонна джипов и военных грузовиков с ревом пронеслась по главной улице Панама-Сити. Машины остановились у здания штаба Панамских вооруженных сил. Выскочившие из грузовиков солдаты открыли огонь и ворвались внутрь здания. Стрельба продолжалась примерно полтора часа, после чего нападавшие захватили всех офицеров штаба (Командасию) и самого панамского диктатора генерала Мануэля Антонио Норьега. В 11 часов 30 минут руководители мятежа заявили по национальному радио, что диктатор низложен, власть переходит в руки восставших.

Но это заявление оказалось преждевременным. Вскоре опять послышалась стрельба, на этот раз перемежаемая взрывами. Среди горожан разнесся слух, что воинские части, оставшиеся верными Норьеге, спешат к нему на выручку. Второй раунд сражения продолжался до двух часов дня, когда последние из мятежников были окружены и сдались на милость победителей. Всего, по официальным данным, погибло десять человек. Ранено восемнадцать солдат Норьеги и пятеро гражданских лиц.

Так закончился Панамский переворот — один из самых коротких в истории. Панамские власти возлагают вину за случившееся на своих северных соседей — американцев. Обоснованы ли эти обвинения? Похоже, что на сей раз Вашингтон действительно был замешан, хотя, по отзывам специалистов, в Белом доме не уверены: к лучшему или к худшему то, что произошло.

Антонио Норьегу считают чуть ли не главным возмутителем спокойствия в Центральной Америке. На протяжении двух последних лет правительство США не раз пыталось воодушевить панамских военных (ибо только армия там является реальной силой) свергнуть диктатора. Против самого же

Норьегу судебными органами США выдвинуто обвинение в нелегальной торговле наркотиками. Поскольку всякому ясно, что добровольно генерал Норьега на суд не явится (как и подпольные кокаиновые короли Колумбии), то единственный способ доставить его туда — в качестве пленника. Но чей он в таком случае будет пленник, да и захотели бы сами панамцы, даже после успешного переворота, выдать Америке своего недавнего лидера? В Вашингтоне уже начались обычные дебаты: должны были — или могли — американцы сделать больше, чем сделали, чтобы помочь восставшим? Не упустили ли они шанс покончить с Норьегой? Разумеется, Америка в данном случае могла действовать энергичней — если она действовала вообще. Однако Белый дом до сих пор, видимо, больше всего пугают упреки во вмешательстве в чужие дела. Особенно, если такое вмешательство не дает желаемого результата. На запросы в Конгрессе относительно панамского мятежа Буш ответил, что было бы безответственно вовлекать США в сомнительный заговор, исход которого неясен, и тем самым "раздражать всю Латинскую Америку".

Такой неопределенный ответ не удовлетворил конгрессменов, которые атакуют нынешнюю администрацию со всех сторон. На сей раз, похоже, у них есть основания: Буш хотел "сохранить лицо", не рискуя вмешаться в панамские события, которые, очевидно, для Белого дома явились сюрпризом. Но ведь ничем не рискуя, ничего нельзя и выиграть!

Еще хуже то, что администрация сама не знает твердо, чего она хочет. А в этом случае ее легко уличить в любых грехах.

И генерал Норьега поспешил сделать это уже через два часа после того, как попытка переворота провалилась. Выступая по панамскому телевидению, он предложил такую версию событий: "То, что произошло, — следствие продолжающейся агрессии, проникновения в страну враждебных нам сил США!" Чтобы не быть голословным, генерал и его приближенные сослались на то, что американские вертолеты кружили над городом во время утренней схватки. К тому же, в зоне канала было сосредоточено большое количество американских войск. И все это чистая правда.

Вашингтон возразил на это (а в данном случае возражать — значит оправдываться), что ограниченные маневры американских войск были предприняты лишь с целью охраны мирного населения, главным образом, американцев, живущих в зоне Панамского канала. "Возникли слухи, — заявил президент Буш, — что попытка переворота в Панаме — американская акция. Я могу заверить всех, что это не так..." Трудно сказать, чего больше было в его голосе — гордости или сожаления. Два дня спустя после попытки переворота некоторые высшие чины администрации США признали, что действовали по просьбе мятежников. В данном случае лучше сказать — бездействовали.

Как водится, в Конгрессе еще несколько дней шли оживленные словопрения по панамскому вопросу. Конгрессмены-республиканцы старались избежать щекотливого вопроса: известно ли было им заранее о заговоре против Норьегу? В конце концов было решено назначить специальную комиссию по расследованию действий администрации.

Что же удалось выяснить этой комиссии?

Руководителем заговора против Норьегу как будто был майор Гирольди Вера, который играл ключевую роль в подавлении мятежа весной 1988 г. Майор Вера якобы одновременно сообщил американским официальным лицам в Панаме, что армейские круги готовят восстание. Но позиция самого Гирольди Вера оставалась неясной. Может быть, поэтому американцы и не поверили ему до конца. "Это негодяй, мини-Норьега, — так выразился о майоре Гирольди представитель Пентагона. — ...Мы можем попасть в капкан, если будем его слушать!". Решения же самого Пентагона были половинчатыми и неопределенными.

Так, когда одному из руководителей Пентагона генералу Пауэллу сообщили, что мятежные войска атаковали штаб-квартиру Норьегу, он спросил: "Где Норьега?" На этот вопрос последовало множество самых разных ответов, которые вместо того, чтобы прояснить ситуацию, еще больше ее запутали.

По одним сообщениям, Норьега был убит, по другим — бежал, по третьим — взят в плен. Примерно в 11.45 вечера того же дня два лейтенанта из числа восставших появи-

лись у ворот базы военно-морских сил США в Панаме и заявили, что Норьега находится у них в руках. Когда офицерам сообщили, что Америка готова освободить их от этого бремени (то есть от пленного диктатора), они отказались его выдать. Как вспоминал позднее министр обороны США Ричард Чейни, мятежники "вовсе не собирались передавать нам Норьегу". Остается неясным, зачем они вообще приходили. Возможно, их просто неправильно поняли. Как бы то ни было, вскоре сам Норьега уже выступал с речью по телевидению. Трудно сказать также, почему Норьегу не убили сразу же вместо того, чтобы держать его, как утверждают, несколько часов под дулами автоматов, а потом дать ему спокойно уйти. Сам Норьега в интервью испанскому телевидению сказал, что он был безоружен. Ходит слух, что диктатор вовсе не был арестован мятежниками, а скрывался в своей канцелярии.

Неудачу панамского переворота большинство обозревателей склонны объяснять нечеткостью его целей и неподготовленностью командования. Хотя в заговор против Норьеги было вовлечено немало высших военных, атакующую группу возглавляли офицеры среднего ранга, не имевшие ни необходимого опыта, ни политических целей. В единственном коммюнике, выпущенном восставшими, о политике вообще не говорилось ни слова. "Это чисто военная акция, без всякой политики". Позднее один из мятежников добавил, что у них не было ни политической программы, ни связи с гражданским населением, ни четкого плана действий.

Итак, ясно, что произошла всего лишь очередная попытка военного переворота, вызванная желанием офицеров сместить неудобного им генерала. Но если так, стоило ли Вашингтону вмешиваться? Все дело, однако, в том, что "аполитичных" переворотов не бывает, тем более в латиноамериканских странах, где все политические лидеры — или полковники, или генералы. И любой конфликт в этих странах всегда чреват угрозами по адресу "янки". "Янки, оставайтесь дома!" — вот дежурный лозунг любого латиноамериканского правительства, от Колумбии до Никарагуа. Дело даже не в том, что режимы этих правительств проком-

Генерал Норьега после провала военного мятежа

мунистические. Они, скорее, чересчур националистические. По словам одного из помощников Буша, "США всегда недооценивали националистические инстинкты лидеров и населения Латинской Америки".

В тот же вторник, когда начался панамский мятеж, Буш принял у себя президента Мексики Карлоса де Кортари и советского министра обороны генерала Язова. Это, несомненно, побудило его проявить еще большую осторожность. Если Америка жизненно заинтересована в контроле над зоной Панамского канала, то не меньше заинтересован в панамских делах и СССР — как раз потому, что Панама расположена так близко к Америке. Тут сталкиваются интересы многих государств. Что же касается Норьеги, то он, безусловно, одиозная фигура для Соединенных Штатов. Однако он может продержаться у власти еще неопределенное время. США предпочитают выжидать. Один из лидеров панамской оппозиции Ариас Кальдерон сравнил недавно США с собакой, которая лает, но не кусается. Неизвестно, правда, окажется ли сам Кальдерон лучше Норьеги, если сядет на его место...

Конфронтация между Панамой и Вашингтоном может привести к тому, что вновь возникнет спор о Панамском канале, который сейчас и вплоть до 1999 года контролирует эта латиноамериканская страна. Контроль над каналом дает ей немалые экономические и прочие выгоды. Однако решением специальной комиссии права владения могут быть пересмотрены. Многие панамцы надеются, что режим Норьеги падет раньше. ●

ВНИЗ

ПО ЛЕСТНИЦЕ,

ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Всякая экономика загадочна, советская экономика загадочна вдвойне. Едва ли нужно доказывать, что экономика была и отправным пунктом, и конечной целью реформ Горбачева. Одни из этих реформ – расширение самостоятельности предприятий, допущение индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности – были прямо направлены на изменение существующего хозяйственного механизма. Другие (гласность, новый порядок выборов, усиление власти Советов) преследовали ту же цель косвенно. Предполагалось, что все это приведет к активизации "человеческого фактора": вернет людям такие качества, как инициатива, деловитость, изобретательность, без которых самая совершенная экономическая система не может работать эффективно.

Мы понимаем, что эти реформы (особенно – экономические) были ограничены, половинчаты, непоследовательны. Поэтому естественным результатом подобных мер следовало бы считать сравнительно небольшие перемены к лучшему или даже сохранение прежней ситуации. Однако произошло нечто иное: положение (и раньше достаточно плохое) существенно ухудшилось – страна оказалась на грани катастрофы.

Этот эффект уже сам по себе представляется неожиданным. Но самое странное в том, что такое развитие событий никого, кажется, не удивило: ни широкую публику, ни специалистов, ни самого Горбачева. Во всяком случае я до сих пор не встречал в советской печати попыток сколько-нибудь логичного объяснить, почему разумные (пусть слабые, половинчатые, непоследовательные) меры привели к результатам, прямо противоположным тем, что ожидалось. Утверждения типа "турик оказался глубже, чем ожидали" ничего не объясняют. Как раз в тяжелой экономической ситуации самые скромные, но разумные меры дают быстрый и ощутимый эффект. Столь же неубедительны попытки винить во всем перестройку. Систему, существовавшую раньше, потому и пришлось перестраивать, что она была ужасающе неэффективна. Это сейчас, на фоне пустых полок магазинов, стали вздыхать о полупустых полках эпохи сталинизма или застоя. Но полными эти полки не были никогда – по крайней мере со времен нэпа. С тех пор положение, если оценивать его суммарно, постоянно ухудшалось: короткие (и все сокращающиеся) всплески "изобилия" общей тенденции не меняли.

Похоже, что и нынешнее руководство, и специалисты, и публика воспринимают советскую экономику, как некое чудовище, как "черный ящик" особого рода, от которого – что ни вложи в него на входе – на выходе можно ждать только одного: очередной пакости, очередного витка спирали, ведущей вниз. Чему же тут удивляться...

Боюсь, что это неосознанное ощущение достаточно точно соответствует реальности. И все равно в этом следует разобраться детальнее, ибо последствия, к которым привела перестройка, помогают понять загадочный механизм советской экономики.

1

**КРИТЕРИИ.
ОТСРОЧЕННОЕ БАНКРОТСТВО.**

Любой анализ нынешнего состояния советской экономики требует учета факторов двоякого рода. Во-первых, факторов постоянно действующих – тех принципов,

которые были заложены в систему изначально или сформировались на прежних этапах ее развития. Во-вторых, факторов, возникших в последний период в процессе внедрения в уже сложившийся (и по-своему цельный) организм элементов иной экономической природы. При этом, однако, следует иметь в виду, что постоянство факторов первого рода вовсе не надо понимать так, будто они всегда воздействуют на систему одинаково. Ведь и сама система, и внешние (по отношению к ней) обстоятельства с течением времени меняются. Так что тот или иной фактор, не оказывавший вначале особого влияния, может обрести затем решающее значение.

Начнем с самого начала. Ясно, что основной, характеристический элемент советской экономики – общественная (государственная) собственность на орудия и средства производства. Принцип, выраженный в довольно абстрактном лозунге 1917-го “Заводы и фабрики – рабочим!”, уже в следующем году обрел реальные очертания. Заводы и фабрики не были переданы рабочим, они были *национализированы*. И земля не стала собственностью обрабатывающих ее крестьян, она была лишь передана им хозяином-государством “в вечное и безвозмездное пользование”.

В этих первых шагах новой власти можно усмотреть некоторое отступление от марксизма. Согласно классической (хотя и туманной) схеме, коллективным собственником орудий и средств труда вроде бы должны были стать непосредственные производители материальных благ – то есть те, кто имеет дело с этими орудиями и средствами. Однако к 1917 году идиллические проекты мелких общин и коммун ушли в прошлое. В России двадцатого века – при всей ее относительной отсталости – давно сформировалась крупная промышленность: заводы, фабрики, шахты, электростанции, на которых работали тысячи людей. Попытки передать в управление этим многотысячным коллективам предприятия, на которых они были заняты, кончились провалом. Ни знаний, ни навыков, ни особого интереса к самому *процессу деятельности* у новых хозяев не было. Производство расстраивалось, предприятия закрывались, рабочие бросали “свои” заводы и фабрики и уезжали в деревню. Пришлось создавать особый аппарат управления: локальный (для каждого предприятия) и общий – для руководства всей совокупностью орудий и средств труда, ставших теперь собственностью государства.

Опыта управления такой громадой не было нигде в мире. Но, что еще важнее, новая система оказалась лишенной *ориентиров, критериев управления*. Частное хозяйство ориентировано на получение прибыли и действует в соответствии с критериями свободного рынка: конкуренцией, колебаниями спроса и предложения, игрой цен. Очевидно, что в условиях единой государственной собственности все эти ориентиры и критерии потеряли смысл. Что же пришло им на смену?

Официально – общее благо народа, тот высший закон “все более полного удовлетворения непрерывно растущих потребностей народа”, который позднее избрал Сталин. Однако на практике дело обстояло куда проще. Новые критерии диктовались экономике новым *владельцем собственности*, государством. А точнее, тем классом, который, едва дорвавшись до власти, стал олицетворять себя с государством.

Нас уверяют, что основное достоинство этого класса в том, что его представители – в отличие от капиталистов – не являются собственниками и выступают всего лишь в роли приказчиков государства. Однако уже древние римляне знали, что право собственности включает три элемента: владение, пользование и распоряжение.

Какой из этих элементов важнее? А вот это как раз и зависит от системы. При капитализме решающую роль играет право *пользования* – оно позволяет извлекать из вещи ее полезные свойства. Иначе говоря, получать прибыль, удовлетворяя *потребности* общества. При социализме – право *распоряжения*, поскольку право распоряжаться и есть *материализация власти*.

В этом, казалось бы, частном моменте и следует искать истоки принципиального различия двух систем. Тот, для кого главное — пользование (не так уж важно, является ли он собственником вещи или только ее арендатором), стремится извлечь из нее максимальный полезный эффект. А значит, использовать ее наиболее рационально: для производства действительно *нужных* потребителю товаров при *наименьших* затратах времени, труда и средств. Напротив, тот, для кого главное — распоряжение, стремится прежде всего к утверждению своих распорядительных функций, к тому, чтобы любое его приказание неукоснительно исполнялось. Используется ли при этом вещь, которой он распоряжается, наилучшим образом — вопрос для него *второстепенный*, ибо собственное его благополучие от этого не *зависит*: и прибыль, и убытки относятся на счет собственника, государства.

Систему, построенную на этом фундаменте, сейчас называют командно-административной и связывают с ней такие пороки советской экономики, как расточительность, неэффективность, неспособность к восприятию новых научных идей и новой техники. При этом стремятся создать впечатление, будто Сталин создал эту систему произвольно, *вопреки* неким "принципам социализма".

В действительности систему никто не создавал, у нее вообще нет автора. Она формировалась сама собой, постепенно. Действуя методом проб и ошибок, власти нащупывали те формы хозяйствования, которые позволили бы как-то функционировать этому противоестественному экономическому чуду. Получилось нечто вроде Пизанской башни — конструкция, обреченная на падение, но способная какое-то время выстоять. В данном случае — за счет нещадной эксплуатации населения, богатейших запасов полезных ископаемых, разрушения самой сферы обитания.

Эволюция системы чрезвычайно наглядна. Отступление к нэпу вынудило власти ввести какие-то элементы нормальных экономических отношений. Так, государственным предприятиям ("гострестам") надлежало отныне действовать на началах коммерции. Однако параллельно существовал и непрерывно расширялся аппарат централизованного управления, живший по иным законам. Шло перетягивание каната: власти принуждали гостресты руководствоваться не естественными коммерческими, а "высшими" государственными интересами. В результате возникли парадоксальные "ножницы": "передовая" промышленность не могла соперничать с отсталыми (без вывечек) мелким крестьянским хозяйством!

Идея Великого перелома в том и состояла, чтобы ликвидировать этот разрыв, эти *убийственные* для социализма ножницы. Вся экономика должна была работать в том особом режиме, который диктовался единой государственной собственностью и был ей адекватен.

С экономической точки зрения все тут абсурдно. Коллективизация как переход к системе хозяйствования *еще менее продуктивной*, чем мелкое крестьянское. Индустриализация как строительство множества *изначально неэффективных предприятий* огромных, тяжеловесных, работающих в экстенсивном режиме, не способных ни к конкуренции, ни к самосовершенствованию. Абсурдной была и идея планирования — попытка заставить хозяйство великой страны жить по общим правилам, раз навсегда установленным в центре.

Любой капиталист (или группа капиталистов), решившийся осуществить эти безумные идеи, обанкротился бы в считанные месяцы. Та же участь ожидала государство, просто сроки ему были отпущены другие. Отсутствие конкурентов на рынке труда и карательная машина позволяли ему выжимать из работников прибавочную стоимость, которая и не снилась капиталистам; отсутствие конкуренции на рынке товаров — выпускать продукцию все более низкого качества; отсутствие законодательных ограничений — транжирить колоссальные ресурсы страны и саму природу.

Не так уж трудно было предвидеть итог этой многомудрой деятельности. Все имеет предел: и готовность людей работать на износ, и "ресурс" снижения

качества, и запасы полезных ископаемых. Иными словами, страну ожидало одно – *отсроченное банкротство*. Понимали ли это Сталин и его преемники? Вряд ли. Во-первых, потому, что люди вообще склонны видеть не дальние, а ближние результаты своих действий (“У нас не было авиационной промышленности, теперь она у нас есть”, “У нас не было...”). Во-вторых, потому, что они рассчитывали распространить этот порядок вещей на *всю землю*, сделать его всеобщим, единственно существующим, а следовательно, вечным. Грешно так говорить, но, может быть, только атомное оружие и помешало человечеству вступить в эру светлого коммунистического будущего. Собственно с этого момента (изобретения атомного оружия) неизбежность банкротства обозначилась вполне отчетливо. Теперь это был всего лишь *вопрос времени*.

2

БАРОМЕТР ПОКАЗЫВАЕТ “ЯСНО”. КАРУСЕЛЬ.

Конечно, в тот период не все понимали, что речь идет не о частных недостатках, а о коренных пороках системы. В это действительно было трудно поверить. Страна стремительно догоняла Америку по добыче угля и нефти, по выплавке чугуна и стали, по производству цемента, тракторов, минеральных удобрений, танков, атомных бомб. Стоимость основных средств производства измерялась в триллионах. В строй вступали все новые предприятия: заводы, фабрики, железные дороги, оросительные каналы, электростанции...

И все-таки ощущение неблагоприятия висело в воздухе. Что-то в этом огромном механизме не ладилось, чего-то такого ему не хватало. Каждый из преемников Сталина пытался бороться с этим *нечто* на свой лад. Хрущев – призывами воскресить энтузиазм первых пятилеток, заменой министерств совнархозами, внедрением кукурузы; Брежнев – восстановлением прежних институтов, видимостью экономической реформы, курсом на то, чтобы ничего не менять.

Результат был один: цифры росли, экономика катилась вниз. Показатели, которые для того и существуют, чтобы показывать, перестали работать. Барометр в комнате показывал “ясно”, а на улице шел сплошной дождь...

И призывы Хрущева, и брежневская политика “ничего не менять” имели один источник – опыт славных тридцатых. Именно тогда, в эпоху Великого перелома, был заложен фундамент социалистической индустрии. Фундамент, который по совместительству выполнял еще одну функцию – *мины замедленного действия*. Как известно, взрыв такой мины не требует приложения внешней силы. Ее приводит в действие *время*.

Еще и сейчас можно слышать, что система образца 1918/30 года для той эпохи была эффективной. Это, разумеется, детский лепет. Подобная система не была эффективной *никогда*. Другое дело, что в тридцатые годы ее неэффективность проявлялась не так *отчетливо*, как в семидесятые и восьмидесятые. Это понятно. В ту пору советское руководство решало предельно простые, так сказать *механические* задачи: строить заводы, фабрики, электростанции. Оборудование для этих предприятий закупалось за границей (благо, в условиях кризиса стоило оно гроши), монтажом и освоением руководили западные инженеры. Во что обходились эти предприятия и были ли они рентабельны, никого не интересовало: труд бывших “кулаков” и заключенных был фантастически дешев, понятие конкурентоспособности вообще отсутствовало. Запасы полезных ископаемых, лежащих близко к поверхности, были велики; об экологии просто не слышали – огромных районов страны еще не коснулась рука человека. В этих *первобытных* условиях командно-административная система как-то функционировала. Все было до предела элементарно: план–сырье–рабочая сила–готовый объект–продукция...

Уже в середине века все изменилось. Сталь, чугун, уголь, а затем и нефть перестали быть основными индикаторами экономического состояния. Их место заняли новые материалы, компьютеры, электронные системы, информатика, биотехнология. Но, пожалуй, еще важнее (по крайней мере для нашего разговора) тот факт, что изменилась сама *экономическая атмосфера*. Современному предпринимателю приходится решать задачи величайшей сложности: не только удовлетворять потребности общества (действительно "непрерывно растущие"), но и создавать новые; иметь дело с хорошо оплачиваемым и социально защищенным (законом и профсоюзом) работником; платить высокие налоги; считаться с экологической обстановкой; и так далее, и тому подобное — и все это в обстановке непрерывно *ужесточающейся* конкуренции.

На подобном фоне советская экономическая система — даже если бы она сохранилась в первозданном виде — выглядела бы бесконечно архаичной. Однако с 30-х годов система еще и развивалась определенным образом. То есть, проще говоря, *деградировала*.

Процесс этот шел сразу в нескольких направлениях. Единая государственная собственность все больше дробилась, становясь *локальной* собственностью министерств и ведомств. Энтузиазм (подлинный или хотя бы напускной) сменялся откровенным *безразличием на всех уровнях* от рабочего до главы правительства. Планирование, имеющее дело уже не с десятками, а с тысячами предприятий, приобретало характер дурного *фарса*. Оборудование, оцениваемое триллионами, превращалось в груды хлама: допотопные машины, станки конца прошлого века и начала 30-х годов, плохой инструмент, врущие приборы, сырье и материалы, непригодные для работы. Редкие вкрапления современных (обычно тоже плохих) машин тонули в этом море. На один только ремонт этого колоссального производственного баласта приходилось тратить миллиарды рублей.

Все это напоминает флот адмирала Рождественского, который вступил в сражение с японцами под Цусимой. Флот этот был велик и тоже, наверное, стоил недешево. Были в нем и корабли, построенные с учетом последних достижений техники. Но для боя этот флот не годился: скорость его определяли тихоходные суда, дальность стрельбы — корабли с орудиями, использующими дымный порох.

Система изначально была *консервативна* ей не требовалось искать потребителя своей продукции, конкурировать, изобретать новые изделия, создавать у людей новые потребности. Если она и развивалась, то эволюционно — путем мелких и случайных изменений, вносимых в уже существующие машины и процессы. Неудивительно, что в СССР главной фигурой технического прогресса всегда был *рационализатор* — человек, предлагающий нечто такое, что не требует коренной ломки привычной техники и технологии.

Система, таким образом, с самого начала была запрограммирована на *отставание*. Но если в 30-е годы процесс отставания шел сравнительно медленно, то во второй половине века он резко ускорился: весь остальной мир вступил в эпоху научно-технической революции.

В статье "Лицензия", опубликованной в августовском номере "Правды", приводятся интересные цифры. Если Япония получает от продажи лицензий на изобретения, научно-технические разработки и оказания платных услуг (так называемый *engineering*) около 700 миллионов долларов в год, а США — свыше 8 миллиардов, то Советский Союз — 150–200 миллионов, причем преимущественно в *неконвертируемой* валюте. Автор другой статьи (в "Социалистической индустрии") с печалью констатирует, что едва ли не все крупные повороты в науке и технике мы проглядели. "Нас застала врасплох, — жалуется он, — микропроцессорная революция, взлет биотехнологии, вторжение композитов". Правда, объясняет он это "слабостью прогнозирования". Объяснение вызывает улыбку. Кто же не знает, что отечественное производство боится нового, как черт ладана. Достаточно сказать, что за семьдесят с лишним лет советская легкая и пищевая про-

мышленность не дали миру ни одного нового изделия, ни одного нового процесса, машины, технологии. Мы только брали, только копировали. Да и копировали плохо, брали медленно и неохотно, против собственной воли.

Еще одна причина падения — истощение природных ресурсов. И ресурсов полезных ископаемых (во всяком случае тех, что лежат на поверхности, легкодоступных), и ресурсов среды обитания. С поразительной, неведомой в мире быстротой страна мчалась к тому порогу, за которым каждая следующая тонна сырья дается ценой все больших вложений, а каждое новое предприятие грозит необратимыми изменениями природного комплекса и гибелью окружающего населения.

Все это говорится отчасти к тому, что на грань катастрофы страну привела не перестройка. Став монопольным собственником средств труда и построив адекватную этому порядку систему управления, государство сделало катастрофу неизбежной. Мина должна была взорваться. И она взорвалась. Если быть вполне точным, взрывы происходили регулярно, и каждый новый отбрасывал экономику на очередную, низшую, ступень.

Сравнение с капиталистической депрессией тут не подходит, ибо за депрессией обычно следует подъем. В СССР подъемов практически не было: лестница вела только вниз. Кстати, последний крупный спад (за которым, как обычно, не последовало подъема) относится к середине семидесятых годов. С этого момента экономика уже просто катилась вниз. Было ясно, что путь ведет в пропасть. Именно эта ситуация и привела к власти реформатора Горбачева с его программой перестройки.

Видимо, новый Генеральный секретарь знал положение в стране несколько лучше предшественников. Во всяком случае он понимал, что чистой косметикой тут не обойдешься: необходим комплекс мер — и экономических, и всяких других. Однако степень его "просвещенности" никак не следует преувеличивать. Все новаторские идеи Горбачева (в том числе для его круга смелые) укладывались в рамки системы. В этих рамках коллективизация была благом; невосприимчивость к научно-техническому прогрессу объяснялась недостатком внимания партии к этому важному вопросу; низкое качество товаров — слабостью контроля.

Нет, генсек был не против новшеств. Он готов был допустить и рынок, и экономические методы хозяйствования, и гласность, и выборы, и плюрализм мнений. Но в сочетании с неприменным эпитетом — *социалистический*. Не будем толочь воду в ступе, убеждая, что от соседства с этим прилагательным любое существительное обретает иной (чаще всего — противоположный) смысл. Ограничимся областью, о которой идет речь, — экономикой.

Говорят, что социализм вполне совместим с такими атрибутами товарного хозяйства, как свободный рынок, конкуренция, игра цен. Допускаю, что это правильно — пример тому Швеция. Но советская модель социализма отличается от шведской не меньше, чем первобытный коммунизм Маркса и Энгельса от его реального собрата. В стране, где орудия и средства производства являются монопольной собственностью государства (а то, что ему еще не принадлежит, может быть в любой момент объявлено "всемирным достоянием"), все основные понятия деформируются. Свободный рынок? Да. Но под неусыпным контролем государства. Экономические методы управления? Разумеется. Но при сохранении централизованного планирования. Конкуренция? Само собой. Но в разумных пределах, диктуемых высшими интересами социалистического государства и народа, идеалами социальной справедливости. Разговор, понятно, не о частностях, не о том, сохранять ли министерства и ведомства — большинство из них Горбачев готов ликвидировать. Суть в другом: готово ли государство отказаться от своей роли производителя и распределителя всех благ, уступив эти функции рынку.

Судя по всему, нет, не готово. То есть, пожалуй, оно согласно допустить некое подобие товарных отношений на отведенной для них площадке — скажем, на уровне цеха. Однако при условии, что на высшем уровне эти отношения будут

регулироваться государством. В этом, собственно, и состоит смысл *второго нэпа*, новой экономической политики Горбачева.

Теперь уже очевидно: попытка дважды войти в воды одной реки не удалась. И потому, что сама попытка была поразительно робкой (за семьдесят лет правящий класс слишком привык к власти, чтобы поступиться даже ее крупными), и потому, что очень уж изменилась сама река. Изменилось все: люди, орудия труда, наука, техника, экономическая и экологическая обстановка...

Легко было предсказать, что слабые, неуверенные, с бесконечными откатами назад *четвертьмеры* Горбачева не смогут остановить (или хотя бы затормозить) действие таких факторов, как деформация отношений собственности, старение оборудования, научно-технический регресс (не только относительный, но уже и абсолютный), истощение природных ресурсов, уничтожение сферы обитания. Но этого мало. К факторам длительного действия перестройка добавила новый. И настолько мощный, что его влияние страна ощутила уже на дистанции в четыре с половиной года.

Нынешний срыв объясняют ослаблением командно-административной системы — всей той совокупности планов, приказов, инструкций, которая регламентирует советскую экономическую жизнь. Но так ли уж ослаблена эта система? 17 августа в Московском горкоме КПСС состоялось представительное совещание, на котором его участники — секретари ЦК союзных республик, главы республиканских правительств, союзные министры — "доложили о принимаемых мерах по увеличению производства и поставок плодоовощной продукции и картофеля в г. Москву". Выступивший на совещании т. Лигачев объяснил присутствующим, что *лук и картошка* — это не просто продукты, но политика.

Во второй половине того же августа "Известия" посвятили свое Коммерческое обозрение не менее важной для партии и государства теме *оладушек*. Оказывается, Министерство торговли РСФСР по-прежнему регулирует деятельность арендованных у него (следовательно, вполне независимых) предприятий общественного питания. Недавно министерство решило, например, снизить цену порции оладьев с 28 до 23 копеек. Как видим, и ЦК КПСС, и скромное министерство торговли проявляют неусыпную заботу об отечественной экономике. Какое уж там ослабление командных методов...

Нет, не командная система ослабла, исчезла *мотивация*. Конечно, особых стимулов не было и раньше: чужая собственность, нищенская оплата, отвратительные условия труда. Выручала *инерция*, привычная вера в то, что так оно и должно быть, ведь у *них* еще хуже. Гласность многое расставила по своим местам. Выяснилось, что у *них* не только не хуже, но несравненно лучше. А главное, стало очевидно, что планово-командная карусель бессмысленна и бесперспективна и крутится она непонятно почему: то ли потому, что кто-то однажды ее запустил, то ли потому, что надо же т. Лигачеву чем-то *руководить*. Так почему бы ему не руководить сельским хозяйством...

Высокие начальники с серьезным видом жалуются: народ отвык, не хочет работать. Он и в самом деле больше *не хочет* работать *по-старому*, играть в навязанные ему нелепые игры. А работать *по-новому* он *не может*, ему *не дают*. Стоит ли арендовать предприятие или организовывать кооператив, если даже цену оладьев определяет за тебя министерство? Однако самое замечательное, что работать *по-старому* не хочет *никто* — в том числе и всемогущие министерства.

3

ГОВОРЯТ...
ПОЕЗД УХОДИТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ.

Еще недавно Генеральный секретарь ЦК торжественно объявил, что перестройка себя оправдала, благодаря ей удалось остановить сползание к кризису. Сейчас

слово "кризис" употребляется редко — за чрезмерной мягкостью. Говорят о *распаде* рынка, экономической *пропасти*, катастрофе, костлявой руке *товарного голода*. Василий Селюнин, первым решившийся предсказать наступление кризиса в середине 90-х годов, теперь выглядит розовым оптимистом. Кризис наступил много раньше и почти сразу перерос в экономическую катастрофу. Уже не только прилавки магазинов, но и сводки Комитета по статистике свидетельствуют, что конец лестницы близок — сводись последние ступеньки. Из июльского Сообщения Госкомстата видно, что единственный продукт, который производится ныне в избытке, — деньги. Мировой валютный рынок, прибор бесстрастный и точный, так оценивает ситуацию. В 1980 году за доллар давали 4 рубля, в 1984-м — 7–8, год назад — 10, в июле — 12, сейчас, в октябре, — 18–20. Что будет завтра?

Но как раз этого никто не знает. В советской печати можно встретить сейчас широчайшую гамму прогнозов-предложений: от неизбежности правого (например, военного) переворота до мысли узаконить все формы собственности, включая крупную капиталистическую. Последняя идея высказана в газете "Социалистическая индустрия" от 27 июня 1989 г. и принадлежит кандидату экономических наук А.Колганову.

С правым переворотом все просто. Таким способом можно сделать многое: покончить с гласностью и забастовками, ввести карточную систему, повысить цены, осуществить денежную реформу. Можно укрепить дисциплину, даже заставить работать. Скажем, рыть каналы (лучше всего — вручную), строить заводы и электростанции. Но *заставить* инженеров конструировать компьютеры пятого поколения или хотя бы принудить обувную фабрику выпускать хорошие туфли таким способом нельзя. А ведь проблема именно в этом: каналов, заводов и электростанций у нас и без того хватает.

Другая идея подобного рода (по видимости с обратным знаком) — *диктатура реформатора*. В беседе "Нужна "железная рука"?", опубликованной в "Литературной газете", два горячих сторонника перестройки Игорь Клямкин и Андриан Мигранян доказывают, что переход от нетоварного хозяйства к товарному возможен только в условиях сильной авторитарной власти. Следуют примеры: XVII век, XX век, Англия, Франция, Испания, Португалия, страны Латинской Америки...

В этом мелькании стран и эпох не остается места конкретному историческому анализу. Конечно, Наполеон и Кромвель были диктаторами. Но есть ли уверенность, что эти диктатуры были необходимы именно для того, чтобы обеспечить "переход от дотоварной экономики к товарной"? Конечно, кодекс Наполеона способствовал укреплению прав собственности и развитию гражданских правоотношений. Однако кодекс основан на Римском праве, а само это право возникло потому, что товарные отношения (причем достаточно разветвленные) сформировались уже в Древнем Риме. Интересно, кто же это из римских цезарей и диктаторов "железной рукой" насаждал товарную экономику?

Не совсем ясно и с современной Испанией. Кто здесь выступал в роли диктатора-реформатора: генерал Франко или король Карлос? Существует мнение, что огромные экономические достижения Испании последних лет связаны как раз с демократизацией режима. Разумеется, можно утверждать, что их подготовила диктатура Франко. Но тогда почему только *подготовила*, а не осуществила? И как быть со Швецией, Данией, Швейцарией, Бельгией и множеством других европейских стран, где трудно отыскать хоть самого завалящего диктатора на роль конструктора товарного хозяйства?

Впрочем, дело не в конкретных примерах. Дело в том, как *оценивать* товарное хозяйство: считать ли его *естественным* состоянием экономики или чем-то таким, что надо внедрять, навязывать обществу силой. Я думаю, что товарное хозяйство — это состояние, которое возникает естественным путем на определенной стадии развития производства. На той именно стадии, когда разделение труда и рост

его производительности делают необходимым обмен продуктами труда, *превращают изделие в товар*.

И напротив, чтобы это состояние не возникло, чтобы такого превращения не произошло, нужны искуственные меры, удерживающие хозяйство в дотоварном состоянии, нужна "железная рука". Собственно, вся история советской экономики и есть история борьбы государства с естественными тенденциями экономического развития. Гигантский рост второй (черной, теневой) экономики как раз и свидетельствует, как трудно даже самому мощному в мире аппарату подавления противостоять *нормальному* течению процесса.

И борьба эта отнюдь не закончена. Важно не то, кто из советских руководителей на словах признает необходимость товарного хозяйства, а кто — даже на словах — это отрицает. Важно, что на деле все они единодушно сопротивляются его появлению. Со стороны даже любопытно наблюдать за этой механикой. Стоит реформатору сделать вынужденный обстоятельствами шаг в сторону свободного рынка (индивидуальная трудовая деятельность, кооперативы, расширение самостоятельности предприятий, ослабление монополии внешней торговли), как за этим немедленно следует прыжок в обратном направлении.

Разумеется, эти пируэты можно объяснить нехваткой власти у реформатора. Но куда убедительнее иное объяснение: *ограниченность* самой программы реформ, нежелание отказать от системы хозяйствования, которая составляет антитезу свободному рынку. Оно и понятно. Ведь именно эта система образует фундамент нынешней пирамиды власти во главе с Генеральным секретарем. Смысл идеи Клямкина-Миграняна, очевидно, в том, что дополнительная власть нужна генсеку для того, чтобы... отказаться от власти. Теперь уже ясно, что все его усилия последних лет и были направлены именно на достижение этой благородной цели!

Конечно, в такой стране, как Советский Союз, где все *деформировано*, переход к товарному хозяйству вряд ли будет легким и плавным. Однако трудности пути не следует преувеличивать. Свойство товарного хозяйства в том и состоит, что система действует *автоматически*. Она сама формирует нужные ей структуры: подбирает и воспитывает инициативных людей, обеспечивает себя сырьем и материалами, находит нужное оборудование, определяет цены, регулирует сбыт. От государства требуется не так уж много. Во-первых, установить общие *правила игры*, торжественно осятив их силой закона. Во-вторых, ограничить собственное вмешательство в экономическую деятельность теми случаями, когда это действительно *необходимо*.

Сейчас уже все понимают, что эра слов кончилась. "Ждать уже поздно", — пишет в "Огоньке" Юрий Черниченко, "Теряем время...", — вторит ему в "Неделе" Николай Травкин. Но руководство не торопится, уступая лишь там, где не уступить нельзя. Под это вялое топтание подводится теоретическая база. Оказывается, во всем виноваты консерваторы (бюрократы), которые тормозят стремительный лёт перестройки, и экономисты — они никак не могут определить: одни предлагают брать иностранные займы, другие возражают; одни считают, что надо ограничить зарплату и цены, другие — против; одни... другие...

Между тем все это — частности, хотя и немаловажные. В главном, определяющем сколько-нибудь заметных расхождений нет. Все мало-мальски серьезные специалисты (и теоретики, и практики, и просто люди, разбирающиеся в экономике) согласны в том, что необходимы *кардинальные* перемены — прежде всего, переход к *разным формам собственности*. "Снять идеологические запреты на любые экономически целесообразные формы хозяйствования... или блюсти "идеологическую невинность" до последнего куса мыла — вопрос стоит, на наш взгляд, именно так", — пишет "Социалистическая индустрия".

Сказано четко. Смешно было бы на нынешней, *нулевой*, стадии перестройки определять, в каких отраслях промышленности следует сохранить монополию государства или каким процентом ограничить концентрацию капитала в акционерных

обществах. Такие вопросы не решаются умозрительно, ответы на них дает только жизнь. Понятно, что начинать перестройку надо не с Магнитогорского комбината и не с Братской ГЭС, а с крестьянского хозяйства, торговли, мелких промышленных предприятий, сферы бытового обслуживания.

Но реформа должна быть полной: частные, кооперативные, акционерные предприятия должны быть поставлены в те же экономические условия, что государственные. И наоборот: государственным заводам и фабрикам следует предоставить ту же степень независимости, которая естественным образом причитается частным. Вот тогда (и только тогда!) можно будет судить о том, кто чего стоит, какие предприятия имеют право на существование, а какие следует перестроить, модернизировать, передать в другие руки. И решать это должны не ЦК, министерства, ведомства, а потребитель. Тот самый, который *всегда прав*.

Все это сейчас вполне очевидно. Столь же очевидно, однако, другое: нынешние реформаторы не сделают на пути к свободному рынку ни одного *лишнего* шага, то есть шага, *не вынужденного* обстоятельствами. Обстоятельства эти известны: государственный долг — 312 миллиардов рублей, дефицит госбюджета — 120 миллиардов, пустые прилавки, галоп инфляции, забастовки... С учетом этих — *чрезвычайных* — условий и выработывались "новые подходы и параметры" Государственного плана на 1990 год.

Сразу бросается в глаза, что с изложением новой концепции выступил не глава партии и государства, а всего лишь председатель Госплана Ю.Маслюков. Почему? С одной стороны, в проекте плана есть моменты достаточно радикальные, чтобы вызвать раздражение той части руководства, которая считает, что реформаторы уже и без того зашли слишком далеко. С другой — план явно не содержит ничего существенно нового и потому не удовлетворяет "радикалов", а главное — не способен изменить ситуацию.

Чтобы получить представление о первом моменте, стоит самым внимательным образом перечитать статью "Ностальгия по застою?", помещенную (разумеется, *случайно*) в том самом номере "Правды" от 5 августа, где напечатано выступление Маслюкова. Перед нами заметки с партийного актива Запорожской области. Вот лишь несколько заявлений, прозвучавших с высокой партийной трибуны: "Надо изъять из лексикона термин "застойный период". "Мы потеряем скоро наш народ как самый смиренный". "Очень важно сейчас, чтобы рабочий класс, партия помогли Генсеку вернуть ранее присущее ему свойство реализма в оценке политических и социально-экономических процессов..." Ясно?

Для характеристики второго момента достаточно нескольких строчек из отчета о пресс-конференции с народными депутатами, представляющими экономическую науку: "Позиция ученых оказалась явно радикальнее той программы оздоровления народного хозяйства, которая предложена правительством Съезду, Верховному Совету СССР".

Так что же все-таки предлагает руководство? Перечислю несколько основных пунктов. Заметно (на 12%) увеличить производство товаров народного потребления. Ограничить рост доходов населения. Резко (на 30%) сократить капитальные вложения в производственную сферу и соответственно закупки импортного оборудования. Ускорить конверсию оборонных предприятий. Интенсифицировать процесс перехода на аренду, здоровые кооперативные формы хозяйствования, создание ассоциаций, концернов, консорциумов. Расширить региональный хозрасчет. Приступить к созданию социалистического рынка, не выпуская из рук централизованного управления все нити и рычаги управления народным хозяйством".

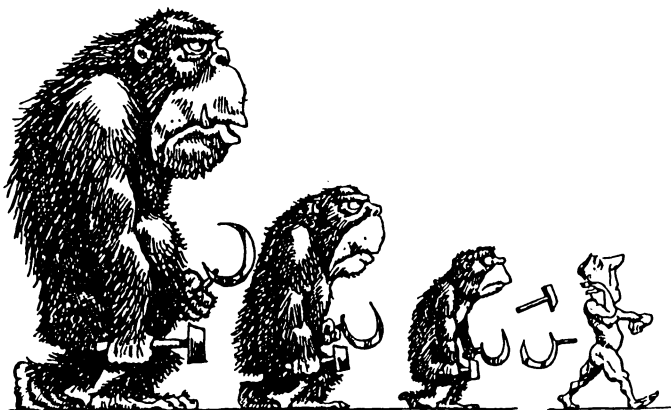
Нет нужды детально анализировать каждый из этих пунктов. И без того понятно, что *есть* в этой программе и чего в ней *нет*. *Есть* — стремление переориентировать экономику, сосредоточить усилия на решении наиболее острых социальных проблем. *Нет* — тех самых "новых подходов", которые провозглашены в преамбуле.

Поразительно, что нынешнее руководство, способное, казалось бы, слушать и понимать доводы специалистов, никак не может (а значит, *не хочет*) уразуметь главного. Основная беда не в том, что советская экономика неправильно *ориентирована*, а в конструкции самого экономического механизма, в его неспособности выполнять свои прямые функции.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать практические результаты новой программы. Производство потребительских товаров действительно возрастет, хотя и незначительно; зато существенно снизится их *качество* — и без того скандально низкое. Сократить капитальные вложения (почти на треть) не удастся, поскольку система изначально запрограммирована на *расширение*. Конверсия оборонных предприятий мало что дает, ибо достоинства (весьма относительные) этих предприятий основаны лишь на том, что они выпускают *военную* продукцию. Аренда, концерны и все прочее эффективно только в условиях *свободного рынка*. Иначе это всего лишь *мероприятие*, лишенное реальной экономической почвы. Что, например, означает изящный неологизм "здоровые кооперативные формы"? Очевидно, те немногие формы кооперативной деятельности, которые совместимы с командно-административной системой. Сказанное относится и к региональному хозрасчету. Ведь главная забота руководства — не выпустить из рук *все нити и рычаги управления*.

Единственное, в чем социалистическое государство могло бы преуспеть (это ему по профилю), — ограничение доходов населения. Однако по нынешним временам даже этот отработанный номер вряд ли удастся. Слишком низок общий уровень жизни, слишком слаба мотивация труда, слишком велико копившееся десятилетиями возмущение. Глупо верить, что бумажная плотина нового закона о налогообложении фонда зарплаты выдержит нарастающий напор забастовок...

Короче, перед нами очередная попытка удержать на плаву *корабль-решето* методом *латания дыр*. Не станем удивляться наивности руководства. Четыре с половиной года перестройки доказали, что система способна реагировать (да и то вяло и с опозданием) только на *чрезвычайные обстоятельства*. Видимо, нынешняя ситуация все еще представляется реформаторам *недостаточно* чрезвычайной. Между тем поезд уходит. Вопрос сейчас в том, услышат ли они последний гудок и успеют ли вскочить на подножку последнего вагона. В противном случае им придется махать (как уже было с Хрущевым) вслед ушедшему поезду. Я не поклонник социализма в любом его варианте. Но ликовать, наблюдая нынешние конвульсии системы, мне не хочется. Ибо поезд уходит в неизвестность. ●

КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

С 16 по 18 сентября в Ленинграде по инициативе Ленинградского Народного фронта состоялась Конференция демократических движений и организаций страны. В ней приняли участие 162 человека, которые представляли 82 организации из 20 городов Российской Федерации, из восьми союзных и трех автономных республик.

Конференция решила создать Межрегиональную ассоциацию демократических организаций (МАДО), которая призвана координировать действия демократических сил страны. Пока вступить в МАДО выразили намерение 20 организаций, в том числе и такие крупные движения, как Московский, Ленинградский, Грузинский народные фронты, Армянское общенациональное движение, Демократическое движение Узбекистана "Библик" и другие. В числе заявивших о вступлении в МАДО — представители из Самарканда и Челябинска, Казани и Куйбышева, Владивостока и Мурманска, Пензы и Костромы, Тольятти и Южно-Сахалинска.

Решено провести в Челябинске учредительную конференцию МАДО, создано Демократическое информационное агентство Дианпресс.

В резолюции конференции говорится в частности:

"КПСС, присвоившая себе 72 года назад "руководящую и направляющую" роль в обществе, несет полную ответственность за свершившуюся в нашей стране историческую трагедию, за всеобщий экономический, политический и нравственный кризис общества, за трагическое обострение межнациональных отношений. Мы считаем, что ответственность за совершенные ошибки и преступления должна обрести конкретные политические и юридические формы.

Конференция выступает за отделение КПСС от государства и законодательное закрепление равных прав для всех партий и политических организаций. Диалог с КПСС демократические движения могут вести лишь на правах самостоятельной политической силы, конструктивной оппозиции...

Конференция выступает за законодательное закрепление равноправного существования всех форм собственности, за создание саморегулирующейся рыночной экономики, за немедленное возвращение земли в собственность крестьянам с правом насле-

дования и передачу части предприятий в коллективную и частную собственность...

Конституция СССР должна основываться на конституциях союзных республик с приоритетом республиканских законодательств перед союзным. Мы выступаем за преобразование СССР в конфедерацию свободно объединившихся суверенных государств..."

Мы публикуем ниже вступительное слово известного историка, проф. Юрия Афанасьева, с которым он выступил на конференции.

Мне кажется, мы присутствуем на очень важном для политической жизни нашей страны событии. Впервые предпринята попытка собрать в масштабе страны представителей демократических движений, народных фронтов, чтобы обсудить происходящее и попытаться наметить какие-то перспективы. Может быть, это станет заметной вехой в ходе продвижения нашего общества на его пути к демократии. В своем вступительном слове я менее всего претендовал бы на исчерпывающий анализ нынешней политической ситуации: это можно сделать только сообща. Я лишь попытаюсь в самом общем виде обрисовать некоторые из политических событий последнего времени.

Перестройка настолько затянулась, что она уже имеет свою историю, свои этапы, в ней довольно отчетливо просматриваются взлеты и падения. Впрочем, на эту тему было уже достаточно хороших публикаций.

Все мы хорошо помним первый период, первые послеапрельские времена, когда мы находились в эйфории, когда все, или по крайней мере очень многое, представлялось нам в радужных тонах. Действительно, первые начинания вселяли надежду. Изменения в обществе начались (об этом писали тоже) как "революция сверху"; потом эта инициатива сверху стала постепенно затухать, позитивная верхушечная политика стала да-

вать заметные сбои. По мере того, как поднимались мощные и зачастую неожиданные силы, течения, движения "снизу", — аритмия вершущейся реформы, "революции сверху" становилась все более очевидной. К лету 1987 г. она вылилась в антиконституционные декреты, направленные, по существу, против поднимавшихся снизу начинаний и движений. А когда самостоятельные демократические движения стали оформляться не только организационно как народные фронты, но в определенной мере и политически, например, как Демократический союз, или развернувшиеся по всей стране движения по самосуверенизации наших республик, автономных областей, аритмия сменилась устойчивым отставанием партийно-государственной политики от происходящих событий, что выразилось то в непонятных для многих заявлениях руководителей Политбюро и правительства, то наконец в прямом наступлении с помощью силы (в том числе и вооруженной) против народных, самостоятельных движений. Мне кажется, что не было бы трагедии в Тбилиси, если бы прежде она не была отретирована в Алма-Ате, Курапатах, в Ереванском аэропорту и во многих других местах. Тбилиси показал окончательно, что выступления с оружием (в том числе химическим) против народа стали нормой в Советском Союзе.

Теперь, как мне кажется, ситуация вновь меняется. Силы, направленные против радикальной и глубокой перестройки, которая затронула бы самые основания нашей жизни, перешли от непоследовательных действий, непродуманных заявлений и публикаций, неопределенности в отношении самостоятельных массовых демократических движений в очевидное организованное наступление. Еще месяц назад наблюдалась какая-то растерянность — я даже тогда говорил, что у нас не столько политический кризис, сколько политический вакуум: местная власть была парализована страхом перед предстоящими выборами и поэтому не предпринимала активных действий, не решала даже самые безотлагательные вопросы, верховная власть (в том числе и Политбюро) была парализована отсутствием четкой перспективы. Правительство и Политбюро оказались немыми, растерянными и неспособными осуществлять политику, опережающую события.

Ю.Афанасьев

В последние дни политический рисунок меняется. Налицо объединение усилий, скоординированные удары по сторонникам радикальных преобразований и глубоких реформ в экономической и социальной жизни страны. Что об этом свидетельствует?

На первое место я бы поставил заявление ЦК КПСС о прибалтийских республиках. Строго говоря, этот документ нельзя назвать заявлением ЦК, как таковой он незаконен. Пленум ЦК КПСС по этому вопросу не собирался, вопрос о заявлении на Пленуме не обсуждался и, следовательно, о документе можно говорить как о тексте, опубликованном в центральной печати за подписью ЦК КПСС. Этот текст доказывает, что Политбюро и М.С.Горбачев до сих пор так и не научились спокойно слушать и слышать национальные голоса в Советском Союзе: прежде они воспринимали такие голоса как явление негативное, теперь же воспринимают их едва ли не как голоса враждебные. Какие-то крайние проявления того, что происходит в республиках, принимают за общую картину, и эта неадекватная картина подвергается критике. Я полностью согласен с выступлением в "Известиях" А.Бразускаса: он обращает внимание именно на этот аспект. И в платформе ЦК, и в упомянутом заявлении отчетливо просматриваются имперские ноты и нежелание перестроить СССР на принципиально новой основе — на той основе, которая позволила бы суверенным независимым демократическим государ-

ствам объединиться в Союз. Новая позиция ЦК КПСС и является свидетельством того, что от растерянности и аритмии высшие эшелоны власти переходят в активное наступление.

О том же свидетельствуют и проекты Законов о выборах по РСФСР, БССР, Украине, по-прежнему предлагающие взамен демократических выборов в местные органы власти такие, которые происходили бы по заранее намеченному сценарию. Еще одно свидетельство из этой серии — распространившиеся выступления в печати (в том числе и районной) против предлагаемых наиболее прогрессивными учеными принципиальных изменений в общественных отношениях (решение вопроса о собственности, принятие Закона о предприятии, решение вопроса о земле). Я думаю, вы встречались со всякого рода публикациями, рекомендующими различные способы удержать перестройку в состоянии статус-кво, то есть, перестраиваясь, не перестраивать никаких оснований жизнеустройства Советского общества.

Об этом же говорят и два выступления "Правды": одно — против "Саюдиса", другое — против Украинского Народного Руха. Одинаково враждебные, выступления эти свидетельствуют о том, что ЦК и центральные органы власти фактически противопоставляют себя набирающим силу народным движениям и не хотят или не могут постичь существо происходящего в этих движениях.

Я думаю, что каждый присутствующий и сам мог бы найти массу свидетельств, подтверждающих, что ситуация меняется — то есть меняется реакция центральных властей и аппарата на активизацию сил, выступающих за радикальные демократические преобразования нашего общества.

Я мог бы сказать и положение Межрегиональной депутатской группы свидетельствует о том же, то есть о поправении и активизации высших эшелонов власти. Отношение к ней Президиума Верховного Совета и ЦК КПСС можно назвать только негативным.

В группе 393 народных депутата, однако в помещении нам отказывают, вопрос о издании (а мы на первом же собрании решили издавать свою газету) также не решен. Первый номер газеты вышел под названием "Советский физик", второй номер нам намереваются отпечатать в издательстве "Воздуш-

ный транспорт". Может быть, в результате нашей договоренности с прибалтийскими товарищами там выйдет тираж этой газеты в 90 тысяч экземпляров под истинным ее названием "Народный депутат". Мы создали Фонд депутатских инициатив Межрегиональной группы, и он недавно был закрыт — то есть попросту арестован. Протесты по этому поводу не дали результата.

Я говорил на Координационном совете о причинах такого положения. Мне кажется, все эти меры логично вписываются в общее наступление на сторонников радикализации и углубления перестройки в нашей стране. Межрегиональная группа, не успев еще, по понятным причинам, как следует организоваться, не успев стать более сплоченным организмом нашей политической жизни, не смогла как следует заявить о себе — а карательные меры не заставили себя ждать. Мы позволили обращаться с нами так, как с нами обращаются. Надо самокритично посмотреть на то, чем мы являемся в нашей политической структуре, каким образом мы можем активизировать свои силы и сделать действия народных депутатов более результативными. Я считаю одним из важных условий для достижения этого — более тесную связь группы с народными демократическими движениями, с народными фронтами. Только подпитываясь тем, что происходит в этих движениях, мы сможем стать настоящей силой. Я понимаю необходимость связи и с государственными институтами и, разумеется, с избирательными округами прежде всего, но, очевидно, лишь все эти вместе взятые связи позволят нам выйти на иные рубежи.

Сейчас особенно остро стоят следующие вопросы: во-первых, продовольственный, обусловленный нежеланием приступить к решению глубинных социально-экономических проблем и отсутствием четкого видения того, как именно приступить к их решению; во-вторых, о союзном устройстве СССР (лично я считаю эту проблему первой по значению); в-третьих, вопрос о роли и месте партии в советском обществе. Вы помните выступление М.С.Горбачева по Центральному телевидению, которое тоже свидетельствовало об атаке на демократические силы. Горбачев предстал перед всем Союзом ССР, к сожалению, не как уверенный в своей линии

глава государства, не как Генеральный секретарь ЦК КПСС, а скорее как человек, смотрящий на все как бы несколько со стороны. В его выступлении просматривались некая беспомощность и отсутствие какой бы то ни было конкретной конструктивной программы, говорилось, что надо проводить "чрезвычайные" экономические меры. А кстати, слово "чрезвычайные" — нехорошее слово, это надо иметь в виду, ибо эти "чрезвычайные" меры с неизбежностью требуют и "чрезвычайных" способов их осуществления — вплоть до применения войска, силы, свертывания демократии — это, конечно, понятно.

Сейчас уже нельзя отделяться общими заявлениями о том, что надо проводить какие-то законы. Сейчас нужно конкретно сказать, как именно будут решены вопросы о земле, о собственности, наконец, вопрос о власти. Из рассуждений Горбачева вытекает, как я понял, что падение авторитета партии происходит от того, что кто-то посягает на этот авторитет. Мне кажется, что до тех пор, пока на всех уровнях — вплоть до Политбюро — не будет четкого представления о том, что именно происходит с авторитетом (или с так называемым "авторитетом") партии, — до тех пор мы лишь будем усугублять ситуацию. Мы прямо должны сказать, что никакого авторитета у КПСС в настоящее время нет, причем его нет не потому, что кто-либо на него посягает, а потому, что 70 лет продвижения нашей страны в никуда под руководством КПСС вполне естественно и закономерно привели к такому результату. Сейчас надо говорить не о восстановлении авторитета КПСС, так как неизвестно, когда он был, этот авторитет. В сталинские времена был авторитет силы — но силы авторитета и тогда, в сущности, не было. Корректнее было бы говорить об обретении КПСС авторитета наряду с другими демократическими движениями, которые набирают силу в нашей стране. Это, в свою очередь, возможно только в том случае, если будет дана всесторонняя критическая оценка того, что было с КПСС до тех пор. Без этого, мне кажется, обеспечить желаемый авторитет невозможно.

Это очень важная задача, и она особенно важна для решения проблемы власти. Вопрос о власти не будет решен до тех пор, пока партия не будет лишена властных функций.

Вопрос о власти в Советском Союзе может быть решен только путем отделения партии от государства (а государства — от экономики). Осуществление этих мер и должно быть той перспективой, к которой нам следует стремиться. Конечно, это нельзя сделать мгновенно. Но до тех пор, пока государство не будет отделено от экономики, а партия от государства, мы не сможем построить нормальное демократическое общество, способное к саморазвитию. Все это не нужно воспринимать как очернение КПСС, попытку поколебать ее авторитет. Обвинение в очернении КПСС — дешевый прием, недостойный политического деятеля. Политический деятель обязан реалистически смотреть на ситуацию и делать из этого соответствующие выводы. КПСС может обрести авторитет в новых условиях путем выдвижения такой программы, которую поддержит большинство людей; она может обрести авторитет, выдвигая такие списки своих кандидатов, за которые на выборах люди будут голосовать; она может обрести авторитет, прекратив выпуск таких изданий, как "Правда", которая лжет на весь Союз, дезинформирует советское общество. Публикации "Правды", направленные против "Саюдиса" и "Руха", никак не прибавляют авторитета КПСС.

Я не буду подробно касаться национального вопроса, ибо он чрезвычайно сложен, взрывоопасен, особенно в Закавказье, во взаимоотношениях Армении и Азербайджана. Этот вопрос надо обсудить спокойно. Мне кажется, одним из условий нормального его решения должна быть и попытка понять азербайджанский народ, который также угнетался, растаптывался и выравнивался под все остальные. Униженное, оскорбленное чувство национального достоинства, о котором говорилось в публикации А.Браздускаса, присуще и азербайджанскому народу. Я понимаю, что проблема не только в этом, но и это нужно учитывать.

Надо подумать, как помочь эффективному движению суверенизации, экономической самостоятельности прибалтийских республик; здесь мы — его сторонники, но и на этот процесс нужно смотреть, не упуская этическую сторону происходящего и не впадая в какие-то однозначно-хвалебные оценки его. И у прибалтийских товарищей было стремление не торопиться вязываться в какие-то общесоюзные проблемы, а прежде всего со-

средоточиться на том сложном и трудном, что происходит собственно в Прибалтике. Все это объяснимо: страшно представить себе перспективу еще большего погружения в ту бездонную яму, какой является Советский Союз, с тем чтобы затем как-то вместе из нее выбраться. Но я убежден, что поврозь мы способны только погибать — выжить мы способны только вместе. И решить прибалтийские проблемы, не решив проблем российских, мне кажется, невозможно.

Я не коснулся, например, того, что свои проблемы нам тоже не решить, не решив сообщая того, что происходит сейчас в Восточной Европе. Ситуация и там очень сложна. Польша и Венгрия как флагманы, инициаторы более радикальных перемен тоже нуждаются в нашей поддержке, и мы нуждаемся в их поддержке.

Я бы закончил свое выступление напоминанием о том, что лишь объединив усилия, мы сможем изменить тот политический рисунок нашей страны, о котором я говорил в начале выступления. При этом мы должны, конечно, действовать решительно, но в то же время и очень ответственно, потому что ситуация показывает, что народ очень накален, и терпение его на исходе. (Это показали не только события в Закавказье, но и забастовки, прошедшие по всей стране.) Психологический климат таков, что одно неосторожное действие, одно необдуманное слово могут послужить сигналом к событиям, могущим принять необратимый, катастрофически стихийный характер. Поэтому при всем желании действовать решительно, при всем желании радикализировать происходящие в стране процессы всегда надо думать о той колоссальной ответственности, которая лежит на всех нас.

Я недавно вернулся из Рима, где проходил Федеральный совет радикальной партии, и мне пришлось поспорить там с С. Григорьянцем, обронившим там — может быть, неумьшленно — фразу, что события в нашей стране могут и, к сожалению, как он выразился, должны развиваться к худшему. Я согласен с тем, что они могут развиваться к худшему. К сожалению, об этом свидетельствует действительно очень многое. Но что должны — я ни умом, ни сердцем не могу этого понять. В конце концов, мы и людьми-то останемся до тех пор, пока будем прилагать все силы

к тому, чтобы события не развивались к худшему! Гарантия этому — включение в процесс демократизации всех живых сил советского общества. Всем нужно усвоить, что дальше перестройка так развиваться не может, несмотря на то, что Михаилу Сергеевичу и хотелось бы быть и автором сценария, и главным режиссером-постановщиком, и главным действующим лицом этой перестройки. Может быть, мы с этим и согласились бы, если бы эта перестройка в конце концов началась. Но она — в смысле перезаложения оснований нашего жизнеустройства — не начинается, а люди не хотят и не могут так жить дальше, поэтому они все активнее включаются в демократические процессы. Пора, видимо, Горбачеву осознать, что он уже не единоличный лидер перестройки, не ее единственный автор, что автором демократических преобразований в нашей стране становится все общество. Это естественный процесс, и только он может обеспечить необратимость перестройки. ●

Юрий Афанасьев

“НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ” ПОЛИТЗЭК

Время от времени советская пресса, радио, телевидение дают слово “ответственным сотрудникам” различных советских учреждений, которые очередной раз сообщают миру, что “у нас политзаключенных больше нет”. Это прогресс: раньше говорили, что их “нет и не было”.

Одно из последних таких заверений было опубликовано в газете “Аргументы и факты” (№ 34 за 1989 г.). На вопрос читателя: есть ли у нас политзаключенные, ответственный сотрудник пресс-центра МВД СССР В. Прокопенко отвечает: “в колониях не осталось ни одного человека, отбывающего наказание только по статьям 70 и 190¹ УК РСФСР”. Это правда. Вопрос лишь в том — исчерпывается ли понятие “политзаключенный” жертвами этих постыдных (ныне отмененных или измененных) статей.

По данным бюллетеня “Вести из СССР”, выпускаемого издательством “Страна и мир”, в нашей стране до сих пор содержится за решеткой около 150 человек, истинной причиной ареста которых было открытое выражение их политических убеждений

или осуществление своих гражданских прав. Статья кодекса при этом значения не имеет: подобрать можно любую. Конечно, можно сказать: 150 — это не тысячи. Конечно, можно сказать: большинство их было арестовано еще в "те времена" (хотя далеко не все). Верно. Тем абсурднее, бесчеловечнее, что эти люди все еще лишены свободы. Этому нет даже прагматического оправдания, которое мы слышали годами и десятилетиями. Оправдания нет, но объяснение есть: освобождены те, кто был бельмом в глазу у властей, о ком кричали на международных форумах, чьи лагерные сроки марали славные знамена перестройки. И действительно: большинство оставшихся — люди неизвестные.

Давайте познакомимся с одним из них: хулиганом Эдуардом Крицким, который сейчас содержится в тюрьме г. Горис (Армения).

22 июля 1980 г. народный суд Терновского района г. Кривой Рог под председательством Н.Н.Литвина вынес приговор по делу № 1-169. Шофер Эдуард Крицкий (1940 года рождения) и его брат крановщик Борис Черешенко (1953 г.) обвинялись по ст. 206 п. 2 УК УССР в "злостном хулиганстве".

Далее цитируем приговор (грамматические ошибки исправлены):

"СУД УСТАНОВИЛ:

1 мая 1980 года жители Терновского района города Кривого Рога, организованно праздную Международный День солидарности трудящихся, проходили улицами пос. Терны с праздничными плакатами и транспарантами.

В этот праздничный день в 10 часов 30 минут жители города Кривого Рога Крицкий Э.А. и Черешенко Б.В. умышленно, по предварительному сговору между собой, грубо нарушили общественный порядок, проявляя особую дерзость, явное неуважение и пренебрежение к обществу, в колонне демонстрантов развернули плакат: "Независимость профсоюзов от КПСС, Рабочим — мяса!", который своим содержанием вызвал недовольство и возмущение граждан, потребовавших удалить Крицкого Э.А. и Черешенко Б.В. из колонны.

С целью последующей демонстрации своего дерзкого поведения, явного неуважения и пренебрежения к обществу на первомайской демонстрации Крицкий Э.А. и Черешенко Б.В. пытались сфотографировать плакат, содержание которого вызвало глубокое недовольство и возмущение граждан.

В судебном заседании подсудимый Криц-

кий Э.А. виновность свою не признал и пояснил, что 30 апреля 1980 года он решил изготовить плакат с надписью "Независимость профсоюзов от КПСС, Рабочим — мяса!" и пойти с ним на первомайскую демонстрацию. При изготовлении плаката подсудимый Черешенко Б.В. помогал ему строгать палки, принес краску для написания плаката. Переночевавши вместе с Черешенко Б.В., утром 1 мая 1980 года они взяли фотоаппарат Черешенко с целью, что он будет нести транспарант, а Черешенко его сфотографирует. Придя на демонстрацию он стал в колонну, и развернувши плакат, нес его, а Черешенко сфотографировал его несколько раз.

Посудимый Черешенко Б.В. виновность свою не признал и пояснил, что 30 апреля 1980 года он совместно с Крицким Э.А. изготовлял плакат, строгал палки, принес краску, с которым решили идти на первомайскую демонстрацию, однако содержание его не читал. 1 мая 1980 года он с Крицким пошел на демонстрацию, где Крицкий развернул изготовленный плакат и шел с ним в колонне, он прочитал его содержание и сфотографировал несколько раз на пленку, при задержании работниками милиции выбросил. Хулиганских действий он не совершал.

Анализируя собранные доказательства по делу, суд считает, что подсудимые Крицкий Э.А. и Черешенко Б.В. виновны по ч.2 ст. 206 УК РСФСР, их действия органами предварительного следствия квалифицированы правильно, так как своими действиями, выразившимися в умышленной демонстрации в период прохождения первомайской колонны плаката, который своим

Э.Крицкий на демонстрации 1.5.1980 г.

содержанием вызвал возмущение и недовольство граждан, грубо нарушили общественный порядок, с особой дерзостью проявили явное пренебрежение и неуважение к обществу”.

“Неуважение к обществу” обошлось Э.Крицкому в 3 года лагерей, Б.Черешенко — в 2 года. Однако тюремно-лагерная эпопея Э.Крицкого только началась.

За несколько дней до конца срока Э.Крицкого арестовали вторично, прямо в лагере. Его обвинили по статье 187¹ УК РСФСР — украинский аналог знаменитой статьи 190¹ УК РСФСР “распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй”. Э.Крицкий “распространял измышления” среди заключенных. О цене такого обвинения свидетельствует хотя бы то, что статья эта была недавно отменена Верховным Советом как антиконституционная.

Выступая на этом — втором — суде, Э.Крицкий сказал в последнем слове:

“Сейчас меня опять осудят на 3 года по ст. 187¹, потом, не сомневаюсь, найдут повод привлечь к ответственности по другой статье, на более длительный срок... Вы, стоящие у власти, и вы, проводящие насилие сверху вниз, битесь меня. В вашей боязни, в вашем бессилии задушить ростки демократического движения я и черпаю силы свои!”

Э.Крицкий как в воду глядел. В конце 1985 г., за полгода до конца второго срока и в преддверьи перестройки, его арестовали в третий раз. Теперь уже по ст. 188³ — “андроповской” статье, карающей за “злостное неподчинение” лагерной администрации. Новый срок — 4,5 года, конец его ожидается лишь летом 1990 г.

Гражданин начальник, товарищ Прокопенко! Эдуард Крицкий — политзаключенный или нет?

Э.Крицкий долгое время содержался в Красноводской тюрьме, потом его перевели в тюрьму г. Горис. Все его жалобы, заявления во все инстанции остаются просто без ответа. Эдуард в знак протеста объявил голодовку, за что был переведен на строгий тюремный режим.

В его письмах друзьям — вопросы, вопросы... О комитета “Карабах”, о Демократическом союзе, о “Мемориале”, о правозащитной деятельности.

“Почему из наших никого не было в депутатском корпусе Верховного Совета? Неужели

и сегодня наш голос плохо слышен людям? Я почти был уверен, что увижу во Дворце Съездов Леонида Милаевского (известный украинский правозащитник, бывший политзэк. — *Ред.*) Как я хочу быть с вами со всеми сейчас, неужели я опоздаю, и вы к моему освобождению сами переделаете все самое главное?!”

Не бойся, Эдуард, не переделаем... Путь долг.

Недавно в странной истории Эдуарда Крицкого наступил еще один поворот. Его первое, “хулиганское” дело летом этого года было пересмотрено и приговор отменен за отсутствием состава преступления. Признали, наконец, что сказать: “Рабочим — мяса!” — это не хулиганство.

Но есть ведь еще второй и третий приговоры, и они не отменены. Есть. Но вот какая здесь юридическая тонкость: максимальный срок по ст. 188³ — три года, а для тех, кто ранее судим за тяжкое преступление, — 5 лет. Крицкий был судим ранее за “злостное хулиганство” (а оно считается преступлением тяжким) — вот и получил свои 4,5 года. Но ведь теперь выяснилось, что “вышла ошибка”, и преступления, ни тяжкого, ни легкого, не было вообще. Значит по “андроповской статье” положено Крицкому максимум 3 года, и эти три года давно прошли!

Почему же Крицкий до сих пор в Горисской тюрьме? Граждане начальники, мы ведь вроде бы собрались строить правовое государство! Если же пока это трудно, давайте хотя бы отвечать на письма читателей более правдиво. ●

ЗА КЕМ ПОЙДЕТ ДОМОХОЗЯЙКА?

Корреспондент “Известий” задал вопрос председателю Госкомитета по труду В.К.Щербаккову: “Почему так быстро были удовлетворены требования бастующих в Кузбассе? Не потому ли, что бастовали именно шахтеры?”. “Конечно, потому, — ответил министр. — Мы не так торопились бы, если бы бастовали домохозяйки”.

К сожалению самый молодой министр страны не понял горькой иронии, прозвучавшей в его ответе: действительно, когда забастовку объявят домохозяйки, торопиться будет уже некуда. Это будет означать полную катастрофу. Полезно было бы, если бы

кто-нибудь напомнил ему, какую роль играли бабьи бунты в истории нашей страны.

В последние дни августа многие ленинградские семьи остались без хлеба. Вот что сказал по этому поводу генеральный директор Ленхлебпрома В.К.Иванов: "21 августа должен был вступить в строй после ремонта дрожжевой завод. Но только 25 августа его, наконец, пустили. Положение было критическое. Начался ажиотаж в булочных. И только 27 августа положение стало выправляться, хотя спрос на нашу продукцию неоправданно возрос".

Сколько подобных объяснений выслушали ленинградцы за последний год! Пропадали чай, макароны, мука... Год "плавающего дефицита": но дефицит дефициту рознь. Когда пропадает хлеб — это звучит, как последний звонок.

Ленинградские семьи снабжаются продуктами из нескольких источников. Это госторговля, кооперативы, рынок и садовые участки. Есть еще один источник — спецраспределение. Но его доля столь незначительна, что если и влияет на жизнь ленинградцев, то только в политическом контексте.

Итак, начнем с садовых участков. Спрос на них и, соответственно, цены на землю стабильно растут — вместе с неуверенностью в завтрашнем дне. Пустеющие прилавки государственных магазинов и наличные деньги, на которые ничего не купить, — все это подталкивает горожан к ведению натурального хозяйства.

Ленинградский рынок заполняет "весеннюю брешь" в обеспечении города овощами и фруктами. Цены там безумно высокие (в 5—10 раз выше государственных), и только явный дефицит витаминной продукции заставляет родителей идти на рынок. С другой стороны, именно дефицит и поднимает цены.

Буфер между рынком и госторговлей — кооперация. Горожане недовольны, и зачастую справедливо, торгово-закупочными кооперативами. Но среди кооперативов немало и по-настоящему деловых людей, тонко чувствующих конъюнктуру, умеющих прогнозировать покупательский спрос и чутко реагирующих на непрерывно меняющуюся ситуацию в обеспечении города продуктами. В сезон торговли помидорами разворотливые

кооперативы сумели сбить цены на городских рынках.

Кстати, о помидорах. В государственных овощехранилищах их в этом году было много, как никогда. А реализовать сумели только две трети. Например, в июле в город было завезено 17242 тонны помидоров, а продано всего 10997 тонн. На этом примере, как в капле воды, видна вся ситуация с обеспечением ленинградцев продуктами через госторговлю — главный источник питания горожан.

За последние два года, несмотря на невиданные изменения в области политической жизни, положение с продовольствием резко ухудшилось. Продукты повседневного спроса стали дефицитом, а вчерашний дефицит и вовсе исчез. При этом необходимо отметить, что Ленинград, по сравнению с другими городами России, находится в благополучном положении. Подтверждением служит тот факт, что при существовании в городе хорошо развитого черного рынка промышленных товаров начисто отсутствует продовольственный черный рынок. Из продовольствия по талонам в Ленинграде выдают только чай (100 г. на человека в месяц) и сахар (2 кг на человека зимой и 3 кг — летом), в то время как в других городах талоны на мясо, которые зачастую не отовариваются вовсе, существуют уже более 10 лет.

Обратимся к статистике. За семь последних месяцев этого года в совхозах Ленинградской области произведено на 3,3% меньше яиц, чем за тот же период прошлого года, молока — на 0,6%, мясной продукции — на 4,9%. Последняя цифра, не отразившись на снабжении города собственно мясом, совершенно "вымыла" из торговли колбасные изделия.

Однако корень проблемы совсем не в том, что снижается производство. Учитывая, что чуть ли не половина продукции гниет, гибнет и разворовывается, не доходя до прилавков, может быть, и не следует находиться в постоянном производительном марафоне. Сверхпроизводство всегда шло рука об руку со сверхбесхозяйственностью.

Рядовым явлением (характерный признак периода гласности) стали чуть ли не ежедневные сообщения ленинградских средств массовой информации о незгруженных вагонах с сахаром, о сгнивших мясных тушах

на Ленмясокомбинате, о скормленном свиньям урожае яблок, о птицефабриках с клетками, забитыми дохлыми курами...

Продукция ленинградских совхозов составляет 26% от общего объема. Все остальное — ввозится, а значит, нужны хранилища, погрузо-разгрузочные средства, тара, контейнеры и т.д. Впрочем, ленинградскую продукцию тоже надо где-то хранить. По словам первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Б.В.Гидаспова, "большинство магазинов... находится в непригодных помещениях, не обеспечены надлежащей складской базой, средствами механизации. Ниже норматива обеспеченность торговыми площадями в расчете на одного жителя...". Добавим, что по продовольственной торговле эта обеспеченность составляет 70% от установленной нормы.

Эти проблемы, кстати, менее остры для импортных овощей и фруктов. То, к сожалению, небольшое количество, которое поступает в Ленинград, распродается немедленно и без потерь. Например, в июле с.г. было завезено 350 тонн лимонов, продано — 350 тонн; завезено 1386 тонн бананов, продано — 1386. (Из сводки Главленгорплодоовощеторга.)

Бесхозяйственность в уборке, хранении и перевозке усугубляется тем, что у работников торговли, даже если они разумные и деловые люди, руки связаны: не в их власти вести гибкую политику ценообразования. Очевидно, среди тех, у кого эта власть есть, разумные и деловые люди встречаются еще реже...

В этом году отменили "добровольно-принудительную" работу горжан на уборке урожая. И вот результат. По словам начальника Главленплодоовощеторга В.П.Лазаряна, "своя свекла в земле (некому тащить), а мы возем ее из Узбекистана". А везти становится все дороже... Главленгорплодоовощеторг — предприятие убыточное. Об этом почти никто не знает, но живет он в значительной степени на государственные дотации. А теперь, когда многие республики переходят на хозрасчет и — не всегда обоснованно — завышают закупочные цены, обычной дотации (и без того многомиллионной!) уже не хватает. И растут цены в магазинах, повышая и без того напряженную социальную обстановку в городе.

Трудно рассчитывать на стабильное повышение жизненного уровня населения в пере-

ходный период. Централизованная система руководства и старые связи по вертикали рушатся, а горизонтальная структура еще не сложилась, еще не введены в действие экономические рычаги управления.

На этом фоне, а также на фоне общественного и социального подъема, который переживает сейчас крупнейший интеллектуальный и промышленный центр страны, некомпетентность и безнаказанная безответственность ленинградских градоправителей выглядят особенно неуместно. Ведущие общественные силы города готовятся к муниципальным выборам. В предвыборных дебатах вопросы снабжения продовольствием выходят на первый план. В программах демократических кандидатов экономические реформы — от снятия всех ограничений на ведение натурального хозяйства до введения частной собственности на землю и орудия производства.

Особым интересом среди специалистов, общественных деятелей и горожан пользуется идея регионального хозрасчета. Именно с ним ленинградцы связывают надежды на нормальное цивилизованное существование.

Однако все это — необходимые, но долгосрочные меры. Ведущие экономисты утверждают, что "бреешь переходного периода" надо закрывать любыми способами, вплоть до закупок продовольствия на Западе, иначе уже к концу этого года все продукты питания будут распределяться по карточкам. Легко представить, какова будет реакция населения, и без того уставшего от постоянных нехваток. К тому же сегодня есть попытки внушить населению, что вся эта ситуация создается намеренно — кооперативами, забастовщиками, евреями, экстремистами, — и только твердая рука сможет навести столь желанный консерваторам порядок. Реально существует угроза оказаться в ситуации 20-х годов, когда искусственно созданный голод как бы потребовал введения хлебной монополии, трудовой повинности, лагерей — иначе говоря, угроза очередной диктатуры.

Таким образом домохозяйка, ее интересы становятся решающим фактором перестройки. За кем пойдет она? В интересах всех, кто не желает, чтобы на одной шестой части света произошел правый переворот, — остановить продовольственный кризис. ●

Елена Зелинская (Ленинград)

РЕЗКОЕ ОБОСТРЕНИЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Мы планировали дать в этом номере несколько заметок по национальному вопросу, однако неожиданный наплыв материалов из разных уголков Советского Союза фактически превратил подборку в центр тяжести всего номера.

"Окончательное решение" национального вопроса в нашей стране — как все "окончательные решения" — обернулось многонациональной трагедией. Безусловно справедлива неоднократно высказанная мысль, что обострение национальных проблем — это искаженное отражение обострения проблем социальных. Однако не только что до излечения, но даже до какого-то облегчения наших социальных язв еще очень далеко, а национальный фермент продолжает бродить, и решения надо принимать незамедлительно. Теперь уже очевидно, что сохранение империи, да еще в ее нынешнем виде, не просто невозможно, но и нежелательно. Более того, есть все основания думать, что распад империи облегчит и разрешение социальных проблем. Литовские, узбекские, грузинские вопросы могут решаться в Вильнюсе, Ташкенте и Тбилиси, а не в Москве, а в Москве — соответственно, русские. Тяжеловесный, инерционный "единый" организм показал свою неуправляемость.

Остановить центробежный процесс невозможно и ненужно, но чрезвычайно важно сделать естественный процесс формирования национальной государственности народов Советского Союза по возможности безболезненным: как минимум обойтись без крови и человеческих трагедий, сохранить традиционные взаимовыгодные связи, без нужды не резать по живому. Сейчас, в период накала не всегда лучших страстей, это кажется почти невозможным, и тем не менее это единственный мыслимый путь.

В запутанных национальных конфликтах никто со стороны не может быть судьей, но лишь доброжелательным посредником. Важно дать возможность сторонам вступить в диалог, высказать взаимные претензии с полной откровенностью — но без взаимных оскорблений. Этой цели и должна служить публикуемая ниже подборка.

Практически ни в одном межнациональном конфликте ни одна сторона не может быть абсолютно правой. Разумеется, у каждого из нас есть свои личные пристрастия, но они не должны проявляться в редакционной политике. И если есть у редакции как целого какие-то предпочтения, то они определяются простым и понятным принципом: наши симпатии на стороне тех, кто сегодня страдает больше, на стороне более слабого.

Как русский журнал мы хотели бы в первую очередь разобраться в том, почему русский народ получает справедливые упреки со стороны других народов. Мы знаем, что непременно найдутся те, кто подобную позицию назовет русофобской. По нашему же искреннему убеждению, лишь глубокая национальная самокритичность может вернуть русскому народу то место в мире, которое дала ему его великая культура и трагическая история. Ибо сказано: "кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей".

Хотелось бы, чтобы и другие народы всмотрелись: всегда ли они занимают в остром конфликте справедливую позицию, не принесет ли им больше чести уступка слабому, чем бескомпромиссное отстаивание того, что сегодня кажется "принципом". Мы знаем уже, что есть "принципы", которыми не грех и поступиться.

Ниже мы даем слово представителям разных народов. О Прибалтике говорят литовец и эстонец, высказывает свою позицию по балтийским делам и русский писатель. Две стороны одного конфликта освещают абхаз и грузин. Не уйти от особо трагической ситуации, сложившейся вокруг Нагорного Карабаха. В этом номере мы исполняем обещание, данное нами в № 3 нашего журнала, и широко предоставляем трибуну не только армянской, но и азербайджанской стороне. Русский публицист обсуждает трагедию месхов. Хотя положение советских корейцев не привлекает такого внимания, как события в Закавказье, мы сочли важным поговорить и о них. В будущем мы постараемся почаще возвращаться к таким забытым, "спокойным" национальным проблемам — не дожидаясь очередного взрыва. Затем мы даем слово тем, кто называет себя выразителями русского национального духа, хотя с нашей точки зрения истинное выражение русской народной совести — не в них, а в Андрее Сахарове, Юрии Власове, Юрии Афанасьеве и многих других, спасающих сейчас часть национальной интеллигенции. Точка зрения редакции очень близка той, которую выразил в своей заметке Г.Померанц. Наконец, нашу подборку закрывает неисчезающая, увы, тема антисемитизма.

Многое, конечно, осталось за пределами подборки, ибо объять необъятное невозможно. Национальная тема неизбежно будет и впредь постоянной темой нашего журнала. ●

Я ВЕРЮ, ЛИТВА БУДЕТ СВОБОДНОЙ

Интервью с Казимирасом Мотекой

Казимирас Мотека родился в 1929 г. в Каунасе в семье офицера литовской армии. В 1949 г. поступил на юридический факультет Вильнюсского университета, продолжил учебу в Ленинградском университете, затем снова вернулся в ВГУ, по окончании которого в 1954 г. был направлен на работу в прокуратуру. С 1960 г. — адвокат. За "неправильную линию поведения" во время громкого процесса ксендзов в Клайпеде был исключен из КПСС, но затем восстановлен по личному указанию тогдашнего первого секретаря ЦК КПЛ А.Снечкуса.

С 1967 г. К.Мотека — адвокат Первой юридической консультации г. Вильнюса, член Президиума коллегии адвокатов. Мотека — один из организаторов и член Совета сейма Движения за перестройку в Литве — Саюдис. Депутат Верховного Совета Литовской ССР, народный депутат СССР. В 1989 г. вышел из рядов КПСС. На сессии Верховного Совета Лит.ССР весной 1989 г. Мотека выступил с докладом о поправках к конституции. В настоящее время К.Мотека — член Президиума Верховного Совета Лит.ССР.

Интервью у К.Мотеки взяли специальные корреспонденты "Страны и мира" К.Любарский и Э.Финкельштейн.

Процесс политических перемен в Литве идет в двух направлениях. Возникают (или воссоздаются) новые политические течения, организуются новые политические партии, появляются новые политические лидеры, но и в старой, в прошлом единственной политической партии — Коммунистической партии Литвы — происходят перемены. Начнем с компартии. Как вы оцениваете перемены внутри Компартии Литвы, к чему они могут привести? Как вообще понимать "самостоятельность" Компартии Литвы в свете ленинского принципа демократического централизма?

Прежде всего хочу сказать, что я теперь не член компартии и не принимаю участия в ее жизни. Мой взгляд на перемены в ней — как бы снаружи... Начнем с того, что сегодня по существу единой Компартии Литвы нет. Внутри КПЛ по меньшей мере две партии. Одна — партия старого типа; другую образуют те литовские коммунисты, которые настроены демократически и прагматически. Конечно, деление это не четкое, есть нюансы, но в целом партия раскололась на две части — на демократическое и консервативное крыло.

Какое крыло преобладает?

Я думаю, что в настоящий момент между двумя полюсами в партии существует равновесие сил и идет острейшая борьба. Вопрос — кто возьмет верх. Что касается самостоятельности, то, мне кажется, дело вот в чем. Литовской Коммунистической партии, как таковой, просто нет. Нет даже внешних атрибутов такой партии, кроме самого названия. Членские билеты у литовских коммунистов — это же билеты членов КПСС! Значит, они члены КПСС, а не КП Литвы. Не говоря уже о том, что и КП Литвы, и ее органы проводят политику КПСС, говорят от имени КПСС, действуют по поручению ее центральных органов. Эта партия не воспринимается нашим народом как литовская партия. С другой стороны, в Литве все, от мала до велика, знают, что ответственность за ужасное прошлое, да и за нынешнее положение, например, за развал экономики и за все остальное — несет Коммунистическая партия Советского Союза. А Компартия Литвы воспринимается как ее органическая часть.

Может показаться странным, но авторитет Компартии Литвы резко упал с началом перестройки...

Непонятно – почему?

Да потому, что во времена жесткого курса и в застойные времена кое-кто рассматривал Компартию Литвы как амортизатор, как буфер, смягчающий давление, а то и удары, исходящие из Москвы. Но ведь перестройку-то тоже начали в Москве! КП Литвы не только не была инициатором перестройки, она не была инициатором ни одного демократического, либерального начинания в Литве. Ни в области политики, ни в области экономики. Ни в чем. Она плетется в хвосте у Саюдиса и других демократических и национальных организаций. Она – на задворках перестройки и всего демократического движения.

Все это понимает и часть рядовых членов партии, и часть руководства во главе с Бразаускасом. Они прекрасно видят, что партия теряет авторитет у населения и в условиях демократических выборов окажется сильно потесненной на политической арене. Поэтому-то они и предпринимают лихорадочные попытки перестроиться, выработать компромиссный курс, который позволил бы завоевать симпатии хоть какой-то части нашего народа – и не вызвать при этом слишком уж острый гнев Москвы. Насколько это вообще возможно, во что выльется "отделение" Компартии Литвы от КПСС, я не знаю. Думаю, что там, в партии, и сами этого не знают.

Вы предполагаете, что роль Компартии Литвы на следующих выборах в Верховный Совет упадет независимо от того, сумеет она перестроиться или нет?

Тут предполагать нечего. Это мы уже наблюдали на предыдущих выборах народных депутатов. Ведь люди знают, что все, что так или иначе мешает жить, исходит от компартии и исполнительных органов власти, находящихся в прямом подчинении у компартии. Никто больше не хочет этого терпеть. Так что на следующих выборах шансов у компартии, мне кажется, еще меньше, чем на предыдущих.

А какая политическая сила, по-вашему, имеет наибольшие шансы на успех при следующих выборах народных депутатов? Саюдис?

Мы не считаем, что Саюдис будет формировать правительство или другие органы исполнительной власти после выборов. Этого в нашей программе нет. Правда, наша программа уже устарела.

Но ведь политического вакуума не бывает. Кто-то должен будет взять на себя бремя власти?

Мы в Саюдисе считаем, что всю власть должны взять на себя местные Советы. Тем более, что намечаются выборы как в Верховный Совет Литвы, так и в местные Советы. Собственно, мы боремся не за то, чтобы во что бы то ни стало устранить коммунистов из органов власти. Наша цель состоит в том, чтобы в этих органах были демократически настроенные люди, которые боролись бы за будущее республики, за реальные перемены в экономике (а в ней, между прочим, еще не произошло никаких серьезных перемен) и во всех сферах жизни Литвы. Главное же – исполнительные органы должны подчиняться не компартии и вообще не партиям, а отвечать перед выборными органами, народными депутатами, отвечать перед народом...

Иными словами, вы полагаете, что в Литве будет создано нечто вроде правительства национального единства?

Я думаю, будет именно так. Ведь другой партии или партий, которые могли бы самостоятельно или в коалиции сформировать правительство, сегодня в Литве просто нет, и я думаю, что в ближайшем будущем и не будет. Конечно, у нас

сейчас образовано много новых партий, но это, скорее, не партии, а зачатки партий. Они еще не имеют влияния в обществе и не могут так быстро его завоевать. Влияние имеет только Саюдис.

Вот тут и возникает очень важный вопрос о месте, роли и будущем Саюдиса. Развитие событий в Восточной Европе дало две модели политических преобразований в переходный период от партийно-бюрократической системы к демократической. Первая модель родилась в Польше. Там мощная общенациональная сила — "Солидарность" — оказывала давление на правящую компартию, вынуждая ее проводить реформы. Правда, похоже, Компартия Польши "переиграла" "Солидарность", уступив ей не столько власть, сколько право вытаскивать страну из бездны хаоса и развала. Вторая модель — венгерская. В Венгрии наряду с серьезными переменами внутри самой компартии — в сущности, партия перешла на рельсы европейской социал-демократии — происходит процесс формирования других партий. То есть в переходный период в стране нет вакуума власти, но в то же время общество стремительно движется к реальной многопартийной системе, к подлинной демократии. К какой модели ближе реальное положение дел в Литве? Будет ли Саюдис играть роль, аналогичную роли "Солидарности", — давить на компартию и вынуждать ее к переменам, или предпочтет трансформироваться в политическую партию или даже в несколько партий?

В настоящее время Саюдис играет роль "Солидарности". Он действительно давит и успешно давит. Но я считаю, что это явление временное, потому что Саюдис будет играть важную политическую роль только до тех пор, пока не окрепнут и не станут реальной силой различные партии. Когда это случится (я не знаю, когда именно это произойдет, будет ли в Литве много партий или только несколько), Саюдис исчерпает свою роль и, видимо, прекратит существование. А в Литве возникнет многопартийная система.

Это в будущем. А каковы ближайшие цели Саюдиса, какие задачи вы намерены решать после того, как, несомненно, победите на выборах?

Ближайшая задача — завершить те преобразования, которые уже начаты. Я имею в виду экономическую самостоятельность Литвы, принятие новых законов — причем, действенных, а не декларативных, — направленных на закрепление демократических преобразований. Ну и конечно, делать все, чтобы продвигаться по пути к независимости...

Нельзя ли более конкретно? Относительно экономической независимости ясно. Но будет ли Саюдис настаивать на политической независимости Литвы?

Как это ни парадоксально, но в программе Саюдиса сказано, что мы — за федерацию в составе СССР. О полной независимости в нашей программе речи нет.

Но ведь то же самое предполагает и платформа КПСС по национальному вопросу...

Мне трудно сказать что-либо по поводу платформы КПСС, ибо там содержатся непонятные вещи — например, "полный суверенитет в составе Советского Союза". Но ведь одно противоречит другому! Это, по-моему, бессмыслица. К сожалению, ее усиленно пропагандируют.

К слову замечу, что опросы общественного мнения в Литве показывают, что из всех требований на первое место население ставит независимость Литвы.

До недавнего времени, как известно, центральное руководство просто не знало и уж наверняка не понимало смысла и серьезности требований населения Литвы и других республик. Как вы считаете, понимают ли теперь новые руководители страны, чего именно вы добиваетесь, отдадут ли они себе отчет в серьезности ваших намерений? Будут ли они сопротивляться вашим требованиям, и какие шаги, какие санкции со стороны Москвы могут последовать?

Смотря, что считать Москвой... На Съезде народных депутатов из 2200 депутатов приблизительно 400 нас, безусловно, поддерживали...

Речь идет о тех, кто действительно определяет политику.

Что ж, мне пришлось участвовать в заседании, которое вел А.Яковлев. Решался вопрос о пакте Риббентроп-Молотов. Для меня совершенно ясно, что Яковлев понимает, что для нас главный вопрос — независимость. Но как он будет действовать — это другое дело. Во всяком случае Яковлев высказал мысль, которая проливает свет на то, о чем и как думают творцы перестройки в Москве. Он сказал, что принимая те или иные шаги (речь шла об обнародовании пакта Риббентроп—Молотов), мы всегда должны искать бесспорные формулировки, строить такую политическую платформу, которая была бы приемлема для большинства. Мы не можем, сказал он, ставить себя под удар, принимая неосторожные или спорные решения.

Я не верю, что Горбачев не понимает, чего мы добиваемся, но он выдвигает тезис о том, что нужно мириться с реальностью. Но для нас это означает сохранение status-quo. Мы с этим не согласны и готовы полемизировать. Ведь сам же Горбачев бросил клич о том, что нужно строить правовое государство, а как же его можно строить на неправовых началах?

Вернемся к реалиям. В каких вопросах, по-вашему, московские руководители все же готовы поступиться, а в чем они будут стоять "на смерть", вплоть до применения силы?

Думаю, самое страшное, неприемлемое для Москвы — это такой поворот событий, когда нелитовское население, прямо говоря — русское население, от нас побежит. Тогда на руководителей страны будет оказан такой нажим, что они, как мне кажется, пойдут на любые, самые крайние меры. Это было бы катастрофой для всех. Ну, и второе — в Москве боятся цепной реакции, боятся, что нашему примеру последуют другие республики.

Итак, ясно, болевая точка Москвы — отношение национальных движений в балтийских странах к некоренному населению. Вопрос этот чрезвычайно важен и безотносительно к реакции Москвы. В этой связи хотелось бы знать, есть ли у Саудиса конструктивная долгосрочная программа в отношении двух главных национальных меньшинств в Литве — русских и поляков?

Прежде всего замечу, что хотя в начале нашего пути русское население относилось к нам настороженно, теперь с каждым днем все больше и больше русских поддерживают линию Саудиса. В этом отношении ситуация в Литве уникальна. Конечно, эти вопросы должны регламентироваться законом. Сейчас разрабатывается Закон о гражданстве. Я не знаю, каким он будет, я не участвую в его создании. Знаю только, что Закон либо предоставит гражданство любому человеку, живущему в Литве на день принятия этого закона, либо даст ему возможность со временем стать гражданином Литвы. Не будет такого положения, чтобы кто-то из живущих в Литве не мог получить гражданства, а разговоры о депортации — грубая ложь. Будут, конечно, выдвинуты условия, связанные со знанием языка, с необходимостью уважать суверенитет, традиции Литвы, — деталей я не знаю. Но никого, ни при каких обстоятельствах не будут вынуждать покинуть Литву.

Как принимает проект Закона о гражданстве нелитовское население?

По-разному. Общество "Единство", конечно, остро критикует его. Руководители "Единства" требуют, чтобы Закон учитывал буквально все — любую деталь, любую мелочь. Все, что касается нелитовского населения, должно быть, по их мнению, предусмотрено и гарантировано. Но это технически невозможно. Хотя

Закон, повторяю, гарантирует равенство всех граждан Литвы, независимо от национальности.

Может быть, дело в том, что гарантий только гражданского равноправия недостаточно? Ведь русские и поляки — не просто граждане, они еще и члены очень крупных национальных общин, и их волнует, видимо, смогут ли они вести полноценную жизнь именно как русские и поляки. Не кажется ли вам, что необходимо выработать и узаконить некий национальный концензус, который предоставил бы русскому и польскому населению статус национальных общин?

Я не понимаю, зачем это нужно. Ведь в независимой Литве все народы жили и развивались свободно. У русских были свои общины и церкви, свои культурные учреждения. У евреев были школы, театры, газеты, журналы — все что хотите. Белорусы имели в Литве значительно больше гражданских и национальных прав, чем в Советской Белоруссии. Вот вам и модель будущего.

Как вы видите решение польского вопроса?

Это вопрос очень сложный и запутанный. Прежде всего необходимо понять, в чем суть дела. Одно время у нас шли острые дебаты, — кто же такие литовские поляки: ополяченные литовцы или переселившиеся сюда поляки. Глупый, бессмысленный спор. Есть, наверное, и те, и другие, и им самим решать, кто они — поляки или литовцы.

По существу же, здесь много парадоксов. Во-первых, у нас в Литве для поляков созданы относительно (не все решалось в Литве) самые хорошие условия. Есть и польские школы, и Педагогический институт, выходят польские газеты и пр. Такого у поляков нет ни на Украине, ни в Белорусии, нигде в СССР. И вот это-то сравнительное благополучие польского населения в Литве породило идею переселить сюда всех поляков, живущих в Советском Союзе — приблизительно полтора миллиона человек, — и образовать одну польскую политико-территориальную единицу, республику или что-то в этом роде. Мы категорически против этого.

Что же касается культурной автономии, то лично я — за. Пусть поляки говорят на своем языке, развивают свою культуру, ездят сколько угодно в Польшу — и никто им мешать не должен.

Интересно, что наши идеи культурной и даже экономической автономии для польского населения (я и против этого не возражаю) находят поддержку в Польше и во влиятельных кругах польской эмиграции в США, Канаде и Западной Европе. Мне доводилось встречаться с представителями этих кругов. Они отнюдь не поддерживают крайних требований части поляков, проживающих в Литве, не поддерживают их политических притязаний на Вильнюс и Вильнюсский край. Ведь польская диаспора велика, очень много поляков живет в разных странах. Они считают нормальным, что, живя в другой стране, имеют возможность сохранять свой язык и культуру и поддерживать связи со своей исторической родиной, с Польшей.

А встречались ли вы с представителями польского населения Литвы?

Да, мы встречались и очень интересно беседовали. Мы — то есть Озолас, Чапайтис и я — выслушали представителей польской общественности и поняли, что у них есть серьезные и обоснованные претензии к нам. Нам, например, сказали, что за все годы перестройки в Литве не вышло ни одной книги на польском языке. Это позор.

Больше всего претензий в области экономики и бытового обслуживания. Нас упрекали в том, что вильнюсские руководители уделяют мало внимания нуждам районов с польским населением. Здесь с ходу ответить трудно, надо разобраться. Возможно, нарушения и были, и их необходимо устранить. Наши собеседники заявили нам, что они заинтересованы в становлении собственной интеллигенции и хотят,

чтобы в вузах Литвы были зарезервированы места для польской молодежи. Что ж, эти требования справедливы, и мы будем пытаться их удовлетворить. Но важно главное — решать проблемы нужно путем диалога и компромисса, а не силовыми приемами, давлением, ультиматумами. Все это только разрушает фундамент новой Литвы, которую мы хотим построить. А если мы ничего не добьемся, хуже будет и нам, литовцам, и русским, и полякам, живущим в Литве.

Вернемся к проблемам, связанным с Москвой. Угрожали вам когда-нибудь оттуда и если да, то в чем состояли эти угрозы? Думали ли вы, как будете противостоять давлению?

Угрозы, в основном, носили косвенный характер. Намеки, полунамеки... Правда, когда наши представители ездили в Москву окончательно согласовывать планы экономической самостоятельности республики, там им прямо говорили: "А вот мы вам краны перекроем, что будете делать?" Конечно, было бы очень тяжело. Но, во-первых, это не остановит движения к независимости. Во-вторых, время работает на нас. Совсем недавно о нас и нашей борьбе мир ничего не знал. Сейчас положение стремительно меняется. Наши политические и экономические связи крепнут и расширяются. Так что, если Москва "перекроет нам краны", мы получим помощь со стороны других стран и все равно встанем на ноги. Я не сомневаюсь, что сегодня это реально.

Ну, а как насчет связей с Эстонией и Латвией? Планируется ли создание Балтийского союза или федерации?

Связи у Саюдиса с Народными фронтами Эстонии и Латвии были с самого начала, и они оформлены, если хотите, юридически. Мы подписали Декларацию о сотрудничестве. Мы периодически встречаемся в Риге, обсуждаем политические, юридические, экономические и социальные вопросы. Конечно, организационной структуры еще нет. Но мы думаем о создании такой организации, пытаемся договориться о том, какой она должна быть.

Что касается Балтийской федерации, то это дело будущего. Думаю, что на первом этапе нужно создать Таможенный союз балтийских стран. Это необходимо.

В заключение скажите, пожалуйста, каким вам видится ближайшее будущее Литвы?

Как это ни прискорбно, я предвижу наступление консервативных, антидемократических сил. Сегодня консерваторы в растерянности, но они оправятся от нее. Они не могут позволить событиям развиваться своим чередом, то есть в направлении демократии. Могущество партаппарата, КГБ, армии очень велико, и эти монстры только выжидают момента, чтобы нанести нам удар. Во всяком случае, когда я вижу людей из этих организаций на заседаниях народных депутатов, у меня не остается сомнений в том, чего они хотят и как они с нами поступят. Конечно, есть надежда, что новое руководство сумеет как-то обуздать реакционеров, хотя бы частично ограничить их силу и власть. Надежду внушает и движение за демократическую Россию. Раньше оно группировалось, в основном, вокруг Сахарова. Теперь оно расширяется и преобразуется. Если это движение наберет достаточно сил, чтобы противостоять реакции, тогда все мы спасены. Но даже если консервативные силы предпримут попытку контрнаступления, то оно в конце концов все равно провалится — ведь это будут предсмертные судороги сталинизма. А у страны нет иного пути, кроме демократии. Иначе всеобщая гибель. И уж после окончательного поражения сталинизма наше дело восторжествует. Я твердо верю в это, верю, что Литва будет свободной. ●

ВРАГ ВО ГЛАВЕ КОЛОННЫ

Итак, русский рабочий класс заявил о себе.

В июле 1989 г. Россию потрясли забастовки горняков почти всех угольных бассейнов страны. Рабочие предъявили объемистый пакет требований: от улучшения бытовых условий до отмены ст. 6 Конституции, утверждающей руководящую роль партии. В требованиях горняков отразились все те проблемы, над решением которых трудятся демократические силы России. Подобно Афине Палладе, вышедшей из головы Зевса во всеоружии, перед изумленным миром предстало русское рабочее движение, заслужив одобрение и симпатию мировой общественности. Судя по характеру поднятых проблем, не будет ошибкой назвать выступление углекопов политической забастовкой.

Пример заразителен: в конце того же июля объявили забастовку — и тоже политическую — русскоязычные рабочие в Эстонии. Число бастующих, по данным Интердвижения, достигло 40 тысяч. Среди них были рабочие крупных заводов союзного значения, водители автобусов, служащие Аэрофлота, железнодорожники Таллиннской товарной станции. Бастующие выставили пикеты, организовали митинги, вели переговоры с представителями властей; забастовка как забастовка. И все же — какая-то курьезная: администрация поддерживает бастующих, директора на их стороне, Москва сохраняет олимпийское спокойствие. И это тем более примечательно, что многие из бастующих заводов относятся к системе оборонной промышленности. Все это давало повод утверждать, что Москва поддерживает бастующих.

Что же заставило русских рабочих прибегнуть к столь радикальным мерам?

Их не беспокоило катастрофическое положение экономики страны. Они не встревожены перспективой разорения и опустошения половины Эстонии сланцевыми и фосфоритными разработками. И уж точно не выступают против владычества гигантских всесоюзных монополий, которые и являются главным препятствием для переустройства экономики, а заодно и всей общественной жизни страны.

Бастующие выступают против утверждения эстонского языка государственным языком, против ценза оседлости в новом избирательном законе Эстонии. Они выдают себя за национальное меньшинство и утверждают, что эти законы нарушают их права человека и гражданина.

Тут необходимы пояснения.

Согласно действующему закону о гражданстве, каждый гражданин Эстонии является одновременно и гражданином Советского Союза. Перевернув это уравнение, придем к абсурду: каждый гражданин Советского Союза является одновременно и гражданином Эстонии.

Таким образом число граждан Эстонии может теоретически достигнуть 200 миллионов человек. Учитывая еще то обстоятельство, что между "республиками" нет границ, становится очевидной вся лживость и необоснованность разговоров о каком-то загадочном "национальном меньшинстве", права которого нарушаются. По такой логике можно утверждать, что одномиллионный эстонский народ нарушает права почти трехсотмиллионного советского народа...

Отметим также, что на территории Эстонии расположены крупные армейские соединения всех родов войск (кстати, тоже русскоязычные), не подчиненные властям республики. Этим вопрос о национальном меньшинстве можно считать исчерпанным: таковым, конечно, являются эстонцы.

Нетрудно понять, насколько необходимым в таких условиях является ценз оседлости. Понятно и другое: закон этот призван защищать интересы *всего* населения республики, *невзирая* на национальную принадлежность. Нужно ли объяснять, что деле государственные не должны решать люди, находящиеся в Эстонии случайно, проездом, временные жители или недавно прибывшие. Этого не может себе позволить ни один народ, желающий построить демократическое общество.

И что это за ценз такой: два года — для голосующих, пять лет — для кандидатов! Во всех цивилизованных государствах аналогичные нормы не менее строги, скорее наоборот, и никто их не упрекает за попрание прав человека.

Что касается Эстонии, то данный закон является первой в Советском Союзе попыткой придать некоторое реальное содержание понятию гражданства союзной республики. Можно предположить, что этому примеру последуют не только союзные "республики", но и сама Российская Федерация, если избиратели не хотят допускать к рычагам власти случайных людей.

Особое негодование бастующих вызывает закон об эстонском языке. Очевидно, они усматривают в нем серьезную помеху перестройке, которая без этого закона решительно сдвинулась бы с места. Остается только непонятным, каким именно образом эстонский язык мешает жить и работать, например, водителю автобуса. На работе с ним разговаривать нельзя ни на русском, ни на эстонском, вообще ни на каком: табличка запрещает. В магазине — продавщицы обязаны обслуживать на обоих языках. Также и врачи, милиционеры, руководители производства и другие должностные лица, перечисленные законом. Затруднения могут возникнуть разве что с женой, ежели та окажется эстонкой.

В еще лучшем положении железнодорожники: русский язык утверджен в качестве служебного языка на железных дорогах.

Забастовала и служба информации Аэрофлота. Стало быть — не отвечают, когда спрашивают по-эстонски, хотя эстонцы составляют добрую половину пассажиров.

А уж совсем непонятными остаются мотивы протеста рабочих крупных заводов союзного значения. Именно закон о языке защищает рабочего, обязывая руководителей производства знать оба языка. К тому же контингент и рабочих, и служащих здесь почти полностью русскоязычный.

Причины забастовок, конечно, не в этих двух законах; эти законы — лишь выдуманный с горем пополам повод. Чтобы понять настоящие мотивы бастующих, необходимо бросить беглый взгляд на структуру советской экономики, не упуская из виду, что по определению Ленина "политика есть концентрированное выражение экономики".

Как известно, в СССР национализированы средства производства, транспорт, банки, земля и природные богатства. Все это объявлено собственностью народа, то есть — государства. А под государством подразумевается "наш общий дом" Советский Союз — единое многонациональное государство.

Такой громадной собственности мир еще не видел: от Восточной Пруссии до Берингова пролива!

Управляется и эксплуатируется эта собственность всесоюзными ведомствами, вмешиваться в деятельность которых местные власти не имеют никакой возможности. Отсюда вытекает, что земли и воды, лес и сланец, заводы, фабрики и их продукция принадлежат не Эстонии, а бюрократии в центре, которая, кстати, берет на себя и тяжелое бремя распределения национального продукта. Все народы бросают свое добро в общий котел, и оттуда Госплан черпает им их долю по своему усмотрению. Этот котел — аллегория "единого комплекса народного хозяйства", и мы часто слышим такое словосочетание в речах руководителей страны. Стоять у этого котла и приятно, и почетно; поэтому он окружен тесным кольцом центральной бюрократии.

О национальной экономике в рамках такой системы говорить трудно, ибо этот "единый комплекс" высокомерно игнорирует местные интересы; в расчет идут только интересы общегосударственные, то есть — ведомственные.

Такое бесправие местных властей неизбежно привело страну к упадку, и людям остается лишь беспомощно наблюдать за картиной разорения родных краев. Земля без хозяина беззащитна, и люди без земли — тоже.

Поэтому неудивительно, что вопрос о полномочиях местных властей стал злободневным не только в национальных республиках, но также во многих регионах самой России. Но есть и существенная разница: в республиках обстановка осложняется национальным вопросом, созданным в результате проведения в жизнь другой концепции, которая также часто отражается в официальных выступлениях. Это концепция "единого советского народа".

Что может представлять из себя такой странный народ?

Очевидно, это бывший русский народ, растворенный в этническом океане Империи. Говорить этот народ будет, вероятно, по-русски, и можно будет ожидать появления самых удивительных диалектов — от кавказского до прибалтийского. Народ без корней, традиций, национальной культуры и родных краев.

Создания такого единого народа требуют интересы единого комплекса народного хозяйства, а обе программы вместе призваны продлить существование Российской Империи под покровом лозунга пролетарского интернационализма. А интернационалисты с досадой обнаружили уже в ранней стадии революции, что сам факт существования разных народов — препятствие на пути в светлое будущее. Первым в плавиной печи оказался именно русский народ.

Таким образом, под маской концепции *единого* комплекса народного хозяйства и *единого* советского народа перед нами грандиозная программа геноцида: десятки народов осуждены к исчезновению с этнической карты мира.

Воплощение в жизнь первой концепции лишает народы собственности, а тем самым экономической и политической независимости.

Вторая концепция утверждает политику ассимиляторства, которой народы, лишенные собственности, уже не могут противостоять.

В этом свете нетрудно понять неприязнь партаппарата к любым реформам вообще, а к программе хозрасчета Эстонии в особенности. С нескрываемым раздражением отнеслись руководители страны к декларации Верховного Совета Эстонии о суверенитете. В штывки встретила всесоюзная печать закон о государственном языке. Ярость вызвало объявление природных богатств Эстонии собственностью республики. А тут еще и ценз оседлости! Все это направлено против владычества центральных ведомств и тем самым посягает на святая святых.

Идет борьба за собственность, ибо для осуществления республиканского хозрасчета необходимо ее разделить.

Не то, чтобы руководители Эстонии были пламенными патриотами. Но у себя дома прослойка национальной бюрократии хочет быть полновластным хозяином (вспомним Милована Джиласа!). И так как для достижения своих целей они не могут опираться на генерала Родинова, который при первой возможности перебил бы их самих, они вынуждены искать опору в общенародном движении за национальное возрождение.

От собственности они легко не откажутся, а с народными движениями можно бороться с помощью других народных движений.

В противовес национально-освободительным или просто реформистским движениям было вызвано к жизни Интердвижение и близкие к нему различные союзы трудовых коллективов. Они провозглашают лозунги, которые на устах номенклатуры уже не вызывают доверия.

Но вот беда — у этих движений нет идеологии, нет позитивной программы; они не могут четко и ясно сформулировать свои цели, указать, за что или против чего они борются. Вернее — все это у них есть, но вслух неудобно высказать.

Нельзя перед лицом мировой общественности заявлять, что мы — за власть номенклатуры, за владычество монополий, за Империю и за Сталина. Но можно ратовать за единство партии, за единый комплекс народного хозяйства, за наш общий дом и его славную историю.

Неудобно требовать подавления национально-освободительного движения и воспевать политику ассимиляторства. Вместо этого призывают к защите социалистического отечества и сближению народов.

Неприлично проповедовать геноцид, но славить единый советский народ или пролетарский интернационализм вполне можно.

Уши короля Мидаса не скрыть: духовная близость Интердвижения со сталинистским крылом партаппарата и агрессивно-послушным большинством Съезда очевидна, а забастовки рускоязычных рабочих в Эстонии и Молдавии — это Интердвижение в действии. Бастующие рабочие оказались в руках центральной бюрократии орудием проведения великодержавной политики, тем самым вписав позорную страницу в историю русского рабочего движения. Фактически они выпялили ту роль, которая им была предназначена по сценарию Сталина: быть гражданским гарнизоном.

У Бертольда Брехта есть изречение: "Когда начинают маршировать, враг обычно шагает во главе колонны".

В полной мере это относится и к забастовкам "в защиту прав человека" в Эстонии и Молдавии.●

НАДО ЛИ ЕХАТЬ В ОБЩЕЙ ТЕЛЕГЕ?

Поэт Наум Коржавин (Мандель) — друзья называют его Эммой — в брежневское время покинул Москву и сейчас живет в Бостоне. Наш журнал (№ 11 за 1984 г.) публиковал уже его дискуссию с Генрихом Бёллем.

4 октября этого года "Литературная газета" опубликовала письмо-статью Наума Коржавина "Всем, кто захочет выслушать меня в Прибалтике". Статья эта по праву была расценена многими, как "второе заявление ЦК КПСС" (имеется в виду заявление от 26 августа, которым "руководящая и направляющая" сила нашего государства пыталась поставить "зарвавшихся прибалтов" на место). Главный смысл статьи Н.Коржавина — убедить прибалтов, что "попытка воспользоваться ситуацией для скорейшего достижения независимости чувствительна для всех".

Науму Коржавину отвечает его друг, московский писатель и поэт Юрий Айхенвальд.

Дорогой Эмма!

В свое время, если помнишь, на нашей московской кухне у нас с тобой бывали крутые споры о перспективах хрущевья — я к перспективам относился скептически, ты — с надеждой; как обычно, ты, возражая, сердился и кричал, что хрущевские реформы и развенчание Сталина — экзамен народа на политическую зрелость, а я по своему злопыхательству не желаю видеть очевидного. Я же отвечал, что население на экзамен этот не пойдет, а пойдет вместо того в магазины посмотреть, где что дают, тем самым устроив экзамен верховным реформаторам.

Сейчас этот всенародный экзамен благородным устремлениям властей возобновился, — и боюсь, что реформаторы провалятся снова. Но поскольку в руках у них власть, они поставят экзаменатору двойку и оставят его в очереди на второй год.

Когда ты недавно был в Москве, опять между нами не было согласия: я так все своих надежд и не питаю, а ты свои подкармливаешь. В результате, хотя мы и оказались вместе, я вдруг почувствовал, что снова расстояние между нами "как от Нью-Йорка до Караганды" (строчка из моего стихотворения, посвященного тебе: оно напечатано в июньском номере "Знамени" за этот год, там есть еще одно мое стихотворение, тебе посвященное).

Нет, я ничуть не отрицаю того, что нужно помогать перестройке. Но "перестройка" — довольно грубая метафора. Публичный дом перестроить в монастырь, — но что из этого? Длиннее (и точнее) будет сказать, что нынешняя советская Администрация хочет стимулировать социально-психологическое развитие подвла-

стных, пробуждая в них ответственность и активность, одновременно проводя реформы, для осуществления которых надо, чтобы эта психологическая эволюция уже принесла результаты. Разомкнуть круг, который может сделаться для реформаторов петлей, возможно прежде всего через развитие диалога, формирующего общественные отношения.

В этом смысле твоя статья "Всем, кто захочет выслушать меня в Прибалтике" по форме очень своевременна.

Но вот в начале статьи ты представляешься своим предполагаемым собеседникам так: "Я хоть человек еврейского происхождения, но русский поэт и вообще человек, болеющий за Россию..."

Это уступительное "хоть" применительно к своему еврейскому происхождению меня оскорбило. Кому и что ты уступаешь? Советским национал-бесноватым, для которых еврейская кровь – врожденный и неисправимый порок, исключаящий любовь к России?

Почему тебе вдруг стало неудобно сказать о себе, как прежде, что ты – русский поэт, безоговорочно русский поэт, и это достаточно тебя характеризует? Другое было время? Но стоит ли приспособляться к нынешнему?

Не станет же Генри Киссинджер говорить о себе: "Я хоть человек еврейского происхождения, но американский государственный деятель и патриот Соединенных Штатов."

Боюсь, что участникам диалога ты отрекомендовался не в европейском стиле, а в том, какой сочли бы приличным для еврея, пишущего по-русски, Куняев с Шафаревичем.

Отрекомендовавшись, ты продолжаешь: "Следовательно, по вашей раскладке, я защищаю интересы противоположной стороны."

Но почему ты так уверен, что с точки зрения эстонцев, литовцев, латышей тот факт, что ты русский поэт и любишь Россию, уже делает тебя их противником? Твой друг Давид Самойлов и еврей по происхождению, и русский поэт, и любит Россию, – однако эстонцы его уважают и высоко ценят.

Зачем же оглуплять потенциальных собеседников? Они могут обидеться и перестать слушать.

Это тем вероятнее, что дальше, обращаясь к латышам, литовцам, эстонцам (пусть не только к ним, но прежде всего к ним), ты высказываешь о них следующее предположение на случай возможного выхода прибалтийских республик из СССР: "Надеетесь, что сами под шумок выскочите, и ярость твердокаменных падет на нас? За нас вы никакой ответственности не чувствуете... Вам бы выбраться, а там хоть трава не расти. Черт с ними, с оккупантами, так что ли? Но ведь это духовная энтропия, философия, доступная всем и чреватая последствиями для всех".

Но кто же тебя захочет слушать, если ты предполагаешь в слушателе столь отталкивающие свойства?

Дальше в своем обращении ты рекомендуешь латышам, литовцам, эстонцам не забывать, что в установлении советской власти 70 лет назад "весьма существенную роль сыграли многие прибалты". Если ты имеешь в виду латышских стрелков, то часть их воевала за Советы, а часть защищала Латвийскую республику, сражаясь с Красной Армией. И вообще, – почему нынешние латыши, литовцы, эстонцы должны чувствовать себя ответственными за действия, которые были совершены до их рождения? Или ты стал сторонником принципа наследственной народной вины – ответственности детей за отцов, внуков за дедов?

Но какой же цивилизованный человек будет воспринимать писателя, верного такому принципу?

Или вдруг ты мимоходом бросаешь, что при сталинщине "испорченная жизнь среднего человека у вас была намного легче, чем нормальная в России".

Что ты имеешь в виду? Что у них колбасы было больше? Витрины богаче? И утверждая это, ты надеешься, что человек из Прибалтики, в чьей семье был либо бежавший от большевиков, либо казненный большевиками, либо погибший от варварских депортаций, — а то и по несколько жертв, — станет после этого тебя уважительно слушать?

К тому же этому человеку духовно было много тяжелее, чем нам с тобой. Ведь мы, как миллионы подсоветских людей, оправдывали разными высокими соображениями оккупацию его страны. Мы находили исторические оправдания для апокалиптического сталинского террора, а прибалтийский обыватель знал, что из свободного человека он стал рабом, не смеющим вспоминать свое прошлое. Ему, этому покоренному человеку, было много хуже, чем нам, воодушевленным рабам победоносной империи, даже не замечающим своего рабства.

А покоренные свою тоску по утраченной свободе передали детям и внукам, молодежи, активу народных фронтов прибалтийских республик.

Ты совсем не понимаешь людей, которых хочешь убедить. Ты же не со мной на кухне споришь, не меня обличаешь, ты к целым народам — многострадальным народам! — обращаешься.

Без умения вести диалог сколько-нибудь обнадеживающее развитие нашего общества невозможно. Ты же по существу лишь слегка перелагаешь тезисы наших консерваторов и этим только мешаешь тому процессу "перестройки", которому хочешь помочь. А помогаешь, наоборот, "твердокаменным", которые теперь смогут сказать: не только мы, но и "эти" диссиденты-эмигранты осуждают прибалтийский экстремизм.

Нет, жители прибалтийских республик "твердокаменным" не помогали, когда встали цепочкой "в один или в два миллиона человек", как ты пишешь (но уж если считать, то не с точностью до миллиона!).

Без энергичной оппозиции (речь, разумеется, идет о ненасильственной борьбе) горбачевская "перестройка" кончится обвалом.

У нас теперь в моде идея социализма с человеческим лицом. Но судя по выступлениям некоторых видных партийных функционеров на пленумах ЦК, к их лицам трудно подобрать человеческие маски. Поэтому важно, чтобы мощная руководящая, но при этом консервативная прослойка подвергалась двойному давлению: изнутри, со стороны Горбачева и его сотрудников, и извне, со стороны парламентской и внепарламентской оппозиции, выражающих настроения населения, с которым после недавних забастовок не считаться уже нельзя. Без этого внешнего давления центральное правительство может принимать опрометчивые, чудовищно опасные для него же решения.

Вот примеры только этого лета по Эстонии.

Хотя строительство фосфатных шахт, грозивших Эстонии экологической катастрофой, было прекращено (угроза катастрофы и вызвала у жителей Эстонии протест, с которого началось теперешнее движение), этим летом эстонцы получили постановление Совмина СССР о возобновлении строительства одной из этих шахт, в свое время признанной экспертами экологически опасной.

С чьей стороны проявлен тут экстремизм? Со стороны центрального правительства или со стороны эстонцев, опубликовавших в печати известие об этой команде свыше, но явно не желающих эту команду выполнять? А сколько такого же типа "административно-командных" и политически вредных для администрации Горбачева указов еще последует, если не будут им противодействовать на местах?

Другой пример. Год или два назад в порядке переподготовки были призваны в армию резервисты, которых отправили приводить в порядок Чернобыль. Держали их там дольше положенного срока, условия были скверные, защита от радиации недостаточная. Эстонские резервисты (не все — эстонцы по национальности) возмутились; с ними расправились. Очень скудные сведения об этом попали в эстонские газеты. В этом году военные власти в Эстонии снова попытались мобилизовать

резервистов для работы в Чернобыле. Как писали о том эстонские газеты, у людей обманом забирали паспорта и вручали повестки. За неявку грозили суд и скорая расправа.

В ответ правительство Эстонии, открыто нарушив прерогативы Министерства обороны СССР, заявило, что повестки недействительны, что люди могут в военные комиссариаты не являться и никакого наказания за это не понесут.

Надеюсь, ты не станешь возражать: вот именно, опять они заботятся только о себе, ведь кого-то пошлют вместо них!

Во всех республиках правительство должно заботиться о здоровье своих мобилизованных в армию мирного времени граждан. Эстония подала пример другим.

Без оппозиционного (ненасильственного при этом) давления от центрального правительства ничего не добьешься. Возможно, это и самому Горбачеву поможет удержаться на позициях реформатора, если он на них не тверд: не посылать же в Грузию войска из-за того, что комиссия, назначенная Верховным Советом, констатировала желание 89% грузинского населения отделиться от СССР. То же касается и Прибалтики.

Республиканским правительствам требования выйти из состава СССР только полезны: это сильный аргумент в пользу того, чтобы центральное правительство, нейтрализуя "экстремистов", предоставило больше власти "умеренным", увеличив самостоятельность республики.

Но дело даже не в этих соображениях. Важно, что люди меняются — одни к худшему, другие к лучшему, но без этого естественного, органического процесса нет надежды на благоприятное развитие.

Да, всякие исторические неожиданности возможны в России. Неожиданной и — увы! — в то же время вполне вероятной может оказаться победа "твердокаменных". Но это будет пиррова победа, а в переводе на современные исторические события — победа генерала Ярузельского, когда он ввел военное положение. Ни у кого не достанет сил уничтожить нажитый уже опыт социальной солидарности.

Конечно, оппозиция тоже может ошибаться: пример тому — первый вариант эстонского закона о выборах. Но закон можно исправить; гораздо труднее успокоить оппозиционную по отношению к освободительному движению часть русскоязычного населения прибалтийских республик. Трудно этих людей убедить в том, что латыши, литовцы, эстонцы не "нацмены", а русским ровня, что их маленькие страны такие же литовская, эстонская, латышская земли, как Россия — земля русская. В новой Латвии, Эстонии, Литве от русского человека потребуется знание языка страны проживания (или второй родины — это уж кто как пожелает), уважение к ее истории, культуре, обычаям... Что в этих требованиях оскорбительного? Понятно, что колониальный чиновник викторианской Англии был бы возмущен, если бы от него потребовали язык покоренного племени считать "главнее" английского, а само племя — равным английской нации. Но на то он и был чиновник викторианской эпохи.

А отчего возмутилась, чего испугалась та часть русскоязычного населения Эстонии, которая после поднятия триколора над Таллинном стала грозить за это забастовками?

Добиться от тех же эстонцев правильной организации обучения эстонскому языку куда проще, чем объяснить участнику антиэстонского забастовочного движения, что свобода Эстонии — это и свобода русских. Люди просто испугались своей свободы, испугались естественной в условиях демократии борьбы за интересы своей национальной общины. И по инерции страха они отшатнулись к "твердокаменным".

Разумеется, эти люди не виноваты, они не оккупанты, — но почему от их невинности должны страдать эстонцы, тоже невинные?

Я пишу об Эстонии, потому что знаю эту республику лучше, чем Литву или Латвию.

В твоём обращении есть еще один странный мотив: ты уговариваешь жителей Прибалтики, чтобы они, обдумывая свою национальную судьбу, решили ее не в ущерб "нам". Кто эти "мы"? Русские? Украинцы? Молдаване? Почему "наши" интересы (больших народов?) иерархически выше, чем заботы народов малых? Может быть, "нам" следует чем-то поступиться ради "них": ведь кроме национальных интересов должно существовать и национальное благородство...

Ты, конечно, прав, когда пишешь, что все "мы" (очевидно, народы СССР?) впряжены в одну телегу (ты ее называешь колесницей). Это факт, возникший исторически, что ты и предлагаешь осознать. Но ты на этой осознанной необходимости предлагаешь людям еще и успокоиться. Однако не все из них марксисты. К тому же в ходе следования по историческому пути выяснилось, что не дивная гоголевская тройка влечет "колесницу", а что впряжены в нее лебедь, рак и щука, – тройка уже крыловская, вследствие чего в подотчетный период великого похода вместо поступательного движения была одна тряска. Теперь надо как-то выпутываться, а не трястись по инерции прежнего движения на месте. Иначе "колесница" треснет и развалится на части с большим вредом для людей. Но может быть, наш узел только кажется гордиевым, а на самом деле удастся обойтись без меча?

Думаю, что разум не предоставляет нам для этого другой возможности, кроме честного диалога. То, что происходит, когда на этом пути возникает тупик, ясно видно на примере блокады Армении азербайджанцами. Но такие ситуации приходят к человеку – и к целому народу – как болезнь.

В Прибалтике совсем другое развитие, и не надо, наблюдая прибалтийское течение событий, измерять это течение мерой карабахских или абхазских эксцессов.

Вообще же беда не в том, что ты смотришь на Россию издали. Плохо, что ты на своих предполагаемых прибалтийских слушателей смотришь хоть и благожелательно, но свысока, без должного внимания и понимания; предлагаешь им решать свои проблемы "только в масштабах единого большого государства при общей нормализации жизни", то есть после дождичка в четверг.

Боюсь, что ты, припав к родимой почве, заразился свежей здешней болезнью – "прогрессирующим конформизмом". Это опасная инфекция: даже маслительные прорабы перестройки заболевают. Надежный иммунитет есть только у Дон Кихота перестройки – академика А.Д.Сахарова.

Так что, Эмма, понять тебя можно, но согласиться с тобой нельзя. Увы, больше нет у нас с тобой общей избы (в виде московской кухни), чтобы сора из нее не выносить. В силу твоей человеческой значительности, уважения и любви к тебе твое выступление в "Литературной газете" окажет влияние на многих. Твой пример заразителен, а болезнь (синдром прогрессирующего конформизма) опасна. Поэтому я и не стал писать тебе частного письма, а написал открытое.

Желаю тебе в дальнейшем успехов и доброго здоровья. Твой

Ю. Айхенвальд (Москва)

Даур ЗАНТАРИЯ (Сухуми)

РАЗМЫШЛЕНИЯ С ИНОРОДНЫМИ ЦИТАТАМИ

О ситуации в Абхазии

*Но дважды ангел протрубит,
На землю гром небесный грянет,
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.*

Пушкин, "Подражание Корану"

Абхазия похожа на Ливан, каким его показывают с телеэкранов. Мой мальчик продолжает рисовать любимых насекомых, но над ними вертолеты, под ними БТРы. Люди подозрительно косятся друг на друга. В нашем субтропическом курортном краю теперь и в помине нет той праздничной атмосферы, которая обычно здесь царила не только в сезон, но и круглый год. Еще днем люди гуляют по улицам. Но к вечеру, не ожидая одиннадцати часов, после которых, согласно "особому режиму поведения граждан", появляться на улицах запрещено, улицы пустеют. Официальные сводки убеждают, что обстановка нормализовалась. Однако то там, то тут ночную тишину разрывают взрывы или выстрелы. События сразу же обрастают слухами. Население убеждено, что видимое спокойствие есть не что иное, как временное затишье.

Национал-демократическая партия Грузии объявила с 15 августа национальное неповиновение. Я пишу 17-го. Все тихо, потому что эта партия дала правительству срок до 1 сентября, чтобы расправиться с абхазским руководством и Народным форумом. То, что произошло, не получило политической оценки, не создана комиссия, которая изучила бы причины конфликта. С первого дня во всем обвинили абхазский народ. Не какую-то его часть, а весь народ. Абхазов выгоняют из домов, непокорным грозит поджог или взрывное устройство. На предприятиях, где грузины в большинстве, абхазам объявляют бойкот и не пускают на работу. Начались массовые аресты. Два района Абхазии объявили, что переходят в непосредственное подчинение Тбилиси. Из них изгнаны абхазы. Люди запасаются оружием. Мало кто сомневается, что случившееся повторится — только в худших формах.

В начале августа в Абхазию прибыли представители народных фронтов всех городов Северного Кавказа. Они выразили солидарность с абхазами и готовность оказать ему любую поддержку. Конфликт грозит выйти за пределы Грузинской ССР и перекинуться на весь Кавказ. Такова Абхазия сегодня.

Началось все 15 июля в половине седьмого вечера. А еще днем Сухум жил обычной жизнью приморского города, где в это время года на одного местного жителя приходится чуть ли не десять отдыхающих. Внешне ничто не предвещало взрыва. Правда, кордон внутренних войск со щитами и дубинками охранял школу, а толпа, запрудив поднимающуюся к ней улицу, выплеснулась на перекресток против зданий КГБ и МВД. Через квартал, в приморском парке имени Руставели, собралось около тысячи человек. Но многолюдные собрания стали в последнее время явлением повседневным.

Катастрофа произошла потому, что она приближалась с каждым днем, с каждым часом. О ее приближении знали и местные власти, и Тбилиси, и Москва. Однако не было сделано ничего, что могло бы ее предотвратить.

Предыстория в общем известна. В начале апреля грузинская часть студентов Абхазского университета объявила забастовку. Вскоре к ним присоединился профессорско-преподавательский состав грузинской национальности. Многие предпринятия выразили им свою солидарность. Акция была одобрена тбилискими лидерами. Забастовка прекратилась только после того, как Совет Министров Грузии издал распоряжение о создании в Сухуме филиала Тбилисского университета. Одновременно грузинские писатели Абхазии объявили, что выходят из Союза писателей Абхазии и намерены создать в Сухуме отделение Союза писателей Грузии. Короче, была начата кампания разделения организаций по национальному признаку, создания на берегу Черного моря некоего апартеида.

В ответ на решение тбилисского правительства абхазы провели митинг, где было сказано, что принятие такого важного решения, как открытие филиала ТГУ, без согласия на то абхазского правительства, есть демонстрация, подчеркивающая бесправие и фиктивность автономии Абхазии. Кроме того, открытие филиала, по мнению митингующих, должно было привести к гибели Абхазского университета. В университете функционируют три сектора, что соответствует национальному составу Абхазии. Причем университет практически обслуживает всю Западную Грузию.

На митинге говорилось, что при избытке специалистов в Абхазии, в Сухуме и без того работают Грузинский институт субтропиков и филиал Грузинского политехнического. Грузинский контингент студентов и преподавателей в этих вузах превышает 90%, и это способствует постоянной миграции в Абхазию грузин, хотя плотность населения здесь и без того много выше союзного уровня.

Пересказывать подробности столкновения нет смысла. Отмечу лишь, что и с грузинской, и с абхазской стороны нашлись люди, которые даже после начала конфликта убеждали людей опомниться. Конфликт все еще можно было предотвратить, как удалось раньше, в предшествующие дни. Но кто-то постарался не допустить примирения.

Надеюсь, что меня не заподозрят в необъективности, если скажу: ожесточенность абхазов была вызвана известием о том, что из Зугдидской тюрьмы выпустили всех заключенных, среди которых было много опасных преступников, вооружили и направили к нам карать абхазов. Ожесточение же грузин (я сужу по свидетельствам тех абхазов, которые были заложниками), объясняют тем, что, по слухам, абхазы убивают детей. Не удивительно ли, что местные грузины, которые еще недавно водили дружбу и хлеб-соль с абхазами, поверили в возможность таких зверств? Нет. Средства массовой информации за последние полгода много сделали, чтобы выработать в сознании грузина образ абхаза-монстра, иноверца с налитыми кровью глазами. Даже после трагедии, когда страсти были накалены до предела, грузинское телевидение с утра до вечера передавало небылицы, намеренно подливая масла в огонь. Это вызвало дополнительную панику, дополнительную жестокость и соответственно жертвы.

Замечу, что абхазское телевидение засняло немало исповедей, которые потрясают: старики, которых держали в рефрижераторах; дети, на глазах которых обстреляли дом и избили бабушку; известный певец, которого пинали ногами в шею, "чтобы не пел абхазские песни". Однако, к чести сотрудников абхазского телевидения, они не пустили это в эфир.

Такова картина событий, которые на короткий срок приковали внимание всего мира к маленькой Абхазии. Чтобы объяснить, что собственно произошло, мне придется коротко коснуться предыстории конфликта.

Абхазы по языку и духу близки с адыгами (адыгейцы, черкесы и кабардинцы). В подавляющем большинстве абхазы — православные христиане. Слово Божье предки абхазов — апсилы, абазги и саниги — услышали из уст Святых Апостолов Симона Канонита и Андрея Первозванного. Какая-то часть народа считает себя мусульманами; не есть свинины и не пьет вино, хотя никогда не видела мечетей. При

этом, по моим наблюдениям, и те, и другие охотнее всего справляют языческие обряды.

В конце XVIII века, в преддверии Кавказской войны, Абхазия представляла собой независимое и от России, и от Турции суверенное княжество с однородным абхазским населением. Оно включало в себя всю современную территорию автономной республики, а также Большие Сочи. Царь Восточной Грузии Ираклий подписал с Россией Георгиевский пакт, что вскоре привело к ликвидации его царства. Кабардинцы, однако, разорвали договор, скрепленный еще при Иване Грозном. Началась Кавказская война. Но тыл Кавказа был открыт: в Тифлисе расположился наместник царя на Кавказе. В 1864 году торжественный парад русских войск в честь окончания войны с горцами проводился в Абхазском урочище Кбааде (ныне Красная Поляна в Большом Сочи). Абхазское княжество – последнее самостоятельное государственное образование на Кавказе – было упразднено.

Подавляющее большинство абхазов, как и адыгейцы, черкесы и кабардинцы – их братья по крови и оружию, – стали беженцами и поныне живут в странах Востока (Турции, Сирии, Иордании, Израиле), ни с кем не смешиваясь и мечта вернуться на родину. Густонаселенные ранее районы Абхазии поредели, а оставшееся абхазское население было признано виновным. Среди прочего это означало запрет на учебу и службу в государственных учреждениях и в армии, а также на проживание в городах. Началась колонизация края. Вскоре в Абхазии образовались общины греков, армян, турок, персов, болгар, немцев, эстонцев. Одновременно шел приток грузинского (мингрельского) элемента из малоземельных районов Грузии.

Грузинские газеты теперь охотно пишут о том, что Российская федерация аннексировала Грузию 24 февраля 1921 года, нарушив договор между этими социалистическими республиками от 7 мая 1920 года. Но наши оппоненты забывают добавить, что то же самое грузинская республика сделала с маленькой Абхазией тремя годами раньше. Вступив в союз с доживавшей свои последние месяцы Германией Вильгельма, Грузия в августе 1918 года оккупировала Абхазию и тем самым помещала избранному к тому времени абхазскому парламенту сформировать правительство и провозгласить республику. Повод для оккупации был тот, что необходимо "огрузинить абхазов" в противовес русским властям, которые до этого стремились их "обрусить". Именно так выразился глава правительства Грузии Ной Жордания, напутствуя войска, направленные в Абхазию.

Уточним. Если русским властям надо было "обрусить" абхазов на завоеванной земле, чтобы окончательно усмирить маленький народ, то Грузии нужна была абхазская территория. Они считали, что эта земля им положена в награду за помощь России в войне с горцами.

Идея "огрузинивания" Абхазии родилась на заре нашего века в мечтах социал-федералиста Арчила Джорджадзе. К трем принципам, ранее выдвинутым грузинским просветителем Ильей Чавчавадзе для сохранения нации, потерявшей государственность – Язык, Отечество, Религия, – Джорджадзе добавил еще три: Территория, Государственность, Демократия. Территории, которые он перечислил тогда, основываясь на средневековых границах Абхазо-Грузинского царства, позже вошли в Грузинскую республику почти полностью (за исключением части Абхазии, включенной в РСФСР, Игелой в Азербайджане и Лазистане в Турции).

Но именно в это время усиливается и культурное движение среди абхазов: пишутся и издаются новые учебники, открываются абхазские школы, переводится церковная литература, начинается служба на родном языке в абхазских приходах. Во главе этого движения стоял Дмитрий Гулиа, писатель, переводчик Евангелия, автор "Истории Абхазии", переизданной только в прошлом году, основоположник литературы, основатель первой абхазской газеты, зачинатель театра. Гулиа знакомил абхазского читателя с лучшими произведениями Чавчавадзе и Церетели, перевел "Витязя" Руставели. Его имя абхазы чтят так же, как грузины чтят имя Чавчавадзе. Однако нынешние националы объявили Гулиа "вождем апсуга-сеп-

ратистов” и врагом абхазо-грузинского братства. В апреле этого года могила Гулиа была осквернена, а 16 июля был уничтожен памятник в его родном селе Варча.

К моменту, когда Российская империя развалилась, и Грузия, и Абхазия перестали существовать как государственные единицы. Были Тифлисская и Кутаисская губернии, Особый военизированный Сухумский округ (в пределах нынешней Абхазской АССР), а дальше по побережью шла Черноморская губерния.

Процесс восстановления государственности в Абхазии начался в то же время, что и в Грузии. На основе пропорциональных демократических выборов был избран Абхазский Народный Совет. Он должен был сформировать правительство, укомплектовать воинские формирования для защиты территории. Первейшую свою задачу Народный Совет видел в возвращении абхазских изгнанников на родину.

Однако грузинские наемные войска (правительственная гвардия, состоявшая из казаков) вместе с отрядами народного ополчения при поддержке немецких кораблей вошли в Абхазию и оккупировали ее до границ прежней территории. Войска распустили Народный Совет и арестовали многих народных избранников.

В стране начался террор. В те смутные годы под бордово-черно-белым флагом, который и ныне навязывается Абхазии, процветали насилие, мародерство, нормой стали расстрелы без суда. В политическом плане Абхазия не получила автономии. Правда, чтобы не выглядеть неприглядно в глазах демократического мира, грузинское правительство обещало дать Абхазии конституцию. Проект этой конституции муссировался три года и был принят в урезанном виде лишь за три дня до того, как Сталин сверг демократическое правительство Грузии и установил в ней большевистский режим.

Террор и произвол грузинских войск вызвали протесты Деникина, Великобритании, Турции и даже представителя союзной Германии фон Кресса. Можно сослаться на отзыв Клары Цеткин: ”Кровь стынет в жилах, кулаки сжимаются, как вспомнишь бесчинства, которые творила в Абхазии ”демократическая” республика”.

Три года грузинского владычества в Абхазии были годами отчаянной борьбы абхазов за независимость. Восстания вспыхивали всюду. Представители Абхазии обращались за помощью к абхазам-махаджирам, пытались вступить в союз с горскими народами Кавказа, налаживали контакты с Деникиным и английской миссией. В конце концов был создан боевой отряд Киярас, ставший своей целью изгнание захватчиков. Ненависть к грузинской диктатуре испытывали не только абхазы, составлявшие тогда половину населения, но и остальные народы — в том числе мингрелы и сваны. Позднее Киярас принял большевистскую ориентацию, поднял восстание и призвал на помощь Красную армию.

Режим националов был свергнут. Абхазия стала независимой социалистической республикой (ССР Абхазия). Но это продолжалось неполный год. Советский Союз еще только создавался, и национальными делами ведал товарищ Сталин, тяготевший к гигантизму. Независимость Абхазии раздражала его. В 1922 г. под прямым нажимом наркомнаца Сталина Абхазия ”на особых договорных началах” вошла в Грузию.

Общества и партии, которых сейчас в Грузии множество, объявляют, что в абхазском вопросе они едины. Они едины в том, что автономию Абхазии следует упразднить. Организации, которых я условно называю националами, выработали даже программу ликвидации абхазской автономии, которая изложена в специальном выпуске альманаха ”Летопись” под редакцией Звиада Гамсахурдиа.

Это длилось — читаем там о существовании Абхазской республики — до 1931 года. В том году Абхазия вошла в состав Грузии, как обычная автономная республика. Но происки сепаратистов продолжались до 1936 года. Лишь в период 1936—1954 гг. был положен конец господству сепаратистов и насилию апсуа над грузинами. Однако через год после кончины Сталина сепаратисты попытались взять реванш и восстановить положение, которое существовало при Лакобе. На-

помним, что Лакоба, командовавший Княразом и ставший предсовнаркома Абхазии, был отравлен ядом в доме Берии как раз в 1936 году.

Цитируемый текст называется "Открытое письмо грузинам Северо-Западной Грузии, называемой Абхазской АССР". От имени грузинской интеллигенции его одобрили и подписали общество Руставели, общество Чавчавадзе, национал-демократическая партия и Грузинская Хельсинкская группа.

Видимо, нет надобности объяснять, что это за период 1936–1954 гг. С 1936 года начинается целенаправленное истребление абхазского народа. Хотя уже в то время абхазы составляли в Абхазии меньшинство, именно они дали 82% общего числа репрессированных. Репрессиям и насильственному огрузиниванию подверглись абхазская культура, язык, школы, история, демография, топонимика, наконец, само понятие абхаз.

Все деятели национальной литературы, искусства, культуры в короткое время были уничтожены. И это были не просто сталинские чистки, сами по себе чудовищные. Это было целенаправленное уничтожение абхазской интеллигенции, проводившееся под руководством Берии, мингрела, родившегося в Абхазии. Абхазская культура стала филиалом грузинской. Абхазский язык, принадлежащий к совершенно иной семье, был объявлен диалектом грузинского. Обосновать этот абсурд доводами науки было невозможно. Но у него была твердая опора – сочинение Сталина "Марксизм и языкознание", давшее сигнал к шельмованию выдающегося ученого Марра, который много сделал для изучения абхазского языка и истории.

Абхазский алфавит был насильственно заменен грузинским. Впрочем, последний так и не успел привиться, потому что вскоре абхазские школы были вовсе закрыты и все обучение переведено на грузинский язык, незнакомый абхазам. Детей, осмелившихся перекинуться парой слов на родном языке, наказывали и унижали. Абхазы были объявлены грузинами. Заново была переписана история. В ученых трудах утверждалось, что в хрониках слово "абхаз" следует читать как "грузин".

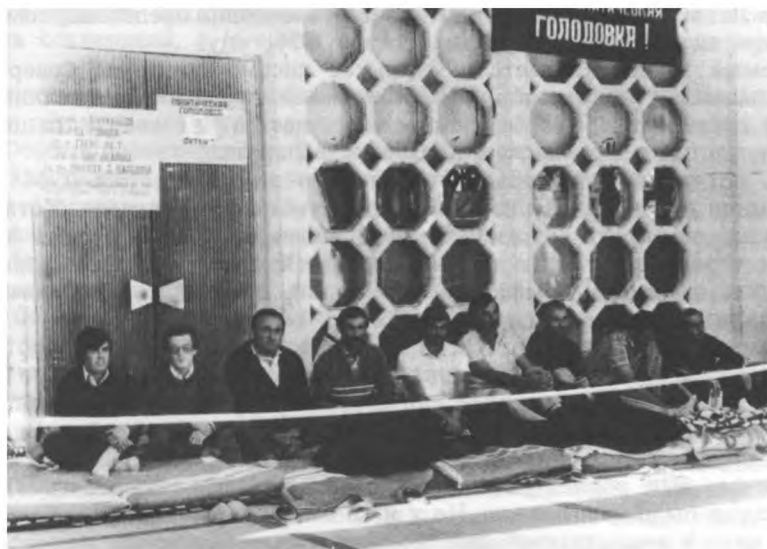
И все это время из районов Грузии в Абхазию переселяли десятки тысяч грузин. Сначала мигрантам предоставляли дома выселенных в Казахстан греков, немцев и месхов, затем, когда этих домов стало не хватать, открылся "Абхазпереселенстрой", специальное ведомство с особыми полномочиями. Изменились названия городов и сел. На территории Сочи, где давно нет ни одного абхазского поселения, абхазские топонимы сохранились: Хоста, Мзымта, Адлер, Кудепста, само название Сочи. Зато в Абхазской АССР, где живут абхазы, топонимика сплошь огрузинена. Если в самой Грузии всем городам, носившим имена деятелей (Махарадзе, Гегечкори, Цхакая), возвращены старые названия, то с поселком Леселидзе, у самой границы с Россией, этого не произошло. Леселидзе был генерал-"малоземелец", у которого политруком служил Брежнев. Характерны и наименования сел: они несут на себе следы сталинской романтики и переводятся с грузинского как Труд, Победа, Знамя, Молодость, Свобода, Восход. К названию городов и рек Сухум, Ткварчел, Кодор добавлено грузинское окончание "и".

При этом, разумеется, формально абхазская автономия была сохранена, хотя ни в администрации, ни в партийном аппарате давно не было абхазов.

В 1954 году процесс похорон абхазской нации действительно был преостановлен. После массовых выступлений абхазские школы были открыты. Стали выходить два журнала. Появились книги абхазских писателей. Однако грузинский алфавит был заменен не прежним латинским, а кириллицей.

Сейчас абхазов в собственной республике осталось лишь 18%, а в Грузии выросли новые поколения, которым сначала внушали, что абхазы – те же грузины, а потом, что мы не древние жители этого края, а пришельцы из-за гор.

Мы ждали перемен – пусть не покаяния, но хотя бы внимания к нашей боли. Увы, националы не только не противопоставили себя в этом вопросе официальному Тбилиси, но заняли еще более радикальную позицию. Еще раз процитирую програм-

Политическая голодовка в г. Гагра (июль 1989 г.)

му: "...грузины должны добиться того, чтобы у Абхазской АССР были отторгнуты районы, которые исторически не принадлежали апсны и где численность апсуа меньше, а именно – Гальский, Гульрипский, Гагрский, Сухумский районы, часть Очамчирского района, а также город Сухуми... А для населенных пунктов апсуа в Гудаутском районе и той части Очамчирского, где у них есть села, создать национальные "округа".

По своему характеру эта программа вполне подходит "Памяти". Только этих коварных апсуа надо заменить масонами. Характерно и то, что воззвание заканчивается известным изречением Сталина: "Наше дело правое – мы победим".

Итак, нам предложена резервация в демократической республике будущего. Не рисковано ли, однако, маленькому народу пускаться в опасное путешествие со спутником, вынашивающим и уже почти осуществившим планы такого рода? Создается впечатление, что авторы письма, ныне являющиеся законодателями общественного мнения в Грузии, под романтической вывеской борьбы за национальную независимость скрывают скорбь по кончине Сталина и ностальгию по прежним временам. Утверждая, что "бояться за молодежь", они на самом деле опасаются потерять прежние привилегии, и потому, маскируясь под правоборцев, направляют – и пока направляют успешно, – волну национального движения по нужному им руслу. И перед Кремлем это удобно, беспорядки направлены вроде бы не против системы, а вызваны чисто внутренними конфликтами.

Между тем предметом вождения была и остается Абхазия. События в Абхазии, в особенности резолюция Лыхненского митинга, объявляются причиной студенческих волнений в Тбилиси, которые привели к трагедии 9 апреля.

Организаторы митинга, прошедшего в Абхазии 18 марта, объясняют его проведение тем, что Абхазия была единственным регионом страны, чье правительство не направило в Москву предложений к предстоящему Пленуму по национальным проблемам. Смысл резолюции, принятой на митинге, состоит в том, что единственный выход из национального кризиса – восстановление за Абхазией статуса союзной республики. Отмечу, что этот митинг был первой манифестацией абхазского населения, тогда как к тому времени в Тбилиси уже вовсю звучали призывы

упразднить абхазскую автономию. Характерно, что под Лыхненским обращением подписалось все взрослое абхазское население, в том числе и руководство республики.

Не буду пересказывать, что последовало за этим. А последовали многочисленные митинги в Грузии, участники которых смело призывали "проливать кровь". Угроза пролития крови, если Россия отделит Абхазию от Грузии, постепенно овладевала умами. Хотя, казалось бы, было очевидно: империя на это не пойдет, если, конечно, Грузия действительно не вознамерится выйти из ее состава вместе с четырьмя госдачами высшего разряда, расположенными на территории Абхазии.

Но реальна ли сама эта идея? Может ли Грузия с ее скудными природными ресурсами (основной продукт этой аграрной страны — чай и цитрусы — сразу обесценится в условиях мирового рынка), низкой организацией труда, с отсутствием современной технологии и нехваткой рабочих рук, да еще в условиях враждебного окружения, рассчитывать на самостоятельное существование? А если Абхазия все-таки уйдет с матерью Грузией, оправдается ли расчет на то, что здесь удастся создать курортную индустрию мировых стандартов, ведь радиоактивное и промышленное загрязнение на нашем отрезке Черного моря в сотни раз превышает допустимые нормы, а почва отравлена пестицидами. Но даже если программа создания самостоятельного государства существует, почему она не выносятся на обсуждение? Наконец, главное — может ли Грузия, с ее внутренними распрями и территориальными претензиями, рассчитывать на радушный прием в демократическом мире?

Полагаю, реалистический ответ на все эти вопросы сводится к тому, что грузины вовсе не собираются выходить из состава империи. А коль скоро это так, с абхазов следовало бы снять упрек в том, что они не хотят вырваться из коммунистического режима, не желают жить в свободном мире.

А пока на грозный вопрос Москвы: почему Грузия бунтует, отвечают, что это бунт не против Москвы, а борьба с экстремистами, с панисламизмом. Придуман даже лидер панисламизма в Абхазии. Это известный писатель Фазиль Искандер, абхаз персидского происхождения. Когда же Искандер неожиданно предал гласности свою позицию по абхазскому вопросу, объявив, что Лыхненское обращение он не подписывал, идею независимости Абхазии не одобряет, а выступает за углубление автономии, вышел конфуз.

Мания панисламизма дошла до того, что выступления абхазов 1954 года с требованием открыть абхазские школы международный обозреватель передачи "Моамбе" связал с приходом к власти Моссадыка; выступления абхазов в 1978 году с требованиями конституционных прав для республики — с возвращением Хомейни в Иран. И 15 июля абхазы справляли не что иное, как поминки по усопшему имаму. Ужас здесь в том, что слушатели и читатели часто этому верят, ибо подобные "откровения" преподносятся им диссидентами, освободившимися от цензуры...

Правда, бывают и сбои. Например, один историк, фамилии которого я сейчас не помню, добрых пятнадцать минут ругал тоталитарный режим. Потом его спросили, как он относится к интервью, которое дал Би-Би-Си Вячеслав Иванов, известный ученый, как член комиссии депутатов перед этим побывавший в Абхазии? Напомню, что трагедию 15 июля Иванов назвал следствием массового психоза в Грузии. Итак, что же ответил историк? "Не следует забывать, — сказал он, — что Би-Би-Си — буржуазная радиостанция, поднаторевшая на антисоветизме". Дальше последовали ссылки на Ольстер и Мальвинские острова...

Если мне и не удалось дать объективный анализ того, что происходит на нашем Черноморском побережье, то я надеюсь, эти размышления будут интересны хотя бы как отзвук тех настроений, которые царят у нас. То, что происходит в Грузии и Абхазии, — это, конечно, звено в общем процессе бурления народов во всем Союзе, правда, со своим кавказским акцентом. ●

БУДЕМ ЛЕЧИТЬ БОЛЕЗНИ

Начну с истории. Грузинская государственность возникла задолго до Рождества Христова. Еще до формирования единой, целостной и неразделенной Грузии здесь существовало несколько грузинских государств. Самыми крупными среди них были Иберия, которая охватывала Восточную Грузию, и Колхида, объединявшая в основном западные районы. Колхида, пережившая многие взлеты и падения, выступала на исторической арене под разными названиями: Колхида, Лазика, Эгриси, Абхазия. При этом все названные государства были грузинскими, то есть население тут было грузинским и государственным языком тоже, естественно, был грузинский. Царство Абхазия — всего лишь административно-географическое понятие; это грузинское царство, расположенное в Западной Грузии.

В первой половине VI века христианство на территории Абхазии было объявлено государственной религией. Но еще до этого — в IV веке — в Пицунде уже существовал епископат (в I веке христианство в Западной Грузии проповедовали Симон Кананит и Андрей Первозванный; Симон Кананит и похоронен в Северо-Западной Грузии, в Абхазии).

В IX—X вв. грузинское царство Абхазия достигло своего расцвета. Цари Абхазии неустанно боролись за объединение Грузии. Надо отметить и то, что столицей этого царства был Кутаиси. Понятно, что Абхазия была такой же частью Грузии, как Мингрелия, Имеретия, Картли и т.д.

В XVIII в. на территорию Абхазии перемещаются предки нынешних "абхазцев" — адыгейские племена. Несмотря на разные вероисповедания, апсуа¹ и грузины стали добрыми соседями на этой исторической грузинской земле, и против чужеземцев тоже боролись вместе.

В 1801 году, как известно, Российская империя нарушила договор с царством Кахетия и аннексировала Восточную Грузию. Вскоре такая же участь постигла Западную Грузию. Абхазия, естественно, оказалась в рамках Российской империи.

В 1877—78 гг., в ходе войны с Турцией и после нее, российские власти начали выселять апсуа в Турцию. Грузинская интеллигенция была возмущена этой варварской акцией, и по всей Грузии развернулось движение в защиту апсуа.

Характерно, однако, что в годы существования независимой Грузии (1918—1921 гг.) кремлевское руководство связывало свои надежды на захват Грузии именно с апсуа и осетинами. Территория Абхазии была превращена в центр коммунистической разведки и антигрузинского движения. Грузинское правительство сумело тогда пресечь эти провокации и восстановить порядок. Кремлю пришлось собственными силами уничтожать республику Грузию...

В годы сталинской диктатуры апсуа, как и грузины (а равно и все другие народы СССР), подвергались преследованиям. Многие достойные и славные сыны апсуа были репрессированы или физически уничтожены.

Сейчас апсуйские сепаратисты приписывают преступления, совершенные Сталиным и Берией, всей грузинской нации. Делают они это сознательно, ибо не могут не знать того, что знает каждый: жертвами сталинско-бериевских преступлений стали десятки тысяч грузин, прежде всего — интеллигенция. В 1951 г. Сталин выселил 20 тысяч грузин в Казахстан, и если бы не смерть кровавого диктатора, этот процесс продолжался бы.

¹ Абхазское наименование Абхазии — Апсны. — *Ред.*

Первый алфавит для апсуа был создан в XIX веке (в 1862 г.) на основе русско-го алфавита. В 1928 г. этот алфавит был заменен латинским. В 1938 г. произошла очередная замена — на сей раз за основу была принята грузинская письменность. Наконец, в 1954 г. апсуа опять вернулись к русским буквам. Говорят же апсуа на языке адыгейского происхождения, что служит еще одним свидетельством того, что этот народ не принадлежит к автохтонному населению Причерноморья.

Хотелось бы четко определить позицию национально-демократической партии Грузии по проблеме апсуа. В первой программе НДПГ, принятой в 1917 г., есть такой пункт: "Грузинское правительство должно всячески содействовать делу возвращения и переселения в Грузию тех грузин и абхазцев, которые в разное время были высланы в Оттоманскую Порту, Персию и в другие места, если они проявят желание вернуться на родину". Стоит напомнить и тот известный факт, что у НДПГ был мощный центр в Абхазии, которым руководил абхазец Шервашидзе.

НДПГ и сегодня не против сотрудничества с апсуа. К сожалению, другая сторона не проявляет ни малейшего желания сотрудничать. Тем не менее мы убеждены, что в независимой Грузии апсуа должны пользоваться определенной автономией. Должны существовать школы, вузы, радио и телевидение на их родном языке. И, конечно, они должны быть полноправными гражданами Грузии — пользоваться всеми теми правами, которые будет иметь коренное грузинское население. Однако в вопросе о том, кому принадлежит Абхазия, не может быть двух мнений. Это исконная грузинская земля, и эта территория останется Грузией.

Следует учесть еще одну деталь: 44% населения автономной республики Абхазия составляют грузины, тогда как апсуа — всего 17%. Добавлю, что этот семидесяти-тысячный народ и сейчас пользуется такими правами, которых не имеют некоторые советские нации и большей численности. У апсуа есть собственный университет, Союз писателей, телевидение, радио, пресса...

Грузины за всю свою долгую историю никогда не ущемляли прав ни одной из проживающих на нашей земле наций. Лучший пример этому — пришедшие в Грузию 2500 лет назад евреи. Грузинский народ принял их как братьев. Можно вспомнить и XII век, когда Давид IV освободил Тбилиси от арабов. Тогда мусульманское население города говорило: "Так хорошо нам не жилось даже при арабских эмирах".

Естественно, мы никогда не угнетали и апсуа; не собираемся этого делать и сегодня. Но как квалифицировать тот факт, что апсуа противятся открытию филиала Тбилисского университета в Сухуми, физически расправляются с преподавателями и абитуриентами, из которых один — Гия Мгебришвили — был убит? Можно ли считать случайностью и то обстоятельство, что антигрузинские выступления в Абхазии возникают именно тогда, когда национально-освободительное движение Грузии достигает особого размаха? Неужто случайно и то, что в Абхазии во главе этого так называемого "движения" стоят не диссиденты, а партийные работники (председатель Совета Министров, секретари райкомов, председатели исполкомов и т.д.)? И почему национальным героем апсуа оказался не патриот-диссидент, прошедший тюрьмы и лагеря, а первый секретарь Гудаутского райкома Константин Озган — "свой человек" в Кремле? Незадолго до того, как его, наконец, сняли, он заявил первому секретарю ЦК КП Грузии Гиви Гумбаридзе: "Я сам напишу заявление и уйду, только вы введите комендантский час в Тбилиси". Или что это в самом деле за национальное движение, если его участники убивают детей другой нации и требуют: "Введите во всей автономной республике Абхазии военное положение"? А может, человеку громить и разрушать мемориал жертвам 9 апреля, сжигать фотографии погибших в тот день маленьких девочек?!

4 августа 1989 года в "Литературной Грузии" было опубликовано интервью с двумя активистами Абхазского народного форума "Айдгылар". Один из них, критик Владимир Цвинария, сделал интересное признание: "Распространенное в Грузии национальное движение направлено к тому, чтобы Грузия вышла из состава СССР. Мы, абхазы, решительно против этого, и пока хотя бы один абхаз будет жив, мы будем бороться за то, чтобы остаться в составе СССР".

Думаю, комментарии излишни. Антигрузинские выступления апсуа инспирированы Кремлем, и именно кремлевские агенты находятся во главе этого антигрузинского движения.

Теперь хотел бы коротко коснуться апрельских событий в Тбилиси. Чем была вызвана наша акция? Неужто мы были так наивны, что рассчитывали, будто умиленный нашей голодовкой Кремль дарует нам свободу? Разумеется, нет. Мы отлично понимаем, что свободы никто не даст, свободу мы должны обрести, и мы ее достигнем, несмотря на явное неравенство сил.

Известно, что "старшего брата" пугает грузинское национальное движение. В борьбе с ним он использует разные средства и методы. Наряду с прямыми репрессиями — пулями, саперными лопатками, химическим оружием — Кремль делает ставку и на существующие в Грузии антигрузинские силы. В этой игре апсуйским сепаратистам отводится особое место. Стоит грузинскому национальному движению усилиться — и на сцене сразу же появляются поощряемые "сверху" апсуйские сепаратисты. Территорию, исторически принадлежащую Грузии, они объявляют своей собственностью и требуют ее присоединения к России. Естественно, что национальное движение реагирует на это болезненно и принимает уже совершенно иные, желательные Кремлю формы.

Так было в конце пятидесятых и в конце семидесятых годов. Так обстоит дело и сейчас. Иначе говоря, всякий раз, как национальное движение в Грузии становится (или могло стать) мощной организованной силой.

На сей раз положение было осложнено еще и тем, что мы знали о намерении реакционных сил вызвать кровопролитие между абхазами и грузинами. Был назначен день "Варфоломеевской ночи", когда должна была повториться трагедия Сумгаита. Это позволило бы ввести военное положение со всеми вытекающими последствиями на "законном" основании. Так активисты национального движения были бы арестованы вполне "законно", как разжигатели межнациональной вражды. И само движение получило бы сильный удар — человеческих жертв было бы значительно больше, чем в то кровавое утро 9 апреля.

Обо всем этом мы информировали свободный мир, предупреждая всех, что в Грузии готовится кровавая провокация, в результате которой Красная армия явится к нам в роли посредника, навещающего порядок. Нашими усилиями акция, начатая в Тбилиси 4 апреля, приобрела иные формы: исчезли лозунги об Абхазии, и все внимание было сосредоточено на главном требовании — независимости Грузии. Был поднят вопрос и об освобождении заключенных.

Я разделяю мнение профессора Нодара Нотадзе, который писал 25 апреля в газете "Тбилиси": "Главным лозунгом многодневного митинга в Тбилиси было отделение Грузии от СССР. Этот мирный митинг в целом был правильным...".

Мы были уверены, что Абхазия мы не потеряем, так как Кремль, исходя из своих же интересов, не допустит территориальных перемен, чтобы не создавать прецедента. Однако, чтобы избежать столкновений и кровопролития, нужно было направить энергию народа в правильное русло. Нужно было выдвинуть на первый план лозунг, который по своему значению был бы неизмеримо выше важной, но все-таки частной абхазской проблемы.

Началась голодовка, которая должна была продлиться до 14 апреля. Главным ее требованием было восстановление независимости. Мы, повторяю, прекрасно понимали, что 14 апреля ни этого, ни следующего года никто нам на подносе свободу не преподнесет. Но требованием максимума мы создали предпосылки для достижения минимума: нашему народу удалось избежать массового кровопролития... Кровопролитие 9 апреля — минимальное в этих условиях — позволило назвать вещи своими именами. Грузины погибли не в ситуации, аналогичной армяно-азербайджанскому конфликту, а были убиты советскими оккупационными войсками.

Преследуемые властями "неформалы" спасли национальное движение от межнациональной вражды, вытащили на дневной свет провокацию и выявили ее вдохнови-

телей. Они спасли Грузию от страшной трагедии, показали всему миру подлинное лицо реакционеров.

Верно, наши действия, практически безошибочные, были поняты не всеми. А некоторые просто не захотели их понять. Только статья писательницы Наиры Гелашвили в газете "Тбилиси" от 30 апреля зародила у меня надежду, что наш народ в конце концов поймет нас. Поймет, почему наша акция носила именно такой характер, и что наша тактика не строилась на голых эмоциях и не была плодом наивности.

Уважаемая Наира Гелашвили писала: "Реакционные силы превратили абхазское правительство и часть населения в антигрузинский агрегат, который включается сразу же после усиления национального движения в Грузии: абхазский эксцесс был провокационным, единственно рассчитанным на кровопролитие между абхазами и грузинами, в результате чего были бы введены войска..."

А теперь проследим за июльскими событиями.

Приложение к суточной сводке МВД Абхазской АССР № 195 от 14 июля 1989 г.:

"Общественно-политическая обстановка в Абхазии остается крайне сложной. В 11 часов на территории сухумского завода "Оргтехника" собралось до тысячи человек рабочих и ИТР. Было проведено собрание. Выступившие выразили недовольство по поводу невыхода в свет газеты "Сабчота Абхазети", а также разрушением 12 июля 1989 г. стенда с фотографиями погибших 9 апреля, требуя его восстановления, мотивируемого необходимостью укрепления дружбы между национальностями, проживающими в Абхазии. Вместе с тем выступивший, один из членом неформального общества Ильи Чавчавадзе, призвал организовать забастовку протеста.

В 14 часов первым секретарем обкома партии была принята делегация старейшин абхазской национальности, которые предъявили ультимативные требования о том, что областной комитет партии, правительство республики не принимают мер по стабилизации обстановки. Остается нерешенным вопрос филиала ТГУ. Делегация заявила, что если не будут приняты меры, то абхазская часть населения блокирует обком партии и помещение, где расположен филиал. В целях недопущения приемных экзаменов будет выражено неодобрение партийному и советскому руководству. Также они сообщили, что подготовили специальные бригады из числа молодежи, которые полны решимости противостоять грузинской части населения. Высказана просьба о введении в республике особого положения и ответ о принятом решении дать 15 июля.

В 23 часа несколько сотен граждан абхазской национальности собрались у здания грузинской школы № 1, где временно расположен вновь созданный филиал ТГУ. Собравшиеся требуют немедленного закрытия филиала и недопущения проведения вступительных экзаменов. Проведенная руководителями партийно-советских органов с лидерами Народного форума разъяснительная работа не дала положительных результатов, и они намерены оставаться у школы, пока правительство не решит вопрос упразднения филиала".

В приложении к суточной сводке № 197 от 16 июля 1989 г. читаем:

"15 июля сего года в городе Сухуми в помещении школы № 1 группой лиц были избиты до 10 человек — членов приемной комиссии, а во время обороны здания МВД лишь стрельбой из автомата в воздух удалось локализовать нападение, а не как это указано в приложении к суточной сводке № 196 от 15 июля 1989 г. 16 июля с.г. обстановка в Абхазии остается крайне напряженной..."

У проживающих в Абхазии грузин, как и у всех нас, возникает множество вопросов: например, почему оказалось неприкрытым Гудаутское направление, откуда беспрепятственно проникла в город многотысячная вооруженная толпа абхазцев? Откуда у абхазцев появились автоматы нового образца?

Нападение абхазцев днем 15 июля 1989 г. на филиал ТГУ, а затем на безоружных грузин на улице Лакоба показало, что абхазцев не только больше, но они вооружены и настроены агрессивно. Почему же тем не менее силы правопорядка были брошены на охрану абхазов, которым ничего не угрожало?

В ночь на 16 июля сотрудники МВД Абхазии Гуния Амиран, Лагвилава Валерий, Делба Гуслан, Цибульник, Зухба разъезжали на автомашине по городу и стреляли из автоматов в грузин. Перестрелка в районе железнодорожного моста и убийство девятнадцатилетнего юноши на перроне вокзала — дело их рук.

Число этих "почему" легко умножить. Почему, скажем, сотрудники МВД Абхазии были 15 июля одеты в белые сорочки, тогда как грузины — в серые? Или почему вооруженные абхазы беспрепятственно вернулись в Гудаутский и другие районы, откуда прибыли?

В своих телеграммах и письмах, адресованных в ЦК КПСС и другие центральные органы, абхазские "националисты" сгущали краски, требуя введения комендантского часа. И одновременно, чтобы оправдать свои требования, сами нагнетали напряженность, явно стремясь спровоцировать межнациональные столкновения... Приведу лишь один эпизод, установленный в ходе расследования. "...Следственным путем проведена проверка обстоятельств перевозки вооруженных лиц прогулочными катерами из города Гудаута в город Очамчира и прилегающие населенные пункты.

Установлено, что в течение дня 16 июля и ночи на 17 июля 1989 г. в городе Гудаута была организована беспрепятственная загрузка на прогулочные катера лиц, вооруженных холодным, огнестрельным, в том числе боевым автоматическим оружием, а также бутылками с зажигательной смесью и различными специально приспособленными предметами — дубинками, металлическими прутьями и т.п.

Всего на шести прогулочных катерах "Ингури", "Комсомолец Абхазии", "Сухуми", "Тагра", "Очамчира", "Псоу" одновременно из города Гуаута была осуществлена отправка в город Очамчира около 900 человек, большинство из которых — вооруженные вышеуказанными видами оружия, в том числе двумя автоматами Калашникова, пятью пистолетами Макарова, мелкокалиберными винтовками, о чем было сообщено дежурному Шудаутского РОВД и вышестоящему командованию.

Загрузка данных катеров происходила в присутствии ответственных работников района. Усматривается, что вышедшие из района прогулочные катера на связь вышли лишь после неоднократных предупреждений. Капитаны катеров "Комсомолец Абхазии" и "Ингурии" сообщили, что по распоряжению диспетчера Сухумского порта они идут в Очамчира. После категорического запрета и уговоров они изменили курс, и часть вооруженных мужчин — около двухсот — высадилась на берегу поселков Киндга и Тамьс.

Установлено, что днем 16 июля осуществлялось движение прогулочных катеров с вооруженными людьми в направлении порта Очамчира..."

Конечно, все это — детали. Но они наводят на печальные размышления. Коммунистическая диктатура заразила болезнями все нации, но каждую нацию заразила по-разному. Апсуа, всегда относившиеся к грузинам по-дружески, вдруг стали нашими злейшими врагами. Нашу борьбу за собственные права, за независимость, за демократию они восприняли только как ущемление собственных прав. Да, это чрезвычайно тяжелая форма "болезни". И все-таки еще раз повторяю: апсуа — жертвы.

Известный политолог Норман Подгорец писал: "Коммунизм — это еще хуже, чем нацизм, потому что нацизм не отравляет сознание. Он убивает людей, и только. А коммунизм и убивает, и отравляет сознание миллионов людей во всем мире".

По моему убеждению, нам необходим диалог с апсуа. Однако, чтобы он был результативным, нужно политически просветить этих людей, показать им истинного врага, объяснить, что наша свобода — это и их свобода, а демократия, как солнце, одна в свободной Грузии для грузина и для апсуа, для русского и армянина, для азербайджанца и еврея, для всех сынов любой нации, проживающих на нашей земле. ●

МЫШЕЛОВКА ДЛЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

В период работы Съезда народных депутатов в Москве (как будто специально к этому подгадывалось) из газетных сообщений мы узнали о вооруженных массовых беспорядках в Узбекистане. Сообщалось также, что беспорядки эти были вызваны межнациональным конфликтом турецкого¹ меньшинства и узбекского населения, кроме того, имелись случаи нападений и на местные органы власти, в том числе на партийные. В качестве одной из причин волнений называлась деятельность так называемой узбекской мафии, пытающейся якобы дестабилизировать обстановку в республике.

Внимательный читатель, однако, обратит внимание, что, сообщая подробности, газеты долгое время перепевали одни и те же сюжеты, выдавая их за оперативную сводку. Например, история про облитого бензином секретаря горкома, чуть не взятого в заложники, кочевала из газеты в газету на протяжении целых двух недель. Создавалось впечатление, что обстановка в республике противостоительно замерла...

Эти повторы свидетельствуют прежде всего о том, что огромный район СССР, и раньше практически закрытый для объективного освещения средствами информации, и по сей час для нас — неизвестная страна.

13 июня представители турецкого меньшинства получили наконец возможность выступить перед московской общественностью. Эта тягостная встреча состоялась в Доме политпросвещения на улице Кирова и представляла собой как бы встречу двух цивилизаций: одной, которая пытается походить на современный промышленно развитый мир, и второй, которая все еще живет при феодализме.

"У нас нет своих писателей, у нас нет своих прокуроров и ученых, кто за нас заступится? Мы сами не понимаем, что происходит", — не сдерживая рыданий, повторяли турецкие крестьяне, тертые-перетертые жизнью.

Похоже, их действительно никто не хочет слушать — сейчас около 150 турок дежурят в Москве у дверей правительственных зданий; еще около 400 человек находятся в Волоколамске. Наряд милиции — здоровенные парни с резиновыми дубинками — сопровождает их повсюду по городу и на всякий случай не пропускает к Красной площади. Турки же в свою очередь не желают понимать и принимать все извивы большой политики и то, что у нас проходит процесс демократизации. "Ответьте, — повторяют они, — что же это за перестройка такая, если режут людей, распинают, осклапляют мужчин, сажаят на вилы детей? А наши руководители в это время ездят по заграничье и хвалятся! Как это понимать?"

Пытались они поставить свой вопрос перед Съездом. Не получилось. М.Горбачев с ними не встретился, слишком занят был. Принимал, по словам членов Комитета за возвращение в Грузию, А.Лукиянов, обещал дать команду распечатать по газетам

¹ В газетах этот народ называют турками-месхетинцами. Их самоназвание — месхи. Месхи жили в течение многих веков в грузинской исторической области Месхет-Джавахети на юге республики (Ахалпшхский р-н). В ночь с 14 на 15 ноября 1944 г. по распоряжению И.Сталина весь народ был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. При этом около половины "спецпереселенцев" погибло. В 1956 г. режим "спецпереселенцев" для месхов был отменен, но район их исторического проживания был включен в погранзону, так что возвращение месхов все равно оказалось невозможным. По переписи 1979 г. числилось 93 тыс. месхов (в Средней Азии и Казахстане 80 тыс., в Ферганской обл. около 5 тыс.), однако реальное число, видимо, значительно больше (многие месхи называют себя сейчас азербайджанцами; школ на родном языке на местах поселения не было). Большинство месхов — мусульмане-сунниты, но есть и небольшие группы шиитов. — *Ред.*

постановление о реабилитации турецкого народа, да заматался, видимо, и не сделал. Пытались действовать через депутатов. В частности, литовцы обещали помочь, однако они сами уходили со скандалом со Съезда и, как потом рассказывали, наши добрые парламентарии кричали им в спину: "В ссылку их!"

Так утекали драгоценные часы.

Столичные чиновники, по словам турок, форменным образом бегали от членов комитета. Вряд ли, заметим это от себя, в их действиях был какой-то умысел, скорее всего им действительно нечего было сказать и предложить. Взорвалась мина, оставленная сталинизмом. Вопрос только в том, кто ее взорвал или что? Опыта же позитивно влиять на подобные процессы у нас нет, ситуация и на самом деле не разрешается просто. Переселять турок назад в Грузию? А как на это посмотрит грузинский народ, который сам начал бороться за самоопределение и к тому же не оправился еще от шока кровавого воскресенья? Протесты уже начались. Пускать их не хотят, а в лучшем случае предлагают креститься. Смоленщина? Турецкий комитет считает, что в результате может произойти уничтожение целого народа; ведь у турок не будет возможности общаться в рамках своей культуры. А что, если русские, задавленные социальными неурядицами, "сообразят" наконец, что это турки поедают их сахар и занимают лучшие рабочие места? Что тогда?

Если кто-то действительно спланировал эту проблему (мета в самый центр Кремля), как намекают наши газеты, — он был гением политической интриги, однако подготовил почву весь строй нашего общества — его базис и надстройка.

Главное ведь не в мафии, как постепенно вырисовывается. О ней разговор особый. Главное в повальной нищете Узбекистана, которую военным положением не исправишь. В безработице. В системе поборов, в отсутствии реальных социальных гарантий. На огромной территории живет бесправный народ, нищий дехканин работает в поле от зари до зари. Выстрелило это в межнациональные отношения, и только теперь мы обратили внимание, что есть у нас... турки, что к концу XX столетия не имеют они права селиться, где хотят, что и сами-то узбекские работники живут не намного лучше, иначе не курили бы анашу, не шли бы, замороченные, с портретом Ленина на райком. И могло это выстрелить в другом месте и в другой форме... Представители турецкого комитета сообщили, что накануне были слухи, будто собираются резать русских; где-то досталось крымским татарам. Только основательно демонгируя феодальный сталинский социализм-коммунизм, можно в будущем избежать повторения.

Теперь о деятельности мафии. В последнее время так часто повторяют это слово, что постепенно меняется его смысловое значение. В самом деле, не о сицилийской же мафии речь, во главе с законспирированным крестным отцом — официантом чебуречной. Это такая же сказка, как сказка про масонов. Долгое время у нас была только одна мафия — партийная, и для второй места просто не было. Если есть какая-то организационная деятельность, то это деятельность прежнего руководства, пытающегося противостоять давлению новой перестроечной администрации. В свете этого неожиданный оборот приобретает дело Гдьяна-Иванова. Турецкие представители в голос повторяют, что Гдлян и Иванов — честные люди, а узбекские депутаты на Съезде — никакие не депутаты народа. Ложь, что Гдлян якобы кого-то напрасно арестовал, говорят члены комитета, он еще многих не доарестовал, потому что все, кто работал в узбекских колхозах, знают, кому и сколько должен давать, отрывая от себя, дехканин. Как же можно упрекать Гдьяна в нагнетании репрессий и терроре руководства, если, по свидетельству тех же газет, мафия смогла найти средства и организовать столь чудовищный конфликт?

Не будем арбитрами в этом споре, сама жизнь скоро даст на него ответы. Рассмотрим только вопрос: кому выгодно? Прежде всего это выгодно определенным военным кругам, катастрофически теряющим опору в обществе.. Впервые после тбилисских событий упреки в их адрес слышатся с противоположной стороны: они-де не применяют силу, не отвечают огнем на огонь, запаздывают с введением военного

положения и т.д. Совершенно понятно, что это выгодно всему антиперестроечному антигорбачевскому блоку — проблема не решается, как ее ни решать. Что бы Горбачев ни предпринял, он рискует оказаться в проигрыше: выполнить законные требования турков он не может, так как есть вероятность, что это подожжет и другие районы; идти на силовые варианты значит терять свой облик демократа. Гдлян, в свою очередь, указывает, что оборот теневого рынка в настоящее время составляет около 100 млрд. рублей в год. Представляется, что, пожертвовав хотя бы одним министром, антиперестроечный блок, если он существует в оформленном виде, вполне может создать множество неприятностей в стране.

Итак, запущен очередной механизм конфликта. Огненные центробежные силы начнут действовать и внутри пострадавшего турецкого меньшинства. Уже сейчас турки делятся на готовых переселиться в Грузию — хотя сама возможность этого еще под большим вопросом — и разуверившихся в перестройке, в Горбачеве, в Москве и собирающихся эмигрировать в Турцию. Тейфур Абулер, поссорившийся с членами комитета, восклицает: "Кто придумал это — турки-месхетинцы? А что, в Узбекистане, турки-узбеки? А в России? Есть только просто турки, и нет здесь для нас земли, мы должны ехать в Турцию!"

И те, и другие сейчас подозревают всех. "На нас отработывают способы расправы с национальными меньшинствами. Сейчас — на нас, завтра на ком-то еще. Есть факты, что мародеров на нас наводили местные службы ГАИ, среди бесчинствующей толпы видели людей в форме командного состава армии. Под видом защиты нас сгоняют с обжитой земли, разрушают национальную общность, раскидывают по 11 республикам. После этого мы перестанем существовать как народ", — так говорят турки, а молодые горячие головы даже предлагают взяться за оружие.

Турки были правы, когда утверждали, что у народа, в силу условий, в которые его поставили, нет своей культурной элиты. Договориться с ними будет очень трудно. Это проблема не только турецкого меньшинства, но и Старшего брата. ●

ОБРАЩЕНИЕ К ГРУЗИНСКОМУ НАРОДУ ОТ ВЫСЛАННЫХ ГРУЗИН (МЕСХОВ-МУСУЛЬМАН)

Братья и соотечественники! Обращаемся к вам мы, оторванные от вас по исторической несправедливости месхи. В течение 37 лет мы ведем борьбу за возвращение на Родину, чтобы воссоединиться с родным народом, от которого были оторгнуты незаконно 15 ноября 1944 года.

Никому нельзя забыть, что во время высылки погибло 40 тысяч человек (треть высланных), в том числе 17 тысяч детей.

Наш трудолюбивый народ-земледелец, ныне не имеющий Родины, превращен в бездомных ковчегников. Каждый должен твердо знать: кто теряет Родину, тот теряет все.

Наш народ, под игом турецких султанов и русских царей частично утративший родной грузинский язык, национальность и фамилии, в советское время, в результате высылки, утрачивает все это окончательно.

Грузинский народ должен знать всю свою трагическую историю: исторически органическая часть его — месхи-мусульмане — при высылке были обмануты: нам сказали, что высылка является временной мерой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, но на деле она длится до сих пор. В Грузии имеют право жить и трудиться представители всех национальностей, на словах и нам не отказывают в этом, но на деле путь на Родину нам закрыт. Мы живем в Узбекистане, Казахстане, в Киргизии и Азербайджане и на Северном Кавказе — только не на своей земле!

Обращаемся к вам с просьбой помочь нам обрести Родину. Только на Родине наши дети смогут окончательно осознать, что в их жилах течет грузинская кровь, что они — не без роду и племени и не без своей родной земли, на которой испокон веков жили их предки. Они должны служить своей Родине — Грузии.

Некогда цветущие террасы, созданные и взлелеянные руками наших предков, ныне обезлюдившие и разоренные — это позор современной Грузии. Наше поколение совместной борьбой обязано смыть этот позор, восстановить единство грузинского народа и тем самым восстановить историческую справедливость.

РАНО ИЛИ ПОЗДНО МЫ ДОГОВОРИМСЯ

Беседа с Юсифом Самедоглу

Юсиф Самедоглу (настоящее имя Ю.Векилов) родился в 1935 г. Он сын народного поэта Азербайджана Самеда Вургуну. Ю.Самедоглу известный литератор, автор ряда повестей и рассказов, главный редактор литературного журнала "Азербайджан". Он — один из основателей Народного фронта Азербайджана, член правления НФ, отвечающий за вопросы идеологии.

Наш специальный корреспондент К.Любарский встретился с Ю.Самедоглу и взял у него интервью.

Народный фронт Азербайджана возник после начала карабахского кризиса. Означает ли это, что Фронт — это ответ на события в Нагорном Карабахе или есть какие-то другие серьезные причины, которые вызвали к жизни это общественное движение?

Эта идея вызревала в самой гуще народа уже давно. Уже в начале 70-х годов у нас началось брожение. Интеллигенция была у нас не такая активная, как, предположим, диссидентство в России, на Украине, Прибалтике. Тем не менее, по мере возможности, пыталась что-то сделать. Вы правы в том смысле, что события в Нагорном Карабахе явились детонатором создания, структурного создания Народного фронта. Но, как явствует из названия организации, это вовсе не комитет по защите Нагорного Карабаха.

Народный фронт ставит цели исключительно демократические. Это ни в коем случае не национальное, и тем более не националистическое. Это, может быть, единственное на сегодняшний день общественно-политическое движение, которое не провозгласило лозунга "Азербайджан для азербайджанцев!" Правление Народного фронта считает, что любая система, в особенности такая сложная система, как этнос, в конце XX века без обратной связи просуществовать не может. Она просто претерпит саморазрушение. Поэтому в первые же дни после уже формирования Народного фронта мы приняли обращение к русскоязычному населению и к другим народам, населяющим Азербайджан, с призывом объединиться именно вокруг Народного фронта. Потом мы торжественно декларировали статус гражданства, в скором времени он будет принят нашим Верховным Советом. Любой житель Азербайджана, принимающий его конституцию, является равноправным гражданином Азербайджанской ССР.

А какие ближайшие цели ставит перед собой Народный фронт?

К глубочайшему сожалению, карабахская проблема настолько кровоточаща, что она в какой-то мере поглотила уже другие проблемы, стоящие перед Народным фронтом. Но мы считаем, что ни в коей мере нельзя замыкаться только на проблеме Нагорного Карабаха. Это было бы просто абсурдно. Наша главная цель — это добиться (разумеется, пока что только в рамках федерации) по возможности большей политической, экономической и культурной автономии.

Ваши цели заходят несколько дальше тех, которые объявлены прибалтийскими народными фронтами или они примерно одинаковы с ними?

Разумеется, Народный фронт Азербайджана возник не на голом месте. Борьба прибалтийских народов за свою свободу, самостоятельность достойна самой высокой похвалы. Безусловно, мы использовали их опыт, опыт народов, принадлежащих непосредственно к европейской культуре, к европейским традициям. И этот опыт нам очень сильно пригодился. В основных принципиальных моментах мы, безуслов-

но, полностью согласны с ними. И еще раз я повторяю, Народный фронт Азербайджана — это исключительно демократическое движение, ни в коей мере не национальное и не националистическое.

В разных документах, в том числе и в документах Народного фронта, часто поднимается проблема Южного Азербайджана, вопрос о необходимости воссоединения азербайджанской нации. Как вы смотрите на эту проблему?

Дело в том, что, к большому счастью, в правлении Народного фронта собрались люди довольно образованные, интеллектуальные и прежде всего, безусловно, реалисты. Разумеется, разделение Азербайджана на две части, при том, что 7 миллионов азербайджанцев проживает в северном Азербайджане, а 16–17 миллионов — в южном Азербайджане, — это кровоточащая проблема. Это проблема, которая занимает умы всех азербайджанцев. В отдаленном будущем, я думаю, если мы добьемся какой-то политической самостоятельности, то, безусловно, Народный фронт будет ставить эту задачу более конкретно.

Вы отдаете себе отчет, что в рамках Советского Союза эта проблема едва ли может быть решена?

Я прекрасно это понимаю. Но с другой стороны, давайте сделаем экскурс в самое близкое будущее и рассмотрим, скажем, раздел Германии. Я думаю, что когда-нибудь здравый смысл победит и Германия снова воссоединится.

Но Германия — государство самостоятельное, отдельное. Азербайджан — часть Советского Союза.

Да, но в любом случае — это задача отдаленного будущего. Мы будем реалистами, не будем себя тешить иллюзиями. Но эта задача стоит.

Каково отношение Народного фронта к нынешним событиям в Иране и к так называемой "исламской революции"?

Наши местные власти, партийный аппарат и реакционные группировки Азербайджана делают все для того, чтобы дискредитировать Народный фронт Азербайджана, его демократическое начало. И один из самых ощутимых ударов нам наносят, связывая нас с принципами исламского фундаментализма. Я должен со всей категоричностью сказать, что религиозная ситуация сегодняшнего Азербайджана такова, что ислам у нас в Азербайджане играет пока чисто ритуальную роль. Достаточно сказать: о каком исламском фундаментализме, приверженности к истокам ислама может идти речь, когда коран — священная книга всех мусульман — еще не переведена на азербайджанский язык?

То есть Народный фронт — это чисто светское движение?

Чисто светское движение. Мы за плюрализм мнений. Мы даже считаем, что Народный фронт без оппозиционной силы, которая появится в будущем, не сможет существовать, потому что любое движение, любая партия может нормально функционировать только при наличии оппозиции. Но что касается исламского фундаментализма, превращения религии в идеологию и возведения ее на государственный уровень, того пути, по которому пошел Иран и другие страны, — здесь мы отрицаем любой плюрализм. Против этого мы будем бороться, делаем все возможное, чтобы у нас этого не было.

Известно, что в Прибалтике появилось такое явление, как национал-коммунизм. Многие ведущие деятели прибалтийских компартий как бы действуют совместно с народными фрон-

тами и блокируются с ними и меняют, соответственно, свой курс. Есть ли что-нибудь похожее в Азербайджане?

У нас этого нет. Есть сочувствующие, безусловно, даже в партийном аппарате, которые не лишены патриотических, демократических чувств. Но это настолько гнилая система, вся эта партийная бюрократия, что ожидать от нее в ближайшем будущем какого-то реального соединения с Народным фронтом было бы абсурдным.

Кто в основном входит в руководство Народного фронта? Это в основном интеллигенция?

Только интеллигенция. Это доктора, кандидаты наук, историки, писатели, поэты, социологи, экономисты, люди высококвалифицированные, образованные, приверженцы принципов европейского демократизма. Ну, разумеется, с учетом специфических особенностей Азербайджана. И в этом наше счастье, потому что в руководстве по принципиальным вопросам, например, по вопросам исламского фундаментализма, по вопросу о плюрализме мнений и т.д. — у нас полное единодушие.

В последнее время, к сожалению, не очень положительное внимание привлекла к себе фигура академика Зии Буниатова и его многочисленные выступления, в частности, статья с оскорбительными нападками на А.Сахарова. Каково отношение ваше лично и отношение Народного фронта к тому, что пишет и говорит Буниатов?

Я в данном случае воздержался бы от высказывания мнения Народного фронта и членов правления.

Но ваше личное мнение?

Я считаю, что это недостойно настоящего ученого. Сахаров, получая одностороннюю информацию о Нагорном Карабахе по каким-то своим каналам (очевидно, это Старовойтова¹ и его супруга Алиханян-Боннэр), безусловно, допускает ошибку. Он дает одностороннюю оценку. Но простите, ведь и самые высокие люди в истории ошибались. И интеллектуалы должны обладать непререкаемым чувством прощения этих ошибок. Мы можем с ним и не соглашаться. Но ставить под сомнение всю деятельность этого великого гуманиста XX века, который начал все правозащитное, демократическое движение в одиночку, — и в каких условиях! — это просто недостойно настоящего ученого. Так что мое отношение к этим публикациям Зии Буниатова резко отрицательное.

Проблему Нагорного Карабаха нам не обойти. Но до этого я бы хотел поговорить еще о Народном фронте. Мы говорили о руководстве. А сколько всего в рядах Народного фронта человек? Сколько у него отделений?

Достаточно сказать, что сегодня Народный фронт контролирует всю промышленность Азербайджана, железные дороги, нефтяные промыслы, колхозы, совхозы. Я думаю, что идея Народного фронта охватила уже весь Азербайджан. Достаточно только одного решения Народного фронта на такие шаги — и сразу все делается, как мы хотим.

Я думаю, что это общенациональное, общенародное движение в самом прямом смысле этого слова. В марте месяце этого года официально у нас уже было зарегистрировано 670 тысяч членов. Сейчас, думаю, гораздо больше.

То есть Народный фронт реально контролирует ситуацию в республике?

¹ Этнограф Галина Старовойтова, народный депутат СССР от Армении. — *Ред.*

Народный фронт реально контролирует ситуацию в республике и действия всего партийно-бюрократического аппарата, к сожалению, не обладая достаточными возможностями для того, чтобы влиять в кадровой политике. Я думаю, что это в будущем. Но тем не менее мы сила довольно-таки большая.

Некоторые отделения Народного фронта зарегистрированы, так сказать, на местном уровне, кажется, в Евлахе и где-то еще. Но на уровне республики Народный фронт так и не зарегистрирован.

Ни в одном районе, по моим данным, еще официальной регистрации нет. Но де-факто мы зарегистрированы, а де-юре — это вопрос ближайшего времени. Но возникает другая проблема. Партийный аппарат сейчас взял курс на то, чтобы вводить, вливать в это движение своих функционеров. Скажем, Народный фронт того же Евлахского района, предположим, будет возглавляться первым секретарем райкома партии. Против этого мы будем бороться категорически образом. Я член партии, но тем не менее официальных представителей партийного аппарата, мы — Народный фронт — и близко не подпустим.

Думаете ли вы, что у вас есть шансы завоевать большинство на предстоящих республиканских выборах?

Думаю, что есть большие шансы. Если мы не возьмем большинство голосов в азербайджанском парламенте, то грош нам цена, ведь в нашей системе все все-таки решается путем голосования. Сейчас мы в этом направлении работаем усиленно, активно, делаем все возможное.

Недавно азербайджанский Верховный Совет принял декларацию о суверенитете, притом принял Совет, избранный еще в прежние времена, без участия Народного фронта. Чем вы объясняете то, что такой, в общем-то, реакционный парламент тем не менее встал на общенациональную точку зрения Народного фронта?

Мы провели большую организаторскую работу. Во-первых, мы потребовали, чтобы все заседание Верховного Совета транслировалось по телевидению. Потом мы стояли на своем проекте до конца. И самый важный момент здесь то, что все предприятия ожидали только нашего сигнала. Если бы этот законопроект не был принят, то в республике остановилась бы вся жизнь. В случае непринятия этого закона мы объявили бы Азербайджан "мертвой республикой".

И руководство об этом знало?

Руководство, конечно, об этом знало. Оно предложило: мы же демократы, давайте поставим на голосование два варианта — и наш вариант, и ваш вариант, и пусть будет демократическое голосование, как проголосуют, так и будет. Но мы поняли, чем это кончится: когда Везиров поднимет свой мандат, все депутаты проголосуют так же. И мы на это не пошли. Мы заявили в ультимативной форме, что будет поставлен на голосование только наш вариант, то есть мы, разумеется, пошли на нарушение каких-то демократических принципов. Но иногда для защиты демократии, к сожалению, приходится действовать и недемократичными путями.

А Везиров голосовал за ваш проект?

Да.

Перейдем теперь к проблеме Карабаха. Какие реалистические предложения есть у руководства Народного фронта для решения этой проблемы? Есть, разумеется, программа-максимум, которую вы хотели бы осуществить, но максимума ни одна сторона, очевидно, добиться не может. Что бы вы предложили реально?

Тут, конечно, мы коснулись самой болезненной проблемы. Реальная обстановка такова, что ни Народный фронт, ни азербайджанский народ никогда не согласятся на то, чтобы Нагорный Карабах отделился от Азербайджана и перешел в состав Армении. Это абсурд. Сегодняшняя реальность такова, что проблему Нагорного Карабаха можно решить только в рамках суверенитета Азербайджанской ССР и сесть за стол переговоров с любым представителем противоположной стороны, искать какие-то взаимоприемлемые варианты.

Очевидно, что компромисс предполагает уступки с обеих сторон. На какие уступки готов был бы идти Народный фронт?

Народный фронт считает, что Нагорный Карабах — это суверенная часть Азербайджана. Это, кстати, сердце Азербайджана. Ни о каком отделении, разумеется, речи не может быть. Но уступка в данном случае такова: если армянское население недовольно какими-то моментами культурной, экономической автономии и т.д., то мы готовы как демократы обсудить этот вопрос. Мы считаем, что каждый имеет право получить образование на том языке, который он хочет изучать, изучать ту историю, которую он желает, устанавливать отношение с теми кругами, с теми лицами, с которыми он желает и т.д. Но об отделении речи быть не может. А территорию можно отнять только двумя способами: или сесть за стол переговоров, или же путем войны. Война чревата вообще самыми плачевными последствиями не только для Азербайджана и Армении, а прежде всего для всей горбачевской перестройки в Советском Союзе.

Была высказана точка зрения, что, может быть, стоило бы поднять статус Нагорного Карабаха до уровня автономной республики. Другая точка зрения, прозвучавшая на митингах в Баку: необходимо вообще уничтожить автономию Карабаха. Пожалуйста, прокомментируйте оба варианта.

Я думаю, что уничтожение автономии Карабаха — это нереально и негуманно. И в какой-то мере, безусловно, я лично пошел бы на поднятие статуса, но только в рамках Азербайджанской ССР, в рамках суверенного Азербайджана. Никакая третья сторона не вправе вмешиваться в эти дела.

Под третьей стороной вы, естественно, имеете в виду Москву?

Конечно, я имею в виду Москву, Кремль.

Как вы относитесь к режиму особого управления, который установлен в Нагорном Карабахе?

Режим особого управления — это традиционный режим наместника Его императорского величества. Разумеется, этот режим абсолютно ничего не смог дать, потому что следил не за интересами азербайджанцев или армян, проживающих там, а за интересами Москвы.

Каким образом было принято решение о блокаде Армении, почему оно было принято и в каких формах оно осуществлялось?

Мы пошли на этот крайний шаг, но я бы его не назвал блокадой, потому что блокада — это несколько другое. Назовем это, скажем, эмбарго. Это был ответный шаг. До объявления этой, как вы говорите, блокады армянская сторона осуществляла весьма успешно блокаду Нахичеванской АССР. Нахичеванская автономная республика в течение очень длительного времени оставалась без необходимых продуктов. В Мегринском районе, в узком коридоре между Нахичеванью и Азербай-

джаном, начались диверсионные акты, постоянно взрывали железнодорожное полотно, избивали машинистов, жгли локомотивы и т.д. Дело дошло до того, что Нахичеванская АССР находилась на грани реального голода. Никакие разумные доводы не дали результата, а политика, к сожалению, вещь очень жестокая, и мы вынуждены были пойти на этот ответный шаг: приостановили доступ в Армению в первую очередь нефтепродуктов, потом некоторых других, но ни на один день не прекращалась, я говорю это со всей ответственностью, перевозка строительных материалов, лекарств и т.д. для пострадавших от землетрясения районов Армении. И если кто-то об этом говорит, то это ложь.

Поступают сообщения, что из-за нехватки горючего останавливается транспорт, останавливаются машины "скорой помощи"...

Для снабжения машин "скорой помощи" Армении достаточно Батумской железнодорожной линии. Но эта блокада дала все-таки очень ощутимый результат: остановились почти все личные машины. Мы приостановили непрерывный поток автомобилей в Нагорный Карабах, который вез оружие, я это говорю со всей ответственностью. И до сих пор Москва не разрешает внутренним войскам МВД СССР, которые сейчас там дислоцированы, произвести обыски в квартирах армян.

Вы считаете, что ввоз оружия в Нагорный Карабах происходит с согласия и ведома Москвы?

К сожалению, у меня нет доказательств непосредственной заинтересованности Москвы, но факт остается фактом, что оружие туда перебрасывается, в лесах сформированы вооруженные отряды, и они вооружены не охотничьими ружьями, а автоматами, карабинами и т.д. А генерал Шаталин, начальник внутренних войск МВД, мне лично и другим членам правления Народного фронта говорил: Москва и ваши республиканские власти не дают нам разрешения производить обыски.

Обыски машин?

Нет, обыски квартир.

Но ведь проще досматривать машины и не пропускать оружие, чем вводить блокаду?

Дело в том, что основное количество оружия было поставлено туда еще до начала событий.

Но если это оружие было завезено еще до начала событий, то в чем состоит смысл блокады? Зачем было добиваться нехватки бензина и останавливать личные машины, которые, кстати, легко досматривать?

Нет, простите, они, эти люди уже десятилетиями готовились к этому конфликту. Понимаете, наша беда в том, что мы очнулись поздно.

Вы говорили об армянских вооруженных отрядах. А есть ли азербайджанские вооруженные отряды?

Безусловно. Как ответная мера существуют азербайджанские вооруженные отряды. Но я со всей ответственностью заявляю, что мы вооружены гораздо слабее. Но в любом случае, не дай Бог, если начнется то, чего мы все так боимся.

Сейчас сообщают, что блокада приостановлена. Как это произошло?

Нас, пятерых представителей правления Народного фронта, вызвал в Кремль Нишанов, председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, и официально нам объявил от имени Михаила Сергеевича Горбачева: Верховный Совет сейчас стоит перед необходимостью принять закон о введении военного положения на железной дороге. Это очень серьезный закон. Это, в общем, практически уже начало оккупации советской армией всего Азербайджана. Чтобы не допустить такого варианта, нас призвали отказаться от продолжения блокады. Мы совещались и сочли, что мы на этот шаг можем временно пойти¹, но с условием, что в определенный срок, в ближайшее время, будет решен главный вопрос — со стороны тех кругов, которые заинтересованы в отторжении Нагорного Карабаха, будет официально заявлено, что они больше никаких территориальных притязаний к Азербайджану не имеют. До этого мы еще встречались с представителями комитета "Карабах", обсудили с ними это, по крайней мере изложили нашу точку зрения, выслушали их точку зрения. Думаю, что состоится еще вторая, третья, четвертая встречи, если даже нужно будет — сотая встреча. Но все-таки мы должны прийти к какому-то результату, обязательно должны прийти, потому что это вопрос не Нагорного Карабаха, не Азербайджана, не Армении, а вопрос всего Советского Союза. Может быть, даже мира, потому что если Советский Союз вернется на круги своя, восстановится тоталитарный аппарат, третьей мировой войны не избежать.

Где проходят переговоры, в Москве?

Переговоры с представителями Нагорного Карабаха первый раз произошли в Москве при посредничестве академика Виктора Пальма из Эстонии. Он сопредседатель межрегиональной депутатской группы. Потом мы договорились, что будем встречаться. Мы даже не ставили вопрос так, что будем встречаться на нейтральной почве. Если надо будет, мы поедем в Ереван, а если надо будет, они придут в Баку. Это уже какое-то достижение.

Теперь я бы хотел коснуться самого болезненного вопроса, и я прошу вас, чтобы вы тщательно взвесили свои слова. В таких конфликтах, как карабахский, конечно, неизбежны столкновения. Мы знаем, что кровь проливалась неоднократно, кровь проливалась в ряде районов Армении, кровь проливалась в Баку — перестрелки, убивали с той и с другой стороны. Но Сумгаит стоит особняком. Это не просто результат какой-то местной ссоры, приведшей к убийству и к мести за это убийство. Это был организованный трехдневный погром, запланированный геноцид. Сейчас трудно выяснить, кто его организовал, когда-нибудь это будет сделано. Но далеко не только армян, но и многих не вовлеченных в конфликт людей, удивляет отсутствие резкого осуждения этого события со стороны азербайджанской интеллигенции, которая должна быть совестью нации.

Независимо от того, что привело к Сумгаитскому событию, потому что еще будут долго разбираться, как там за несколько дней до начала этих событий оказались люди с киноаппаратурой и т.д., — в общем-то это провокация, наверное, готовилась, — так вот, независимо от того, что привело к Сумгаиту, я полностью осуждал и осуждаю это, этого нельзя не осуждать. И не только я осуждаю, это лежит, в общем-то, пятом на всех цивилизованных людях Азербайджана.

¹ Интервью было взято в конце сентября, когда поступили сообщения о снятии блокады. Сообщения эти оказались неверными. Блокада продолжалась. Горючее в Армению не поступало по-прежнему. То продовольствие, которое было пропущено в Ереван, оказалось полностью сгнившим, и возникли проблемы с его захоронением. Сборные домики для зоны землетрясения приходили изломанными. По решению Верховного Совета СССР в начале октября Азербайджанская железная дорога была взята под военный контроль, однако к полному снятию блокады это не привело. — *Ред.*

Но это осудили публично и представители всей азербайджанской интеллигенции. В газете "Советская культура" было опубликовано большое письмо, подписанное 40–45 человеками, в том числе покойным Рашидом Бейбутовым и Анаром, первым секретарем правления Союза писателей. Они выступили с резким осуждением Сумгаитского события¹. И также мы осуждаем другие факты – факты убийства азербайджанцев. Вы знаете, что на сегодняшний день в этих событиях уже погибло около ста человек, из них шестьдесят четыре азербайджанца. Любое убийство мы осуждаем, а тем более убийство на основе национальной неприязни. Если бы я это не осуждал, я просто перестал бы себя уважать.

Скажите, вы упомянули о провокации, которая была в Сумгаите. Как вы думаете, с чьей стороны была провокация?

Вот этого я не знаю. Вы понимаете, буквально на следующий день после этих событий видеопленки уже оказались в руках членов комитетов "Карабах". Я видел эти видеопленки, они сняты с очень выигрышных точек, то есть не вторых. Заранее люди знали, что где произойдет.

То есть вы хотите сказать...

Я не хочу сказать, что это организовали сами армяне или кто-то, но я знаю, что эта провокация была организована, безусловно. Я только констатирую факт, что на следующий день после этих событий пленка была переправлена комитету "Карабах", а буквально через три дня поставили из хорошего мрамора обелиск с надписью в честь жертв Сумгаита в городе Степанакерте. Вы меня простите, но от этого факта никуда не уйдешь. Ну, может быть, три дня они просто днем и ночью работали. Но я видел фотографии этого обелиска, я думаю, что там работы, наверное, на десять-пятнадцать дней.

Значит, вы все же считаете, что сами армяне могли организовать погром своих соплеменников?

Я считаю, что и в Армении есть такие силы, которые заинтересованы в резком обострении ситуации в Закавказье. И в Азербайджане есть люди, которые заинтересованы, чтобы ситуация не нормализовалась, и в Узбекистане есть. Есть какая-то сила, которая руководит этими делами, уверяю вас.

Но резня в Сумгаите производилась руками азербайджанцев. Неужели армяне, даже если предположить, что они могли пойти на такую провокацию, могли организовать азербайджанцев?

¹ Это письмо под названием "Ради святой цели" было опубликовано в "Советской культуре" 23 июля 1988 г., через 5 месяцев после сумгаитского погрома. Из 200 строк Сумгаиту посвящено 10, – и в конце письма, после обсуждения проблем отсутствия в НКАО приема телепередач из Еревана, газеты на азербайджанском языке и других подобных вопросов. Вот в каком контексте говорится о Сумгаите: "Печальным наследием времен застоя нужно считать и пренебрежительное отношение к реставрации и охране исторических памятников на территории НКАО, что, впрочем, было характерным для всей нашей страны. Решениями партии и правительства предусмотрены значительные меры по дальнейшему ускоренному развитию всех сфер жизни автономной области. К сожалению, последовательной реализации этих планов мешают забастовки в Степанакерте. Они наносят ощутимый урон не только двум нашим республикам, но и стране в целом. Наши русские коллеги из Куйбышева, обратившиеся к интеллигенции двух республик, тысячу раз правы, утверждая, что "пришла пора взять ситуацию под контроль, добиться прекращения забастовок, организовать разложенное ими народное хозяйство". Хотели бы подчеркнуть, что многие многонациональные рабочие коллективы Баку работают так, чтобы покрыть наносимый государству экономический ущерб забастовок в НКАО. Конечно, этот ущерб не сопоставим с тем горем, которое мы все испытали в связи с трагическими событиями, повлекшими за собой человеческие жертвы. Нет оправдания преступным элементам, повинным в страшных событиях в Сумгаите. Мы гневно осуждаем виновников этой трагедии. Не могут не тревожить и события в аэропорту "Звартноц". Не пора ли, наконец, всем нам образумиться?" – *Ред.*

Здесь мы должны все-таки вкратце сказать, что такое вообще Сумгаит как город. Сумгаит – это порождение нашей светлой социалистической жизни, город без традиций, город без корней, единственный город, где была свободная прописка, все бывшие заключенные прописывались там. Там вполне легко можно было организовать погром. Вот сейчас в Баку идет процесс Григоряна, тоже участник погрома. Он убил четырех армян. Среди азербайджанцев там тоже четыре уголовника, шесть условно приговоренных и, к сожалению, один наиболее зверствовавший погромщик – участник Афганской войны. Это свидетельство того, что Афганистан воспитал в людях чувство палача.

Перед лицом такой трагедии, мне кажется, первая мысль каждого из нас должна была бы быть: надо искать свою собственную вину, а не пытаться найти вину кого-то другого.

Вы, безусловно, правы. Я все-таки думаю, что Сумгаитская трагедия настолько серьезна и принципиально важна, что она должна быть выяснена до конца. И когда-нибудь история скажет правду. Но я еще раз повторяю, что я, Юсиф Самедоглы, писатель, интеллигент, категорически осуждал и осуждаю Сумгаитские события. Этому оправдания нет. Что бы ни было, этого оправдать нельзя.

Как вы думаете, почему уголовное дело о Сумгаитских событиях разбито на такое большое количество мелких дел: по одному, по два, по три человека? На самом деле, это ведь одно большое дело.

Я не силен в этом вопросе. У меня вызывает также недоумение, почему некоторые дела рассматривают в первой инстанции в Москве, в Верховном суде.

Ну, последнее как раз можно понять. Потому что бояться, что если человека судят на месте, то у местного населения может быть ненужный накал страстей, да и суд может быть пристрастным. Но почему большое коллективное дело разбили на большое количество мелких дел?

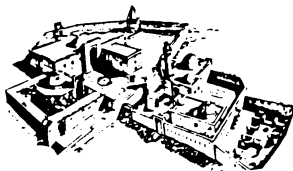
Не знаю. Я вам искренне скажу, что мне это тоже неясно. Потом мне неясно, почему многие процессы идут при закрытых дверях. Даже меня не пустили. Я, в общем-то, человек сильный, я позвонил, потому что хотел присутствовать на одном из процессов с диктофоном и с фотоаппаратом. Но мне категорически было отказано.

Как вы думаете, может ли карабахский вопрос быть решен в обозримом будущем или он так и останется затяжной проблемой?

Я оптимист, с умеренной долей пессимизма.

Может ли Карабах стать нашим Ливаном?

Он может стать нашим Ливаном только в том случае, если все-таки введут войска в этот регион. Я говорю не о внутренних войсках. Если введут регулярные войска, то тогда не сдобровать ни нам, ни армянам. И все-таки я оптимист. Я думаю, что рано или поздно мы с армянами договоримся. ●

Максуд ИБРАГИМБЕКОВ (Баку)

ЦЕЛЬ НЕ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

К сожалению, до сих пор не сформулирован вразумительный ответ на тревожащий всех вопрос — в чем же причина националистического бума, сотрясающего всю страну и, без преувеличения, поставившего под угрозу перестройку и благополучие государства. Волны неожиданного для всех ультранационализма или (кому как нравится) агрессивного "патриотизма" уже унесли десятки жизней ни в чем не повинных людей. И не исключается, что сегодня, если только наша администрация не откажется от позиции сердобольного зрителя древнеримского цирка, мы стоим лишь в начале длинной вереницы похорон.

В последнее время широкое хождение получило мнение, причем мнение, старательно внедряемое в сознание неустойчивых людей и усердно распространяемое, что чуть ли не главной причиной межнациональных столкновений в стране воинствующего атеизма является религиозная нетерпимость. Но как же тогда с этой позиции можно объяснить события в Фергане, где ферганские узбеки — потомки мусульман-суннитов — устроили кровавую бойню для своих единоверцев, таких же суннитов — турок-месхетинцев? Как можно истолковать побоища в Новом Узене, в которых мусульмане-азербайджанцы, лезгины и черкесы плечом к плечу с товарищами по несчастью христианами — грузинами и армянами — оборонялись от местных погромщиков? А злобеще крепчающий с каждым днем антисемитизм? Или же вспышки антирусских и даже антипольских настроений в районах страны, ни сейчас, ни раньше не подверженных влиянию буддизма, иудаизма или ислама?

В соответствии с другим суждением выход звериной ненависти — это следствие всеобщего безбожия и нигилизма, способствующих падению нравов и частичному одичанию.

Доводилось слышать и предположение, что межнациональные столкновения искусно провоцируются местными партийными руководителями-консерваторами, то есть врагами перестройки. Тоже интересная гипотеза. Но если вспомнить, сколько прежних руководителей удалилось в политическое небытие в итоге событий в Казахстане, Грузии, Армении и Азербайджане, то согласиться с ней означало бы заподозрить местных руководителей в полной утрате инстинкта самосохранения, что было бы, наверное, несправедливо.

Одной из самых остроумных догадок можно считать ту, из которой вытекает, что националистические распри — дело рук всемогущей мафии. Но есть ли необходимость мафии дестабилизировать обстановку, благодаря которой она не только сумела столь удачно вписаться в систему, но и добиться процветания? Сомнительно.

Перечисляются и другие причины — территориальные, несправедливость, допущенная в прошлом в отношении целых народов, низкая зарплата, нехватка товаров первой и всякой другой необходимости и т.д., то есть проблемы, взывающие к безотлагательному решению.

Сегодня процесс демократизации в нашей стране — явление вполне реальное. Граждане на практике имеют возможность отстаивать свою точку зрения по всем насущным вопросам, в том числе и национальным, как от своего имени, так и от имени уполномочивших их общественных и политических группировок и целых народов. Выдвигать и отстаивать свои требования по национальным вопросам на осно-

вании существующих законов, предлагая новые, ссылаясь на исторические прецеденты, используя арсенал средств, именуемых в конституционном обществе парламентскими. Насколько это эффективно — покажет время. Но пока это единственный известный человечеству способ уберечь общество от разложения в непредсказуемо уродливых формах.

В числе недозволенных приемов ультранационалистические организации подменяют волю народа желанием толпы. Причин же, а точнее поводов для каждого из националистических мятежей может существовать несколько сразу, а может и не быть вовсе. Потому что пробуждение и активизация агрессивного национализма, являющегося по своей сути разновидностью организованной преступности, происходит в нашей стране каждый раз в периоды ослабления власти. В эти периоды поводы для активизации агрессивный национализм отыскивает сам. Об этом свидетельствует, в частности, и страничка из новейшей истории Кавказа, повествующая о кровопролитных сражениях между армянами и грузинами за право обладания грузинской областью Ахалцих сразу после революции, в 1918 году, эксцессы на Украине и в России.

В том, что Армения пожелала увеличить свою территорию за счет соседней республики, ничего нового нет. История человечества перенасыщена подобного рода эпизодами, исход которых, в зависимости от обстоятельств, решался военными или дипломатами или их совместными усилиями. То есть земли либо завоевывались, либо продавались, либо в редчайших случаях дарились. В ходе нагорно-карабахской кампании мы столкнулись с приемами ранее неизвестными и весьма оригинальными.

В одно несчастное утро прошлого года жители городов и сел Азербайджана узнали о себе, что они кровожадные убийцы и насильники. Одновременно все радиостанции мира передали, что в Сумгаите, а вслед за ним везде — и в Баку, и в других населенных пунктах — убивают армян. Убивают десятками тысяч. С живописными подробностями рассказывалось о том (цитирую дословно) как, "обезумевшие от запаха крови орды азербайджанцев убивают армян". Убивают малолетних детей, разбивая детские головы о стены, врываюся в родильные дома и ножами вспарывают животы беременным женщинам. Одновременно в Москве и других городах страны рассказывались леденящие кровь истории о том, что в Баку азербайджанцы выставляют на площади обезглавленные трупы армян. Наиболее употребительными словами в те дни стали "геноцид" и "резня". О массовых убийствах в Азербайджане узнала вся планета.

Когда прошел первый шок, подсчитали число жертв "геноцида", выяснилось, что объявленное на весь мир число жертв в Азербайджане, за вычетом пятнадцати погибших азербайджанцев, русских и лезгин, составляет двадцать восемь армян — двадцать шесть в Сумгаите, двое в Кировабаде. То есть масштабы происшедшей трагедии несоизмеримы с объявленными. Но игра была сделана, многие, впервые услышавшие в то время о Нагорном Карабахе, естественно, стали задумываться: можно ли оставлять этот цветущий край в составе республики, населенной кровожадными убийцами и насильниками?

Но кто, кроме кровожадных азербайджанцев, убивал армян в Сумгаите? Обвинения в убийствах официально предъявлены русским, лезгинам, армянам, один из которых — Григорян орудовал в тот страшный день под кличкой Паша.

Кровавые события в Сумгаите грянули как гром среди ясного неба. Но неожиданными они были не для всех. За день до начала событий в Сумгаит прибыли люди с кино- и видеокамерами. Съёмочный день у них начался вовремя. В Сумгаите в тот страшный день снимали фильм! И сняли.

Фильм был показан во всех странах Европы и Америки, где имеются армянские колонии, во всех, кроме Советского Союза. Цель достигнута. Стоит ли удивляться, если после просмотра у зрителей, к тому же подготовленных средствами массовой информации, возникает справедливое желание изгнать людоедов не только из Нагорного Карабаха, но и вообще из Закавказья.

В оцепленном войсками Сумгаите я побывал в ночь после кровавых событий, разговаривал с местными жителями, представителями разных национальностей. Встре-

чался с заместителем Генерального прокурора СССР, следователями, работниками других правоохранительных органов. В те дни и позже мне не раз доводилось слышать утверждение, что события в Сумгаите — это умело запланированная акция. Пока у меня нет доводов это опровергнуть. Подождем суда.

Вот уже несколько месяцев Баку находится на особом положении. Очень грустно ощущать нынешние настроения бакинцев. Грустно и тревожно. Потому что многонациональный Баку всегда был одним из самых интернациональных городов в мире. Поверьте, это не кавказский тост! Будучи с дореволюционных времен одним из мировых центров нефти, огромный промышленный город собрал под своей крышей представителей многих национальностей мира. Быть националистом или проявить религиозную нетерпимость во все времена в Баку было равносильно самоубийству. С незапамятных времен здесь мирно соседствует церковь, синагога и мечеть. Никогда не знал Азербайджан и ортодоксального ислама. Укомплектовать в Баку "орду жаждающих крови" националистов не менее трудно, чем сколотить местную команду по хоккею на льду. Прискорбно, грустно, что ради того, чтобы в глазах мировой общечеловечности мятеж в Нагорном Карабахе предстал бы чуть ли не в виде фронта, разделяющего христианский и мусульманский миры, националистические организации использовали в качестве разменной монеты религию.

В многонациональной семье Азербайджана пятьсот тысяч армян, из них двести тысяч живут в Баку. Это рабочие, журналисты, парикмахеры, секретари райкомов, работники банка и прокуратуры, инженеры и врачи. Армяне — это часть нации Азербайджана, это друзья, сослуживцы, родственники, это бакинцы без обозначения национальности. Так было, и я надеюсь, будет всегда. Надеюсь, хотя уже дали ядовитые всходы семена, посеянные в тот недобрый час, когда было решено затеять смуту в Нагорном Карабахе. Неужели нам предстоит отныне жить по первобытным законам, настороженно присматриваясь к каждому человеку — чужак он или свой? Верно, что националистические руководители сумели нанести Азербайджану моральный и материальный ущерб. Но только ли ему? Затихнут карабахские страсти, но надолго останутся в памяти слова и поступки. А ведь потомкам обоих народов неизбежно предстоит жить вместе. И никуда от этого не деться. Может быть, хватит крови? Может быть, пора остановиться и оглядеться? Нагорный Карабах стоит там же, где и стоял веками, но во что превращен этот цветущий край, где до начала мятежа жизненный уровень населения был выше, чем в остальной части Азербайджана и Армении. Ведь пора задуматься над тем, во имя чего хлебнули столько горя оба народа? Бесполезно. Для националистов чужое горе не довод. Пользуясь безнаказанностью, отвергается любое предложение уладить разногласия законным путем, нагнетается и без того накаленная обстановка. Закусившие удила националисты продолжают применять приемы, которыми за всю древнюю историю не пользовались лидеры ни одного народа Кавказа, края, где во все времена потерю чести и доброго имени невозможно было оправдать самыми высокими целями.

Не исключается, что через некоторое время в разных районах страны и за рубежом, — а у армян, и это естественно, кроме друзей есть и недоброжелатели, — возникнет мысль — если армяне ради куска земли с такой легкостью, набросившись всем международным скопом, утопили в канализации своих соседей, которые никогда ничего плохого им не делали, то они и нам ведь могут сделать какую-нибудь пакость: пока не поздно надо принять меры. Итогом этих или похожих размышлений могут быть последствия, перед которыми события вокруг Карабаха могут показаться гораздо менее значительными. Если это произойдет, мне будет очень жаль. Жаль даже из чисто эгоистических соображений — потому что любые достижения или ошибки отдельно взятого кавказского народа в сознании окружающих в той или иной степени проецируются на все население Кавказа.

Достижение цели любыми средствами при всех обстоятельствах порочно... и невыгодно. ●

СУМГАИТ... ГЕНОЦИД... ГЛАСНОСТЬ?

23 сентября с.г. в Ереване, в Доме архитекторов Армении состоялась пресс-конференция, организованная армянским историко-просветительским обществом "Гушаматян" совместно с Союзом журналистов республики. В зале присутствовали более 300 человек, в том числе и иностранные журналисты. Цель конференции — дать политическую оценку сумгаитскому злодеянию, которое до сегодняшнего дня из-за тенденциозной политики центральных властей замалчивается, искажается, тем самым усиливая боль армянского народа.

На конференции были представлены ранее неизвестные видеоматериалы, свидетельства потерпевших, состоялись выступления адвокатов, представлявших интересы армянской стороны на московском и одном из сумгаитских процессов, а также представителей общественности, взявших на себя нелегкий груз исследования этой страшной трагедии.

Мы публикуем (с небольшими сокращениями) выступление на этой конференции Самвела Шахвердяна.

Сумгаитский геноцид был организован в связи с карабахской проблемой. Это — чудовищная реакция на подчеркнуто мирное и демократическое по форме волеизъявление армянского народа о воссоединении Нагорно-Карабахской автономной области с Армянской ССР. Цель преступления — заблокировать возможное решение проблемы, запугать армян перспективой новых кровавых акций и заставить их отказаться от движения за Карабах. 20 февраля 1988 г. внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО приняла решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской в состав Армянской ССР.

В ответ на требование карабахцев азербайджанская сторона стала угрожать им физической расправой. Причем делалось это не только и не столько простыми азербайджанцами, сколько руководящими работниками. "В ночь на 14 февраля, когда в Степанакерте прошла первая демонстрация, на заседании бюро обкома партии зав. отделом ЦК КП Азербайджанской ССР Асадов заявил, что "сто тысяч азербайджанцев готовы в любое время ворваться в Карабах и устроить бойню" (А.Василевский. "Аврора", 1988, № 10). Мысль о физической расправе в случае неповиновения Карабаха была внушена даже М.С.Горбачеву. 26 февраля, за день до начала погрома в Сумгаите, Генеральный секретарь ЦК КПСС сказал в связи с карабахской проблемой армянским писателям С.Капутикян и З.Балаяну: "А вы подумали о судьбе двухсот семи тысяч бакинских армян?" (З.Балаян. "Коммунист", 13 сентября 1989 г.)

Одновременно с угрозами с азербайджанской стороны начались первые акции. На территории Азербайджанской ССР один за другим стали возникать относительно небольшие инциденты с оскорблениями и избиениями армян. Первый крупный инцидент возник 22 февраля, когда многотысячная толпа азербайджанцев из города Агдам вошла на территорию соседней НКАО и двинулась по направлению к Степанакерту. Попутно совершались избиения армян и погромы жилых и общественных зданий. До катастрофы оставался шаг, когда близ поселка Аскеран отрядам милиции и группе карабахцев удалось остановить разъяренную толпу. Десятки армян в этот день были ранены и госпитализированы. Двое азербайджанцев из Агдама убиты. Одного, как потом показало следствие, застрелил милиционер-азербайджанец, об обстоятельствах гибели другого ничего не сообщалось.

К аскеранскому инциденту следует вернуться уже в непосредственной связи с сумгаитскими событиями, другая же страница предыстории трагедии начинается с Кафанского района Армянской ССР. Это отдаленный от Еревана и граничащий с Азер-

байджанской ССР район со значительным числом азербайджанского населения, где не только не проходило митингов и собраний, но и в условиях молчания средств массовой информации большинству населения ничего не было известно о карабахских событиях. И тем не менее, уже в двадцатых числах в основном из этого, а также из ряда других районов Армении с азербайджанским населением, в Азербайджан стали стекаться так называемые "беженцы". Сразу же после появления "беженцев" в Азербайджане была задействована мощная машина распространения слухов о якобы имевших место в Армении насильственных действиях против азербайджанцев. Видимо, для нагнетания антиармянской истерии до необходимого накала одних только сообщений о намерениях армян "отнять" "чужую землю" не хватило бы, требовалось нечто более существенное, что позволило бы полностью вывести людей из равновесия и сделать их способными на любые действия. И вот в Сумгаите под видом беженцев из Кафана начинают действовать специально подготовленные провокаторы. Об одном из них сообщила даже газета ЦК КПСС "Социалистическая индустрия".

Провокаторы не просто вели разговоры на площади, а выступали с трибуны, стоя рядом с партийными и советскими руководителями города. Как же они могли оказаться рядом — люди, среди белого дня призывающие к насильственным действиям по отношению к армянам, то есть совершающие уголовно наказуемые действия, и люди, обязанные разъяснить сумгаитцам, что все это ложь и провокация? И вот, в дни, когда атмосфера в Сумгаите накалилась до предела, происходит один из наиболее поразительных эпизодов предыстории трагедии: 27-го февраля по Центральному телевидению выступает не кто-нибудь, а заместитель Генерального прокурора СССР А.Ф.Катусев, и сообщает о том, что 22 февраля в стычке близ Аскерана погибли двое азербайджанцев, при этом подчеркивает молодость погибших. Таким образом, вся масса невероятных слухов о "зверствах армян" как бы находит свое официальное подтверждение.

О сообщении А.Ф.Катусева писалось и говорилось очень много. Не раз говорили об этом и свидетели событий. Мнение такого: сообщение послужило сигналом и мощным толчком к сумгаитскому геноциду. Выступление Катусева можно было бы счесть ошибкой человека, не знакомого с психологией других народов, если бы не одно обстоятельство — текст сообщения о стычке близ Аскерана он согласовывал с первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома партии Г.А.Погосяном и тот настоял на снятии из текста упоминания о национальной принадлежности убитых. Катусеву было разъяснено, что в противном случае сообщение вызовет тяжкие последствия. Заместитель Генерального прокурора в первых двух своих выступлениях не сообщал национальность убитых, но несколькими днями позже решил "вспомнить", что убитые — именно азербайджанцы. Поступок этот требует объяснений со стороны Катусева, тем более, что он обошел полным молчанием даже депутатский запрос об этом на сессии Верховного Совета СССР.

В средствах массовой информации сумгаитские события преподносились так, будто ничто не предшествовало резне, и она возникла вдруг, стихийно. Между тем геноцид был тщательно организован, в том числе — с идеологической и психологической точек зрения. Речь идет прежде всего о сумгаитских "митингах", антиармянских сборищах, начавшихся с 25 февраля на центральной площади города, носящей имя Ленина.

Первый сумгаитский "митинг" был относительно немногочисленным, на втором, организованном на следующий день, 27 февраля, присутствовали тысячи людей, причем многие прибыли на площадь по указанию руководителей предприятий и учреждений. Армянские "зверства" и кафанские "мученики", карабахский вопрос, необходимость наказать армян, убивать их и гнать из Сумгаита, из Азербайджана вообще — вот темы, с которыми выступали с трибуны не только провокаторы, но и известные в Сумгаите люди: директор средней школы № 25, актриса театра им. Араблинского. Рефрен многих выступлений, основной лозунг тех дней — "Смерть

армянам!". Помимо слов, применялись и другие средства, например, водка и наркотики, в большом количестве и бесплатно раздаваемые толпе прямо с грузовиков.

27 февраля вечером "митинги" переросли в насильственные действия. Первые избиения и погромы длились до поздней ночи, а на следующий день сотни людей, принявшие непосредственное участие в преступлениях, как ни в чем ни бывало собрались на свой последний "митинг". Это очень существенный момент: погромщики окончательно убедились в своей безнаказанности. "Митинг" 28 февраля завершился тем, что первый секретарь Сумгаитского горкома партии Муслим-заде взял в руки государственный флаг Азербайджанской ССР и повел за собой огромную толпу собравшихся на площади Ленина. Затем толпа разделилась и, уже вооруженная, стала нападать на квартиры армян...

Все мыслимые человеческие преступления и страдания сконцентрировались в кровавой трагедии, разыгравшейся в Сумгаите. Поражают масштаб и безнаказанность погрома, цинизм и жестокость, с которым он совершался. Преступления тех дней кажутся просто невозможными, если учесть, что в бандах были сплочены не профессиональные убийцы и садисты, а обыкновенные горожане, в подавляющем большинстве — молодые люди. Но как ни чудовищно содеянное, не они главные виновники, а те, кто сумел так тонко и мастерски превратить их в нелюдей. Весь армянский народ (и прежде всего сумгаитские армяне) убежден, что организаторов и вдохновителей геноцида следует искать в руководящих кругах Азербайджанской ССР. О вине ЦК КП Азербайджана в совершившемся говорил на майском (1988 г.) пленуме ЦК КП Азербайджана Муслим-заде.

Есть убежденность одних, разного рода догадки других, но есть и факты, подтверждающие запланированный и организованный характер геноцида. Это — те же "митинги" 26—28 февраля, то же бездействие партийных, советских органов и сил государственной безопасности, это — явное содействие сумгаитской милиции погромщикам, изготовление холодного оружия на промышленных предприятиях Сумгаита, четкая дисциплинированность и иерархичность банд и многое другое. Особого внимания заслуживает тот факт, что сразу после погромов по указанию сверху, в частности — работника ЦК КП Азербайджана Ганифаева, производились вывоз и захоронение выброшенных из армянских квартир вещей, а также лихорадочно быстрый ремонт разгромленных квартир, объектов общественного питания. То есть уничтожались вещественные доказательства, скрывались следы преступлений. Тем не менее, Прокуратура СССР категорически отрицает запланированность и организованность сумгаитского преступления. Так, в интервью газете "Известия" заместитель Генерального прокурора Катусев заявил: "Продолжают мешать следствию всевозможные измышления. В частности, распространяются слухи о том, что накануне массовых беспорядков в городе составлялись списки лиц армянской принадлежности для их физического уничтожения. Что на ряде предприятий специально изготавливались металлические прутья и иные предметы. Что преднамеренно работниками узлов связи отключались телефоны в квартирах армян. И так далее. Для проверки этих и других подобных сведений следователи допросили большое количество жителей Сумгаита, работников предприятий, сотрудников жилищно-эксплуатационных контор, узлов связи и других служб. И ни одно из этих заявлений не подтвердилось ("Известия", 20 августа 1988 г.).

Наличие списков армян, изготовление холодного оружия на предприятиях (речь идет прежде всего об арматурных прутьях), отключение телефонов работниками городского узла связи, как и отключение электроэнергии в целых кварталах и микрорайонах в дни погромов, — не "измышления", которые "продолжают мешать следствию", а факты, лежащие на поверхности событий, игнорирование которых заводит следствие в намеченный властями тупик. Возьмем, к примеру, хотя бы изготовление холодного оружия на предприятиях. Допустим, что показания сумгаитских армян об изготовлении арматурных прутьев, пик, ножей и т.д. в цехах заводов являются "измышлением". В таком случае чем объяснить, что бюро Сумгаитского горкома

партии 10 мая 1988 г. осудило руководство и коллектив Азербайджанского трубопрокатного завода за то, что "в дни сложной ситуации в цехах завода имело место изготовление топоров, ножей и других предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами" (газета "Коммунист Сумгаита" 13 мая 1988 г.).

Стремление скрыть организованный характер сумгаитского преступления в какой-то мере объяснимо: не могут же власти взять да и посадить на скамью подсудимых представителей той же власти. Но каким образом объяснить нежелание следственных органов выявить всех преступников, принимавших непосредственное участие в погромах, убийствах, других преступлениях, в том числе, в открытой пропаганде межнациональной розни и вражды? Еще в сентябре 1988 г. ТАСС сообщило что "в основном завершено расследование уголовных дел, связанных с событиями в Сумгаите, выявлены и привлечены к ответственности все лица, причастные к убийствам, организации погромов и насилия ("Известия", 21 сентября 1988 г.). Между тем в самих материалах следствия постоянно фигурируют "неустановленные лица" — непосредственные участники преступлений, в том числе убийств.

Генеральный прокурор СССР А.Я.Сухарев на Съезде народных депутатов СССР, отвечая на вопросы одного из депутатов от Армении, заявил, что следствие по сумгаитским делам завершено, все обвинительные материалы переданы в суд, перед судом предстало 96 человек. Итак, выявлены "все", и этих "всех" около сотни. После этого вполне понятна горестная ирония сумгаитских армян, когда цифру "сто" они сопоставляют не только с тем, что видели в Сумгаите своими глазами, но и с официально признаваемыми масштабами трагедии. Кстати, из материалов судебного процесса по делу Ахмедова и других в Верховном суде СССР явствует, что только 29 февраля в нападениях только на квартал 41-А участвовало около 400 человек. Сколько же тысяч человек участвовало во всех нападениях и во все дни насилия?

На заседании 18 июля М.Горбачев заявил, что трагедии в Сумгаите не было бы, если бы войска не опоздали на три часа. С таким мнением трудно согласиться. Подразделения Министерства обороны и Министерства внутренних дел страны стали прибывать в Сумгаит вечером 28 февраля, а через сутки в вечерние часы 29 февраля в Сумгаите было убито по крайней мере десять армян, в том числе пять членов семьи Мелкумянов, были совершены погромы десятков квартир, множество других преступлений. Трагедию 29 февраля усугубили бездействие, а порой и прямое уклонение войсковых подразделений от оказания помощи подвергающимся нападению армянам. Свидетельские показания об этом на судебном процессе по делу Ахмедова и других в Верховном суде СССР прозвучали настолько убедительно, что Верховный суд вынес частное определение, предусматривающее расследование по вопросу о бездействии некоторых введенных в Сумгаит войсковых подразделений. Тем не менее было бы черной неблагодарностью не отметить роль военных и спецподразделений Министерства внутренних дел СССР в эвакуации армянского населения в охраняемые места — здания Сумгаитского горкома партии и исполкома горсовета, Дворец культуры химиков им. Вургуня и другие помещения. Нельзя умолчать и о человечности и отзывчивости многих отправленных в Сумгаит войсковых подразделений и милиционеров, в основном русских людей. Наконец, в столкновениях с бандами пострадали и они, причем пострадали очень сильно.

Свою признательность сумгаитские армяне обращают прежде всего к тем честным горожанам азербайджанской и других национальностей, которые, рискуя многим, укрывали, спасали своих соседей-армян. Но прошло время, и в Сумгаите, где армян уже не осталось, стали преследовать тех, кто спасал их в дни февральского ада, а сумгаитские убийцы на митингах в Баку были объявлены ни много ни мало национальными героями. И если сразу после трагедии азербайджанская интеллигенция и средства массовой информации Азербайджана старались хранить молчание, либо призывали забыть "случившееся", либо же объясняли трагедию... высоким уровнем

загазованности воздуха в Сумгаите и нерешенностью квартирной проблемы, то вскоре позиция республиканских и центральных властей позволила им полностью извратить суть и характер трагедии и дойти до того, что объявить виновниками, организаторами и зачинщиками преступлений самих армян и даже зарубежные армянские партии! Никого в Армении уже не удивляет, что среди хаоса абсурдных суждений и лжи в статьях типа "Почему Сумгаит?" академика АН Азербайджана З.Буниатова не остается места для двух слов раскаяния или сожаления. Зато армяне объявлены мазохистами, "выдумавшими" Сумгаит, зато абсурдный цинизм доведен до немыслимого апогея, и теперь уже приходится слышать о том, что армян в Сумгаите убивали армяне же. Азербайджанские газеты с гордостью сообщают о том, что в те "сложные дни", в отличие от Степанакерта и Еревана, в Сумгаите работали все предприятия...

Глубокое разочарование и возмущение армянской общественности, честных советских людей вызвали судебные процессы по сумгаитским делам. Уже сам факт расчленения единого преступления против армянского народа на отдельные уголовные дела вызывает недоумение и протест. Но и эти "дела" явились прямым продолжением официальной политики укрывательства и лжи. Достаточно сказать, что убийства невинных людей по национальному признаку квалифицируются на судебных процессах как убийства из хулиганских побуждений. При этом никто, конечно, не собирается объяснять, почему "хулиганские побуждения" были направлены исключительно против одной из национальных групп, составляющих население Сумгаита. Зато на судебном процессе в Верховном суде СССР государственный обвинитель В.Козловский без зазрения совести заявил, что наравне с армянами в Сумгаите пострадали и представители других национальностей.

Оставшись неосужденным и безнаказанным, Сумгаит повлек за собой десятки малых и больших погромов армянского населения Азербайджанской ССР, в том числе в столице республики — Баку, где и сейчас льется армянская кровь. Погромы эти достигли своего пика в ноябре-декабре 1988 г., когда из Азербайджана в Армению и другие республики Советского Союза бежало около двухсот тысяч армян. Насилие, остающееся безнаказанным, порождает только насилие. Во время массовых погромов в ноябре-декабре были предприняты ответные действия и против азербайджанцев, проживающих в Армянской ССР. Нынешняя ситуация в регионе, граничащая с открытой армяно-азербайджанской войной, тоже восходит к Сумгаиту. Всего этого, как и трагедии в Узбекской и Грузинской ССР, могло и не быть, если б Сумгаит был строжайше осужден на государственном и всенародном уровне. "Последствия попустительства очевидны — Сумгаит стал толчком для новых трагедий и кровопролития, — пишут в своем "Открытом письме друзьям в Армении" московские ученые. — Если кровь Сумгаита на тех, кто организовал и осуществил эту вакханалию, то ответственность за дальнейшее на всех, кто не оценил масштаб трагедии, кто не понял и до сих пор не понимает, что никто, будь то литовец или еврей, башкир или русский, ни один народ и ни один человек в СССР не могут чувствовать себя в безопасности, пока преступления сходят убийцам с рук".

Сумгаит будет оставаться миной замедленного действия, заложенной под фундамент страны до тех пор, пока не будет осужден. А для этого прежде всего необходимо, чтобы народы многонационального Советского Союза знали правду о Сумгаите.

СИЛА И ДУХ

Говорят, А. Лукьянов во время своего пребывания в Армении заявил, что организованность армян более ужасающа, чем зверства в Азербайджане. Не знаю, действительно ли им произносились подобные слова, да в данном случае это и не важно, поскольку дальнейшее поведение Москвы со всей очевидностью продемонстрировало, что события именно так и расцениваются. В этих предполагаемых словах сокрыто некое важное положение, которое, как кажется, может в какой-то степени объяснить позицию и поведение властей, представляющиеся по меньшей мере странными в контексте как арцахской (карабахской), так и многих иных проблем. Одним из первостепенных является вопрос о том, каковы причины роста насилия в стране, в основном на межнациональной почве, и почему государство, провозгласившее демократию, вроде бы довольно этим ростом и даже зачастую само провоцирует насилие. Обычно мы приписываем это известному имперскому принципу "разделяй и властвуй", объясняем отношение властей к нам их промусульманской ориентацией на международную арене, твердим, что причина этого в постоянной ненависти и вражде к нам, — то есть предпочитаем оставлять события без каких бы то ни было объяснений, ибо вражда или ненависть являются следствием, а не причиной.

Однако понятно, что должна существовать определенная идеологическая база, на которой основывались бы действия властей и которой противоречит и противостоит армянское национальное движение. Конечно, вполне понятно, что идея самоопределения сама по себе противоречит имперским устремлениям. Открытый и беспощадно критический дух наших митингов переходит за предусмотренные для гласности границы и т.п. Однако все это также детали, за которыми скрыта иная, более общая идея. Конечно, предвижу возражение, сводящееся к тому, что никакой единой, целостной и всеохватной идеи у настоящих (как и предшествующих) "хозяев" страны не было и нет. Соглашаясь с этим утверждением, придется развить мысль, добавив, что подобная "безыдейность" началась с самого начала века — с трудов основоположника Советской страны. Нетрудно заметить, что каждый последующий "властитель" сразу же провозглашается у нас единственно верным ленинцем. Удивительно то, что при этом прав каждый из этих противостоящих друг другу вождей, начиная со Сталина, ибо сам Ленин оказался автором многочисленных взаимоисключающих идей, провозглашение которых зависело лишь от практических выгод в данный момент. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что никакой сверхидеи, или попросту высочайшей идеи, которой должны были бы руководствоваться устроители социалистической империи, не было и нет.

Однако на всех этапах истории нашей политической системы ей было свойственно не только считать духовные явления некоей второстепенной и незначительной составляющей в общественно-политической жизни, но и стремиться вовсе уничтожить эту составляющую. Конечно, эта мысль не нова, но в ней можно нащупать некий ключ к расшифровке множества загадок, в том числе и загадки странностей сегодняшних событий.

Казалось бы, перестройку в подобной многонациональной империи следовало начинать с упорядочения национальных вопросов. Однако этого не произошло и не могло произойти. Дело в том, что национальные вопросы — всегда *вопросы духовные*. Это обстоятельство объясняет если и не все, то по крайней мере наиболее существенные стороны вопроса. Вспомним, что на всем протяжении арцахского движения — от начала и по сей день — предпринимались и предпринимаются попытки

снять духовное содержание нашей национальной проблемы и перевести ее в плоскость сугубо материальную. В контексте этих попыток следует рассматривать и бюджетные выделения, и обсуждение социально-экономических вопросов области и т.д. Вспомним и то, что до сих пор забастовки вообще и забастовки в Армении, и Арцахе в частности, расценивались как противозаконные, вредоносные или по крайней мере неоправданные акции. Однако недавняя забастовка шахтеров воспринята как вполне оправданный шаг. Дело в том, что в отличие от требований, выдвинутых нашими забастовками, требования шахтеров были сугубо (или преимущественно) материальными. Заметим, что именно духовные пункты, чудом сохранившиеся в Конституции СССР, наиболее последовательно попирались властями. Именно потому в спорах с Западом о правах человека проблема эта упорно передвигалась в сугубо материальную сферу, и страна с гордостью заявляла о том, что "обеспечила" человеческое "право" есть, трудиться, получать пенсию и прочие социально-экономические блага и что отныне ей нечего делать в этой, по сути духовной, области. Подмена карабахской проблемы — это подмена аналогичного характера. В той же Конституции противопоставлены друг другу две статьи: одна — о праве народов на самоопределение, вторая — об условиях изменений межреспубликанских границ. Несомненно, из этих двух статей поправленной должна быть первая, поскольку она принадлежит духовной сфере, между тем как вторая, относящаяся к территориальным вопросам, по сути своей материальна.

Тирания и демократия несовместимы, ибо демократия не просто уничтожает тоталитаризм, но уничтожает благодаря духовной свободе, являющейся основным содержанием демократии. Следовательно, если тоталитарное государство вдруг провозглашает демократию, оно прежде всего должно позаботиться о том, как совместить это понятие со своей антидуховной сутью. Разумеется, оно попытается лишить это понятие его духовного наполнения, то объявляя демократию "социалистической", то попросту незаметно деформируя ее содержание. Попытаемся понять, что же подразумевают власти под провозглашенной ими демократией.

В так называемые "застойные" годы власти (в лице, скажем, следователей КГБ) с удивлением задавали вопрос: "Как это, демократия? — значит, каждый может делать, что ему вздумается — человека убить, метро взорвать?" Интереснее всего, что удивление вопрошающих было искренним. Поскольку насилие — единственная опора и защита общественного строя, который не располагает какой-либо объединяющей идеей, обладающей возможностью стать духовной основой системы, то естественно, что власти, провозглашая демократию, должны иметь в виду лишь то, что сами они вкладывают в это понятие, в данном случае — свободу террористических действий. Террор властей по отношению к собственному народу уже давно стал объектом международного осуждения. Советская империя в результате оказалась перед необходимостью вынужденно провозгласить демократию и прекратить государственный террор, однако заменив его неким иным террором, который будет осуществлять не само государство. В арцахском узле подобной силой оказался "азербайджанский фактор". Именно поэтому втайне или явно симпатии и поддержка властей на азербайджанской стороне.

Более того, Москва предпринимала неоднократные попытки и армянское движение направить по тому же руслу — руслу террора и насилия. Вполне возможно, что если бы ей удалось убедить армянский народ в том, что это и есть единственно верный и необходимый путь, то мы уже заручились бы московскими симпатиями. Но при этом мы перестали бы быть самими собой, превратившись в частицу той грубой силы, с помощью которой власти намерены сохранить свои государственные позиции даже в период "перестройки". Мы сами задушили бы едва зародившийся в нас и обретавший мощь духовный порыв, равно как и все наши демократические силы, которые могли стать препятствием на пути насилия. И когда это, слава Богу, не удалось, власти были вынуждены продемонстрировать свой неизменный лик, забыть про "алиби" и взять осуществление террора снова в свои руки. Были введены военное по-

ложение и комендантский час, арестованы руководители армянского движения (заметьте, что арестованы были как раз те деятели, которые противостояли террору).

В этом контексте, конечно, становится понятней, почему организованность армян более опасна для властей, чем варварство в Азербайджане; почему Москва фактически покровительствует сумгайтским громилам; почему советские вооруженные силы то "опаздывают" предотвратить кровопролитие, то, стоя рядом с убийцами, не вмешиваются в их действия, а то и сами сотрудничают с ними; становится понятней, что означают ласковые слова "это же наши дети", которыми М.Горбачев охарактеризовал тех, кто осуществлял избивание в аэропорту "Звартноц", какой смысл скрыт в бурных аплодисментах, которыми на съезде депутатов встретило послушное Горбачеву большинство генерала-убийцу Родионова.

Власти осознают, что их позиции, равно как и сама империя, не могут сохраниться, если в стране будет вовсе устранено насилие. И потому с самого начала создавался миф о якобы существующем в верхах противостоянии (миф о оппозиции Горбачев—Лигачев), который все же оказался слабым "алиби". После распада этого мифа *сами* власти переходят на демократичные формы поведения, в то же время поддерживая те силы, которые могут взять на себя функцию террора, "отвергнутого" властями. Это явно просматривается и за рамками закавказских событий. В Прибалтике неприемлемыми для властей оказываются народные фронты, а недвусмысленной поддержкой пользуются спровоцированные ими же фронты интернациональные. В России власти преследуют "Демократический союз", между тем разрешая потенциально террористической организации "Память" свободно разворачивать свои действия. Можно сравнить также созданные в период хрущевской "демократии" оперативные комсомольские штабы, осуществлявшие насилие и под конец уже открыто сотрудничавшие с КГБ, и ныне создаваемые "рабочие дружины", о которых недавно известила "Литературная газета".

Насилие — наиболее надежный защитник любой империи, в особенности нашей. И следовательно, пока существуют силы, питающие насилие, империя сохранится, продолжая свои преступления против личности, народов и человечества, сохраняя и оберегая все античеловечные и антидуховные силы, разжигая напряженность в тех регионах, где возможна вспышка террора. Арцах и Армения были первыми, кто вышел из этой жестокой игры. В силу этого мы не можем рассчитывать на симпатии нынешних московских правителей. Но в это же время мы стали противовесом силам террора и обрели союзников внутри самой империи в лице тех, кто открыто противостоит насилию. И поскольку борьба наша — это борьба национальная и, следовательно, духовная, то и результаты этой борьбы пока лишь духовны: признание геноцида 1915 года, принятие национального флага, появление в Верховном Совете республики истинно народных депутатов и, конечно, духовное пробуждение нашего народа. Накопление подобных духовных побед и приведет в конечном счете к тому моменту, когда духовное будет признано первостепенным, и наша проблема будет рассматриваться не как территориальная, а как проблема самоопределения народа.

Армянский народ уже перешагнул через перестройку к пробуждению. Именно это и является единственным гарантом нашего успеха, независимо от еще возможных физических поражений, которые пока, изранив наше тело, лишь закаляли душу. Ибо здесь сокрыта главная сила, устрашающая тех, кто насилием и ложью пытается "решить" наш вопрос, и готовящая их падение. ●

Вячеслав МАЙЕР (Франкфурт-на-Майне)

КОРЕЙЦЫ В КОНТЕКСТЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

”Дружба народов” – типовая характеристика советской национальной политики. А дружба, как известно, предполагает знание, уважение, взаимопонимание. Однако в особой системе советской дружбы народы четко делятся на тех, по которым существует хоть какая-то статистика, и тех, кто в статистике дружбы не участвует. В последнюю категорию входят немцы, греки, цыгане, караимы, шорцы и еще более ста народов, живущих на необъятных просторах огромной страны.

Остановимся на судьбе одного из них, корейцев. В последние годы покупатели на рынках Днепропетровска, Ростова-на-Дону, Бухары или Ташкента уже без удивления смотрят на невысоких людей, торгующих овощами и зеленью. Большую часть лука, причем лучшего, без которого не сготовишь ни украинский борщ, ни узбекский плов, выращивают и продают корейцы. У ”луковой нации” – и судьба луковая, горькая.

Отдельные группы корейцев жили в Приморье испокон веков. Но массами они появились здесь в 60-х годах прошлого столетия, после страшного голода в Малом Китае, так называют Корейский полуостров на Востоке. Губернаторы Приморья были не в восторге от ”азиатского” элемента и допустили в край беженцев лишь на время голода, рассчитывая позднее вернуть их на родину. И действительно, когда голод кончился, корейцев стали отправлять домой. Однако дома возвращенцев ждала смертная казнь, без всяких объяснений им рубили головы.

Милосердное казацкое население, перебравшееся на Дальний Восток из Забайкалья и Западной Сибири, разрешило корейцам селиться на своих землях. Польза оказалась невиданная. Дальневосточная целина такова, что плугом ее не возьмешь, поднять пласты можно только вручную – мотыгой, лопатой. И спасенные корейцы руками перевернули сотни тысяч десятин земли, превратив ее в плодородную почву. Новых жителей все хвалили: губернаторы – за труд и мирный нрав, крестьяне – за помощь, духовенство – за невиданную тягу к православию.

Корейцы строили хуторские поселки, заселяли кварталы во Владивостоке, Уссурийске, Хабаровске. С китайцами они не смешивались, и в войне русских властей с хунхузами-китайцами не участвовали.

Не затронуло корейцев и грозное восстание 1900 г., когда китайское население изгонялось из приамурских и приморских поселков и городов. Большая часть китайцев погибла, пытаясь переплыть широкий в этих местах Амур. Тогда же бежали из окрестностей Благовещенска 20 тысяч маньчжуров, подданных Китая, которые тоже кормили русский Дальний Восток. Кстати, бегство маньчжуров привело к тому, что в русско-китайских отношениях возник знаменитый ”маньчжурский вопрос”, не решенный и до сих пор. Суть его – компенсация за земли, освоенные маньчжурами в дельте Зеи.

Строительство КВЖД, в то время (1898–1903) самой большой стройки мира, и русско-японская война повысили спрос на продукты, выращиваемые корейцами. Бум не кончился и после войны, потому что сразу же началось строительство другой дороги – Карымская–Хабаровск. Многие корейцы разбогатели, стали приобретать американскую технику, уезжали учиться в Японию, Китай, на Гавайские острова. Гражданская война на Дальнем Востоке привела к разрушению корейских хозяйств, многие бежали на родину или в Маньчжурию.

В середине 20-х годов как будто наступило успокоение. Корейцы попали в число советских народов: появились корейские школы, активистов принимали в Московский университет трудящихся Востока, были организованы корейские секции РКП(б), издавалась газета, выходили книги. Партийных функционеров поражала

странная особенность корейцев: спокойно и безропотно выслушивая агитаторов, они продолжали действовать по-своему. В то же время возникли первые корейские рисоводческие коммуны в Средней Азии и на Алтае. Рубцовская коммуна "Новая Корея" стала выращивать невиданный для Сибири рис.

Затишье продолжалось недолго. Советско-китайский конфликт 1929 г. и столкновения на КВЖД вызвали волну репрессий против корейцев. И без того малочисленная корейская интеллигенция вместе с китайской, нанайской и бурятской отправилась в ГУЛаг. Туда же попали и ламы из независимой Тувинской Народной Республики, а также эвенкские шаманы и якутские отшельники. Все они погибли в советских лагерях.

Но это было начало. А кульминация наступила в 1937 г., когда, после советско-японских столкновений в Монголии, всех корейцев, проживающих на Дальнем Востоке, вывезли в Казахстан и Среднюю Азию. Операция осуществлялась в сентябре-октябре 1937 г. строго по графику. Депортируемым разрешили взять с собой некоторые семейные реликвии, даже выплатили командировочные – по 150 рублей на душу. И сейчас еще сибиряки помнят, как в детские годы они ходили смотреть на поезда и недоумевали: "Куда их везут?" Им объясняли: "Японские шпионы, а везут их в Германию". С Дальнего Востока тогда вывозили в глубь страны все ценное: архивы, уцелевшие от расхищения сокровища 166 буддистских дацатов. Архивы вывезли в Томск, сокровища – в музей Ленинграда. Погром был таким, что очевидцы рассказывают о долинах, заполненных сутрами священных буддистских писаний, о чае в магазинах, извлеченном из полостей буддистских статуй, о мешках, сшитых из шелковой утвари дацанов, об исчезнувшей навсегда ценнейшей коллекции древнерусских икон, собранных в староверческих селениях участниками экспедиций Н.Н.Поппе.

Из муссонного климата Приморья корейцы попали в пекло Средней Азии. Адаптация была тяжелой – многие старики и дети погибли. Это была первая сталинская национальная депортация, о которой не грех бы вспомнить вождю всех народов товарищу Ким Ир Сену: в его личном музее все еще красуются подарки другого вождя народов – товарища Сталина.

В Отечественную войну корейцев в боевые части не брали. Как и немцев, их направляли в трудовую армию, почти ничем не отличающуюся от концентрационных лагерей. Те, кто выжил, попали в режим спецкомендатур. На Дальний Восток корейцы стали возвращаться в конце пятидесятых. Оставшиеся в Средней Азии и Казахстане занялись рисоводством, выращиванием овощей, особенно лука.

Национальная жизнь корейцев в Средней Азии бедна. В Алма-Ате выходит одна газета ("Ленин Кичи"), работает один театр. Можно, правда, выписать северокорейские газеты, но там пишут только о Ким Ир Сене. Газеты из Южной Кореи не продаются. Так что язык забывается, его не знает уже и половина населения: по переписи 1979 г. родным языком корейский назвали всего 55,4% из 389 тысяч корейцев, проживающих в СССР.

О том, кто такие корейцы и как они живут, в стране почти ничего не известно. Сведений о них нет, публикаций тоже. В пятитомной истории Казахской ССР им уделено, суммарно, четверть страницы. Впрочем, это больше, чем немцам.

В Южном Казахстане поселки, где живут корейцы (вместе с депортированными туда волжскими, черноморскими, крымскими и кавказскими немцами), заметно выделяются чистотой и особой аккуратностью. Много смешанных браков: корейки считаются хозяйственными и верными женами. Детей от этих браков записывают часто... русскими. В 50-е годы, когда в школах еще пели: "Москва-Пекин – идут, идут народы" и "Сталин и Мао – братья навек", корейцев охотно привлекали к работе в советских организациях в Китае, Вьетнаме, Лаосе. Потом дружба с Китаем оборвалась, и им пришлось ретироваться. Этим вернувшимся корейцам разрешили прописку в городах – даже в таких, как Москва и Ленинград.

Многие из этих привилегированных корейцев стали работать в сфере культуры. Москва 60-х годов восторженно слушала лекции о международном положении, которые читал Павел Николаевич Ни Ли. Кореец Федор Ким получил даже звание академика, разрабатывая теоретические проблемы советской культуры.

Вернувшиеся на Дальний Восток корейцы тяжело пережили 1969 год, когда после событий на Даманском всех корейцев заподозрили в связях с китайцами. Сохранившиеся там географические названия китайского происхождения срочно заменили русскими. Например, город Сучан был переименован в Партизанск. Почему за Амуром и Сахалином сохранили прежние названия, никто не знает.

В 1945 г. советские войска заняли южную часть Сахалина. Вскоре оттуда были вывезены японцы и айны. Однако корейцам разрешили остаться. Сейчас они составляют 7% населения острова и в полной мере могут быть названы его кормильцами. Овощной базар в Южно-Сахалинске, пожалуй, самый богатый в стране: помидоры разных сортов, реликтовая островная ягода клоповка, крупная, как вишня, сахалинская черника, особым образом приготовленный пикантный папоротник, чем-чя, картофель. Корейцы занимаются главным образом сельским хозяйством и торговлей. В рыбный флот их не берут, опасаясь, что они убегут в Японию.

В Южно-Сахалинске выделяется группа "метисов", от смешанных корейско-японских браков. Они аристократичны и величественны. Для них Южно-Сахалинск — по-прежнему Тайхора ("Солнечная долина"), а порт Холмск — Маокой. Они делают все, чтобы оградить от разрушения немногие, еще сохранившиеся следы японского присутствия — тиссовую аллею в парке, священные ворота Тори. Это трудно, ибо под видом реконструкции с острова убрали почти все японское, собирались снести даже красивейшее здание города — Краеведческий музей, бывшую резиденцию японского генерал-губернатора. Корейцы на острове, закрытом для свободного въезда, ведут себя тихо: рано встают, работают на полях и огородах, подбирают на побережье водоросли, крабов, ракушки, кусочки янтаря. Сахалинский ярко-красный янтарь у московских скупщиков идет по самой высокой цене, месторождение здесь уникальное, о нем не упоминается ни в одном каталоге. Выращенные на юге острова овощи везут на маленькие базарчики в северную тундровую часть — Поронайска, Ногликов, Охи, Москальво. Там их охотно покупают рыбаки, нефтедобытчики и приобщившиеся к овощному питанию аборигены острова — нивхи. Работать приходится много, климат на острове тяжелый. У старых корейцев ноги с расширенными венами, уходящая в землю походка. Молодежь заметно рослее, с чудным переливом антрацитовых блестящих волос. Редактор местной корейской газеты "Ленинский путь" Владимир Ким рассказывал: "У нас, корейцев, еще сильны семейные традиции, хотя в стране нет школ на корейском языке. Детей мы учим по вечерам дома, ищем людей, которые учились в Корее. Мы, корейцы, традиционно едим только хорошие продукты. Деньги у нас есть, и на красную икру мы их не жалеем. Оттого мы такие здоровые".

На Сахалине и Курильских островах жили удивительные люди — айны, похожие на великорусских крестьян. Своими бородами они приводили в изумление приезжих. Айны, представители полинезийской культуры, быстро сходились с жившими на острове русскими, было среди них немало смешанных браков. Ныне айны живут на острове Хоккайдо, покинув Сахалин вместе с японцами.

Еду в поезде Южно-Сахалинск—Ноглики, в японском вагоне, так как колея железных дорог на острове осталась японская, ибо размеры тоннелей подогнаны под японские габариты. Из-за этого перестраивать дорогу на российскую колею не стали, хотя проектом это предусматривалось. По указанию Сталина начали строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре—Ныш с подводным тоннелем под Татарским проливом. Прорубили просеку, кое-где отсыпали полотно и взялись сооружать подводный тоннель. Однако смерть Великого вождя помешала. Стройку законсервировали, заключенных распустили. Против меня села девушка родом из татарского селения Ныш. Ее предки — уцелевшие участники татарских волнений на Волге в начале 20-х годов. Беседуем о жизни, о проблемах острова. Она учится

в Хабаровске, в медицинском институте. "Конечно, — говорит она, — я вернусь на Сахалин. Здесь легче прожить, больше продуктов, есть рыба, меньше очередей. Вернусь и выйду замуж за корейца. Они хорошие ребята, семьянины, а главное — водку не пьют, природу уважают, не то что те, кто приехал за длинным рублем". После я стал вспоминать — видел ли пьяных корейцев в СССР. Пьяных не видел, а вот шантропа попадалась.

Среди советских корейцев подлинный культ всего японского и южнокорейского: приемников, литературы, одежды. И, что совсем необычно, в ОБИРах Алма-Аты, Ташкента, Южно-Сахалинска появились заявления на выезд в Южную Корею и Японию. Тихие корейцы присоединились к потоку отъезжантов — евреев, немцев, армян, греков, уйгуров...

Уезжают корейцы так же тихо и бесшумно, как живут, следуя заветам конфуцианской морали.

До сих пор я говорил о корейцах, которых в СССР называют нашенскими. Но есть в стране группа в несколько десятков тысяч корейцев, которых к этой категории не отнесешь. Кто они, эти люди? Северокорейцы. По соглашению с правительством Ким Ир Сена их некогда привезли сюда заготавливать древесину. Сейчас на Дальнем Востоке есть даже районы, где северокорейцы составляют большинство населения — Верхнебуреинский район Хабаровского края, Тындинский район Амурской области. В городе Чегдомыне открыто специальное постпредство Северной Кореи.

Советские газеты охотно пишут о тяжелом положении ауслендеров — турок, греков, югославов — в Западной Германии. Однако стоило бы сравнить их проблемы с советскими, заглянуть, скажем, в пьяные болгарские общежития Тюменской области или Коми АССР. Но условия, в которых живут северокорейцы, совсем особые. Рискну сказать, что после них некоторые лагеря (типа подмосковного Крюково) кажутся санаторием.

Живут корейцы в бараках, а то и в землянках, спят на нарах, работают по шестнадцать часов в сутки, на утреннем разводе хором в торжественной рабочей молитве обещают самому товарищу Ким Ир Сену выполнить и перевыполнить дневное задание. Обычное питание — капуста, водоросли, сорная морская рыба; хлеб — и то не всегда. Капусту выращивают на отвоеванных от марей полях-огородах. Зимой при температуре за минус 40° и летом при 30° рабочие одеты одинаково — фуфайка, кирзовые сапоги, брюки, рубашка, шапка (фуражка).

Цвет одежды — повсеместно синий, революционный. Сопки вокруг корейских лагерей испещрены лозунгами-иероглифами, прославляющими Ким Ир Сена и проклиняющими американский империализм. Лозунги выполнены из листовничных ошкуренных бревен, бруса, досок, окрашены в красное; встречаются и лозунги в форме неоновых огней. Перед входом в лагерь по одну сторону ворот — Ким Ир Сен в полный рост с той же лукавой усмешкой, что Ильич на плакате "Верной дорогой идете, товарищи!", по другую — кореец в форме Народной армии с автоматом Калашникова в руках; надпись почему-то по-русски: "Долой американский империализм!"

Ким Ир Сен — везде. У передовиков производства и отъявленных стукачей — большое, с медаль, в красной эмали изображение вождя, рангом пониже — та же медаль меньшего диаметра. Все значки пронумерованы — потеря подобна смерти. Значки не продаются, не покупаются, их нет в коллекциях собирателей. На просьбу продать изображение вождя кореец в Чегдомыне ответил коротко: "Тюрьма!"

В окрестностях корейских поселений нет никакой живности, нет ягод — все, что пригодно для питания, давно съедено. В добамовской Тынде мне приходилось наблюдать уморительные сцены — целые процессии собак, следующих за какой-нибудь красавицей-шавкой. Нынче в Тынде бродячую собаку не встретишь, всех

переловили корейцы. В начале семидесятых северокорейцы нарочно устраивали драки с местными парнями, чтобы попасть в советский лагерь. После отбытия наказания им по "законам дружбы" предоставляли право остаться в Советском Союзе. Однако вскоре этот фокус раскусили, и сейчас за малейший проступок отправляют обратно в Северную Корею, чей уголовный кодекс самый жестокий в мире. Если в УК РСФСР смертная казнь предусмотрена по 32 статьям, то в Корее Ким Ир Сена — почти по каждой второй.

Контактов с местным населением северокорейцы избегают, боятся. Это не мешает особо доверенным людям торговать корейской водкой — "Пхеньян Су", "Суен Со", настойками на женьшене с заспиртованными кореньями и змейками, возбуждающими препаратами и даже японскими джинсами. Тайно моют и золотишко в речках. Кэзгэбэшникам работы хватает: всюду, где живут корейцы, открыты отделения КГБ. Сотрудники органов жалуются, что трудно найти переводчиков и наладить осведомительную сеть.

Собственное леспромхозовское население Сибири и Дальнего Востока давно спилось, пьют все — жены, дети, мужья. К тридцати годам мужики нередко импотенты с ярко выраженной маньер ревности. Раньше женщины заводили любовника из северокорейцев. Рассказывают трогательную историю об одной немке из Тырмы, которая несколько лет держала дома корейца-врача, бежавшего к ней из лагеря. Но все же об этом пронюхали и выдали врача корейской охранке, которая в назидание прочим загнала беглеца в бочку, залила ее смолой и утопила в Ургале. Сейчас подобные вольности невозможны.

В поезде Хабаровск-Чегдомын непременно встретишь северокорейских оперативников, разъезжающих туда и обратно. Сама дорога построена гулаговскими эсками в 1941 году, она однопутная, с разъездами на крупных станциях. На такой станции поезд стоит около часа. К его приходу у вагона оперативников, сияющих образами Ким Ир Сена, скапливаются стукачи. Они рассказывают о происшествиях в "своей" зоне, получают инструкции.

Как-то я попытался разговориться с оперативниками. Бесполезно — буддийская отрешенность. Впрочем, однажды в поезде Чита—Благовещенск я оказался в одном купе с корейскими лагерными начальниками. Попробовал беседовать с ними на их языке: цитатами из пхеньянского радио и журнала "Корея". Оба попутчика — старый и молодой — дружно закивали. На станции Большой Невер молодой, схватив чемодан, быстро вышел из купе. Старый задержался, лукаво глянул на меня и спокойно сказал: "Наш Ким Ир Сен точно такой же, как ваш Брежнев".

Северокорейцы берут древесину там, куда советские заготовители и не заглядывают — в марях, на крутых склонах сопок. Из пород в основном лиственница — косослойная, свилеватая, с метиком, не находящая в стране особого применения. Ее скурят, стволы укладывают на платформы. Лесные делянки и технику предоставляет СССР, все остальное — рабочая сила, одежда, питание, даже соль — идет из КНДР. Расчет: 55% древесины Советскому Союзу, 45% — Северной Корее.

Известны случаи, когда корейцы воровали советскую технику — разбирали машины и трелевочные тракторы, укладывая их между бревен. При возвращении на родину (рабочие трудятся три года, начальство — пять лет) уезжающие скупают все, что есть и в без того бедных леспромхозовских и станционных магазинах. Особенно ценятся венгерские лекарства, советские велосипеды, хозяйственное мыло, инструмент. Скупку, правда, ограничивают, вводят нормы продажи.

Деньги корейцы зарабатывают не только спекуляцией, но и сбором ягод — брусники, голубики, морошки. Промкооперация принимает ягоду по смехотворно низкой цене — 50–80 копеек за килограмм, так что местное население этим не увлекается. А корейцы собирают организованно: в заранее назначенный день весь лагерь уходит в мари. Перед походом надевают чистые рубашки, вооружаются ведрами, банками и ведомые политкомиссарами шагают за ягодой, распевая песни, прославляющие Ким Ир Сена. Говорят, это резко увеличивает производительность труда.

"СЛОВЕЧКО "ПЛЮРАЛИЗМ" НЕ ДОЛЖНО ПРИКРЫВАТЬ ОТКАЗ ОТ ПОИСКОВ ИСТИНЫ"...

Русское национальное движение сейчас традиционно отождествляется с деятельностью "патриотического объединения" "Память". О "Памяти" наш журнал уже писал неоднократно (см., например, № 3, 1988 г.). Это действительно крупная и разветвленная организация с отделениями в ряде городов, пережившая, однако, несколько расколов.

"Память" — не единственная организация, претендующая представлять патриотические силы России. Так, 24 марта 1989 г. прошло учредительное собрание Московского городского добровольного общества русской культуры "Отечество". 13 апреля устав общества был утвержден решением исполнительного комитета Московского городского Совета народных депутатов. 20 мая состоялась первая городская конференция общества "Отечество". Помимо членов общества, на конференции были гости из Белоруссии, Латвии, Эстонии, Ленинграда, Свердловска, Киева, городов Сибири и Московской области. Избран совет и правление, председателем которого стал доктор исторических наук проф. А.Г.Кузьмин.

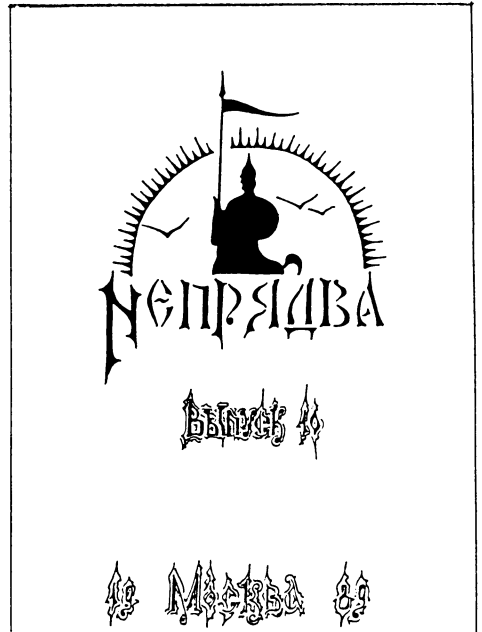
Мы публикуем ниже полный текст основного доклада А.Кузьмина на этой конференции, показывающий, что новую организацию интересуют (что, впрочем, естественно) не только национальные, но и социальные вопросы, проблемы выбора пути — социалистического или капиталистического. "Отечество" ясно высказывается в пользу первого.

Доклад А.Кузьмина публикуется по брошюре, посвященной конференции и опубликованной издательством "Молодая гвардия". Эти материалы были также в подробном изложении помещены в "толстом" самиздатском журнале "Непрядва" (вып. 10), выходящем в Москве под редакцией Геннадия Шиманова.

Там же помещены большие выдержки из манифеста "Обновление России". Под таким названием ходит по рукам машинописный текст на 5 страницах с подзаголовком "Вестник Российского общества справедливости "Обновление" № 3, февраль 1989 г., Москва". Указан адрес для писем: 125422, Москва, ул. Тимирязевская, дом № 20, корп. 1, кв. 50. Шилейко Н.И. И телефоны: 210-70-05, 482-40-02. Мы сочли целесообразным перепечатать из "Непрядвы" часть этих выдержек.

Социальный аспект в них еще более заострен. Наконец, № 10 "Непрядвы" одаривает читателя и еще одним сочинением, на этот раз принадлежащим перу самого редактора, Геннадия Шиманова — политического писателя, неожиданно вынырнувшего из небытия, в которое он погрузился после периода печальной знаменитости конца 60-х годов. Статья называется "Как делаются кризисы. И кое о чем еще". В примечании автор поясняет, что она является чем-то вроде продолжения или приложения к статье "О еврейской природе капитализма" (опубликована в № 1 "Непрядвы" под названием "О субъективном факторе в истории империализма").

Мы публикуем выразительные отрывки из новейшего произведения Г.Шиманова. Выстроенные в ряд, эти три произведения дают ясное представление об эволюции идеи, по мере того как она "овладевает массаами". Не хочется верить, что когда-либо эта идея сможет стать "материальной силой". ●

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ "ОТЕЧЕСТВО"

Цели и задачи Общества определены в пункте 1.2 устава: "Общество содействует интернациональному воспитанию трудящихся, подъему их политической активности, направленной на культурное, историческое, экономическое, экологическое и демографическое возрождение русского народа и народов России". Этот пункт вызывает более всего вопросов, и его необходимо пояснить.

1. Поскольку Общество с самого начала мыслится как массовое, нужно определить его границы. Само название общества показывает, что высшей ценностью для его членов является Отечество. Мы исходим из того, что люди, безразличные к судьбам страны, не имеют права что-либо предлагать, а тем более навязывать ее народу. Мы исходим из того, что любые наши проблемы могут и должны решаться своими средствами, вовлечением в их решение широких масс трудящихся. Мы исходим из того, что нет более действенной силы для пробуждения общественного энтузиазма, как боль за судьбу Отечества. Мы исходим из того, что лишь общими усилиями можно преодолеть усугубляющиеся трудности, и от общего блага зависит положение каждого из нас.

Сейчас сами понятия "Отечество" и "патриотизм" третируются открыто, и это в определенном смысле положительное явление, поскольку меньше людей, прикидывающихся патриотами. Сплошь и рядом можно встретить такой логический ряд: патриот — значит, националист, — значит, шовинист (примерно та же логика, что и у Сосновского, травившего Есенина). Можно без колебаний констатировать, что именно психология шовинизма и отражается в такой своеобразной логике.

Стоит напомнить слова Салтыкова-Щедрина, недавно процитированные "Советской Россией": "Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к восприятию идеи о человечестве... Нельзя быть паразитом и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди, то есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем. Всякий должен оставаться на своем месте, при исполнении своих обязанностей". Очень это верно и весьма актуально. К общечеловеческому нельзя прийти, минуя Отечество. Противопоставление этих понятий не более чем спекулятивное прикрывание антиобщественных, корыстных устремлений отдельных лиц и групп.

2. Обычно возникает и вопрос о том, какое содержание мы вкладываем в понятия "Отечество" и "патриотизм". На этих понятиях тоже спекулируют, вкладывая подчас в них такой смысл, что они становятся собственной противоположностью. Понятия эти многомерные. Отечество — это реальные условия жизни каждого. И мы будем стремиться совершенствовать эти условия: лишь на таком пути возможно надежное улучшение условий жизни всех соотечественников. Отечество — это территориальная общность, и благополучие отдельных частей зависит от их гармоничного взаимодействия. И мы будем крепить эту целостность, добываясь гибкой внутренней гармонии. Отечество — это земля, реки, недра, воздух, которым мы дышим. От их количества и качества зависит наше настоящее и будущее. И мы будем добиваться оздоровления среды нашего обитания самым решительным образом. Отечество — это социально-психологическая среда, духовная атмосфера, в которой формируется любое поколение. И мы будем добиваться сознательного отношения к наследию прошлого, традициям, народной памяти: у тех, кто забывает прошлое, не может быть

будущего. Отечество — это определенный социально-экономический уклад, насильственное разрушение которого чревато огромными жертвами и ненадежными результатами. Мы будем требовать открытого широкого обсуждения более или менее значимых социально-экономических программ, затрагивающих материальные интересы или духовные ценности трудящихся. Когда что-то разрушается, должно быть совершенно ясно, что предлагается взамен. Отечество — это определенное представление о социальной справедливости, система и иерархия ценностей. Ценности формируются веками и тысячелетиями. Наш долг — сознательно отнестись к любым попыткам их компрометации, стремлениям в одночасье разрушить то, что выстрадано народом. Отечество — это определенная социально-политическая система. Мы намерены наиболее полно развернуть зажатые разного рода деформациями и дезинформациями духовные, творческие силы народа.

3. Сейчас, как и столетие назад, остро встал вопрос: капитализм или социализм. Для многих это главный вопрос, и отношением к нему определяется их позиция. Мы исходим из того, что высшей ценностью является Отечество, и социальный уклад не должен являться самоцелью. Хорош тот уклад, который наиболее полно удовлетворяет материальные и духовные потребности народа. Мы готовы обсуждать эти вопросы со всеми, кто искренне болеет за отечество. Но модное нынче словечко "плюрализм" не должно прикрывать отказ от поисков истины, отказ от существования таковой в природе. С начала мироздания человечество руководствуется лишь двумя противоположными принципами: жить за счет других или жить вместе с другими. Первый принцип соответствует всякому иерархическому обществу, в том числе и капитализму. Второй может быть реализован лишь в рамках социализма. Все промежуточные формы — практическое отражение противоборства разных тенденций.

Наше предпочтение социалистических идеалов ни в коей мере не означает оправдания деформаций, осуществленных от имени социализма. Напротив, мы их решительно осуждаем. Но мы осуждаем их как именно стремление одних жить за счет других. И не случайно, что капиталистическая тенденция сейчас во многом сводится к легализации тех самых пороков, которые пытаются связывать с социализмом и которыми социализм стремятся опорочить. Нельзя не видеть, что многие нынешние трудности проистекают из того, что общество начала захватывает стихия чистогана, открытое стремление жить за счет других. Не просто разбалансированность экономики и финансовой системы, о которых много говорят и пишут, а разбалансированность всей общественной жизни, разрушение нравственных основ жизни общества. От недостроенного социализма мы катимся к эпохе первоначального накопления, капитализма шестнадцатого века. А много у нас сейчас и не может быть.

Нас соблазняют иностранным капиталом, тем, что колонизаторы поднимут наш жизненный уровень. Даже если бы это было и так, мы не можем поступиться самыми высокими своими ценностями — духовными. Но это, конечно, и не так. Что нам дали быстро растущие кредиты? В 1920 году Ленин довольно резко парировал выпады "горячих интернационалистов" против патриотизма. "Патриотизм человека, который лучше будет три года голодать, чем отдаст Россию иностранцам, — сказал он, — это настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы" (ПСС, т. 42, с. 124). И это в тяжелом двадцатом году! А мы теперь ходим с протянутой рукой, вместо того чтобы обратиться к народу.

Румыния, как недавно сообщалось, освободилась от внешних долгов. Неужели мы не в состоянии добиться такого же результата?

Мы за социалистическую перспективу, но это не значит, что мы за сохранение того, что у нас было до 1985-го или до 1987 года. Социализм немислим без самоуправления, без демократизации, правовых гарантий каждого члена общества, которое позволило бы освободить творческие силы, предприимчивость каждого. Мы поэтому за здоровые кооперативы и сотрудничество с деловыми людьми зарубежья. При этом предпочтение будет отдаваться тем, кто, оказавшись в разное время за пределами Родины, не утратил духовной привязанности к ней.

4. Много вопросов возникает в связи с некоторым противоречием, заложенным уже в названии Общества: если мы за "русскую культуру", то неправомерно понятие "Отечество", а если за Отечество, то почему только русская культура? Вопросы правомерные, и прояснение нашей позиции в этом отношении необходимо. Общество зародилось по инициативе деятелей именно русской культуры и науки. Оно зарегистрировано как "московское", но оно ни в коей мере не ограничивается краеведческими задачами. Напротив, в центре его деятельности — глобальные проблемы нашего Отечества. И дело не только в том, что задача интернационального воспитания трудящихся поставлена в пункте устава, а и в том, что о судьбах всего Отечества мы думать обязаны, а Отечество — это и межнациональные отношения внутри страны.

О межнациональных отношениях на современном этапе у нас будет особое сообщение. Здесь остановимся лишь на некоторых принципиальных соображениях. Наше государство изначально многоэтнично, многонационально. Такова более чем тысячелетняя его история. И естественно, что она не могла не сказаться на самом характере народа, объединявшего столь длительное время самые разные языки и народы. Эти те самые качества, которые независимо друг от друга выявили мыслители разных социальных и политических направлений XIX—XX веков, начиная с Карамзина и славянофилов. Альтруизм, всесветность далеко не всегда дают дивиденды. Но это черта национального характера, которая делает русский народ единственным способным поддерживать целостность огромного многонационального государства: это доказано его тысячелетней историей. Соединение вроде бы частного явления — "русская культура" с всеобщим понятием "отечество" — это не притязание на что-то, а осознание своей ответственности перед всеми народами, в разное время вошедшими в состав Отечества.

Сейчас некоторые республики охвачены русофобией. Русофобия инспирируется извне и изнутри. В этих условиях мы должны сохранять выдержку, проявлять терпение и терпимость. И в то же время необходимо внимательно следить за тем, как именно работает механизм разрушения, и искать идеи, работающие на консолидацию. Ничто не разрушает общество так быстро и наверняка, как дефицит. Виновных же чаще всего ищут не так и не тех. На протяжении многих десятилетий у нас сознательно и целенаправленно республики поднимались за счет России, за счет, главным образом, русского народа. Теперь из многих собственно русских областей вообще уже нечего взять. Это тоже одна из причин ухудшения положения в окраинах. У социальной психологии свои законы: виновными чаще всего признают тех, кто раньше давал, а теперь не дает или меньше дает. К тому же психологически нельзя уважать народ, который хуже всех живет. Мы должны дать объективную историю межнациональных отношений на протяжении всей нашей более чем тысячелетней истории. Ничуть не потеряло значение предупреждение, прозвучавшее в начале 20-х годов: русский колониализм отличается от британского. Если в Англии метрополия живет за счет колоний, то в России — колонии за счет метрополии. Разъяснить это надо. Но надо и сознавать, что прочного государства не может быть без решительного подъема собственно российских земель. А добиться этого можно только своими силами. И это тоже должно быть прочно усвоено.

"Отечество" ставит задачу содействовать решению всех названных вопросов. Непосредственная работа будет осуществляться в секциях, формируемых по четырем направлениям: научно-теоретическое, культурно-просветительное, военно-патриотическое, экологическое. ●

"ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ"

...Нам нужны помещения для собраний. Еврейская и прочая чиновно-бюрократическая мафия четко учитывает и факт отсутствия у работающей части русских значи-

тельного свободного времени, и факт отсутствия у той же массы мест для собраний, для совещаний, для свободных споров и обмена мыслями. Чем беспорядочнее масса — тем легче ее управлять. Сей закон всем эксплуататорам очень хорошо известен, и они им пользуются вовсю. Почти все директора и руководители домов культуры, клубов, театров и прочих культурных учреждений — это в основном лица еврейской национальности либо продавшиеся им сионистские наемники, прикрывающиеся лозунгами самоокупаемости и хозрасчета, превратившие храмы культуры в торжища и места распространения похабщины и проституции...

...Больше всего наши враги боятся именно этого — активно действующей русской организации. Все приемы и средства борьбы они бросили сейчас на то, чтобы русские не смогли ее создать. Не будет ее — власть паразитов останется неизменной: сменятся лишь фамилии стоящих на виду, а класс эксплуататоров так и останется властью.

Создадим ее — мы сила, и победа будет за нами!.. Ищите своих единомышленников, создавайте свои группы активных людей, устанавливайте связи между своими и соседними группами, собирайтесь на регулярные встречи, обменивайтесь мыслями и опытом борьбы: уроками побед и уроками поражений, — чтобы освоить науку побеждать! Создавайте группы по 2-5 человек в каждой бригаде, цеху, на каждом участке производства... выделяйте для связи с другими группами самых надежных, самых упорных и твердых активистов, создавайте Советы народного самоуправления квартала, улицы, микрорайона; создавайте координационные Советы российского общества справедливости в каждом районе, городе, области... Берите реальную власть в свои руки везде, где только сможете это сделать! Сообщайте друг другу адреса, места встречи активистов, объединяйтесь открыто и спокойно, твердо и прочно, пользуясь для этого любыми законными возможностями: в виде кооператива, общества любителей цветов, кошек, собак и т.д., в виде спортивных групп, прочих неформальных и формально зарегистрированных организаций... И помните — дорогу осилит идущий: действуйте, действуйте, действуйте...

...О подлинных и, еще больше, о мнимых, преступлениях и "преступлениях" сталинизма, административной системы мы читаем каждый день то в одной, то сразу во многих газетах, журналах, смотрим об этом же передаче по телевидению... А на деле этими "разоблачениями" нам отводят глаза, отвлекают внимание от подлинных преступлений, которые творила и творит мировая еврейская буржуазия в нашей стране...

ТОВАРИЩИ! Долой новую ложь! Долой старую ложь! Долой всякую ложь!

Долой нашу пассивность, долой наш страх перед этими "верхними слоями", перед этим "торговым народом"... Они кажутся нам великими лишь потому, что это мы (!—!) перед ними стоим на коленях и смотрим на них снизу вверх!..

ТОВАРИЩИ! ПОДНИМЕМСЯ! В этих "верхних слоях" нет ничего величественного, нет ничего мудрого!.. Мы — во сто крат и умнее, и сильнее, и лучше их, ибо мы — труженики! Но — вся наша слабость в том, что мы РАЗРОЗНЕНЫ!..

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!!!

●
Геннадий ШИМАНОВ (Москва)

КАК ДЕЛАЮТСЯ КРИЗИСЫ. И КОЕ О ЧЕМ ЕЩЕ

Иудейские финансисты, несомненно, первыми обратили внимание на стихийные финансовые и экономические кризисы и начали изучать их, надо полагать, с большим интересом. Конечно, они изучали их не ради пусстого любопытства, а для того, чтобы научиться управлять кризисами — подобно тому, как, изучив силы природы, люди научились использовать их и даже искусственно вызывать некоторые природные явления в своих интересах...

Самый жесткий контроль государства над банками и биржей при фактической зависимости государства от банковских воротил дает замечательный эффект: полную видимость благообразия при полном торжестве разбоя. Потому-то и лакомо для международной банковской мафии т.н. "правовое государство", что оно, находясь у нее в руках, вместе с тем парализует разум людей полнотой наружного демократизма в организации о-ва, делает их беспомощными рабами мошеннической системы, внушая им, будто на самом деле они и впрямь вершат в ней делами...

А для того, чтобы окончательно подчинить людей этому внушению, НУЖНО БЫЛО СОЗДАТЬ (как в литературе, так и в самой действительности) ЛОЖНУЮ АЛЬТЕРНАТИВУ КАПИТАЛИЗМУ, наделив ее собственными бесчеловечными чертами, а — предельно выпятив ее наружу, дабы, созерцая эти ужасные черты, окончательно сбитые с толку люди искали спасения в капиталистической "демократии" и защищали ее с пеной у рта.

Такой апологией капитализма, осуществленной в самой действительности, была например, антинациональная власть красных кхмеров-полпотовцев, этих выучеников французских масонов; во многом такой апологией стали советский и нацистский режимы, на формирование которых громадное влияние оказали еврейство и масонство.

В литературе наиболее талантливой апологией капитализма, наряду с "Архипелагом ГУЛАГом", стал только что опубликованный у нас роман Орвелла "1984 год".

Заметим, кстати, что запущенный масонской пропагандой в употребление термин "тоталитаризм" был изготовлен специально для того, чтобы придать предельно негативную окраску всегда высоко ценимой всеми народами идее органической целостности (цельный человек, то есть гармоничный и гармонически связанный с Небом и Землей, целомудрие, семейное единство-целостность, нерушимая связь поколений, же самое происхождение термин "плюрализм" призван одобрить и узаконить всякого рода расщепленность и борьбу эгоистических интересов в качестве н о р м ы, то есть оправдать такую практику в обществе, при которой всегда и везде в нем захватывает власть организованное на совсем иных началах преступное меньшинство, которое явно или скрытно терроризирует и эксплуатирует представителей распадающегося социального организма.

Знаменательно, что евреи едва ли не с одинаковым энтузиазмом либо укрепляют и защищают капитализм, либо создают ему такую альтернативу, в сравнении с которой капитализм выглядит земным раем и царством здравого смысла. Или — торжество антинациональных "общечеловеческих" ценностей, которые на поверку оказываются всегда выгодными лишь еврейству (хотя на них стоит клеймо "сделано в США"), или — торжество опять-таки антинациональных "классовых" ценностей, которые на поверку оказываются тоже выгодными еврейству. Вот ведь какое удивительное дело. И ни один еврей почему-то до сих пор не объяснил, каким это образом еврейское "бескорыстие" реализует себя в этих традиционных перескакиваниях евреев с главного еврейского интереса на сопряженный с ними подсобный еврейский интерес и обратно, всегда минуя при этом законные национальные ценности и интересы. Создавая безнациональный "социализм" с его фатально-неизбежными уродствами и преступлениями, еврейские "социалисты" фактически выполняют негласный политический заказ своих старших братьев по клану, с которыми их всегда связывают, вопреки обманчивой внешности, общая ненависть и общие интересы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО ИЛИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПУХОЛЬ

Судя по интервью в "Книжном обозрении" (1989, 34), мир для И.Р.Шафаревича резко делится на черное и белое. Белое — это ностальгический образ царской России, сложившийся, может быть, еще в детстве. Черное — это разрушители белого царства, которых с детства возненавидел неугасимой ненавистью, — и так на всю жизнь. У тех черных людей не было светлых мотивов; они не боролись со злом, они сами — эссенция зла. Это евреи и либералы. Ненависть к евреям выражена в "Русофобии", особенно в той ее части, которую не решился опубликовать "Наш современник". Но полный текст известен по тысячам ксерокопий, изготовленных "Памятью" в прошлом году, и по мюнхенскому черносотенному журналу "Вече". (Ср. реплику Б.Хазанова "Обыкновенный фашизм" в журнале "Страна и мир").

На страницах "КО" достается либералам. Они виноваты во всех несчастиях человечества. Например: не консерваторы, а либералы искали соглашения с Гитлером. "Черчилль перед войной своевременно предупредил об опасности со стороны Гитлера. Но английские либералы только рисовали на него карикатуры" (стр. 7). Видимо, и Гинденбург, и Папен, посадившие Гитлера в канцлеры, — тоже либералы?

Очень может быть, что одна из карикатур на Черчилля мелькнула в "Манчестер гардиен". На Западе все надо всеми смеются. Однако предполагаемый факт совершенно заслоняет для Шафаревича то, чего видеть ему не хочется: мюнхенские соглашения подписал *консерватор* Невилл Чемберлен, который был ничуть не либеральнее Черчилля (только трусливее).

У Шафаревича глаза дальтоника. В сложном переплетении цветов времени он видит ярче всего то, что с детства ненавидит, и этот один ненавистный цвет заслоняет для него все прочие. От этого мысль Шафаревича какая-то однокрылая. Она болезненно логична. Жизнь внутренне противоречива, добро и зло постоянно меняются местами, а Шафаревич везде, всюду видит черным то, что с детства зачернил. В его картине кризиса старого режима (во Франции и в России) совершенно выпало гниение и внутренний распад монархии. Выпал Гришка Распутин, безволие и бездарность царя, бездарное ведение войны. Читаешь, и хочется поверить, что мы с Горемыкиными и Штюрмерами благополучно дожили бы до 1989 года; лишь бы Милюковы и Керенские держали язык за зубами. То же самое во Франции XVIII века... И, вероятно, в Англии XVII-го? И в Голландии XVI-го? Наверное, и римляне ошиблись, свергнув Тарквиния? Все равно ведь пришлось вернуться к монархии... Когда эта мораль переносится на Съезд народных депутатов, становится непонятным, кого я читаю: не Егора ли Кузьмича?

Гордый взгляд инopleменный обвиняет Шафаревича, что он следует гитлеровским образцам и создает из еврея образ врага. Шафаревич обвиняет противников "Памяти" в том, что образ врага создают они сами. Если "Память" ничем не хуже народных движений в Прибалтике, то чего шуметь? Правда, официально известно, что одного из лидеров "Памяти", Васильева, пришлось предупредить насчет ответственности в случае погрома. Так что напрашивается параллель скорее с азербайджанским обществом "Родина" (которое, к сожалению, вовремя не предупредили). Но отличие цивилизованной национальной сплоченности от истерики "наших бьют!" можно считать несущественным и выдвинуть на первое место дру-

гой критерий: за и против империи. Общество "Память" за империю, прибалты против. Я считаю сохранение империи бессмысленным и обреченным делом, я за Федерацию свободных народов Евразии, — поэтому я русофоб. Все совершенно логично.

Логично и восприятие Шафаревичем современной литературы. Кто не с нами, тот против нас. Против — Синявский (поэтому нет никакой попытки прочесть как целое литературно-лагерную трилогию: "Голос из хора", "Прогулки с Пушкиным", "В тени Гоголя" — или роман "Спокойной ночи". Целого нет, есть только отдельные фразы, оскорбляющие слух). Против Гроссман (поэтому "Жизнь и судьба" не имеет никакого значения). Из новейших публикаций не замечены Кураев, Харитонов; только *свой* В.Белов. В повести "Все течет" нет ни потрясающей картины голода крестьян, ни первого серьезного подступа к проблеме двух вождей, двух личностей — Ленина и Сталина. Есть только несколько горьких слов о традиции рабства. Так, пожалуй, и Пушкина можно перечеркнуть одной фразой: черт догадал меня родиться в России с умом и талантом.

Черно-белому мышлению мешает Лермонтов, — и Шафаревич (в телевизионном интервью) отрезает от Лермонтова его эпиграмму: нельзя, дескать, доказать, что именно Лермонтов написал "страна рабов, страна господ". Автографа нет. Верно. Так же как нет автографов Гомера, Данте. Но традиция так длинна, так сильна, что всю ее не удастся раскассировать: Чаадаев, Герцен, Чернышевский, Щедрин...

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Постыдной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна...

Это написал Хомяков. Не либерал. Не атеист. Не... впрочем, достаточно сказать *да*: славянофил и православный богослов. А вот что пишет современный ученый, академик Тихонов: "Российский народ всегда жил в положении раба (как народ). И психология раба до сих пор имеет место. И продолжает жить, как бы точнее сказать, вера, возникшая из вечного страха перед правительством" ("Огонек", 1989, 36). По подсчетам Владимира Александровича, 20% современных русских крестьян готовы на риск и ответственность свободы; остальные 80 или по меньшей мере 60% — рабы ленивые и лукавые. Нужно четверть века, чтобы воспитать новое поколение. Чтобы вывести народ из страны рабства. Это настолько неотложная, настолько мучительная проблема, что было бы безумием поддаться на вопли патриотов, которым рабство уютно и привычно, а невыносимо только слово "раб".

Я не меньше И.Шафаревича хотел бы опубликовать стихи и прозу Даниила Андреева. Но желательнее полностью, без купюр. В том числе — поэму "Изнанка мира", где создатели и герои Российской империи вместе с советскими вождями таскают камни на стройке подземной крепости демонов. В том числе — те страницы "Розы Мира", где ясно выражено отвращение Андреева к империи. И призыв объединить христианство, иудаизм, ислам, индуизм, буддизм в *розе мира*, где каждый лепесток-религия соединен с другими, говоря языком богослова, неслиянно и нераздельно; сохраняя все особенности догматики и обрядности и в то же время совершенно освободившись от высокомерия и ненависти к чужому...

Впрочем, вернемся к нашей главной теме: к психологии российского возмущения Россией. Гроссман дописывал "Все течет" после того, как его "задушили в подворотне" (отняли текст романа). Чернышевский в "Прологе" писал, что заживо похороненный человек не может не биться головой о крышку гроба; и именно тут, рядом — знаменитая фраза: "Жалкая нация, нация рабов; снизу доверху одни рабы". Ленин, цитируя наизусть, неточно запомнил порядок слов (в его статье: сверху донизу), но он совершенно точно видит у Чернышевского *тос-*

кующую любовь к России. Та же тоскующая любовь слышна мне в словах Синявского, брошенных после лагеря (и вызвавших истерику консерваторов): "Россия – мать, Россия – сука..."

Любопытно, как бы наши консерваторы взвыли, если бы писатель кончил свой роман, как Ричард Олдингтон – "Смерть героя": "Старая добрая Англия – да поразит тебя сифилис, старая сука!"

Так говорят и пишут люди, доведенные до отчаяния. И один Бог им судья. Англичане это, по-видимому, понимают, никакой травли Олдингтона, подобной травле Синявского, не было. Возмутилась Англия – единодушно, – когда Хомейни приказал убить писателя, оскорбившего Мохаммеда. Свободная нация выше всех табу ставит свободу слова. А привычка к табу, – и привычка кричать "слово и дело государево", когда нарушено это табу – черта рабов. Я не боюсь говорить от собственного имени, но вспоминаю слова Белинского магистру, одобрявшему решение Николая I объявить Чаадаева сумасшедшим, и статью Ленина "Памяти графа Гейдена" (которую уже раз цитировал, выступив, в 1965 году, против решения ЦК реабилитировать Сталина).

"Когда общество отнимает у человека его социальное достоинство, национальное достоинство неожиданно начинает раздуваться, как раковая опухоль. Общество должно вернуть человеку его социальное достоинство, и тогда националистическая опухоль сама рассосется" (Ф.Искандер. Стоянка человека. "Знамя", 1989, 9).

Повышенная национальная обидчивость, переходящая в агрессивность, – подсознательно найденное средство сохранить чувство самоуважения, оставаясь рабом. Сталин прямо целил в это, назвав русских старшими братьями, и попал в точку. Его политика вызвала массовую поддержку – и сейчас находит в "Москве", "Молодой гвардии", "Нашем современнике". Обидчивость многих наших патриотов, читателей Шафаревича, подтверждает то, что он пытается опровергнуть: что нам еще надо по капле выдавливать из себя раба.

Теперь несколько слов о полемических хитростях. Это тоже, кстати, черта несвободного сознания. И Шафаревич заявляет своей партией весь народ – а затем с чисто партийной злостью (и совершенно несправедливо) обрушивается на Н.Шмелева. Заявляет себя человеком далеким от "Памяти" (бедной, оклеветанной "Памяти") – и кончает статью трегубой аллюзией в ее честь. Я позволю себе только выделить курсивом слово, которое от повторения вырывается из прямого смысла фраз и начинает звучать как набат: "Верю в громадную силу *памяти*, в то, что каждый народ... и даже все живые организмы – все они хранят в себе *память* о своем древнейшем прошлом. И если мы только не отбросим эту *память* и сумеем мобилизовать всю ту мудрость, которая у нас где-то хранится, то это будет такая сила, о которой мы совершенно не подозревали" ("КО", 1989, 34).

То положительное, что есть в словах Шафаревича, не ново. Никто сегодня не возразит – по крайней мере вслух – против возрождения религиозных и философских традиций. Но не менее важно и возрождение открытости к мировому опыту, "всемирная отзывчивость". Традиция живет только в диалоге с живой современностью. И это касается не только литературы. Сейчас европейская цивилизация совершает очередной поворот, в известном смысле назад, к старым духовным ценностям. Возникает соблазн срезать угол. Но мы уже один раз совершили это, в 1917-м, и прямо шагнули к светлому будущему. Вот и сидим без дороги в утопии. Хочется прежде всего вернуться на дорогу. На большую дорогу модернизации, вестернизации и освобождения от табу. Шафаревич хочет заменить табу на прикосновение к Ленину другим табу – на прикосновение к России. Но проблема не в том, можно ли называть Россию страной рабов, а в другом: чтобы Россия перестала быть страной рабов. ●

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ (Москва)

БОРЬБА С ЕВРЕЕМ

Автор публикуемой ниже статьи окончил Московский энергетический институт, до сентября этого года — рабочий по ремонту электроприборов. Широкую литературную известность Ю.А.Карабчиевскому принесла книга "Воскресение Маяковского" (изд. "Страна и мир", Мюнхен 1985), удостоенная в 1986 г. премии имени Владимира Даля. Среди других произведений Юрия Карабчиевского повести "Жизнь Александра Зильбера", "Незабвенный Мишуня", "Все ломается", документально-эссеистическая проза "Тоска по Армении", стихи, статьи; с 1988 года писатель начал публиковаться в Советском Союзе.

...А теперь, почтеннейшая публика, на нашем манеже — старинная народная забава: "Борьба с евреем"!

Анекдот

УЗЕЛ ПЕРВЫЙ: Октябрь 86-го — Март 87-го

1.

Один писатель — Натан Яковлевич — написал письмо другому писателю — Виктору Петровичу. В том смысле, что вы, мол, полегче, не очень ругайтесь. На грузин, монголов, евреев и других представителей. Что, мол, раньше, бывало, другие писатели, тоже хорошие и тоже русские, — так не делали. Они все больше своих ругали, чужих хвалили. Ну, в общем, все понятно, и лучше не надо. Вежливое, вроде бы, такое письмо, сразу видать, человек культурный. А тот, другой писатель, Виктор Петрович, этому первому возьми и ответь. В том смысле, что от такого слышу и лучше бы ты заткнулся. Вы, евреи (а писатель Натан Яковлевич и в самом деле еврей, хоть и пишет как русский), вы батюшку нашего царя русского погубили вместе со всем семейством, вы про нашего Пушкина, русского поэта, Бог знает что насочиняли, стыдно сказать, и на нашего Достоевского, русского писателя тоже, черт-те что возвели, и за это мало вас, гадов, давили, мало вас, гниды поганые, жгли, и короче — Бог вас прости, просвети и помилуй. Аминь!

А первый-то этот, Натан Яковлевич, который еврей, — как такой неприятный ответ получил, так сразу прямо схватился за голову, сел за стол и недолго думая написал на этот ответ — ответ. Чтобы, значит, последнее слово за ним. В том смысле, что и не ждал, не гадал от вас такой злости-ненависти. Рассуждаете вы, извините, как вылитый Гитлер, и невежество проявляете бесподобное. Вас послушать, так выходит, что сионист, что еврей — одна будто шайка. А на самом деле сионист — это партия, а еврей — вовсе нация, вон оно как!..

Отчего-то в такой, дурацки-сказовый стиль — под Лескова, Зоценко, под Евг. Попова — тянет при изложении этой истории. История вроде бы мрачная, жуткая, а все-таки в чем-то анекдотичная. Может, так: нечто мрачное, жуткое стоит за ней, за этой историей, а сама она — все-таки анекдот? Потому,

наверное, и разошлись эти три письма¹ с такой неслыханной радиоскоростью и с такой же неслыханной широтой. Так стремительно распространяются мрачные слухи и злободневные анекдоты. Отчего здесь видятся мрак и жуть, я думаю, ясно, и об этом речь у нас еще впереди. А вот отчего анекдот? Оттого, пожалуй, что Эйдельман, посылая свой внешне корректный, но по сути уничтожающе резкий выпад, словно бы и не ждал ответного выпада или ждал тоже вполне корректного, по правилам и в пределах литературных приличий. И тут ему — хоп! Такой сюрприз. Помереть со смеху.

И еще один как бы просчет Эйдельмана... Говорю "как бы", потому что не очень уверен, потому что при всей солидарности с общим смыслом не вполне понимаю исходный замысел: писать Астафьеву, а не про Астафьева... Так вот, такой, как будто, просчет, что письмо Эйдельмана лояльно на сто процентов, чуть подправить, а может, и так сойдет, — и сейчас в "Известия"; а Астафьев ответил свободно и даже рискованно, поминул не только "еврейский гной", все-таки пока еще вслух никем не дозволенный, но и царя — в откровенно монархическом духе, и Бога не просто так, для словца ввернул, а высказал себя безусловно верующим, — немало для известного советского писателя, лауреата Государственных премий. Bravo, Астафьев!

Bravo. Но вот, такое быстрое время: все меняется, только успевай поворачиваться. И Астафьев, и те, кто с ним солидарен, поворачиваются и хорошо успевают. И они-то знают в каждый момент, что можно, чего нельзя. Эйдельман правильно осторожничал, обстановка была не в его пользу, и даже интеллигенция, и даже сейчас — далеко не вся на его стороне. А Астафьев правильно распоясался, ни черта ничем он не рисковал, все это уже было можно и даже нужно. Самая главная наша газета выразила — косвенно — ему поддержку и впрямую — порицание Эйдельману. Он, оказывается, написал письмо, "провоцирующее на резкий ответ", — поступок безнравственный и недостойный. Ай-яй-яй, Натан Яковлевич, что же вы так?

2.

Действительно, что же вы т а к, Натан Яковлевич? Это уже я говорю, обернитесь, пожалуйста. Я здесь, совсем с другой стороны. Что же вы т а к? Ведь вы же писали не для "Известий"... А тогда к чему эти все предисловия, туда и обратно характеристики? Про отца своего... Просто больно читать. И что, вы действительно полагали, что Астафьев не знает вашего имени, никогда не слышал о ваших статьях и книгах? И даже если иметь в виду, что обращение к нему — это только форма, а текст изначально был предназначен широкой публике, то и тогда, уж наверно, не столь широкой, чтобы ей вот так, с нуля, представляться. "Член СП..." Это автор "Лунина", книг о Павле и Карамзине. Мельтешенье какое-то, простите меня, ради Бога!

И в другую сторону, к адресату — опять какие-то странности. "Лучшие за многие годы описания природы". Это уже из школьных сочинений, из нашего с вами детства. "Роль описаний природы в романах Тургенева..."

Но все-таки главное мое недоумение, главное расхождение мое с Эйдельманом — в его втором письме, заключительном. "В диких снах не мог вообразить в одном из "властителей дум" столь примитивного, животного шовинизма, столь элементарного невежества". Это мне уж совсем непонятно. Если это такая игра, вообразить, мол, не мог, то слишком серьезен общий тон и контекст. Если же, что скорее всего, Эйдельман и впрямь здесь вполне серьезен и искренен, то чем же тогда при чтении трудов Астафьева было занято его воображение? Да нет, он, конечно же, все увидел и понял, и не только в одном рассказе о Грузии, но даже и в той чудесной книге с лучшими за тридцать или сорок лет описаниями

¹ Опубликованы в журн. "Страна и мир", 1986, 12. — *Ред.*

природы... Все увидел и назвал своими словами. А все-таки, значит, обольщался, надеялся, верил, что для Астафьева это не главное, что сам он, подлинный, чист и добр, а это все так, случайный налет, издержки литературного производства. Что Астафьев, получив такое письмо, пусть и очень резкое, но справедливое и написанное преданным ему читателем (чему вот они как раз доказательств), хлопнет себя кулаком по лбу и скажет: "Господа, что ж я! Вот уж действительно, черт попутал..." И сядет писать совершенно новый рассказ, полный братской и нежной любви к инородцам и лучших – уже за двести лет – описаний природы...

Нет, не верится мне в эту веру-надежду, а видится здесь интеллигентская робость, да уже ставшая для всех подсознательной неременная форма народным писателям, то есть, значит, писателям из народа, то есть Бог его знает, что это значит, но все понимают... Из народа – значит, из той среды, где люди зарабатывают себе на жизнь не умственным, не дай Бог, трудом, а физическим, вот, может быть, так...

3.

Есть такое "народное" убеждение, специфическое, может быть, для России: что труд – это только труд физический, а умственный – это уже не труд, а как бы забава. И народный писатель – он тоже, конечно, труженик, но только потому, что, во-первых, сам прошел через тяжкий (непреренно тяжкий!) физический труд; во-вторых, потому, что пишет о людях, занятых этим настоящим трудом, то есть является как бы дальнейшим их воплощением. Очевидно, далее, что там, где труд настоящий, там, следовательно, и настоящая жизнь, ну и совсем уже просто и ясно – настоящие люди. Только они могут быть объектом серьезного, уважительного рассмотрения, только они своей многотрудной жизнью заслужили право на сочувствие и поддержку. Разумеется, это прежде всего крестьяне. В городе настоящий (физический) труд также имеется, но по преимуществу не такой тяжелый, а главное, не занимающий столько времени, с перерывами, свободными вечерами, выходными днями и отпусками. И поэтому подлинность, настоящность города – всегда под сомнением. Горожане, а в особенности интеллигенты, те, что в самое что ни на есть рабочее время вместо того, чтобы заниматься т р у д о м, крутят ручки красивых и даже иностранных приборов или, пуше того, листают бумажки и книжки, – эти люди никак не стоят серьезного, уважительного слова писателя, а достойны лишь осмеяния и издевательства. "Поёшь? Это мы все поём. А вот что ты делаешь?" Этот извозчицкий вопрос к Шаляпину нависает, сурово и неотвратимо, над всей городской интеллигенцией...

Итак, деревне – наше почтение, уважение и пристальное внимание, городу – наше презрение, сатиру и юмор, крепкое крестьянское наше словцо, ядерный снежок в сутулую спину. Деревня своя, город чужой, крестьяне свои, горожане чужие. Свои – хорошо, чужие – плохо. Усиливая понятие "горожане" до предела возможностей, получаем, естественно, москвичей. Усиливая понятие "чужие" до "басурмане", получаем, наконец, долгожданных евреев. Все, приехали.

И когда Виктор Астафьев пишет: "ваше недоумение московских евреев", – то это не географическое уточнение, а стилистическое усиление. "Евреев", да еще "московских", – двойное клеймо, обидней прозвища, страшной ругательства – не придумаешь...

И вот какой-нибудь ученый славист из Амхерста прочтет Астафьева и решит, что так все и есть. Что российские сельские жители именно так и думают, и считают всех горожан дармоедами, и умственный труд не считают за труд, и во всех своих бедах винят город, а также евреев.

Я должен вступить за сельский народ, оклеветанный своим народным писателем. Ничего такого жители деревни не думают. Побеседуйте с любым пожилым,

умным крестьянином. Он вам скажет, что да, конечно, житуха нелегкая, но и в городе, что ж, бывал он у дочки, ничего там хорошего. Да, верно, ушел с работы — и с плеч долой. Ну, а магазины, кошелки, очереди, а транспорт, нервы, руготня, толкотня, а спешка, а шум, а воздух — не дай Господь! А что зять пришел домой вечером, поел и лег, телевизор смотрит — так он и здесь, в деревне, на свежем воздухе, в собственном доме, не в бетонном улье, те же самые "Семнадцать мгновений" те же четыре раза смотрел. Нет, не заманишь! И к людям умственного труда нет у него никакого презрения, а напротив, любопытство и даже порой уважение. Он сам, многое в жизни умеющий, ценит любое другое умение, хоть и не всегда понимает его цели и смысл¹. Ну, а насчет евреев... даже как-то странно. Что ему евреи, когда он их видит, где с ними соседствует? Какой у него может быть счет к евреям?.. Но вот тут-то как раз все начинается. Какой счет? Не знает крестьянин? Ну, так сейчас ему объяснят...

Побеседуйте с сельским жителем любого района, но не ездите в поселок Овсянка Красноярского края. И не потому, что поселок Овсянка — не вполне сельская местность, а скорее пригород. Потому не ездите, что именно там, в поселке Овсянка, живет народный писатель Виктор Астафьев. И наверно, его окружают разные люди, но боюсь, что всем, и дурным, и хорошим, он уже давно объяснил. И хотя, по собственному его признанию, земляки книг его не читают (их читают ненавистные ему горожане), но авторитету его писательскому — поверить должны. Вот это и страшно!

4.

— А может, хватит, — скажет благородный читатель. — Надоело, сколько можно об одном и том же? Все вы надоели, и те двое со своей перепиской, и ты в придачу. — "Страшно, страшно!" — Ничего не страшно, разве что глупо. Тот умник прицепился к усталому, больному, контуженному на войне старику, старик в ответ болтанул чепуху, а ты теперь во всем этом копаешься, подводишь платформу под каждое слово. Ну, какой здесь смысл, какая опасность, мало ли кто что мелет... Разве Астафьев призывает к погрому? Требует организации штурмовых отрядов? Или выставляет свою кандидатуру на пост генерального секретаря?..

Мед бы пить устами благородных читателей, а не тот сучок, что мы им предлагаем. Но уж что имеем... Я отвечаю так: конечно, призывает к погрому. Не к убийствам пока, но выселений не избежать, а **п о г р о м** в **к у л ь т у р е** провозглашен однозначно и без вариантов. Что же касается штурмовых отрядов, то чего их требовать, они уже есть, и похоже, в очень немалом количестве. И на пост генерального секретаря — тоже есть кого выдвигать, не Астафьева, но уж лучше бы, может, Астафьева... Нет, старик не болтанул — проболтался. И тогда в ответ, с другой стороны, надо, чтобы прозвучал хоть чей-нибудь голос, пусть хоть мой, если больше никого не нашлось. Надо, чтобы было громко сказано, что при всех моральных и литературных нюансах, при всех возможных оговорках-поправках, ставить Астафьева и Эйдельмана на одну доску, объявлять их соавторами — это просто трусость, это безнравственность, — если не хуже.

1

Я не знаю, усилит ли это мою позицию, по моим же выкладкам — не должно, но эти строки я пишу не в московской квартире, а в собственном деревенском доме, завещанном мне замечательной женщиной, Катериной Егоровной Федотовой, человеком большого природного ума и удивительно благодарства. С ней мы не раз обсуждали все эти вопросы, и мнения наши почти всегда совпадали. Пользуясь случаем процитируйте ее память. (Нет, не усилит. Астафьев скажет: "Ну вот, и в деревню полезли, теперь и оттуда выкуривать...") Молодежь, конечно, бежит, ничего не скажешь. Эти брошенные деревни — действительно страшное зрелище... Молодежь бежит — но и правильно делает, слава Богу, понимает, что телевизор — еще не все. Потому что любая деревня — дыра, и любой поселок тоже дыра, и любой маленький город — тоска зеленая. Но уж это совершенно другой вопрос, здесь не история с географией, здесь имперская геополитика... ("Еврейская!" — немедленно вставит Астафьев. Ну, пусть порезвится.)

Вы заступились за женщину, вам врезали в рыло, а потом и вас, и того волокут в участок, и все это вместе называется "драка в автобусе", потому что в глазах равнодушных зрителей вы не отличаетесь друг от друга. Чтобы каждый понял: надо, чтобы врезали каждому...

Эйдельман написал письмо необходимое, и единственное, что меня в нем не устраивает, это именно попытки сохранить равновесие, в основном – вся вводная часть, позолота пилюли. Впрочем, вот и в конце... "Если сможете еще писать хорошо, лучше, сохранив в неприкосновенности нынешний строй мыслей, тогда ваша правда! Но ведь не сможете" и т.д. Рискованно! Очень рискованно. То есть, может быть, в данном конкретном случае риск невелик, но если воспринимать эту фразу как формулу... Представьте, что не Астафьеву она адресована, а Федору Михайловичу Достоевскому, который после "Pro и Contra" писал, как известно, все лучше и лучше, сохранив, сколько можно судить, в неприкосновенности весь строй своих мыслей по данной теме. Кстати, если б хотел Астафьев поддержать литературный характер спора, мог бы и привести достоевских "жидишек-полячков" в противовес горцам Льва Николаевича. А ведь тоже – "сильно писал" Федор Михайлович! Много всякого было в русской литературе, в том числе и в великой...

Но Астафьев предпочел, на нашу удачу, высказаться прямо и просто, почти без цитат, и даже эпиграфом взял пословицу (кстати – еще один аргумент против тех, кто считает, что он и в мыслях не держал публикацию. Кто же это станет снабжать эпиграфом письмо, предназначенное одному читателю? Да ведь и не оговаривал такого условия, и посылал письмо не другу, – врагу, и знал, что писательские письма вообще, рано ли, поздно ли, публикуются, есть у них такое странное свойство... Нет, не выходит!).

5.

Астафьев высказался прямо и просто, и теперь мы знаем: то, что прежде в его произведениях могло показаться случайным или неоднозначным, на самом деле именно так и есть. И пожалуй, признаем, все-таки прав Эйдельман. "В диких снах не мог предположить" – это все-таки верно. Потому что одно дело видеть, читая, что автор не любит евреев (всяких прочих тоже не обожает, но этих особенно!), и совсем другое – чтобы вот так, такими словами, какие сходу и не придумаешь, хотя уж чего не слышался в жизни, и даже прочтя несколько раз, никак не запомнишь, не выстроишь в нужном порядке... Как это там? "Перекипещий гной еврейского высокоинтеллектуального высокомерия..." Сильно пишет Виктор Петрович, не слабже Толстого!

Не знаю, как вы, а я в первый момент испытал какое-то оцепенение. Трудно поверить, что э т о, т а к и м и словами, прямо вот так всерьез на бумаге написано, что это не шутка, не мистификация. Словно давнее мое затравленное детство в Марьиной Роще опрокинулось вдруг на меня из прошлого – всей своей беспощадной глупостью, унижительной пошлостью и подростковой безоглядной злобой. И еще, быть может, нечто похожее бывало, опять-таки в детстве, когда, уверенный в равновесии и разумности мира взрослых, вдруг узнаешь об этом мире невозможную, постыдную тайну... Никак не складывалось во взрослый, серьезный текст это сочетание злых прозвищ, дурацких обозвищ – и каких-то как бы литературных слов, каких-то как бы культурных ссылок... Так бы мог выражаться в эмигрантском романе какой-нибудь мерзостный персонаж, крайне сомнительный по достоверности.

Я и теперь иногда, перечитывая, вновь испытываю все эти чувства, главное из которых – сонная оторопь, нереальность, невозпроизводимость. Вот сейчас возьму, перечту еще раз – и там уже будут другие слова, трезвые, взрослые, лишь внешне, быть может, созвучные тем, чудовищным. Слава Богу, почудилось!..

Но нет, не почудилось, все так и есть. И главное, есть такое чувство, что самое страшное – все впереди, как крылато выразился Василий Белов. Самое страшное – когда понимаешь (когда вспоминаешь), какая за этим стоит многолюдная страшная сила, и действующая, и еще больше – потенциальная. И поэтому я, рискуя уже окончательно лишиться расположения разборчивого читателя, все-таки считаю необходимым покопаться в этом... замечательном тексте.

6.

”...У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть свои противники и враги”.

Два вопроса... Занятие, конечно, глупое, к черту вопросы, и что тут неясного? И все-таки, пожалуйста, давайте отнесемся серьезней. Ведь это впервые за много лет сконцентрировалась в небольшом документе вся коллективная пошлость и злоба. Итак, вопрос первый: необходимость врагов. Отчего непременно должны они быть? Ну, то, что есть, это ладно, допустим, так уж случилось, и что тут поделать. Но вот отчего должны? Дело в том, конечно, что национальное возрождение мыслится сегодняшними его идеологами не просто как расцвет и развитие национальной культуры, как раскрытие, допустим, всех заложенных в народе возможностей, – а мыслится оно, прежде всего, как процесс расово-очистительный, то есть не столько создание нового или даже возрождение забытого старого, сколько очистка национальной жизни – искусства, литературы, повседневного быта – от всего, что те же идеологи сочтут нерусским. Главное действие здесь – не строительство, а оздоровительное разрушение: искоренение, уничтожение и отбрасывание того, что сделано и делается нерусскими руками или даже русскими, но в чуждой традиции. Вот по этим рукам – и головам, разумеется, – и должен быть направлен главный удар. Враги вовсе не те, кто противится, и вряд ли такие вообще найдутся, а те, кто делает не то, что надо, или же делает неважно что, будучи сам не тем, кем надо. Они-то, быть может, живут, ничего не ведая, но поскольку живут они, что-то делая – проявляя при этом свои нерусские качества, то они и враги, и дети их – тоже враги, и те, что есть, и те, что еще рождаются. И таких врагов действительно не может не быть, они и есть изначально, по исходному замыслу.

Здесь, конечно, самый антиисторический ум непременно дернется к аналогиям. Да, разумеется, обыкновенный нацизм. Мне кажется, что Астафьев и его друзья этой параллели не страшатся и от нее не прячутся. Ведь не могут они быть настолько наивны, чтоб и вовсе ее не видеть. Как писали некогда наши сатирики: ”Скальпы... Были индейцы по форме неправы, но по сути – им трудно порой возразить”.

Дальше эту свою позицию Астафьев объясняет довольно подробно. Сначала это выглядит вроде бы только смешно.

”Возрождаясь, мы можем прийти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы...”

Кто же мешает? Так и видишь воочию, как дюжий, бодрый Натан Эйдельман с автоматом ”узи” наперевес принуждает несчастного Виктора Петровича (больного, контуженного старика) плясать ”семь-сорок” и петь ”Хаву Нагилу”...

”...танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам эсперанто, тонко названном ”литературным языком”...”

А здесь – что конкретно он имеет в виду? Язык без диалектизмов и неорусизмов? Но ведь именно так, без этих измов, писали в России все и всегда, и Пушкин, и Бунин, и Чехов, и кого ни назвать, кроме тех, кто по замыслу прибегал к стилизации. Что-то тут загнул Виктор Петрович слишком хитрое, не расшифруешь. Но дальше зато – все просто, понятно и уже ни капельки не смешно.

”В своих шовинистических устремлениях мы можем прийти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские и – жутко подумать – собрания

сочинений собственных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже "приберем к рукам" и — о, ужас! о, кошмар! — сами прокомментируем дневники Достоевского".

Он иронизирует, Виктор Петрович, с юморком мужик, а ведь так все и есть. И то, что устремления шовинистические, и лермонтоведы русские, то есть т о л ь к о русские, — и в самом деле страшно подумать! И куда же тех, остальных-то, денут? Вышлют? Организуют специальный лагерь? Или просто уволят и всем поголовно велят заниматься Шолом-Алейхемом? И только ли евреев будет касаться этот новый порядок? Он ведь не пишет "русские, ну и грузины". Значит, Ираклий Луарсабович — тоже? А книги, статьи, что — уничтожить? А открытия, добытые данные, — не принимать во внимание? Масса вопросов. А как с полукровками? Юрий Тынянов? А квартироны? А те, кто крестился? А кто не записан? Трудностей будет много, Виктор Петрович. Но, конечно, все они разрешимы, в мировой практике опыт имеется, а сил и средств никаких не жалко, очень уж результат должен выйти хороший. Христи-а-нейший такой результат. И еще: духовный, моральный и нравственный.

Нет, не надо думать, что "приберем к рукам" — это какая-то отвлеченная фигура. Именно это — "приберем к рукам" — имеет в виду Виктор Астафьев, и даже юридское "о, кошмар, о, ужас" — тоже несет определенный смысл. Это, видимо, плаксивые еврейские причитания, как он их себе предствляет, реакция на захват национальными силами редакций, театров и киностудий.

Я знаю, читатель меня вновь остановит: стоит ли с таким педантизмом, с такой серьезностью? Ты же сам, скажет читатель, своим комментарием поднимаешь цену этой бредятины. Что ты уцепился за этого Астафьева? Оставь его, скаламбурит читатель, оставь его!..

Нет, скажу я, не оставлю, не имею права. Нет, не поднимаю цену — отдаю должное. Потому что, повторю еще раз, не в Астафьеве дело. Он произнес не свои слова, он их не придумал. Он услышал их, и слышал не раз, и кто мне скажет, сколько человек, ну хотя бы сколько русских писателей — повторяет их ежедневно?

Итак — лермонтоведы-пушкиноведы... Почему р у с с к и е лермонтоведы могут появиться только в результате очистительной национально-освободительной борьбы? Как и в чем конкретно евреи им сегодня препятствуют? Не дают бумаги, отнимают перо? Галдят, мешают сосредоточиться? Или те все-таки пишут, несмотря на галдеж, а эти им потом не дают печататься? Представляете, хорошая книга о Лермонтове, да автор ее оказался, к несчастью, русским. Ну, и не пропустили, понятное дело, не прошел по пятому пункту... И ропот, и движение российской общественности во главе все с тем же обществом "Память" — за отмену национальности в паспортах как главного средства дискриминации...

Остается одно: что евреи пишут, и русские пишут, и все печатаются (я, конечно, догадываюсь, что не все печатаются, но, насколько я знаю, не по тем причинам, а если по тем, то с другого конца приложенным), все печатаются, а надо — чтобы т о л ь к о русские. И опять все сходится к тому же самому, других вариантов нет. К устранению сходится, к уничтожению.

Но ведь Астафьеву (Крупину, Белову, Распутину) будет мало, чтоб печатались только русские. Ведь понадобится, чтобы печатались только с в о и русские, те, что правильно понимают интересы народа и родины, те, что учат (непрерменно учат!) читателя быть достойным г р а ж д а н и н о м о т е ч е с т в а (любимое вражение) и несут ему то, чего ему не хватает: духовность, мораль и нравственность.

7.

Та мораль, которую несет Астафьев (или, скажем точнее, которой несет Астафьева), есть доведенная до анекдота, но типичная для всего движения смесь:

декларируемой любви – и осуществляемой ненависти. Напыщенные, дутые призывы к добру, чистоте, смирению, бескорыстию, братству и вообще ко всем положительным качествам, какие только можно найти в словаре, и готовность, выкрикивая эти сладкие лозунги, бить, давить, хлестать хлыстом, заливать свинцом все чужое, не наше, непривычное, странное, не похожее или на то, как у нас, или на то, как, по нашим данным, должно быть у них.

Вот пример из тех же "Пескарей в Грузии" – образец богатой астафьевской прозы, изобилующей красками и нюансами¹.

"Витязь! Витязь! Где ты, д о р о г о й? Завести бы тебя вместе с тигром, мечом, кинжалом... (Эх, завести бы, да и... нет, тут пока о другом.), но лучше с п л е т ь ю (вот!) в Гали (нет, это лишь смысловая связка) или (теперь настоящий адрес) н а р о с с и й с к и й б а з а р, чтоб согнал, смел ты оттуда модно одетых, единокровных братьев твоих, превратившихся в алчных торгашей и деляг, имающих за рукав работающих крестьян и покупателей..."

"Имающих работающих..." Это же надо! Прямо так и имеют, во время работы... Язык, действительно, не эсперанто. Впрочем, Астафьеву, конечно, виднее, с ним всегда – чистота происхождения, лучший учитель. Высшей пробы арийская кровь стучит ему в голову и подсказывает: "Работающих. Имающих. Не огляды выйсь, все правильно, я с тобой..." И она же, видимо, диктует ему и такие мечтательные ряды, с вольной игрой умилений, проклятий, грамматических подчинений и падежей.

"Вот если бы на головы современных... (кого?! Эх!.. Нет, так прямо пока нельзя, ладно, потом уж, в письме Эйдельману...) осквернителей храмов, завоевателей, богохульников и горлопанов (далее сам черт себе ногу сломит, но это и хорошо, и прекрасно, потому что из этой неразберихи с в о й читатель выберет то, что и без того уже знает...) – на всех человеконенавистников, на гонителей чистой морали, культуры, всегда создаваемой для мира и умиротворения, всегда бесстрашно выходящей с открытым, добрым взором, с рукой занесенной (ну! ну!.. нет –) для благословения к (?) труду, любви, против насилия, сабель, ружей и бомб" (?!).

Передохните немного.

Но учтите, что и на этом я вас не оставлю, ни вас, ни Астафьева. Это н а д о прочесть, через это н а д о пройти, преодолевая брезгливость, вникая в детали. Потому что это не просто дурная литература, это – евангелие воинствующей черни, манифест ксенофобии.

"Дело дошло до того, – пишет Астафьев, – что любого торгаша нерусского, тем паче кавказского вида по России презрительно кланут и кличут "грузином"."

Он опять вынужден сглаживать и кривить душой. В действительности дело дошло до большего. "Черномазым", "черножопым" кличут по России человека вида нерусского, а тем паче кавказского, торгаш он или не торгаш, неважно; а еще кличут "чучмеком" и "чуркой", если он по виду из Средней Азии. А как по России кланут и кличут общежитие университета Патриса Лумумбы? "Обезьянником" кличут его по России, по крайней мере, по всей Москве. Ну-ка, Виктор Петрович, какую горькую правду отражает это меткое народное прозвище? Не ту же ли самую горькую правду, что подсказала народному писателю Астафьеву яркий пассаж об отвратительных, алчных раках, "ухватками и цветом точь-в-точь похожих на дикоплеменных обитателей каких-нибудь темных, непролазных джунглей?" Не иноплеменные – так дикоплеменные, но кто-нибудь из чужих народов

¹ Все главное об этом рассказе Эйдельман уже высказал. И все же я позволю себе пройти еще раз и собрать крохи с его стола.

всегда под рукой для таких сравнений и прозвищ. И не знает имени, и не видел ни разу, а знает, что мерзкие и похожи. "Точь-в-точь!.." Браво, Астафьев!

В прошлом году мне случилось присутствовать при разговоре дворников у магазина "Ядран", где в длинных очередях за югославской экзотикой большинство действительно составляют кавказцы. Грузили мусор в машину. Я тоже грузил. Одна здоровенная баба-дворничиха развлекалась тем, что гонялась с лопатой за мышатами, выбегавшими из мусорной кучи. Почти каждого догоняла и убивала одним, а нет, так двумя или тремя ударами. Оказалась неожиданно поворотливой. Она и сказала: "Так бы и этих черножопых армяшек (видите: не грузин, а армяшек!) всех до одного передавить — вот бы воздух очистился". Другая, маленькая, востренькая, ей возразила: "Ну нет, всех не передавишь, вона их сколько. На них радиацию бы из Чернобыля.." А та, первая, ей в ответ: "Ну да, скажешь еще, радиацию. Небось бы сами и передохли, а они бы выжили, тараканы чертовы.." Она, конечно, сказала не "чертовы", другое слово, но суть не меняется. Мужики, надо отдать им должное, в разговор не вступали. Грузили, и все. Народ, он тоже бывает разный. А думаю, был бы здесь Виктор Астафьев, он бы даже вступился за бедных армяшек и сказал бы, только слегка посмеиваясь, что лопатой — это, конечно, нельзя, это как бы даже и не по-христиански, а вот нагайкой, то есть хлыстом, — да и вымести всех этих модно одетых, которых дошло до того, что кличут... ну и так далее.

8.

Но, конечно, поиски народной правды в виде точных сравнений и ярких прозвищ не ограничиваются союзными республиками и нацменьшинствами. В своем уникальном рассказе-энциклопедии Астафьев, едучи в автомобиле по Грузии, находит возможность высказаться и об Америке. Выражая, как и следует народному писателю, народное отношение к этому предмету, хорошо, казалось бы, разработанное на протяжении многих десятилетий, он, тем не менее, находит яркий незабываемый образ, возникающий как бы из самой окружающей реальности. (Последует довольно большая цитата. Потерпите: надо.)

"Пышными золотистыми шапками цвело неведомое мне и невиданное растение. (...) В сорок четвертом году в предгорьях формировался после героического рейда кавказский корпус. В Батуми поступал овес из Америки — для военных лошадей, и вместе с овсом прибыло вот это растение. Сначала на него никто не обратил внимания, потом им любовались и тащили по садам, потом, когда он, паразит, как и полагается янки, захмелел, задурел и на чужой на кавказской стороне начал поражать собою лучшие земли, сжирать поля, чайные и табачные плантации, сады и огороды, — спохватились, давай с ним бороться, но поздно, как всегда, спохватились. Заокеанский паразит не дал себя истребить, плодится, щупальцами своими, которые, изруби на куски и кусочки, все равно отрастут, ползет во тьме земли, куда растению хочется. Круглый год трясет веселыми кудрями, качает золотистой головой, пуская цветочную пыль и ядовитые лепестки (анчар?!) по вольному приморскому ветру, по благодатной земле, клочок которой тут воистину дороже золота. Н-да, подарочек!"

Нет, конечно, мне и самому не хочется подробно комментировать этот яркий текст, отмечая стойкость стереотипов, удивляться отношению фронтовика к американской помощи, которую он в те тяжкие годы не мог ежедневно не чувствовать. Это все очевидно. Но вот, как хотите, а в страшных щупальцах паразита (который, конечно же, — американский империализм!), в щупальцах, которые, изруби на куски, а они, падлы, все равно отрастают, ясно вижу я — кого? —

точно: евреев. И уверен, так именно было задумано. Посторонним, может, и непонятно, а своим понятно, и чужим понятно. Совсем своим и совсем чужим... этим самым... щупальцам...

(А еще я все-таки вскозь отмечу изящество, с которым наш воинствующий охранитель живого великорусского языка, говоря об одном и том же предмете, переходит от среднего рода к мужскому, через общие для обоих родов местоимения, как бы забыв, с чего начинал. "Вот *это* растение — *им* любовались — *он*, паразит..." И вроде бы грех мелочиться — и грех промолчать, все маячит проклятое "эсперанто"...)

Итак, что же в итоге? Торгаши-инородцы, темнокожие дикари, империалисты, б..., сионисты — это все хорошо. Но как же с дружбой народов? Для дружбы народов выделяем романтику прошлого: храм в Гелати, Шота Руставели — и ловлю тех пескарей, что в заглавии. Здесь для автора "Царь-рыбы" хорошая возможность показать подлинно бескорыстное отношение старшего брата к братьям меньшим, которые ведь, в сущности, как дети малые: все-то им покажи, научи, подсоби, успокой... И также — произнести устами грузин ключевые (и конечно же, символические) слова об этой самой дружбе народов.

"А когда Отар, зацепив за куст, влопыхах оборвал удочку, то схватился **г р я з н ы м и р у к а м и** за голову и уж собрался разрыдаться, но я сказал, что сей момент налажу ему другую удочку, привяжу другой крючок, и он, **г о р д ы й с ы н С в а н с к и х х р е б т о в**, обронил сдавленным голосом историческое изречение:

— Ты мне брат! Нет, больше! Ты мне друг и брат!"

И это ведь все — тот самый Отар, о котором с такой безразличностью, с таким презрением писал автор в пространном отрывке, уже цитированном Эйдельманом... Вообще — чрезвычайно любопытный факт и по-человечески очень отрадный, что даже в таком искусственном, принужденном тексте подлинная правда каким-то образом находит выход и прорывается, помимо желания автора. И богатые, беспечные и толстые грузины выглядят в рассказе несравнимо естественней и сто-крат привлекательней брюзгливого, угрюмого автора, заранее знающего про всех и вся, кому как надо и как не надо, неуклюже лавирующего между искренней злобой и притворным, вымученным дружелюбием...

И, Господи, какая всеохватная, тотальная пошлость, какая тоскливая, серая **м у т ь!** (О, кошмар, о, ужас!..) И кстати, ловит он рыбку — в **м у т н о й** воде, в застойном, загнившем водохранилище. Не странно ли, что такому любителю всяких намеков не пришла на ум эта явная и простая символика?

УЗЕЛ ВТОРОЙ: Август 87-го — Октябрь 88-го, и дальше, и дальше...

1.

Что самое страшное в расовой ненависти? Роковая предначертанность, неотвратимость. Не столько отсутствие аргументов, сколько отсутствие необходимости в них. Неотвратимость — и **о б е з л и ч е н и е**. В глазах расиста человек-жертва перестает быть человеком, вот этим, конкретным, говорящим и думающим, носителем дурных и хороших черт. Все это не имеет никакого значения, разве только чисто технологическое: если буйный, значит придется **связать...**

Все духовные свойства личности, как и физические свойства тела, существуют лишь в постоянном воспроизводстве, во взаимодействии с окружающим миром, реальным или воображаемым — или, скажем, материальным и идеальным. Личность должна воспроизводиться. Лишите ее этой возможности — и ее не станет.

Не позволяй душе лениться.
 Чтоб в ступе воду не толочь,
 Душа обязана трудиться
 И день и ночь, и день и ночь..

Я уверен, что именно в о с п р о и з в о д с т в о души имел здесь в виду Николай Заболоцкий, а иначе дидактический этот стишок превращается в некую пошловатую прописку, что, кстати, и происходит с ним всякий раз в повседневном цитировании. Толочь воду в ступе — значит не просто заниматься ненужным, бессмысленным делом, это значит иметь дело с ничем, с чем-то, не имеющим содержания...

Человек чувствует свое существование, ощущает себя живой душой лишь в той степени, в какой его личные качества соотносятся с внешним миром. Именно таким, диалогическим способом, по затертой, а все-таки гениальной бахтинской формуле¹, он себя проявляет. Диалог — это партнерство, соседство, дружба, безразличие или даже ненависть. Один человек тебя любит за то-то, другой ненавидит за что-то другое, а третий просто так ненавидит, сам не знает, за что, ненавидит и все. Но и он, не могущий объяснить, ненавидит именно тебя, не кого-то другого, ненавидит сочетание тех самых качеств, которые и составляют тебя как личность. Пусть тебе перед ним никогда не оправдаться, пусть тебе и не захочется этого делать, пусть ты сам ненавидишь в ответ и так далее, но потенциально такая возможность (оправдаться) — имеется, и наличие ее — не умозрительная спекуляция, а вполне объективная категория. В этом акте ненависти нет ни роковой неизбежности, ни, что еще важнее, обезличения. Это чувство направлено к тебе, к твоим личным качествам, ты и в нем, как и во всем другом, проявляешься, производишься, осуществляешься...

Совершенно иное дело — ненависть расовая. В том ограниченном, замкнутом пространстве, где вас только двое, ты и расист, ты вдруг с головокружительной, нигде более не возможной реальностью ощущаешь себя п р и ж и з н и у м е р ш и м. Тело твоё есть, вот оно, а души, а личности — нет! Это жуткое, ни с чем не сравнимое чувство, ни на что не похожее. Я уверен, что во всем бесконечном спектре человеческих состояний и ощущений этому чувству аналогий нет. Те, кто его испытал, со мной согласятся.

Часто слышишь, что нервозность евреев в еврейском вопросе, их болезненная чувствительность к любым враждебным проявлениям, их надоевшая всем подозрительность — следствие повышенного чувства коллективизма, чувства стадности, воспитанного, допустим, иудейской религией, где народ был всегда важнее индивидуальности, и т.д. и т.п. То есть как бы наличие коллективного разума, коллективной души — ну как вроде у муравьев... Вопросы религии и метафизики я оставляю побоку, мне они не по силам, да и мало занимают меня в данный момент. Что же касается коллективизма, то он у евреев, конечно, имеется, как же без этого, но, уверен, ничуть не в большей степени, чем у прочих цивилизованных малых народов, даже, может, у некоторых он развит больше, но это сейчас неважно, важно не это. Потому что повышенная нервозность евреев объясняется отнюдь не коллективизмом — грубейшая, нелепейшая ошибка! — а совсем наоборот, чувством индивидуальности, обостренным чувством самосохранения личности. Нет, я не думаю, что и этого качества от природы евреям отмерено больше, чем прочим. Но у многих других ему не угрожает гибель, а у евреев оно — постоянно в смертельной опасности. Повторяю, я сейчас говорю не о смерти тела, до геноци-

¹ Восходящей к Мартину Буберу ("Я" и Ты", 1922).

да, допустим, еще далеко. Но простейший и страшный парадокс заключается в том, что вражда к народу, ненависть к нации отзывается не ущемленным чувством коллективизма, а ущемленным, порой до нуля уничтоженным – пусть на краткий момент, но именно так! – ощущением собственной неповторимости, чувством личности.

И поэтому всякий антисемит – палач, и не потенциальный, а ныне действующий. Он уже сегодня, сейчас, в данный момент – убивает твою неповторимую душу, твою индивидуальность.

Что говорит антисемит – дурак или умный, эрудит-теоретик или новичок-дилетант, – что говорит он, вслух или мысленно, стоящему напротив еврею, когда хочет его уничтожить? – "Все вы такие!" – И достаточно, больше ничего не требуется. Ни тому, ни другому. Ни тому, чтоб убить, ни другому – чтоб умереть. И не надо объяснять, какие "такие", да он и не знает и не думал об этом. Если спросить, он ответит первое, что придет в голову. Богатые, злые, хитрые, хваткие, наглые... Не имеет значения, важно, что в с е. Будь он хоть трижды дурак, он знает нутром, где у жертвы расположен жизненно важный орган. Потому что в данный момент в нем, именно в нем, а не в жертве его, действует коллективный, массовый разум. В нем он живет, через него проявляется, награждает его за нехитрую службу, упрощая невероятную сложность жизни, сводя ее к самым простым соотношениям, освобождая от необходимости поиска, от мук творчества, подставляя вместо всей этой утомительной сложности безотказно действующий стереотип, многократно проверенный эволюцией... "Все вы такие!" – и дело сделано. Как в игре в "морской бой" по клеточкам. Попал! Убит!

3.

Три года прошло со времени п е р е п и с к и, а она не теряет своей актуальности. Напротив, сегодня скажи "переписка" – и сразу ясно, какая. Много за это время случилось хорошего, такого, что и поверить трудно, но много хорошего не случилось, такого, во что уже начали верить, а вместо этого – случилось немало плохого, и кое-что произошло воистину страшное. Главное событие – резня армян в Сумгаите. Оказалось, что в нашей пуританской стране, в нашей нормированной жизни – возможно и это. Только чуть ослаб тиски нормировки, только чуть резче прояви непроявленное, только чуть, самую малость – подтолкни и направь...

И если прав Виктор Астафьев и страдания народа – это возмездие, то пусть он нам теперь и ответит, прибавим к вопросу Эйдельмана и наш, чем перед Богом и людьми провинились армяне – первый в мире христианский народ, во все неисчислимые века своей истории только и делавший, что защищавшийся?

Сумгаит показал... Да простят меня великодушно армяне за то, что об этой кровотокающей трагедии я упоминаю вскользь, мимоходом, и даже как бы в служебных целях, в разговоре о совсем другом, о своем... Видит Бог, я на это смотрю не так. Но, во-первых, это – отдельная тема, и, надеюсь, я когда-нибудь к ней вернусь. Во-вторых, о "своем" – не о другом, о том же. Здесь как раз, я думаю, важно увидеть, что погромная психология везде одинакова и дети разных народов, ее исповедующие, оказываются на момент близнецами-братьями.

Сумгаит показал, что все уже было, все бывает и все еще может быть¹. И еще – в который раз, уже и не счесть, но никто никогда ничему не научится, – что от страшных слов до страшных дел расстояние гораздо меньше, чем хотелось бы думать...

¹ Так и вышло: рубка в Тбилиси, резня в Фергане... Какой поселок или город – следующий?

Что последует, какие такие "события" — за очередным письмом Виктора Астафьева? Нет, уже не Эйдельману — в газету "Правда", чтоб никто не мог сказать: "Не хотел публикации"...

Письмо, строго говоря, коллективное, и Астафьев, быть может, только подписывал, — но ведь не под дулом же пистолета! Да и текст, хоть и тупо канцелярский по стилю, но по теме и пафосу — вполне подходящий.

"Нас поражает четко обозначенная в ряде органов печати тенденция опорочить, перечеркнуть многонациональную советскую художественную культуру, *особенно русскую.*"

Это что? А это — вот оно что: "У всякого национального возрождения, т е м б о л е е у р у с с к о г о, должны быть свои противники и враги". Браво, Астафьев! Браво, Астафьев, и браво, Василий Белов, и герой социального труда Валентин Распутин, тоже ведь не под угрозой смерти вставший в ряд с Михаилом Алексеевым и Петром Проскуриным — другими большими героями того же труда...

Бог с ними со всеми. Вопрос, как всегда, — что делать?

Можно долго и подробно, и очень остроумно высмеивать каждый антисемитский выпад, явный и скрытый, печатный и устный. И радоваться, что правда на твоей стороне, а на их стороне — лишь темная злоба и голая сила. И чем больше у них будет силы и злобы, тем у нас будет больше шуток, сарказма и юмора. И боюсь, нам придется помереть со смеху, и боюсь, в самом буквальном смысле. Что такое журнально-газетная полемика или даже такая же, скажем, война? Ерунда, фантом. Страшно вовсе не это, страшно другое. Когда каждый автобус, и каждый вагон метро, и любой уличный тротуар — станет источником ненависти и личной опасности. Когда в двух очередях обнаружив по одному юдофобу, ты будешь в третьей подозревать уже всех, а когда обойдется и чуть успокоишься — как раз и нарвешься в четвертой... И ты станешь бояться выходить на улицу, потому что в каждом прохожем будешь видеть убийцу — если не тела твоего, то души, бессмертной, бесценной, единственной личности... А со временем, что ж, быть может, и тела. Сумгаит показал.

Что делать? Не знаю. Знает лишь тот, кто точно знает, что надо уехать. Таким остается только завидовать. Их позиция всегда хорошо обоснована, и для них вопрос на сегодня снят. А еще знает тот, кто думает, будто знает. Кто уверен, что можно жить себе и жить, не обращая внимания, нормальной жизнью русского интеллигента, ну там еврея по происхождению, мало ли какие у кого были предки, здесь в России ни с кем и не разберешься толком, у кого татары, у кого буряты, у кого немцы, у кого евреи... Жить и жить, никогда, ни в какой ситуации, ни даже наедине с самим собой не чувствуя, не признавая себя евреем. А если в автобусе или в очереди... Ответить: — Да сам ты — какой ты русский? Научись сперва говорить грамотно! — Ну и что-нибудь там еще остроумное, так, чтоб тут же все и померли со смеху. А если окружающие тебя не поддержат и придется тебе помирать в одиночестве — выйти и пересестись в другой автобус, не на этом же свет клином сошелся. А когда это будет в о в с е х автобусах или хотя бы в каждом третьем... Да не будет этого, не может быть!

Может! И вспомним, уже бывало в сороковые-пятидесятые. А сейчас-то зла накопилось побольше. Будет так: автобус, два активных подонка, пять пассивных подонков, двадцать пять любопытствующих и еще пять — нормальных людей, которые содрогнутся, но не решатся...

Нет, такая позиция — зависти не вызывает. Она мне понятна и даже во многом близка, но в ней есть неестественность, и принужденность, и — ненадежность.

Я всегда возмущался, когда в зарубежных списках всяких там почетных и знаменитых евреев встречал имя Бориса Пастернака. Ну какой он еврей? Нельзя же, как в советском отделе кадров, ориентироваться на запись в паспорте. Он сам

евреем себя не чувствовал и даже не раз активно отталкивался от явно его раздражавшей еврейской общности, от всем надоевшей особенности и культа страдающих. Русский писатель, русский человек, по всему, по образу мыслей, по складу характера... Ну там кровь... но где она, эта кровь? Но вот приходят ученые-филологи, специалисты по крови, и общими усилиями показывают: да вот же, вот она!¹ Леонид Осипович – вообще сионист (постыдный характер этого слова как бы ясен заведомо), а Борис Леонидович – наоборот, но если копнуть поглубже, вогнать подальше, да там еще слегка провернуть, то и выяснится...

И однако, среди многих врожденных еврейских пороков, обличаемых нашими патриотами, среди тяжких пороков, большей частью придуманных, есть один действительно существующий, свойственный если не Пастернаку, то все же, смею утверждать, большинству евреев, живущих в России и преданных русской культуре. Я имею в виду извечную еврейскую двойственность, которая после 48 года, и особенно после 67-го, приобретает характер двойного подданства. Да, русский язык и только он, культура, история, наконец, география; русский быт, проклинаемый и любимый, ввевшийся в поры кожи, в сетчатку глаз... Но и постоянное знание, а вернее даже чувство, что где-то там, за горами-морями есть один такой островок земли, **н е и н о с т р а н н о е г о с у д а р с т в о**, – предмет сочувствия, стыда, сожаления, осуждения, гордости, страха, надежды, – но всегда, независимо от окраски, – особого, пристрастного отношения.

Да, господа патриоты, это есть, это есть. И можно сюда накрутить сионистский заговор, и жидомасонскую черную силу, и Антихриста, и мировое господство – все это очень удобно и просто. А можно и так сказать: да что ж тут дурного? Да во всем свободном мире ведь так и живут! Человек существует в одной культуре, сохраняя при том интерес к другой или даже воспринимая их обе как равноправные... И даже порой имеет двойное подданство – не душевное, а настоящее, в паспорте... И только первобытная наша Россия, уж и так обожаемая нами до боли в сердце, до каких-то едва не истерических всхлипов, все никак не успокоится, не примирится, не примет людей такими, какие есть; все никак не привыкнет любить **ч у ж о е** и не видеть в нем ни угрозы, ни конкуренции...

Скучно разбирать те мотивы, злобные, тайные, которыми в действительности руководствуются вожди наших нацистских движений. Важно другое. Борьба с евреем идет широким, развернутым фронтом, нарастает стремительно, лавинообразно и снесет, конечно, не только евреев, что очевидно. Что может выставить против этой лавины трезвая русская интеллигенция? Прежний стыдливо-уравнительный довод, что евреи – такие же русские, уже не работает. Всем уже ясно, что не такие же. И единственный выход – убедить начальство и массы, что "двойное подданство" – не порок, а нормальное качество и состояние. Есть ли на это надежда? Слабая...

Но тогда мне нечем утешить евреев, убежденных в том, что они евреи, и все же *не* желающих – упаси Господь! – уезжать насовсем из этой страны. И себя мне, значит, тоже – утешить нечем. Только чудо нас может сохранить и спасти. Русское чудо под названием "авось". Авось укрепятся национальные движения и **о б щ и н ы** станут привычным обыкновением, авось настоящая русская интеллигенция сможет окрепнуть и организовать, авось спохватится новая власть и поймет, наконец, что лозунг "Россия – русским!" – и окрик "Которые тут временные – слазы!" репетируют те же самые люди, те же самые глотки.

– Не спешите, ребята, – говорят они сегодня друг другу. – Не волнуйтесь, не дергайтесь, не все сразу. Главное у нас еще впереди. А пока – развлечемся борьбой с евреем. Дело привычное...

¹ "Вопросы литературы", 1988, 9.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

Переписка Н.Эйдельмана с В.Астафьевым продолжает — и по прошествии нескольких лет — привлекать к себе внимание, возбуждать споры, порождать вопросы, о чем свидетельствует появление статьи Ю.Карабчиевского. Каковы же позиции самих спорящих сторон? Точка зрения Н.Эйдельмана четко выражена в его письме, завершающем переписку. В.Астафьев разъяснил свою позицию в интервью, данном в 1988 г. писателю Дм.Савицкому для французской газеты "Libération". В публикацию газеты часть интервью, посвященная Эйдельману, не вошла, но была передана по радио "Свобода" и позднее помещена в бюллетене, издаваемом исследовательским отделом радио. Публикация осуществлена по магнитофонной записи с сохранением всех особенностей устной речи.

Другая совершенно тема, вы опять же от нее можете отказаться, если она вам неприятна. На Западе про нее знают, значит, и обсуждают письмо вам Эйдельмана. Мне хотелось бы, чтобы вы по этому поводу высказались конкретно.

Вот на Западе и у нас сделали вид, что не Эйдельман мне первый написал, понимаете, так немножко подложили уже. Все-таки написал он мне первым, пусть они об этом...

У нас говорят, что он вам первый написал.

Да. Причем написал в очень сложный для меня момент. Выждал время, когда ему казалось, что он меня добьет. Хотя он незнакомый мне товарищ, я никогда его не видел нигде, но привычка этой нации соваться в любую дырку, затычкой везде быть, она просто не дает покоя. И когда они увидели, что сгруппировалась какая-то небольшая кучка писателей, они подумали по-прежнему, что мы очень разъединенные, что по одиночке нас можно бить. А тут тем более устроили мне травлю на съезде, значит, товарищи-грузины, потом еще...

За "Ловлю пескарей"?

Да, за "Ловлю пескарей", так сказать, произведение совершенно, по-моему, честное, объективное, с уважением к Грузии написано и к грузинам, хорошим грузинам, а к плохим — я и к русским так же пишу, так сказать, никаких разделений не делаю.

Я получил это в очень сложное для меня, действительно, время, значит, так сказать, и...

Это был съезд писательский?

Да, это после съезда, он через несколько месяцев, съезд в июле был, он мне написал в сентябре, хотя обрушилось все на меня, например, в июне — в августе. Он, так сказать, подождал, он человек очень подлый, конечно. И все его письмо очень подлое, хотя сверху благолепное такое. Я подумал, можно значит, с ним вступить в какую-то полемику, но, во-первых, мне не хотелось, во-вторых, много чести. И тогда я по-детдомовски, по-нашему так, по-деревенски. В детдоме, как я жил раньше, если начали, нож вытащили — должен быть у тебя нож, дрыну взяли — у того дрын должен быть, маленьких не бить, так сказать, больного не трогать, вот, ну, а если тронут — получи по рогам, вот. И я ему, очень не мудря, сел и от ручки, я даже не печатал на машинке, поскольку я сам не печатаю — жена, за десять минут написал это письмо. Что там есть, как, но

я ему дал просто между глаз. Если бы был он рядом, я бы ему кулаком дал, вот. А так он далеко, я ему письмом дал, потому что, ну, они же ведь думают, что это уж они, так сказать, пупы мира, вот, если, значит, о нас говорит что-то, значит, это ничего, разрешается. А у нас ведь нету никаких таких резервов. Для них весь мир вроде, так сказать, они, где плохо — переедут, где лучше. Нам некуда, нам все время, где плохо, там и живем, так сказать.

У вас имеется определенное, конкретное отношение, так сказать, к евреям, живущим в СССР, или?

Ну, а товарищ Эйдельман доформировал это отношение. Как Достоевский говорил: "все мы, русские, немножко антисемиты", он меня теперь сделал большим антисемитом. Но нет, не столько он, сколько сделали письма, хлынувшие на меня потом. И даже не все письма, а те, которые не подписаны. Понимаете, вот есть много, я получил от евреев очень много хороших писем, с отчитыванием этого Эйдельмана, они посылали обычно и туда, и сюда. Получил подписанные письма, характер которых такой, мы и без того бедный народ и добрый, вот, вот у меня еще дед-прадед служил при Павле уже, России помогал, а вы вот там, дядя у меня на фронте воевал. Парень там написал, Герой Советского Союза даже один. Очень хорошо, значит, так сказать, ради Бога! Вот я, например... как к русским отношусь, так и к ним. Но то, что он, значит, взбунтил какую-то во мне, значит, ноту зла, вот, я, отнюдь этим не горжусь и не приветствую, вот. Но антисемитом большим он меня сделал.

Но вы сами себя не считаете?

Ну, я не знаю, как уж, считать — не считать, сейчас все равно. Во всяком случае, сейчас я уже присматриваюсь. Если раньше — наплевал, у меня в первых рядах, когда был в Москве, значит, еврей, но бывший солдат, правда, так сказать, он сейчас на пенсии. У меня живет друг в Перми, он немножко отличается, так сказать, командир саперного батальона, значит, мы всю жизнь с ним дружим, большой друг. Он знает, кстати говоря, об этой переписке, и он это игнорировал совершенно. Он не обрадовался, не огорчился, ничего, как относился ко мне, так и я к нему отношусь. Понимаете? Вот. Но то, что без подписей хлынуло, вот, все-таки, из-за угла стрелять, слава Богу...

Прямо на ваш адрес?

Ну, конечно, они найдут адрес, все найдут.

Приблизительно, о чем?

Ну, вот, допустим, из Украины пишет какая-то, она не очень даже грамотная, — шо вы там за этих паршивых царских детей заступаетесь, их и надо было убить, вот, у меня тетку петлюры убили, так вот, ты за Петлюру, значит, не пишешь, там вот такое вот. Ну, это вот, может быть, такое густопсовое, но оно многое отражает. Есть поизящнее, есть на двадцати страницах, я не все их читал, мне что-то потом надоело просто потом читать, вот.

Элизабет МАРКШТАЙН (Вена)

ВЕЛИКОЕ СЛОВО — НАРОД

Маленький лингвистический очерк
с политическим подтекстом

В 1977 году в Москве под редакцией А.Леонтьева вышел "Словарь ассоциативных норм русского языка". В минувшем учебном году я вела семинарий по теории перевода, и в этой связи мне с таким большим опозданием попала эта книга, занимательнейшее чтение. Собраны в ней результаты ассоциативных тестов. Что такое ассоциативный тест? Очень просто. Вот я спрошу вас, русский читатель, что вам сразу, без раздумий, приходит на ум при слове *народ*. Заочно проводить эти тесты, разумеется, невозможно. Надо иметь большую группу опрошиваемых и некоторый список самых разных слов. Но вы все-таки запомнили ваш ответ? Теперь сравните его с тем, который дали ваши молодые соотечественники — студенты сибирских вузов в 1969—1972 гг.:

люди — 19,3%	могучий, мощь — 4,0%
великий — 9,4%	сила — 3,5%
советский — 8,4%	толпа — 3,0%
русский — 7,9%	масса, много — по 2,5%

Были и другие ответы: *несгибаемый, родной, наци, мой* и т.п.¹

Не буду перечислять все ассоциаты, отмечу только, что помимо совершенно нейтральных *люди, много, масса, толпа* (здесь проявляется второе значение слова "народ": *много людей*) общая ассоциативная окраска слова, его сигнификативное поле были положительными, патриотическими: *патриотический* — так и гласил один из ответов. Слово *народ* в сознании большинства русских студентов конца 60-х — начала 70-х годов маркировано самыми светлыми и даже триумфальными тонами. Иначе говоря, оно эмоционально заряжено. Это — по словарю Леонтьева, для русского языка. А я провела аналогичный эксперимент с австрийскими студентами следующего поколения — конца 80-х годов. Изучались ассоциации и по другим словам, и там тоже обнаружился любопытные параллели и расхождения. Но я ограничусь здесь словарными эквивалентами *народ* — *Volk*.

Что же ответили австрийские студенты? Как и у русских, на первом месте стоят *люди, масса*. Затем идут *нация, государство* (в русском материале их вовсе не было). Место патриотических импульсов заступило — правда, не столь массивно — чувство *единства, единого организма* (10,2%). Только четыре человека из 200 связывают слово "народ" с *родиной, отечеством*, всего 3 — с Австрией. Короче говоря, патриотической гордости у опрошенных австрийцев это слово не вызывает. Зато появляется небольшая, но заслуживающая внимания группа с отрицательно маркированными ассоциациями. Прежде всего: *Гитлер, фюрер, вождь* (из нацистской триады *один народ, один рейх, один фюрер*), потом *диктатура, война, оружие, властитель, власть* (всего 8%), а двое опрошенных выразили свой скепсис напрямик: *что это такое?* и *излишне*. Среди ответов русских студентов был один единственный ассоциат этого рода: *фашизм*.

Итак, слово *народ* у русских студентов вызывает или нейтральные реакции, или положительные, патриотические эмоции, выражающие гордость именно своим народом, а у австрийских — в абсолютном большинстве нейтральные, при 8 процентах опрошенных, которые уловили в этом слове его фашистский потенциал. Хочу сразу оговориться: никаких выводов о "превосходстве" моих соотечественников я де-

¹ К моему удивлению, третье, "славянофильское" значение слова *народ* — крестьянство, низы общества ("идти в народ") проявилось только в одном ассоциате: *простой*.

лять не собираюсь. (Между прочим, недавние выборы показали, что значительный процент австрийцев падок-таки на популистские — хотя и не националистические — лозунги.) Но тест свидетельствует: слово "народ" у русских студентов вызывает чувство гордости, и притом именно своим народом, у австрийцев — скорее скепсис либо просто ассоциируется с неким единством.

Валентин Распутин произнес ставшие ныне популярными слова: "Я горжусь, что родился русским". Именно в этом духе высказались тогдашние советские студенты. Присоединились бы они к словам писателя сегодня? Со времени проведения теста прошло без малого двадцать лет. Нынешние сорокалетние, и в их числе те, для кого слово *народ* несло в себе столько мощи, узнали многое, что иных, можно надеяться, заставило поколебаться в слепом народоверии. Перед ними встал вопрос, поставленный еще до эпохи гласности Владимиром Тендряковым: "...Невольно припоминаешь годы, когда едва не весь народ наш вопил в исступлении: "Требуем высшей меры наказания презренным выродкам, врагам народа!" Требуем смерти, жаждем крови!.. Я горжусь своим народом, он дал миру Герцена и Льва Толстого, Достоевского и Чехова — великих человеколюбцев. И вот теперь впору задать себе вопрос: мой народ, частицей которого я являюсь, — люди или нелюди?"¹

Вопрос нелегкий, от него больно, а при настрое на *великий* больно вдвойне.² А что народ, требует лечения. Лечение может быть психотерапевтическим, какое и применяет Тендряков: выявлять правду, конфронтировать с источником боли, осмысливать его. А может быть и хирургическим: с помощью скальпеля, в нашем случае — операции над живой речью.

Нет ничего проще. Взмах ножа, и от тела народа отсекаются инородцы, под коими преимущественно понимаются люди "еврейской национальности", и — следующий шаг: на них и перенести по возможности больше грехов. За коллективизацию, например, сделать ответственным Троцкого (Бронштейна) или тогдашнего наркома земледелия Яковлева (Эпштейна). За гражданскую войну — Свердлова. В ошибках Сталина винить Кагановича и т.д. Некоторая неувязка возникает с самим Иосифом Виссарионовичем. За какие-то заслуги он в составе народа оставляется. Зато в одной куче с инородцами оказывается сочувствующий им Коротич или, скажем, Синявский.

Однако устранить все беды с помощью такой резекции даже бывалому хирургу не удастся. Продолжается очистка уже предварительно очищенного народа. Например, с легкой руки "Нашего современника" проводится рассечение: отделение от *народа* — *населения*. Народ-де всегда оставался великим, славным, добрым, непогрешимым ("народ всегда прав"), а преступления совершались населением, безликим, бесхарактерным, безатрибутивным, ведь не скажешь: *великое население*. Затем — перевести в население по политическому принципу всех "красных" — и жертв, и палачей, опять-таки за исключением великодержавного генералиссимуса. "Дети Арбата" — новое уничижительное слово в репертуаре "патриотов" (сама слышала на собрании "Памяти"). Почвенник Вадим Кожинов, лапидарно: "Меня гораздо меньше интересует судьба Рубашевых, чем судьба народа". Значит, исключим из народа коммунистов, чекистов, Бухарина, Луначарского, "нелюдей". Следующий контингент: либералы-"масоны", почти то же, что сионисты. Иже с ними "авангардисты". Ведь это началось давно: Петр Палиевский еще в книге 1974 г. "Пути реализма. Литература и теория" срывал маски с экспериментальной литературы, которая изменила "народности" реализма. Значительную часть своего пыла литературные критики-националисты тратят на то, чтобы противопоставить инородцам (например, Пастернаку) самородков из "народной гущи".

Верность Сталину и борьба с тем, что они понимают под модернизмом, — только две точки стыковки сталинистов с "патриотами". А народ сегодня: алкоголизм,

¹ "Дружба народов", 1989, 2.

² О необходимости преодоления психологических стереотипов ради успеха перестройки очень интересно писал Б.Кочубей в журнале "Наука и жизнь", 1988, 10.

рост преступности? ¹ Пьянчуг и уголовников — в население. Лозунг "Памяти": "Куришь, пьешь вино и пиво — ты пособник Тель-Авива" (водка из-за трудности рифмовки выпадает). Дистиллируем вовсю! Механизм прост.

Посмотрите: народ определяется не по территориальному принципу (ассоциаты *государство* у австрийских студентов и *советский* у русских) и в конечном счете даже не по единому национальному (ассоциат *нация* у австрийских студентов, в русском тексте замещенный атрибутом *русский*), а каким-то иным, мифическим критерием то ли святости, то ли чистоты. Вырезав и выскоблив таким манером всех "нечистых" из тела народного, спокойно можно выступать от имени народа: разоблачение Сталина, реформы, кооперативы — "народ не примет", новые течения в искусстве, признание преступности войны в Афганистане — "народ не поймет".

Гюнтер ГРАСС

ТОТ, КТО ТАК ГОВОРИТ...

Воспоминания начинаются с банальностей — с того, что обычно лежит на поверхности терриконов прошлого. Первого сентября 1939 года я занимался тем, что разыскивал осколки снарядов в пригородном местечке Нейфарвассер, неподалеку от порта. Мне было 11 лет. Ничего не нашел, но все же добыл себе зазубренный кусок металла — выменял его у мальчишек не помню уже за что. Это были разлетевшиеся далеко по сторонам осколки бомб, сброшенных немецкими пикирующими бомбардировщиками на Вестерплатте, польскую военную базу в устье Вислы напротив Вольного города Данцига.

Так началась война, — можно сказать, у нас дома. Я вспоминаю бабье лето, прекрасное время для купанья, только вот пляжи, пока шли бои на полуострове Хела, были оцеплены. Война разразилась вдруг, как гром среди ясного неба, но скоро закончилась и позже называлась "польским походом". Ах, да: один наш родственник, мой дядя, оказавшийся в числе защитников польского отделения почты, был расстрелян военно-полевым судом; но об этом в семье не говорили.

Относительно этой недолгой войны, как и последующих, уже не столь скоростных походов, нас основательно просветила тогдашняя кинохроника "Вохеншау". После нескончаемых колонн военнопленных, трупов лошадей посреди разгромленных артиллерийских позиций моим детским глазам предстали кадры единственного в своем роде военного парада, которые потом уже никогда больше не демонстрировались: подразделения германского вермахта и Красной Армии, марширующие друг за другом перед двумя генералами, немецким и советским; оба стоят, приложив пальцы правой руки к козырьку. Польше был нанесен двойной удар. Слабое государство с несостоятельным руководством, с армией, готовой к самоотверженной борьбе, но из рук вон плохо вооруженной, рухнуло под натиском двух современных военных держав, причем вермахт первым совершил нападение, а Красная Армия позаботилась об остальном. Вслед за этим, по заранее разработанному плану, началось истребление элиты, а там и уничтожение польского народа в целом, без разбора, уничтожение, ставшее повседневной рутинной. С 1939 по 1946 гг. население страны сократилось круглым счетом с 35 миллионов до 24 млн. И тем не менее попытка стереть с лица земли нацию, казалось, безнадежно разбитую и поверженную, не смогла парализовать польское Соппротивление, начав-

Речь известного западногерманского писателя, драматурга и эссеиста, произнесенная 30 августа этого года во Франкфурте по случаю 50-летия начала Второй мировой войны.

¹ Любопытен упрек, который в том же "Нашем современнике" брошен Вас. Гроссману. Почему это в романе "Жизнь и судьба" (кто-то, видимо, занимался подсчетами) все угодовники русские, а все политические — евреи? Нина Андреева в интервью газете "Washington Post" сетует на московское телевидение, будто бы всегда показывающие русских уродами, а евреев красавцами.

шеся сразу после сентября 1939 года. Это Соппротивление быстро охватило обширные районы страны и не прекратилось даже после разгрома Варшавского восстания¹.

И когда сегодня, пятьдесят лет спустя, мы вспоминаем польские страдания и немецкий позор, то как бы тяжело мы ни были наказаны, как ни глубоки следы этой кары, не зажившие по сей день, за нами остается достаточно много вины, с этой вины нужно начинать, замолчать ее невозможно. И даже если когда-нибудь эта вина будет заглажена, останется стыд.

Стыд и скорбь. Ибо следствием принесенного в мир нами, немцами, преступления стали новые страдания, другая несправедливость, утрата родины. Миллионам жителей Восточной и Западной Пруссии, Померании и Силезии пришлось покинуть родные места. Не так просто было справиться с этой катастрофой. Дольше, чем по остальным немцам, проигранная война была по этим изгнанникам. Многих людей старшего поколения ожесточила эта непомерная чаша; некоторые не в силах пережить ее до сих пор.

В сорок пятом году и я потерял невозместимую часть моего происхождения, мою родину — город Данциг. И я тоже не вдруг сладил с этой утратой. Снова и снова мне приходилось напоминать самому себе, в чем первопричина: в немецком высокомерии и презрении к людям, в немецкой привычке повиноваться не задумываясь, в этой наглой заносчивости, с которой было объявлено, вопреки всем законам, что лозунг "Все или ничего" выражает волю германского народа, когда же все в самом деле превратилось в ничто, среди мук и развалин, — это "ничего" не захотели признать.

И так продолжается до сих пор. Вот отчето я говорю о стыде и позоре. Ибо вдвойне постыдно разглагольствовать, как это делают некоторые наши политики, перед сочувствующей публикой, о границах Германской империи 1937 года. Рассчитывают, что на эту удочку клюнут праворадикальные избиратели. И начинается легкомысленная болтовня о западных границах нынешней Польши. Как будто ее положение недостаточно шатко и без того. Как будто сознательно хотят извлечь выгоду из ее немощи. Как будто мало она натерпелась от немцев. Как будто федеральному министру и председателю партии позволительно презреть наш стыд и пренебречь нашим позором¹.

Эти воскресные речи, с расчетом произносимые на съездах разных землячеств, имеют свою предысторию. В пятидесятых и шестидесятых годах они составляли ритуальную принадлежность политики, стремившейся вынести за скобки вопрос об ответственности и вовсе не желавшей считаться с причинами и последствиями развязанной и проигранной войны. "Мирное возвращение", "право на родину". Пустые слова, потерявшие смысл от бесконечного повторения. Для миллионов поляков, вынужденных оставить Вильню и Львов после того, как восточные провинции Польши стали собственностью Советского Союза, и поселившихся в Данциге или Бреслау, для этих миллионов людей, таких же изгнанников, слово "право на родину" тоже стало пустой болтовней; не говоря уже о том, что "мирное возвращение" немцев — заведомо игрушечная кампания.

Никакие разъяснения, никакие ссылки на решения держав-победительниц в Ялте и Потсдаме — ничего не помогало. С прежним упрямством и несправедливостью малевали на транспарантах: "Силезия остается немецкой!" Слово эта провинция, окровавленное яблоко раздора между Пруссией и Австрией на протяжении столетий, не переходила то и дело из рук в руки сменявших друг друга властителей; словно Данциг, прежде чем отойти к Пруссии в результате третьего раздела Польши, не был триста лет богатым ганзейским городом под польской юрисдикцией. Все это происходило до того, как в Европе сформировались национальные

¹ Имеется в виду одно из выступлений министра финансов Федеративной республики и председателя баварской партии ХСС Т.Вайгеля, упомянувшего о том, что существующая ныне граница Польши и ГДР не является юридически признанной, так как до сих пор отсутствует мирный договор между Германией и союзными державами. Заявление Вайгеля было многократно дезавуировано официальными кругами ФРГ. — *Ред.*

государства и создались препосылки новых, развязанных обоюдным национализмом войн. Но этот микроб, в пику нынешней европейской эйфории, все еще жив и по-прежнему вирулентен — и во Франции, и в Германии, и в Польше, — почему и польские националисты, которым так и не удалось доказать свое богоизбранничество, твердят, как ни в чем не бывало, что бывшие восточногерманские провинции — это-де исконно польская, возвращенная им земля. Узколобость, возводящая в добродетель презрение к историческим фактам, имеет одинаково глубокие корни и там, и здесь, и в Германии, и в Польше.

Правда, бессмысленный этот спор, несмотря на ожесточенное сопротивление, вроде бы закончился, когда в Варшаве, в декабре 1970 года был заключен немецко-польский договор о признании западных границ Польши. Историческое значение этого изрядно запоздавшего признания того, что давно сделалось фактом, было ясно тогдашнему федеральному канцлеру Вилли Брандту, в свите которого находились два писателя. Зигфрид Ленц и я присутствовали при подписании этого международно-правового документа, где черным по белому значилось, что мы навеки утратили нашу родину. Потеря, и без того бывшая для нас очевидной; потеря, с которой пришлось научиться жить. Больше того: в наших произведениях мы говорили об этой потере и анализировали ее причины. И отнюдь не с легким сердцем летели мы тогда в польскую столицу. Но в ту минуту и лишь тогда, когда Вилли Брандт опустился на колени на том месте, где во времена немецкой оккупации находилось еврейское гетто, когда даже непонятливому стало понятно, что нельзя просто так "преодолеть" прошлое, вычеркнув из памяти запланированное и осуществленное немцами убийство шести миллионов евреев, Освенцим, Хелмно, Трешлинку, Биркенау, Бельзец, Собибор и Майданек, — потеря родины побледнела перед этим.

Через несколько дней после подписания немецко-польского договора впервые произошла забастовка портовых рабочих в городах балтийского побережья Польши. Милиция открыла стрельбу по рабочим. В декабре 1970 г. зародилось профсоюзное движение, названное позднее Солидарностью.

С тех пор Польша уже не успокаивалась. Военное положение уничтожило все иллюзии. Правительства сменяли друг друга. Одно лишь оставалось без перемен: нехватка всего. Эта нехватка и по сей день служит аккомпаниментом крушения старой системы и отчаянных усилий, предпринимаемых новым, наполовину демократически избранным правительством.

Польше нужна помощь, наша помощь, ибо мы все еще виноваты перед ней. Но помочь мы должны, не диктуя условий, не используя польскую слабость для германской мощи, не размахивая козырями и не произнося постыдных речей вроде той, с которой недавно выступил баварский политик Тео Вайгель. Первое сентября должно было бы послужить для него достаточным основанием, чтобы взять свои слова обратно, ибо ничего доброго они принести не могут. Тот, кто ставит под сомнение западный рубеж Польши, призывает нарушить договор. Тот, кто так говорит, кто все еще так говорит, — у того нет совести, тот позорит нас всех. ●

ГЛАВНЫЙ ЭКСПОРТНЫЙ ТОВАР

Военная помощь — одно из главных средств, традиционно используемых Советским Союзом для расширения своего влияния в мире. Используется эта помощь и для того, чтобы поставить слаборазвитые страны Третьего мира в прямую военную зависимость от СССР. Хотя на деле достичь этой цели зачастую оказывается невозможно, — в прямой военной зависимости от Советского Союза находятся лишь страны, входящие в организацию Варшавского договора, — СССР, тем не менее, постоянно расширяет поставки вооружений. Так, в период с 1953 по 1983 гг. СССР и его союзники по Варшавскому Договору поставили в страны Третьего мира, влачащие полунищенское существование, оружие на сумму 98 млрд. долларов. В 1978 г. Советский Союз по этому показателю обогнал США и превратился в крупнейшего в мире поставщика оружия.

Для сравнения заметим, что советская экономическая помощь развивающимся странам крайне ограничена и оказывается главным образом Вьетнаму, Кубе и Монголии (в 1982 г. на их долю пришлось 92% всей советской экономической помощи слаборазвитым странам.)

Кому же посылается советское оружие?

Ближний Восток и Северная Африка

Арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки являются основными получателями советского оружия. Ведущее место среди них занимают Ливия и Сирия, поставки которым составили в 1954—83 гг. 15 и 13,8 млрд. долларов соответственно. Начиная с 1982 г. и особенно после израильского вторжения в Ливан, на вооружение сирийской армии стали поступать советские самолеты МиГ-23, ракеты класса "земля-воздух" СА-5 и класса "земля-земля" СС-21.

Оснащенные советским оружием ливийские войска вели боевые действия против правительственных войск в Чаде в 1983—88 гг. Потери Ливии в этой войне оцениваются в 1 млрд. долларов. К марту 1987 г. правительственные войска Чада сбили 20 самолетов и уничтожили 200 танков ливийцев. Есть основания полагать, что Советский Союз возместил эти потери. (Несмотря на это, его влияние на политику и Ливии, и Сирии продолжает оставаться незначительным.)

Советские военные поставки в Ирак осуществляются с 1958 г. В списке импортеров советского оружия эта страна стоит на третьем месте после Ливии и Сирии. Только в 1982 г. Ирак получил от СССР в виде компенсации за потери в ирано-иракской войне оружие на сумму 3 млрд. долларов. Несмотря на временное прекращение поставок в 1983 г., военные связи между Москвой и Багдадом прерваны не были. Подтверждением этому может служить отправка в Ирак в 1985 г. советских самолетов-штурмовиков Су-25, ранее поставлявшихся только в страны — члены Варшавского договора.

Иран и два йеменских государства также получают оружие из СССР. К 1987 г. СССР поставил Южному Йемену оружие на сумму 3,5 млрд. долларов. Только в 1985 г. Северный Йемен получил различные виды оружия, в том числе 16 танков Т-62, на общую сумму 1,4 млрд. долларов. Сложная внутривосточная обстановка как в Северном, так и в Южном Йемене, а также их взаимная вражда, чрезвычайно затрудняют достижение целей, преследуемых Советским Союзом в этом регионе. Положение СССР как главного поставщика оружия особенно осложнилось в 1986 г. в результате гражданской войны, вспыхнувшей в Южном Йемене.

Ирано-иракская война

В течение всех лет войны между Ираном и Ираком Советский Союз снабжал смертоносным товаром обе воюющие стороны. В начале войны СССР поставил в Иран авиационное горючее, а также гарантировал неприкосновенность советско-иранской границы, что позволило иранскому правительству передислоцировать свои войска. Сирия, Ливия и Северная Корея получили советское согласие, если не прямое указание, на поставки оружия в Иран. По специальным каналам оружие советского и китайского образца переправлялось в Иран из Северной Кореи. К концу 1982 г. доля Северной Кореи в иранском импорте оружия, составившем сумм 2 млрд. долларов, достигла 40%. Иран получил, в частности, 150 танков Т-62, 1000 минометов и другие виды оружия.

В начале февраля 1981 г. иракское правительство официально подтвердило, что СССР приостановил поставки оружия по всем контрактам, заключенным до начала военных действий. На самом же деле советское эмбарго касалось лишь прямых поставок из Советского Союза. Ираку была предоставлена возможность закупать необходимое оружие в странах — членах Варшавского договора и в ряде арабских государств, оснащенных советским оружием, например, в Северном Йемене. Положение изменилось в результате вторжения иранских войск на территорию Ирака: вступили в силу обязательства Советского Союза по советско-иракскому Договору о дружбе и сотрудничестве от 1978 г., и СССР возобновил прямые поставки оружия в Ирак, как было определено довоенными контрактами. На вооружение иракской армии поступили новые танки и штурмовые истребители дальнего радиуса действия. Правда, поставлены они были в обстановке полной секретности, дабы не нарушить официальный советский статус невмешательства в ирано-иракский конфликт. В 1982—86 гг. Египет реэкспортировал в Ирак советское оружие на сумм 2 млрд. долларов. Начиная с 1983 г. СССР вновь превратился в крупнейшего поставщика оружия Ираку, который, в частности, получил самолеты МиГ-23 и МиГ-25, танки Т-72, ракеты класса "земля-воздух" и "земля-земля". По оценкам ЦРУ, в 1979-89 гг. Ирак получил оружие на общую сумм 17,6 млрд. долларов, тогда как Иран — лишь на 5,4 млрд. долларов, причем 2 млрд. из них были выплачены еще шахским правительством. Приведенная таблица показывает, что в качестве поставщиков оружия Ирану и Ираку выступали одни и те же страны, причем крупнейшим экспортером был Советский Союз, а крупнейшим импортером — Ирак.

К 1985 г. Ирану не оставалось ничего другого, как смириться с советскими поставками оружия Ираку и одновременно начать зондировать вопрос о прямых закупках оружия в СССР. Исходя из стратегической важности этого государства, советское правительство согласилось рассмотреть просьбу Ирана. Массированные бомбардировки иракской авиацией иранских городов весной 1985 г. показали, что Иран не в состоянии обеспечить воздушную оборону своих жизненно важных центров, поскольку не располагает ни необходимой для этого артиллерией, ни авиацией. При посредничестве Ливии Советский Союз продал Ирану некоторое количество ракет класса "земля-воздух", которые были позднее применены против иракских бомбардировщиков. Поставки в Иран шли также из стран — членов

Поставки оружия в ходе ирано-иракской войны 1979—83 гг. (в млрд. долл.)

Экспортер	Ирак	Иран
СССР	7,2	0,975
Франция	3,8	0,02
Великобритания	0,28	0,14
ФРГ	0,14	0,005
Италия	0,41	0,150
Китай	1,5	0,23
Польша	0,86	0,04
Чехословакия	0,04	—
США	—	1,2
Другие страны	3,0	2,6
Всего	17,23	5,36

Варшавского договора. Так, Польша и Чехословакия экспортировали зенитные установки, реактивные противотанковые гранатометы, запчасти к бронированным транспортным средствам. В июне 1984 г. стало известно, что Ирак получил от СССР ракеты класса "земля-воздух" АС-4 и АС-5 для оснащения ими бомбардировщиков Ту-22 и Ту-16. По неподтвержденным данным, Ирак получил также советские ракеты класса "земля-земля" СС-12. В 1986 г. Багдад получил 300 ракет класса "земля-земля" СС-21, которые были использованы при обстреле иранских городов в начале 1988 г.

Когда армия республики Чад атаковала в марте 1987 г. ливийский аэродром Уади-Дум, было захвачено большое количество военного оборудования, включая вертолеты Ми-25

Африка

Основными клиентами СССР в Африке являются Ангола и Эфиопия. Начиная с 1977 г. на долю последней приходится около половины всех поставок оружия из СССР в африканские страны, расположенные южнее пустыни Сахара. В середине 80-х годов Советский Союз усилил военную помощь правительствам Анголы, Эфиопии и Мозамбика, ведущим вооруженную борьбу против антикоммунистических партизанских группировок. В момент обострения гражданской войны в Эфиопии в 1985 г. ее правительству были поставлены бронетранспортеры, танки Т-55, самолеты МиГ-23. По некоторым оценкам, к 1989 г. СССР поставил Эфиопии оружие на сумму 5,6 млрд. долларов.

В 1983 г. СССР обещал оказать Анголе военную помощь на сумму 800 млн. долларов. Два года спустя туда были поставлены советские вертолеты Ми-17, самолеты Су-22 и МиГ-23, ракеты класса "земля-воздух" СА-13. Действия ангольской авиации, оснащенной советскими МИГами, до некоторой степени повлияли на решение ЮАР вывести свои войска из Анголы. Однако несмотря на то, что в мае-июне 1988 г. уже велись переговоры о мирном урегулировании конфликта, Куба продолжала поставлять в Анголу боеприпасы, танки Т-54, джипы и военные грузовики.

Мозамбику Советский Союз поставил оружие на сумму 1 млрд. долларов. В 1985 г. эта страна получила от СССР боевые вертолеты Ми-24, легкие танки ПТ-76, бронетранспортеры, артиллерийские орудия, многоствольные реактивные установки БМ-24, ракеты класса "земля-воздух" СА-3, минные тралы.

В начале 80-х гг. советская военная помощь на сумму 18 млн. долларов была оказана Республике Сейшельские острова.

В 1984 г. СССР поставил Мадагаскару оружие общей стоимостью 20 млн. долларов.

В 1980-85 гг. Алжир получил от Советского Союза оружие на 3,5 млрд. долларов.

Латинская Америка

Советские поставки оружия в страны Латинской Америки осуществляются главным образом через Кубу. Именно благодаря этим поставкам Куба оказалась в состоянии направить свои войска в Анголу и Эфиопию. С 1960 по 1986 гг. Куба получила из СССР оружие на сумму 6 млрд. долларов, заняв третье место (после Вьетнама и ГДР) в списке импортеров советского вооружения. Только в 1983 г. на вооружение кубинских войск поступили 10 самолетов МиГ-21 и МиГ-23, 22 вертолета Ми-17, Ми-14 и Ми-2, 30 ракет класса "земля-воздух" СА-3, 11 зенитных самоходных установок ЗСУ-23-4, 100 танков Т-62, 11 многоствольных реактивных установок БМ-21, 134 артиллерийских орудия. В 1985 г. доля Кубы в общем объеме советских военных поставок составила 5%.

Поставки советского оружия в Никарагуа приняли широкий размах сразу после захвата власти в Манагуа сандинистами из промарксистской партии СФНО. В 1983 г. через порты Коринто и Эль-Блаф в Никарагуа поступили 44 танка Т-55, 13 бронетранспортеров БТР-50 и БТР-60, 20 бронированных автомобилей, 150 артиллерийских орудий, 120 зенитных установок, 30 ракет класса "земля-воздух". В 1984 г. СССР поставил правительству в Манагуа 18 тысяч тонн различных видов оружия и боеприпасов, 6 вертолетов Ми-24, 150 танков. Размеры помощи продолжали расти. Так, в 1985 г. они достигли 13900 тонн, на сумму 115 млн. долларов, в 1986 г. — 23 тысяч тонн стоимостью 600 млн. долларов, причем никарагуанская армия получила 6 вертолетов Ми-24, 24 вертолета Ми-8, 4 транспортных самолета Ан-26, три сторожевых катера и 1200 транспортных средств. В 1987 г. сумма советской военной помощи Никарагуа составила 515 млн. долларов, а общий объем поставок достиг 2,3 млрд. долларов.

В мае 1989 г. Горбачев официально заявил о том, что с декабря 1988 г. поставки советского оружия в Никарагуа приостановлены. На самом же деле в первом квартале 1989 г. в Никарагуа поступило 27 партий военных грузов из стран — членов Варшавского договора на сумму 80 млн. долларов. Кроме того, Никарагуа продолжает получать советское оружие через Кубу.

Среди импортеров советского оружия в Латинской Америке следует также назвать Перу. Эта страна в 1973—85 гг. получила от СССР оружие на сумму 1,5 млрд. долларов.

В результате американского вторжения на Гренаду стало известно, что в 1980 г. Советский Союз обязался поставить этой стране оружие стоимостью в 6 млн. долларов. Роль посредника в этой сделке должна была играть Куба. Планировались также поставки оружия в 1981 и 1982 гг. на общую сумму 37 млн. долларов.

Азия

Азиатский континент также оказался для Советского Союза важным "рынком сбыта" оружия. СССР — основной поставщик оружия в Индию, которая получает от него, в частности, самолеты МИГ-27, танки Т-72, боевые машины пехоты БМП-2, ракеты класса "земля-земля", а также арендует ядерные подводные лодки класса "Чарли-1". В 1956—83 гг. Советский Союз поставил Индии оружие на сумму 10 млрд. долларов. Самые крупные сделки были заключены в 1980 г. — на 2,5 млрд. долларов и в 1982 г. — на 2,9 млрд. долларов. Кроме того, в Индии налажено лицензионное производство некоторых видов советского оружия.

Вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1978 г. и китайско-вьетнамская война 1979 г. открыли путь советским поставкам оружия в Индокитай. Благодаря советской военной помощи Вьетнаму удалось организовать и вооружить третью по величине армию в мире и оккупировать Лаос и Камбоджу. В 1982–86 гг. Вьетнам получил от СССР оружие на сумму 7 млрд. долларов. По оценкам экспертов НАТО, самые крупные поставки советского оружия во Вьетнам в размере 1,5 млрд. долларов были сделаны в 1979 г. в связи с началом военных действий на китайско-вьетнамской границе. В тот год на долю Вьетнама пришлось 43% общего объема советского экспорта оружия в страны, не входящие в организацию Варшавского договора.

В начале 80-х гг. военная помощь СССР Вьетнаму сократилась и составила в 1982 г. 4,4% общего объема советского экспорта оружия. (В 1980 г. — 6%.)

Оккупированной Вьетнамом Камбодже Советский Союз оказал в 1982 г. значительную экономическую и военную помощь, размеры которой составили 10 млн. долларов.

СССР посылает оружие и в Северную Корею. В 1985 г. КНДР получила от Советского Союза 46 самолетов МиГ-23, а в 1989 г. — различные системы вооружений.

Несмотря на вывод советских войск из Афганистана в феврале 1989 г., эта страна продолжает получать военную помощь из СССР. Поставки Кабулу многоствольных реактивных установок БМ-22, 152-миллиметровых самоходных пушек, танков Т-62 и ракет класса "земля-земля" СС-21 позволили афганскому правительству предотвратить опасное развитие событий и помешать отрядам муджахиддинов перейти от партизанских рейдов к организованным военным действиям. По официальным советским данным, война в Афганистане обошлась СССР в 70 млрд. долларов, однако данные о сумме, которую составляет прямая военная помощь этой стране, никогда не сообщались.

Цели, которых не удалось достичь

Несмотря на широкомасштабные поставки оружия в различные регионы мира, советскому правительству почти нигде не удалось изменить стратегический баланс сил в свою пользу. На Ближнем Востоке Сирия и Ливия по-прежнему остаются ненадежными союзниками-должниками. В Африке ни одному марксистскому правительству не удалось ликвидировать вооруженные группировки повстанцев. В Азии поддержка, оказанная СССР Вьетнаму, привела к осложнению и без того непростых отношений с Китаем. Что касается Латинской Америки, то поставки оружия на Кубу и в Никарагуа продолжают отягощать советско-американские отношения. В Персидском заливе, несмотря на поставки оружия обеим воюющим сторонам, советскому правительству не удалось укрепить собственные позиции и воспрепятствовать росту американского военного присутствия.

Сегодня совершенно очевидно, что стратегическая цель советского правительства — усилить собственное влияние в Третьем мире с помощью массированных поставок вооружений — не достигнута. Не достигнута потому, что большинство получателей советского оружия нуждается не в военной, а в экономической помощи. Но именно ее СССР попросту не в состоянии оказать. ●

Советская военная экономическая помощь Вьетнаму в 1978–82 гг. (в млн. долл.)

Год	Военные поставки	Эконом. и военная помощь
1978	190	690
1979	1500	2250
1980	280	1030
1981	331	1231
1982	302	1252
Всего	2603	7453

УХАБЫ СТАТИСТИКИ

1. ЦРУ врать не станет

Перспективы перестройки с самого начала расценивались по-разному. Оптимисты ожидали быстрых и решительных перемен к лучшему; пессимисты считали, что если изменения и произойдут, то процесс этот будет медленным и трудным. Однако еще два-три года назад вряд ли кто решился бы предсказать нынешнюю ситуацию: острый экономический кризис, поставивший страну на грань катастрофы. Естественно, что такое развитие событий привлекло внимание специалистов. На Западе появилось немало работ, посвященных состоянию советского хозяйства и оценке возможных вариантов развития. Особое место в этом ряду занимает труд "Советская экономика в 1988 году: Горбачев меняет курс. Доклад ЦРУ. 14 апреля 1989 г."

Этот доклад не является секретным. Его может получить любой человек, причем бесплатно, послав запрос в Объединенный экономический комитет Конгресса Соединенных Штатов. 30 страниц текста, 10 страниц таблиц и графиков. Оставив в стороне иронию, нужно признать, что работа представляет собой замечательно компактный свод данных, характеризующих многие стороны сегодняшней советской экономики в четких формулах. Доклад привлекает и отсутствием крайних мнений, сбалансированностью суждений. Чувствуется, что над сбором и обработкой информации трудился большой коллектив, и работали люди на совесть. Они не притворяются всезнайками и — где это необходимо — честно признают: данных по этому вопросу пока получить не удалось. Следует также отметить, что при всей документальной сухости доклада в нем ясно ощутима сочувственная интонация: составители явно желают успеха горбачевской перестройке и общего улучшения экономического положения в СССР.

Некоторые аспекты экономики представлены особенно наглядно. Так, между страницами 7 и 8 помещен график, показывающий отставание Советского Союза в ключевых сферах современной технологии: микрокомпьютеры — от четырех до десяти лет; мощные компьютеры — от 11 до 15; волоконная оптика — от 3 до 10 лет; интегральные схемы — 8—10 лет и т.д. На стр. 8 дана сводная таблица проводившихся Горбачевым реформ и предварительная оценка их выполнения. Мы узнаем, что при всех призывах к сокращению централизованного планирования 86% всех заказов, выполненных советскими предприятиями в 1988 году, были получены от Госплана, а не от других предприятий. В сфере реализации готовой продукции реформы дали еще меньший эффект: только 4% всей промышленной продукции было реализовано путем непосредственной торговли между предприятиями. Зарплата, оказывается, по-прежнему росла быстрее, чем производительность труда (7% против 5%). На стр. 26 приводится перечень главных направлений модернизации в сферах тяжелого машиностроения, строительства, пищевой промышленности, химической индустрии и пр. Но самое интересное, что из 44 объявленных направлений 28 так и остались загадкой: они не названы ни советскими органами печати, ни официальными лицами. Важное достоинство доклада — сжатость. Он рассчитан на американских политиков, которым некогда читать толстые тома. Естественно, что методика сбора экономических данных и их обработки остались за рамками отчета. В нескольких местах о каких-то цифрах сказано: "пока не удалось получить". "Ну, ничего, — думает читатель. — Потом получат и скорректируют. Наверное, ЦРУ знает что делает". Лишь из примечания на стр. 26 мы узнаем печальную правду: все основные цифры, все главные экономические показатели взяты составителями отчета — как это делалось испокон советского века — из советской статистики.

Встает вопрос, насколько же надежен этот источник.

2. Сколько сантиметров в одном рубле?

Попробуем представить себе гипотетический вариант: Госкомитет по статистике включился в кампанию гласности с такой страстью, что решил отказаться от искажения публикуемых данных. Может ли он это сделать?

В некоторых сферах — безусловно. В принципе можно подсчитать, сколько в стране было за год произведено яиц, молока, зерна, шерсти, хлопка и других сельскохозяйственных продуктов. Ибо здесь у нас есть единицы измерения: штуки, литры, тонны. По этим показателям данные Госкомитета показывают неуклонное снижение производства на протяжении последних трех лет (примерно 4% в год).

Другое дело промышленность. Здесь лишь выплавка стали, добыча угля, руды и нефти да, пожалуй, еще производство электроэнергии поддаются подсчету — в тоннах и киловаттах: недаром все советские газеты любят публиковать данные именно об этой продукции. Однако в развитом индустриальном обществе номенклатура изделий и услуг включает миллионы наименований. Чтобы составить какое-то представление о положении дел в этой — по сути основной — сфере экономики, надо перейти от штук, тонн и литров к иному измерителю, рублям. И тут выясняется, что советская (как и всякая антирыночная) экономическая структура начисто лишена этого важнейшего измерительного инструмента. Ибо там, где цены устанавливаются государственными организациями, а не складываются в ходе рыночной конкуренции, они по сути ничего не отражают. И, уж конечно, их нетрудно выстраивать в утешительные, бесконечно восходящие графики.

Ни Госкомитет, заразившийся вдруг повальной честностью, ни ЦРУ, разработавшее самые тонкие методы корректировки публикуемых данных, не могут оценить, сколько в действительности Советский Союз тратит на оборону, на образование, на медицину, на освоение космоса. Это примерно то же, что измерить резиновым, легко растягиваемым сантиметром поверхность Уральских гор. Единственная реальная величина, которая о чем-то свидетельствует, — рабочий час. Советское правительство ежедневно имеет в своем распоряжении примерно миллиард рабочих часов. Мы, однако, нигде не найдем данных о том, сколько человек у нас занято в оборонной промышленности, а сколько — в мирной. Но если бы даже такие данные вдруг появились, их можно было бы рассматривать как косвенное свидетельство некоторых тенденций, но и никак не более того, ибо артельный час никак не равен часу танкового завода.

Можно представить себе, что и во времена князя Владимира Красное Солнышко, еще до крещения Руси, русские люди путешествовали из Новгорода в Киев и верхами, и по воде, и в санях. Если бы их спросили, каково расстояние между двумя городами, они ответили бы: "Летом столько-то дней, а осенью, в распутицу — считай и вдвое выйдет, а зимой и вовсе можно застрять до весны". Измерить расстояние в верстах и километрах они не могли не потому, что были глупы или необразованны, а просто потому, что в стране не было развитой сети дорог. Притворяться же, что дороги существуют и длительность поездки можно измерять не переменчивым временем, а постоянными единицами скорости и длины, им не было смысла.

В ином положении советские экономисты и западные советологи. Десятки лет они делали вид, что социалистическая экономика поддается количественной оценке и может быть измерена и описана в рублях. Многим казалось, что если прекратить бессовестные приписки, раздувание отчетных цифр, хвастовство какими-то миллиардами сэкономленных рублей, то все станет на свои места и можно будет честно анализировать беды и проблемы многострадального советского хозяйства. Честные экономисты в СССР пытались умерить пыл партийных хвастунов, честные экономисты на Западе вводили коррективы в статистические отчеты. Но и тем, и другим признать принципиальную невозможность измерения советских экономических величин в

рублях означало бы расписаться в собственной ненужности. Можно ли такого требовать от человека?

Лишь в эпоху гласности мы услышали возмущенные голоса советских экономистов. Все теперь призывают к реформам, к возвращению рублю реальной стоимости, поговаривают даже о превращении его в конвертируемую валюту. Наконец-то вслух говорится то, что разумные люди знали давным-давно: до тех пор, пока в магазинах зерно продается по 40 копеек за килограмм, а рядом лежит хлеб по 15 копеек, все расчеты, анализы и исследования лишены смысла. До тех пор, пока официальный рубль стоит полтора доллара, а за реальный рубль дают не больше десяти центов, считать нам нечем. Мы вынуждены блуждать по ухабам социалистического бездорожья и никуда вывести страну не сможем.

Похоже, что при всей нынешней гласности никто не решается прямо сказать, что социалистическое планирование оказалось неизмеримо худшим регулятором экономики, чем проклятый рынок. Поэтому призывы к возрождению рынка обычно звучат в такой примерно форме: "Рынок необходим нам, чтобы получить настоящий инструмент обсчета нашего замечательного социалистического хозяйства, единицу измерения его достижений — твердый, неизменный, сам себе равный рубль".

Но возможно ли это?

3. Дашь рынок!

Горячий сторонник перестройки экономист Николай Шмелев, автор статьи в журнале "Знамя" (№ 1, 1989), уверенно заявляет: да, возрождение рынка возможно! "С чисто экономической точки зрения, — пишет он, — самоуправляемое, самоокупаемое и самофинансируемое предприятие может строить свою жизнь точно так же, на тех же самых основах, что и любое иное предприятие повсюду в мире". Шмелев выделяет три основных проблемы, которые следует решить.

Во-первых, создание экономического равновесия, когда объем производства товаров определялся бы реальным спросом, а не стремлением предприятий и министерств расти во что бы то ни стало. Во-вторых, необходимость коренных реформ в структуре ценообразования. В-третьих, оздоровление финансовой системы, то есть борьба с инфляцией рубля и с растущим дефицитом государственного бюджета, который уже сейчас превышает 100 миллиардов рублей.

Когда Леонардо да Винчи рисовал в альбоме эскизы летательных аппаратов и пытался строить модели, он, вероятно, представлял себе, какие материалы и инструменты требовались для воплощения в жизнь его конструкций. Беда состояла в том, что этих материалов и инструментов у него не было. Шмелев может быть умен, как Леонардо да Винчи, предлагаемые им хозяйственные схемы могут быть теоретически абсолютно правильными. Но и в этом случае остается главный вопрос: есть ли у него соответствующий человеческий материал и соответствующие социальные механизмы для осуществления поставленной задачи?

В полемическом запале Шмелев утверждает, что его оппонентами в ста случаях из ста движут "узкокорыстные, шкурнические интересы". Такой радикальный подход может лишь отпугнуть от него миллионы потенциальных союзников, людей, которые так же желают блага своему народу, но по-другому оценивают политико-социальную реальность сегодняшней России. Эти люди ясно предвидят, что на пути к священному Граалю рынка реформаторов ожидает множество опасностей. Остановимся на главных трудностях.

Трудность номер один — безработица. В принципе ограниченная безработица необходима для нормального функционирования рынка. Но в Советском Союзе сразу же возникнет массовая безработица. Куда денутся эти миллионы людей? В стране нет условий для свободного переезда в поисках работы. Прописка приковывает человека к месту. А чтобы уничтожить прописку, нужны излишки жилой площади.

Трудность номер два — регулирование рынка. Помнят ли сторонники реформ страшный кризис 1929—34 годов? А ведь он обрушился на общество с огромным опытом ведения рыночного хозяйства. После мирового экономического кризиса страны с рыночным хозяйством разработали и ввели в действие десятки регуляторов, позволяющих не доводить положение до критической точки. Есть ли в Советском Союзе знания и опыт, необходимые для преодоления кризисных ситуаций? Рыночная экономика требует множества вспомогательных структур: финансы, образование, система налогообложения, юридические институты — все должно быть подчинено сложной задаче регулирования рыночного механизма. Лозунг "любой нормальный человек знает, как вести себя на рынке" ничем не лучше лозунга "любая кухарка может управлять государством".

Семьдесят лет, в течение которых людям вбивали в голову, что торговать позорнее, чем красть или напиваться, не прошли бесследно. Шмелев и сам признает это: "Поделить, отнять у соседа, придушить того, кто высунулся, хорошо работал, что-то там накопил, — это для нас самое разлюбленное дело".

И здесь, конечно, таится трудность номер три. Честное соперничество на рынке, не переходящее в кровавую войну, возможно только при условии, что государству имеет мощную систему законов, регулирующих отношения между конкурирующими производителями. Даже Америке понадобилось немало лет для победы в борьбе с мафией. В России же едва появились жалкие ростки кооперативных предприятий, как на них обрушились хорошо оснащенные банды. Причем, похоже, не только с целью наживы, но и для уничтожения конкурента.

Наконец, Шмелев обходит стороной ключевой вопрос — вопрос о власти. От чего будет зависеть сохранение поста директором завода, ресторана, фабрики: от доходности предприятия или от расположения райкомовского начальства? Всякий здравомыслящий наблюдатель понимает, что райком не откажется во имя абстрактной рентабельности от реальной власти над людьми, от своего права назначать и смещать руководителей. И это трудность номер четыре, которая страшнее первых трех.

Подведем итоги. Да, страна пришла к пониманию того факта, что засилье административной системы довело народ до нищеты. Но это отнюдь не значит, что она созрела для быстрого и решительного перехода к рыночным отношениям. Понадобится, видимо, немало времени и большое искусство, чтобы осуществить такой переход плавно, без того революционного взрыва, который стране противопоказан. ●

НОВАЯ КНИГА

ВЕСТИ ИЗ СССР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF

HUMAN RIGHTS

Издательство "Страна и мир" выпускает два раза в месяц информационный бюллетень "Вести из СССР. Права человека". Бюллетень этот выходит с конца 1978 г.

Он ставит своей целью оперативно сообщать точную и подробную информацию о правозащитном движении в нашей стране, о национальных и религиозных движениях, о политических преследованиях, арестах и судах, о положении политзаключенных. В последнее время, с изменением политической ситуации в нашей стране, все больше и больше места в бюллетене занимает освещение деятельности неформальных объединений, политической оппозиции, ситуация в национальных республиках.

Бюллетень принципиально воздерживается от комментариев и оценок. Его цель — представить фактический материал, необходимый как для современников — участников событий, так и для историков. Более чем за десятилетие своего существования бюллетень приобрел репутацию наиболее систематического, точного и объективного информационного издания в области прав человека и политической оппозиции в Советском Союзе.

В связи с десятилетием бюллетеня, ранние выпуски которого давно уже стали библиографической редкостью, издательство "Страна и мир" предприняло факсимильное переиздание всех выпусков бюллетеня и именных указателей к нему за 1978—1988 г. Издание осуществлено в 4-х томах, общим объемом 1938 стр. Издательство предполагает выпускать такие сводные тома и в будущем.

Продажа осуществляется только полными комплектами. Стоимость всех 4-х томов — 100 н.м. Принимаются предварительные заказы. ●

Сергей ЛЁЗОВ (Москва)

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

*Философия — это усилие, связанное
с постоянной проверкой всех очевидностей*

Лешек Колаковский

*Ой, не надо "Скорой помощи!"
Дайте медленную помощь.*

Александр Галич

Словосочетание "правовое государство" оказалось ключевым термином при обсуждении нынешней реформы политико-правовой системы. В газетах появились рубрики "На пути к правовому государству", мелькают они на телевидении, по радио. Буквально на наших глазах эти слова становятся метафорой с произвольным смыслом. Так, этнолог Л.Н.Гумилев в интервью по поводу выхода своего труда "Этногенез и биосфера Земли" сказал: "Живая природа, частью коей мы являемся, — это "правовое государство", и человек не может в ней по своей прихоти отменить ни одно из вековых предписаний" ("Известия" от 23 июня 1989 г.). У читателя, стремящегося к точности словоупотребления, возникают в этой связи два вопроса: 1) Что значит "правовое государство" в той традиции, где это понятие возникло? 2) Для чего оно понадобилось советским реформаторам и что оно значит в контексте реформ?

1.

Знакомство с традицией о правовом государстве заставляет думать, что содержательное ядро этого понятия — вовсе не юридическое. Правда, в теоретической литературе можно встретить рассуждения о том, какими признаками "правовые" государства современности отличаются от "неправовых", но и здесь обычно предлагаются неинституционные критерии различения (см., напр., M.Mialle. Le retour de l'Etat de droit. P. 1987). Направление социальной мысли, известное в немецкоязычном регионе под названием "Ideologiekritik", показало, что понятие "правовое государство" не имеет научного содержания. Во всяком случае, без него вполне можно обойтись при классификации типов государственности.

В связи с Ideologiekritik имеет смысл вспомнить "чистое учение о праве" Ганса Кельзена, самого известного из теоретиков права нашего века и создателя едва ли не самой спорной правовой концепции современности. Кельзен привлекает страстной бескомпромиссностью, с которой он разоблачал "интересы, отличные от стремления к истине" (H.Kelsen. Reine Rechtslehre. Wien, 1960. S. 112), стоящие за различными политико-правовыми учениями. Вот что он писал о концепции правового государства: "Традиционная доктрина государства и права не может отказаться от теории самообязывания государства с присущим ей дуализмом государства и права. Ведь он, этот дуализм, выполняет чрезвычайно важную идеологическую функцию... Государство должно быть представлено как сущность, отличная от права, для того чтобы право могло оправдать создавшее его и "подчи-

няющееся” ему государство. А право может оправдывать государство лишь в том случае, если оно мыслится как некий порядок, противоположный исходной природе государства, то есть власти, и потому в каком-то смысле правильный и справедливый. Таким образом, государство из простого инструмента власти-насилия превращается в правовое государство, которое оправдано тем, что оно создает право. По мере того как религиозно-метафизическая легитимация государства оказывается неубедительной, эта теория правового государства должна стать единственно возможным его оправданием” (op. cit., S. 288).

И в самом деле, в центре любого размышления на интересующую нас тему оказывается вопрос о соотношении права и государства. Точнее, тут предлагаются различные способы противопоставить их, позволяющие обосновать самообязывание (или самоограничение) государства.

Кельзен определял государство как “относительно централизованный правопорядок”, и это отождествление государства и права позволило ему заключить: “Всякое государство есть правовое государство, а сам этот термин представляет собой плеоназм” (S. 314). Правопорядок Кельзен определял как социальный порядок принуждения, то есть нормативный порядок, который стремится вызвать определенное человеческое поведение, связывая с противоположным поведением социально организованный акт принуждения (санкцию).

Иконоборческий радикализм Кельзена радует своей последовательностью. Однако если рассматривать творчество Кельзена в свете нашего опыта, то можно заметить скорее черты сходства “чистого учения” с уличаемой им в идеологической ангажированности “традиционной теории” (к которой Кельзен относит чуть ли не все немецкие правовые учения конца XVIII – начала XX в., от “Метафизики нравов” Канта до исторической школы и правового позитивизма XIX в., недостаточно “очищенного” от реликтов естественноправовой мысли). Определение государства как централизованного нормативного порядка все же напоминает нам знаменитую формулу Канта: “Государство – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам”. Кельзен считал свое определение безоценочным и универсальным. И он был прав. Оно безоценочно и универсально *внутри* традиции западной социальной мысли, исходящей из определенного типа политической культуры. Но для нашей темы важнее то, что Кельзен, теоретическое мышление которого сформировалось в Австро-Венгрии перед Первой мировой войной, смог выделить в качестве главного и даже абсолютизировать *правовой* аспект государства. Для сравнения: советский политолог Ф.Бурлацкий вообще не употребил слово “право” в своем исходном определении государства, зато включил в это определение слова одного большевистского публициста: “Государство есть машина для угнетения одного класса другим” (см. “Философский энциклопедический словарь”, М. 1983 г., статья “Государство”). Сомневаясь, чтобы Ф.Бурлацкий стремился развить социалистическое понятие государства в противовес юридическому. Скорее здесь сказывается некий тип мысли и культуры, радикально отличный от европейской традиции, внутри которой возникла идея правового государства вместе с ее критиками.

Меня могут упрекнуть: зачем цепляться к казенному идеологу, разводить глубокую философию на мелких местах? В ответ я мог бы сказать, что не считаю эти места мелкими. Напротив, дело идет об основах мышления и самопонимания, которые складываются на протяжении жизни многих поколений. Их можно изучать не только по статьям Бурлацкого, но даже по уличным вывескам.

И все же с Кельзенем можно согласиться: при достаточно широком определении права всякое государство окажется правовым государством. (Скажем, право как наделение централизованной властной инстанции полномочиями на свободное осуществление власти можно противопоставить концепции права как нормативного порядка. В такой системе единственной общей нормой будет та, которая уполномочивает произвольные действия властной инстанции.) Это возвращает нас к пред-

ставлению, согласно которому в понятии "правовое государство" подразумевается не столько "право", сколько моральная "правильность" и справедливость (об этом упоминает и Кельзен). А это указывает на неюридическую природу понятия о правовом государстве.

Русский юрист С.Котляревский обосновывает такой подход к вопросу в своей книге о правовом государстве, опубликованной в 1915 г. Вот одно из его резюмирующих замечаний: "Правовое государство выражает только известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и деятельности. Правовое государство относится к миру идей, но идей неизменно осуществляющихся и преобразующих факты. Смысл его совершенно метаюридический, и юрист-догматик чистой воды имеет право им не интересоваться. Он справедливо чувствует, что начиная размышлять о правовом государстве, он принужден оказаться в подозрительной для него близости к моралисту, философу, историку – во всяком случае за пределами строгой юриспруденции" (С.Котляревский. "Власть и право". М. 1915, стр. 350).

Повсюду в истории политических идей мы видим поиски принципа, который должен ограничить власть-насилие. Своеобразие Запада лишь в том, что здесь политическая культура возложила функции такого принципа-ограничителя на право. Приведу для сравнения один пример: "Древнекитайская мысль исходила из логично обоснованного тезиса о том, что... тирании узурпатора или власти силы может быть противопоставлено только отеческое отношение мудрого правителя к народу" (Л.Васильев, в сб. "История политических и правовых учений. Древний мир". М. 1985, стр. 138).

Далее, в исторически сложившемся понятии "правовое государство" уже содержится отношение к государству как к злу (пусть и неизбежному) и вытекающее отсюда нравственное задание уменьшить это зло, смягчить его.

У Котляревского мы находим соответствующее стержневой европейской традиции трезвое отношение к государству, ясное понимание того, что его возможность творить добро гораздо меньше, чем свойственный ему потенциал зла: "Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости; справедливость должна быть восполнена деятельной благожелательностью, которая в известном смысле есть высшая справедливость, вытекающая из достоинства человеческой личности... Высшая ступень дает смысл низшей, объемлет ее. Но для общества невозможно непосредственно подняться на высшую ступень, и в этом основное оправдание государства правового... Правовое государство – это *преддверие*, так сказать, общежития, гармонирующего с духовными запросами человека... /Государство/ глубокими корнями связано со стихией насилия и эгоизма; лишь в известных пределах может в нем воплотиться верховенство права, в меньших – господство справедливости, а в еще меньших – справедливости высшей, расширенной до милосердия... Но если государство не есть земное божество Гегеля, то оно и не холодное чудовище, каким его увидел Ницше; оно – отражение всей человеческой природы – и в ее темных низах, и в обращенных к вечному свету ее вершинах" (op. cit. стр. 403–404).

Итак, европейская традиция, неотделимая от естественноправового учения, понимает под правовым государством в первую очередь не "верховенство права" (которое в массовом сознании превращается в "соблюдение законности"), а приближение общества к некоему идеалу, содержание которого может меняться. Мы видели, что слово "правовое" в этом термине соотносится не только с позитивным правом, но в еще большей степени с неформализованным представлением о справедливости и защищенности. Теперь, чтобы продолжить разбор понятия "правовое государство", надо ответить на вопрос: что означает "государство" внутри традиции о правовом государстве?

Прежде всего надо заметить, что рассматриваемая нами традиция ориентирует на тот тип властной организации человеческого общежития, который возник в

Европе Нового времени. Ни древневосточные империи, ни греческий полис, ни позднеантичный Рим, ни средневековые королевства не были государствами в том смысле, в каком это слово употребляется в составе термина "правовое государство".

Представление о государстве как о явлении, специфичном для Нового времени, опирается не на какую-то определенную историософию, а скорее представляет собой широко распространенное в современной европейской науке положение, разделяемое сторонниками различных школ, в том числе и некоторыми марксистами (и оспаривается это положение тоже с разных позиций). Так, испанский правовед и политический деятель Г.Песес-Барба Мартинес в своей написанной с марксистских позиций работе о происхождении теории прав человека замечает: "Государство — явление современной эпохи (в смысле "die Moderne". — С.Л.), хотя оно и усвоило отдельные идеи и институты античности и средневековья... Термин "государство" означает не всякую форму политической организации, а лишь ту, которая возникает в Новое время. К ее отличительным чертам относятся, в частности, суверенная власть, рациональность администрации, государственная собственность, постоянная армия, религиозный нейтралитет" (G.Peces-Barba Martinez. *Transito a la modernidad y derechos fundamentales*. Madrid, 1982, p. 31). Итальянский историк римского права Рикардо Орестано показывает, что применение термина "государство к условиям Древнего Рима мешает понять специфику изучаемых правовых отношений. Помехой становятся современные коннотации этого термина: "История не знает государства античного и государства современного, а только современное, потому что только к нему может относиться в техническом смысле наименование "государство" и то, что оно должно обозначать" (R.Orestano. *Il problema delle "persone giuridiche" in diritto romano*. Torino, 1968, p. 188).

Помня об этом, перейдем к содержательному определению понятия "государство", как оно используется в теоретической традиции о правовом государстве.

Самая общая формулировка будет звучать примерно так: государство — это политическая организация общества. Наличие выделенных общей теорией государства и права XIX в. признаков — территории и населения — здесь подразумевается. Понятие "политическая организация" будем считать (в соответствии с исследуемой традицией) тождественным понятию "публичная власть". Ю.Хабермас даже назвал государство "публичным пространством". В свою очередь, "публичная власть" означает систему публичного (прежде всего государственного, или конституционного) права. Таким образом, понятие права включено в понятие государства. (Здесь остается место и для кельзеновского "безоценочного" определения государства как относительно централизованного правопорядка.) Далее, из этого определения следует, что государство в новоевропейском смысле *предполагает* существование общества, которое предстоит политической организовать. Другими словами, общество — *предпосылка* государства. Например, абсолютистские государства Западной Европы XVII—XVIII вв. политически организовывали сословное общество, в котором уже было "третье сословие". Понятно, что "общество" обладает сложной и подвижной структурой. Кроме того, всякое общество в контексте изучаемой традиции — это "массовое общество".

Как раз эти признаки — собственная структура и массовый характер — подразумеваются в выражении "гражданское общество". Если принять, что государство — феномен Нового времени, то термин "гражданское общество" практически означает буржуазное общество. Таким образом, предикаты "массовое" и "гражданское" ("буржуазное") уже входят в содержание понятия "общество", как оно употребляется в теоретической традиции о правовом государстве.

Выражение "гражданское общество" (или просто "общество") стало одним из ключевых в русской публицистике последних лет. Здесь оно обладает несколькими связанными между собой значениями. Прежде всего, "общество" как сино-

ним "общественного мнения", то есть некой силы, от имени которой публицисты (как они считают) уполномочены что-то говорить, в особенности — предъявлять те или иные требования "властям". Далее, "общество" воспринимается как более или менее организованная политическая сила, противостоящая государству. Так, в одной недавней статье читаем: "В обществе, еще не успевшем осознать и воссоздать себя как гражданское — через систему демократических институтов, обусловленности обязанностей государства правами человека, независимости печати и т.д., — в нашем обществе все еще силен недуг отказа от самопознания" (Г.Гусейнов, Д.Драгунский. Национальный вопрос: попытка ответа. "Вопросы философии", 6, 1989, стр. 44). Осенью 1988 г. в большом собрании московских ученых-социологов говорилось о том, что "события в Армении надо интерпретировать как конфликт между гражданским обществом и государством".

Для понимания специфики разбираемой темы важно не упускать из виду одно обстоятельство, никем вроде бы не оспариваемое, но почему-то часто забываемое: демократические институты, позитивированные государственным законодательством права человека, свободная пресса и многое другое — это лишь поздние плоды "гражданского общества", но вовсе не его конститутивные признаки. Гражданское общество может существовать — и существует — без всяких этих признаков. Оно не может существовать лишь без пространства свободы — не духовной свободы, не мифической "тайной свободы", которую "пели мы вслед тебе", а свободы в самом элементарном смысле. Герой книги В.Гроссмана "Все течет" говорит о ней: "Я раньше думал, что свобода — это свобода слова, печати, совести. Но свобода — она вся жизнь всех людей, она вот: имеешь право сеять, что хочешь, шить ботинки, пальто, печь хлеб, который посеял, хочешь, продавай его или не продавай..." Пространство свободы — это прежде всего свобода собственности. Правовой институт частной собственности — единственный демократический институт, без которого не может существовать общество как самостоятельная величина, отличная от государства.

Итак, понятие гражданского общества подразумевает не "гражданственность", а буржуазность, то есть некоторую степень (потенциальной) экономической независимости человека от государства, возможность получать свой хлеб не из рук государства; возможность писателю — пописывать, читателю — почитать, возможность жить в мире, где все продается и покупается, а не распределяется государством по заслугам. Именно здесь начинается "пространство свободы", конститутивное для гражданского общества. Тут уместно привести мысль Канта о том, что активным гражданином "истинной республики" (или членом *societas civilis*) может быть лишь человек, обладающий, в частности, "атрибутом гражданской самостоятельности — быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам" Как известно, именно кантова философия права лежит в основе традиции о правовом государстве (Гоббс, Локк, Монтескье и Руссо были ее предтечами, в их творчестве разработаны необходимые компоненты будущего учения о правовом государстве, но как целостное интеллектуальное построение это учение оформилось у Канта, получив свое нынешнее имя еще позже — в трудах немецких правоведов первой половины XIX в.).

Конечно, и кантову философию права надо интерпретировать в свете нашего опыта. Так, Кант считал "активными гражданами" людей, состоящих на государственной службе, — рядом с "европейским столяром или кузнецом, которые могут публично выставлять на продажу изготовленные ими изделия" Естественно, это применимо лишь к описанному выше понятию государства.

Кантов критерий гражданской самостоятельности (по Канту, лишь активные, то есть экономически самостоятельные граждане должны обладать избирательным правом) уже предполагает существование рыночной экономики, основы гражданского общества. Государственные служащие (в частности, бюрократический аппарат, со-

ставляющий, согласно известному тезису Макса Вебера, один из конституционных признаков государства Нового времени) лишь приравниваются у Канта к изначально самостоятельным гражданам. И это приравнивание вполне оправдано, если исходить из определения государства как формы политической организации гражданского общества. Но рассуждения Канта лишаются смысла, если допустить, что государство само становится единственным работодателем.

Как известно, Кант был противником того, что теперь называют социальным государством. По его мнению, забота о благосостоянии граждан не должна входить в число юридических обязанностей государства, так как "счастье" (результат такой заботы) не может стать правовым (то есть всеобщим) принципом, поддающимся одинаковому применению. Ведь вся этика Канта (философия права составляет ее часть) — это поиск всеобщих и общеобязательных оснований для действия. Понятно, что такой подход к нравственности и праву соответствует всему стилю мышления Канта. Кроме того, Кант полагал, что возведенная в закон (то есть принудительная) благотворительность подразумевает деспотическое, патерналистское отношение государства к человеку.

Вероятно, было бы опрометчиво полностью редуцировать эти мысли Канта к их социальному контексту — к абсолютистскому государству эпохи "неразвитого капитализма" в Пруссии конца XVIII в. — и отрицать их релевантность для сегодняшней либеральной демократии, для "демократического и социального правового государства" (Основной Закон ФРГ). Современное социальное государство с его механизмами перераспределения благ и защиты аутсайдеров было бы немислимо без предварительного ничем не ограниченного развития рыночной экономики, то есть того самого "пространства свободы", которое составляет специфику гражданского общества. Моральная оправданность социального государства как проявления "институционализированной любви к ближнему" не вызывает сомнений. Однако ясно, что принцип "социальности" по природе своей гораздо ограниченнее принципа основанной на праве свободы. Соответственно, "классические" (то есть гражданские и политические) права человека имеют глубокое онтологическое (или философско-антропологическое) обоснование, которого нет у экономических и социальных прав. Идея социального государства — это корректив, пусть и принципиально важный.

Подведем итоги нашим рассуждениям, касающимся первого из предложенных в начале статьи вопросов: каково традиционное значение понятия "правовое государство"? Разумеется, я стараюсь учитывать лишь общие черты различных вариантов этой теоретической традиции и не углубляться в темы, составляющие и сейчас предмет споров.

Традиция о правовом государстве представляет собой череду непрекращающихся попыток совместить взаимосоключающие начала: автономии личности и внешний по отношению к человеку порядок принуждения (устанавливаемое государством право); "пространство свободы" и создаваемое властью "публичное пространство" (проблематика "государство и общество"); демократические ценности (законодательствующая воля большинства) и либеральные ценности, выразившиеся в классической концепции прав человека.

Конституционализм, теория и практика разделения властей, сочетание сложных систем представительной демократии с элементами непосредственной демократии, система политических партий — все это возникло на путях поиска синтеза или, точнее, подвижного равновесия этих начал.

Следовательно, институты современного западного государства и общества можно понять как обусловленные местом и временем рамки, внутри которых снова и снова ставится вопрос о форме сосуществования личности и публичной власти и даются (всякий раз предварительные) ответы на этот вопрос — основной вопрос традиции о правовом государстве.

2

Теперь я перехожу ко второму вопросу: как можно истолковать тот факт, что МГорбачев выдвинул в центр программы реформ политико-правовой системы именно словосочетание "правовое государство", — словосочетание, обладающее именно таким семантическим полем, которое я попытался описать в первой части статьи?

Летом 1986 г. в Москве на улице Горького висел огромный плакат: "ПЕРЕМЕНЫ НЕИЗБЕЖНЫ, ОНИ КОСНУТСЯ КАЖДОГО. МГОРБАЧЕВ". Время показало, что автор этих слов был прав. Понятно, что в наших условиях для проведения тотальной ("коснутся каждого") политической кампании необходимы удовлетворяющие определенным требованиям лозунги. Вдумываясь в семантику и прагматику лозунга "формирование социалистического правового государства", можно понять и характер этих требований, продвинувшись тем самым в попытке осмысления всей нашей проблематики.

Здесь поможет сравнение с эпохой Хрущева. Мне кажется, что "социалистическое правовое государство" Горбачева — функциональный аналог "коммунизма" Хрущева.

Рассмотрим черты сходства этих идеологических конструкций.

Если Программу КПСС 1961 г. и другие тексты того времени, упоминающие о построении коммунизма, рассматривать в их историческом контексте, то обнаруживается, что, вопреки ожиданиям, они не производят впечатления самодостаточной идеологической конструкции, не имеющей никакого отношения к реальности. В самом деле, между 1953 и 1961 годами уровень жизни в нашей стране повышался. После "сельскохозяйственного" Пленума ЦК КПСС в сентябре 1953 г. прекратилось более чем тридцатилетнее вымаривание деревни голодом: крестьянам разрешили заводить приусадебные хозяйства и скот, отменив "завышенные нормы поставок продуктов с приусадебного хозяйства" (потом сам же Хрущев все это порушил). Появились у нас и начатки социального обеспечения: в пятидесятые годы пенсии по старости для некоторых категорий работающих стали соизмеримы с прожиточным минимумом, и благодаря этому впервые возникла самая возможность "уйти на пенсию" (раньше и понятия такого не было). В сталинской Москве отдельные квартиры были главным образом у семей начальства, а Хрущев начал массовое жилищное строительство. Рабочий день был сокращен до 7 часов. Цены на предметы первой необходимости в пятидесятые годы почти не повышались, а минимальная зарплата росла. Словом, "оттепель" (то есть прекращение массовых репрессий и частичная десталинизация в идеологии) шла на фоне экономического подъема, который правительство использовало в целях социальной политики. (Противоположные тенденции, сказавшиеся, в частности, в денежной реформе и в повышении цен на пищевые продукты, стали явными лишь в последние годы правления Хрущева.)

На этом фоне нехитрый коммунизм Хрущева вовсе не казался чем-то ирреальным. Ведь подлинной точкой отсчета служил не "1913 год" советской пропаганды, а наши тридцатые-сороковые. "От каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Но "нынешнее поколение советских людей", которому предстояло жить при коммунизме, выросло в бараках, и не так уж велики были его потребности. "Хрущоба" вполне заменяла хрустальный дворец утопии.

В самом деле, в начале 60-х гг. молодые люди с техническим образованием строили графики экономического развития, беря за основу статистику нескольких предыдущих лет (было такое увлечение). И получалось, что, исходя из наличия уровня и заданных темпов роста, можно в указанные сроки достичь показателей, близких к тем, которые предполагались программой построения "материально-технической базы коммунизма". Показатели эти не были фантастически высокими. Коммунизм мыслился как гигантский, распространенный на все население, *специальный распределитель*. Все материальные блага окончательно изымаются из свободного

оборота и распределяются "по потребностям", то есть в соответствии с некоторыми нормами. Денег в этой ситуации действительно не нужно, и поэтому все станет бесплатным. Стилистически программа построения коммунизма полностью соответствовала ленинско-сталинскому волевому подходу к истории. "Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!" И в чисто экономическом плане эта программа была не более безнадежной, чем первый пятилетний план. В общем, нелепого и неосуществимого в ней было не больше и не меньше, чем во всех предыдущих хозяйственных начинаниях коммунистов. В конце концов нет ничего удивительного в том, что в окружении Хрущева не было специалистов по нашей "политической экономике", которые показали бы, что уменьшение темпов экономического роста, а затем и стагнация — неизбежны.

Лишь одна черта *сразу же* выдавала безумный характер всего замысла. Конечно, я имею в виду лозунг "догнать и перегнать Америку". (Это "догнать и перегнать" мыслилось как условие или необходимый признак построения коммунизма.) Встретившись в 1960 г. "лицом к лицу с Америкой", Н.С.Хрущев не понял, что основа ее экономического могущества не в "производстве чугуна и стали на душу населения в стране" и не в кукурузных полях, на которых он беседовал с американскими фермерами. Он не знал, что эту основу следует искать совсем на другом уровне.

Хрущев — пусть неверный, но сталинец, — мог бы взять и эту крепость и объявить свой малагабаритный коммунизм построенным. Но он, вероятно, не понимал, что его военно-феодалная империя, наша родина, живет в историческом времени, отличном от того, в котором существует современное индустриальное (теперь уже "постсовременное" и постиндустриальное) общество. Что лозунг "догнать и перегнать" бессмыслен даже на грамматическом уровне.

В чем сходство между программами "построения коммунизма" и "формирования социалистического правового государства"?

Во-первых, в том, что оба эти понятия использовались для политической мобилизации масс в период реформ. (Оба они, функционируя внутри известной идеологии, обозначают некое идеальное состояние социума, оказываются секулярными аналогами представления о царстве Божьем.)

И во-вторых, в том, что содержание обоих этих понятий подверглось радикальной редукции, когда они стали ключевыми терминами реальной политики. Мы уже видели, как это случилось с "коммунизмом".

Конечно, понятия "коммунизм" и "правовое государство" относятся к разным традициям социальной мысли Запада. Поэтому достойно внимания то обстоятельство, что Горбачев, в отличие от Хрущева, заимствовал ключевое слово своей программы из чужого словаря. Вот как воспринял это один советский правовед из поколения "ровесников Октября": "Без тени смущения сознаюсь, что первое печатное упоминание "социалистического правового государства" вызвало во мне чувство, близкое тому, которое испытал Робинзон Крузо, узрев на своем богоспасаемом острове след чужестранной человеческой ступни. И было отчего. Разве мы не писали о правовом государстве как об идеалистической концепции, бесцеремонно подменяющей... и т.п."

Но определенные навыки мышления устойчивее, чем его содержание. Соответственно, в Идеологии форма важнее и долговечнее смысла. Поэтому, включившись в ее строго организованное пространство, идея правового государства была ассимилирована, то есть формально уподоблена основному составу Идеологии. Понятно, что это ведет и к содержательной редукции.

Обратимся к документу, в котором дается наиболее полная официальная трактовка "социалистического правового государства", — к резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС "О правовой реформе". (Постановление Съезда народных депутатов СССР "Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР" не содержит новых положений на нашу тему.)

Резолюция использует гуманистические коннотации понятия "правовое государство", не давая, однако, его определения. Поиски элементов определения в тексте приводят к следующему результату: социалистическое правовое государство характеризуется тем, что в нем обеспечено "верховенство закона" и усилены "механизмы поддержания социалистического правопорядка на основе развития народовласти". Далее перечисляются направления правовой реформы: пересмотр законодательства, создание комитета конституционного надзора и т.д. Тут же встречаются фразы, не имеющие юридического смысла: "Следует повысить ответственность каждого гражданина перед своим трудовым коллективом, государством и обществом в целом". В праве вопрос об ответственности — это вопрос об установлении адресата санкции. Следовательно, ответственность нельзя ни повысить, ни понизить.

Наконец, вызывает сомнения осмысленность самого словосочетания "*социалистическое* правовое государство". Прилагательное "*социалистическое*" указывает здесь одновременно на господствующую в нашей стране форму собственности и на определенную идеологию. Но, как мы видели, идея правового государства неотъемлема от мировоззрения, исключающего эту идеологию. Более того, идея правового государства уже подразумевает частную собственность в качестве первичной и исходной. *Социальное* правовое государство остается, с марксистской точки зрения, *буржуазным* государством.

Но гораздо важнее то, что сама формулировка цели — "создание правового государства" (пусть даже без прилагательного "*социалистическое*") — возникла в полном отрыве от социальной реальности, "данной нам в ощущении". Это целеполагание основано на ложных предпосылках — точно так же, как поставленная Хрущевым цель "догнать и перегнать Америку".

Остановлюсь на главной из этих предпосылок. Юридическая публицистика исходит, как правило, из того, что у нас уже есть государство, а теперь посредством *юридических* реформ надо сделать его *правовым*. А ведь на свете существует лишь одна — западная — традиция о правовом государстве. Как я пытался показать, эта традиция оперирует понятием о государстве как о политической организации гражданского общества, о публичной власти. Мы видели, что идея права уже содержится в таком понятии государства.

Между тем фундаментальная особенность существующей в нашей стране организации власти — это ее подпольный, нелегальный характер. Отсутствует составляющее специфику современной государственности "публичное пространство". Все важнейшие решения (в первую очередь решения относительно того, кому, когда и как предстоит решать тот или иной вопрос) принимаются неформальной элитой, которую нельзя отождествлять с каким-либо "видимым" органом власти.

Я не могу до конца согласиться с известной концепцией "партократии", если эта концепция подразумевает, что верховная власть принадлежит Политбюро ЦК КПСС, где решения по важнейшим вопросам принимаются большинством голосов. Неприемлемо для последних десятилетий и представление о единоличной диктатуре Генерального секретаря. В обоих этих случаях наличествовал бы некоторый минимум если не публичности, то "прозрачности" власти. Некоторые авторы считают, что важнейшие решения принимаются в результате выработки консенсуса между "внутренней партией", КГБ и руководством "военно-промышленного комплекса" (именно поэтому КГБ и армия обычно имеют представителей в Политбюро).

Разумеется, эти разногласия интересны для нашей темы лишь потому, что они тоже свидетельствуют о подпольном, внерациональном и непредсказуемом характере власти. Надо добавить, что в период нынешних реформ этот непредсказуемый, неформальный характер власти усилился. В самом деле, можно ли достичь правового состояния на неправовых путях?

Таким образом, неверна предпосылка, согласно которой у нас *есть государство*, да еще и сильное (или всепроникающее, вездесущее и т.п.). Как справедливо заметил В.Нерсисянц, не следует путать этатизм с тоталитаризмом ("Вопросы философии", 2, 1989, стр. 11). Что же касается "гражданского общества" (в предложенной выше, да и в любой из существующих интерпретаций этого термина), то специальных доказательств его небытия в нашей стране, видимо, уже не требуется.

Стало быть, есть серьезные основания предполагать, что нынешний лозунг о "создании правового государства" стоит в одном смысловом ряду с "человеческим фактором", "социалистическим плюрализмом" и "приматом общечеловеческих ценностей". Само по себе неуклюжее строение этих политических неологизмов указывает на то, что перед нами попытка вместить в готовые идеологические формы новое содержание, заимствованное из западной гуманистической традиции. Но еще палестинские крестьяне эпохи римского принципата знали: "Никто не пришивает к старой одежде заплату из новой ткани: иначе новая заплатка оторвется от старой одежды, и прореха станет еще хуже. И никто не вливает молодое вино в старые мехи: иначе вино прорвет мехи — и вино вытечет, и мехи пропадут".

В конечном счете нет смысла доискиваться, когда рассуждения в этих терминах ведутся *bona fide*, а когда — из пропагандистских соображений. Ведь дело идет о судьбе нашей страны, оказавшейся в историческом тупике, быть может — на пороге новой катастрофы, которая "коснется каждого". И если в этой ситуации вообще оправдан анализ лозунгов, то можно сказать так: не надо красивых слов насчет "социалистического правового государства". Надо медленную помощь. Нужно *просто государство*, то есть следует "просто" вывести власть из подполья, придать ей публичный характер. Движение в этом направлении ("создание государства") привело бы к последовательному упразднению всех нелегальных структур нынешней политической организации. В частности, "создание государства" подразумевает освобождение власти от идеологии, то есть от всякой высшей легитимности в пользу простой легальности.

Читатель, вероятно, спросит: можно ли в политическом развитии весны—лета 1989 г. увидеть шаги в эту сторону? В самом деле, весенние выборы депутатов, затем Съезд и (в меньшей степени) создание правительства на сессии Верховного совета дали нам то, что можно расценить как первые попытки открытой политической борьбы (вместо подпольной аппаратной грызни) и публичного формирования государственной воли. Можно ли видеть во всем этом возникновение "публичного пространства"?

У меня нет готового ответа на этот вопрос. Можно было бы сказать: время покажет, — но я не уверен, что у реформаторов в запасе осталось много времени. Как бы то ни было, события тех же месяцев свидетельствуют, что реальная власть (полномочие принимать важнейшие решения) по-прежнему принадлежит неформальной элите. ●

Август 1989 г.

СВОБОДА КАК ВЫСШАЯ ИДЕЯ

Массовые кровопролития XX века вновь возродили к жизни почти забытую идею естественного закона и естественных прав. К этой идее вернулись философы самых разных направлений: от марксиста Эрнста Блоха до либерала Гильберта Райля. Блох в своей книге ратует за признание естественного закона. Предложенное Райлем понимание "законов" как "правомочий" настолько впечатляюще, что, по определению Д'Энтрева, теоретикам естественного закона на том свете остается только радоваться. Атлантическая хартия¹ и установленное нюрнбергскими процессами понятие "преступлений против человечества" — таковы первые примеры использования этих идей в реальной политике.

Первый пункт Всеобщей декларации прав человека (далее я буду называть ее просто Всеобщей декларацией), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. в качестве "общей нормы для всех народов и всех государств", гласит: "Люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах. Все они наделены разумом и совестью..." Таким образом, Всеобщая декларация принимает естественный закон как аксиому.

Разумеется, есть немало философов, решительно отвергающих возврат к естественному закону, который они считают безнадежно устаревшим и неприемлемым для современного мира. Например, Кроче счел первый проект Всеобщей декларации просто смехотворным и предостерегал его авторов от путаницы в философских послышках. Не подлежит сомнению, что основные теоретические положения естественного закона нуждаются в современном истолковании. Столь же несомненно, однако, и то, что естественный закон нельзя отвергать сходу хотя бы потому, что его "возрождение" отражает потребности последних 70 лет.

Собираясь предложить новую трактовку естественного закона и естественных прав, я начну с менее масштабной задачи — с краткого анализа разнородных прав, считающихся "универсальными правами человека".

Как известно, некоторые пункты в перечне прав человека, вошедшем во Всеобщую декларацию, вызвали особенно резкую критику, хотя потребность в таком перечне никем не оспаривалась. Кажется, наибольшие споры вызвало само деление прав на политические, с одной стороны, и социальные, экономические и культурные — с другой. Некоторые философы (Морис Кренстон, например) предлагали вообще исключить социальные, экономические и культурные права из Всеобщей декларации, поскольку они нарушают "чистоту" перечня. Эти рассуждения строились на том, что, в отличие от социальных, экономических и культурных прав, политические права являются нравственными обязанностями (в смысле кантовского категорического императива). Большинство философов отвергает подобную точку зрения, считая ее крайней, но признает, что обе эти группы прав имеют разное происхождение.

Чтобы подчеркнуть различие, предлагается определять политические права как именно "права", а социо-экономические и культурные — как требования. Другими словами, права-свободы определяются как "право действовать", а социальные — как "право получать". Этот принцип можно сформулировать и по-другому: политические права определить как право действовать против государства, все

¹ Декларация, подписанная президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем 14 августа 1941 г. и излагавшая послевоенные цели обоих правительств.

остальные — как право требовать чего-то от государства. Или политические права — это права, реализуемые немедленно, а все остальные — права, реализуемые постепенно, и т.д.

Однако, анализируя перечень прав человека, легко убедиться в том, что некоторые включенные в него права нельзя отнести не только к одной из этих групп, но и нельзя объединить в общую группу. Говоря точнее, их место в той или иной группе зависит от того, как их интерпретировать. Есть, конечно, права совершенно недвусмысленные — такие, как свобода совести, с одной стороны, и право на оплату ежегодного отпуска, с другой. Но это крайние случаи. Если присмотреться внимательнее, станет ясно, что внутри каждой из этих групп присутствуют совершенно различные права и требования. Скажем, право избирать и быть избранным относится к первой группе. Ясно, это что право действовать, но отнюдь не право действовать против государства. Свобода собраний относится к той же группе — это тоже право действовать, но одновременно это и право действовать против государства. Напротив, право убежища, входящее в ту же группу, существует в двух качествах: это и право получать, и право действовать против государства. Право на жизнь (одно из основных прав этой группы), ограждающее граждан от покушения на жизнь и от государственного террора, реализуется немедленно; однако в международных конфликтах оно может быть реализовано только постепенно.

Несмотря на всю эту неразбериху, деление прав на две группы оправдано с точки зрения политического выбора. Первая группа прав включает в себя более или менее полную сумму принципов либерального государства, вторая — принципы деспотического государства с его излишне детализированным законодательством. Дальше попробую доказать, что эти два варианта нельзя считать единственно возможными. Но даже если бы это и было так, ни один из этих вариантов нельзя вывести из логического или структурного анализа различных прав.

Если проанализировать текст Всеобщей декларации, станет понятно, почему сторонники идеи либерального государства были вынуждены разделить права в соответствии с их разнородной структурой. Сравним Всеобщую декларацию со знаменитыми декларациями XVIII века — с Декларацией независимости Соединенных Штатов и с Французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. Естественный закон и естественные права (хотя различие между ними четко и правильно сформулировано только в Декларации независимости) во всех трех декларациях приняты как аксиомы. Но аксиомы чего?

В декларациях XVIII века естественный закон и естественные права служат аксиомами действия, то есть они подтверждают содержащийся в декларации вывод. Суть этого вывода — действие. Само же действие является результатом восприятия законов природы и естественных прав как самоочевидных. Английская корона нарушила эти права, и поэтому Объединенные колонии провозгласили себя независимым государством — Соединенными Штатами. Именно естественный закон придает этому действию законный характер. Такова логика Декларации независимости.

Французская декларация утверждала, что все "беды" страны и "продажность" правительств проистекали из пренебрежения "неотъемлемыми" естественными правами граждан. Поэтому новая конституция не может не учитывать эти права. Перечень прав служил фундаментом позитивных законов, основанных на принципах общественного плюрализма. Именно поэтому Декларация провозглашала не только права человека, но и права гражданина.

Если аксиома естественного закона и естественных прав оправдывает некое действие, то само это действие в свою очередь определяет, какие именно права должны войти в конституцию. Чтобы провозгласить независимость Соединенных Штатов, достаточно было трех прав. Однако для создания новой конституции этого было мало. В обеих декларациях естественный закон и естественные права

служили универсальными политическими принципами. Предполагалось, что поскольку предпринятые на их основе действия согласуются с этими принципами, то и все дальнейшие действия не должны им противоречить. Таким образом, исходные политические принципы становятся мерилом законности любых политических действий.

Обратившись снова ко Всеобщей декларации, мы убедимся, что ее фундаментальная проблема не в том, что она включает разнородные права, а в том, что ее трудно назвать настоящей декларацией. В самом деле, хотя естественный закон и естественные права приняты здесь за аксиому, из этой аксиомы не следует никаких выводов, и никакие дальнейшие шаги на ней не базируются. Прежде всего из Декларации не вытекает следующий императив: поскольку данное основополагающее действие было предпринято в соответствии с естественными законами и правами, то и все дальнейшие действия должны предприниматься в соответствии с ними. Это обусловлено тем, что аксиомы естественных прав и естественного закона не играют во Всеобщей декларации роль универсальных политических принципов. Такая "ограниченность" связана с особой политической ситуацией, в которой создавался документ, и с компромиссами, на которые пришлось пойти его авторам. Не касаясь этих обстоятельств, попытаемся рассматривать Всеобщую декларацию с чисто теоретической точки зрения.

В декларациях XVIII века государство рассматривалось как единое "функционирующее" социальное существо, предпринимающее конкретные действия. Крайне маловероятно, чтобы в наше время все государства, объединившись, предприняли совместные действия в соответствии с некими универсальными политическими принципами. Но значит ли это, что в наши дни аксиомы естественного закона и естественных прав не могут служить универсальными политическими принципами вообще? Должны ли мы вновь с печалью констатировать, что всякий перечень прав и требований бесполезен, поскольку эти права, называемые "свободами", изо дня в день нарушаются в большинстве государств, а общий объем этих прав нигде не гарантируется?

В ходе дискуссии, связанной с разнородностью прав, вошедших во Всеобщую декларацию, предлагалось, чтобы политические права (свободы) понимались как права нравственные. Я согласна, что эти права имеют, среди прочего, и моральный подтекст. Более того, поскольку права не служат основанием для совместно предпринимаемых действий (как это было в декларациях XVIII века), то их в самом деле следует рассматривать не как универсальные политические принципы, а как моральные императивы, нравственные предпосылки политических действий.

Однако при простом перечислении прав от внимания наблюдателя ускользает один немаловажный факт. Дело в том, что нравственный подтекст прав со временем меняется так же, как меняется и нравственный смысл так называемых свобод. Да и сами права находятся в сложном отношении друг к другу: есть права основные и есть частные, вытекающие из основных. Только те права, которые находятся на верхушке иерархической лестницы, имеют абсолютную моральную ценность.

Насколько я знаю, единственным документом, создавшим абсолютно четкую иерархию прав, является Декларация независимости Соединенных Штатов, ибо в ней последовательно проведено различие между естественным законом и естественными правами, причем последние вытекают из первого. Декларация независимости рассуждает так поскольку люди рождаются свободными и в равной степени наделены разумом, их неотъемлемым правом является "право на Жизнь, свободу и поиски счастья". В качестве "самоочевидной" аксиомы выступает здесь положение о естественном законе: чтобы человеческие права считались неотъемлемыми, они должны следовать из этого закона.

Теперь коснемся философской путаницы, связанной с пониманием естественного закона. Чтобы принять свободу как аксиому всех человеческих прав за точку

отсчета, совсем не обязательно понимать теорию естественного закона так, как ее понимали в XVIII веке. Положение, что все люди рождаются свободными и в равной степени наделены разумом, выражает историческое сознание нашего времени. Даже признав это положение не онтологическим и согласившись, что оно недоказуемо, мы можем признать, что оно констатирует социальный факт: свобода в наше время – высшая ценность, высшая идея, а не одна из многих равнозначных ценностей.

Высшая идея – это ценность, антитеза которой (рабство, неволя) не может быть принята в наше время как альтернативная самостоятельная ценность. Это, разумеется, не значит, что нельзя предпринять действий, цель которых состояла бы в угнетении других (на практике это, увы, случается довольно часто). Это значит только, что действия такого рода не могут быть обоснованы и оправданы идеей угнетения. В древности, порабощая, угнетая или даже уничтожая целые народы, порабощатели называли вещи своими именами, ибо в те времена подавление или порабощение могло считаться даже добродетелью. Когда абсолютно то же самое делается в наши дни, это называется “освобождением” других народов, “дарованием им свободы” и пр., потому что порабощение и угнетение теперь уже не считаются добродетелью.

Идея свободы как высшей ценности никогда и никем не оспаривалась (исключение – 12 лет нацистского режима). Все философские учения со времен Декарта утверждают свободу как высшую ценность, хотя интерпретируют по-разному, часто в прямо противоположных смыслах. Все права человека и есть в сущности интерпретации высшей идеи свободы, но интерпретации особого рода. Эти интерпретации приобретают значение политических принципов в той мере, в какой они служат руководством для политических действий и могут быть проведены в жизнь в виде законов. К примеру, свободу выбора друзей можно без всяких оговорок соотносить с высшей идеей свободы, но она не может служить основой политических действий, и было бы бессмысленно придавать ей силу закона – поэтому она и не входит в перечень прав человека.

Поскольку все права человека являются только различными интерпретациями высшей идеи свободы, имеющими разный контекст и отражающими разные точки зрения, они не должны противоречить самой идее свободы. Нравственные постулаты, заложенные в разных правах человека, отражают лишь разные качества и аспекты свободы. Только сама свобода, “естественный закон”, является абсолютной моральной ценностью. Понять это нетрудно. Если у права есть нравственный подтекст, следовательно, оно подразумевает и обязанность. Существуют различные обязанности: например, обязанность избегать чего-либо, или обязанность не вмешиваться во что-либо, или обязанность поступать в соответствии с существующей системой ценностей. Абсолютную нравственную обязанность можно описать кантовской формулой “ты должен поступать так-то и так-то”. Ту же самую формулу можно применить и к свободе. Императив, гласящий, что вы должны поступать в соответствии с идеей свободы, обязывает вас уважать свободу других и не подавлять ее. В меньшей степени, однако, этот императив подразумевает вашу обязанность по отношению к вам самому. Вы должны вести себя как свободный человек: поскольку вы были рождены свободным и наделены разумом, вы несете ответственность за собственную свободу. В запретительной формулировке это будет звучать так: вы не должны позволять поработить себя, ибо вы должны уважать собственную свободу. Среди всех особых прав человека только у свободы совести тот же статус. Таким образом, “свобода совести” является не только одной из многих интерпретаций свободы, но ей присуща и самостоятельная внутренняя ценность. Всеобщая декларация совершенно справедливо провозглашает уже в первом параграфе, что “человеческие существа наделены разумом и совестью”. Помещение свободы совести в одну категорию с естественным законом абсолютно оправдано.

Все остальные права человека — и свободы, и так называемые социальные права — имеют другую природу. Скажем, свобода собраний и организаций вовсе не предполагает, что в собраниях или организациях должен участвовать каждый. Она имеет в виду, что люди могут принимать в них участие, если хотят, и не должны препятствовать в этом другим.

Нет необходимости объяснять, что если бы эти права подразумевали те же обязанности, что и свобода, они вступили бы с ней в противоречие. Если бы свобода собраний означала, что каждый человек должен участвовать в собраниях, людей нельзя было бы считать свободными. Если бы право на труд означало, что люди обязаны работать (независимо от того, хотят они или нет), они опять-таки не были бы свободными. В тех странах, где эти права понимаются как обязанности людей по отношению к ним самим (а не просто как обязанность уважать и обеспечивать свободу других) и где эта обязанность закреплена в законе, свободы нет, а есть тирания.

Самым веским доказательством того, что все права являются лишь интерпретациями свободы и должны быть внутренне связаны с идеей свободы, не противореча ей, является статус права на жизнь. Это право провозглашено во всех декларациях прав человека и обычно стоит там на первом месте. Оно подразумевает обязанность уважать право других людей на существование и требует введения позитивных законов, которые гарантировали бы жизнь гражданам страны, если только сами граждане не нарушают этих законов.

Совершенно ясно, однако, что право на жизнь перестает действовать во время войны. Обычно это оправдывается доводами в защиту высшей идеи свободы: вам приходится жертвовать жизнью во имя того, чтобы защитить свободу ваших сограждан, освободить другие народы от ига тирании или во имя еще чего-то. Соответствуют ли эти доводы действительным целям войны или служат лишь ее оправданием — вопрос в данном случае второстепенный, ибо я рассматриваю проблему лишь с точки зрения приоритета высшей идеи свободы по отношению ко всем другим правам. Право на жизнь всегда понималось в смысле абсолютного приоритета высшей идеи свободы. Это право можно сформулировать так: "вы имеете право жить, если хотите" (исключение — время войны). Я хочу обсудить следующее теоретическое предположение: все права могут стать противоречивыми, если интерпретировать их по-разному и если одна из интерпретаций будет противоречить высшей идее свободы. Но как это возможно, если сами права — всего лишь разные интерпретации высшей идеи свободы?

Я говорила, что не все интерпретации высшей идеи свободы входят (или могут войти) в перечень прав человека. Но перечень прав человека — структура динамичная, а не статичная, это прописная истина. В XVIII веке некоторые интерпретации высшей идеи свободы не обрели статуса прав человека, но обретают его в наши дни, потому что население данной страны хочет, чтобы эти интерпретации действовали как политические принципы и (или) желает, чтобы они стали законом.

Вырабатывая декларации прав человека, их авторы имели в виду социально-экономический строй, который они хотели бы установить, или какие-то действия, которые они хотели бы предпринять. И если люди постоянно требуют новых прав, это значит, что человеческие представления о социально-экономическом устройстве общества постоянно меняются и люди хотят делать то, чего никогда раньше не делали или делали очень редко. И те новые права, которых они требуют, и те, что уже есть, не должны противоречить высшей идее свободы. Однако определенные формулировки некоторых прав, которые раньше не противоречили свободе, теперь, вкупе с новыми правами, могут начать ей противоречить. К тому же, различные права, провозглашенные в одном и том же документе, тоже могут противоречить друг другу. Например, Всеобщая декларация утверждает, что "никто не может быть произвольно лишен собственности" ("произвольно" означает

здесь "незаконно"). Отсюда по сути дела следует, что любого человека можно лишить собственности по закону. Стало быть, уже в первом предложении параграфа, согласно которому каждый человек имеет право владеть имуществом, скрыто противоречие. Та же Декларация гласит, что каждый человек имеет право на труд и на обеспечение в случае потери работы. Но и здесь противоречие очевидно: если у каждого есть право на труд, то не может быть безработицы, и наоборот. Сталкиваясь с этими несообразностями и стремясь избежать противоречий, либералы предлагают исключить все социально-экономические и культурные права из перечня прав человека, ограничив его лишь политическими правами.

Я не могу согласиться с этим предложением по ряду причин. Во-первых, если ограничить перечень лишь "либеральными правами" (свободами), сам перечень станет четким отражением определенной политической системы. Между тем Всеобщая декларация рассчитана на все страны и народы. Ограничиться только политическими правами значило бы объявить одну политическую систему, либеральную, универсальной для всего человечества. А это противоречило бы высшей идее свободы в той из ее интерпретаций, согласно которой каждый народ вправе выбрать тот строй и ту социальную систему, которую пожелает.

Во-вторых, основной аргумент либералов, сводящийся к тому, что политические права не зависят от экономических ресурсов государства, тогда как социально-экономические и культурные права от них зависят, просто не соответствует истине. В обеих группах есть права, соблюдение которых не определяется уровнем благосостояния общества и не предполагает дополнительных расходов со стороны государства. В этом смысле политическое право уезжать из страны и социальное право на равные заработки за одну и ту же работу ничем друг от друга не отличаются.

С другой стороны, в обеих группах есть права, предполагающие дополнительные расходы со стороны государства или общества. Свобода вероисповедания, например, означает не только то, что граждан не могут преследовать за религиозные убеждения, но и то, что им должны быть гарантированы изначальные условия отправления религиозных культов (содержание святынь, строительство церквей и т.д.). Право на беспристрастное публичное судебное расследование, в котором обязательно входит гарантия профессиональной юридической помощи любому человеку, обвиняемому в преступлении, подразумевает такие же расходы, что и охрана здоровья населения (хотя доля населения, пользующаяся правом на юридическую защиту, не обязательно столь же велика). Разница тут количественная, а никак не качественная. Если же мы сопоставим это политическое право с еще одним социальным правом — скажем, на высшее образование (реализуемое в зависимости от индивидуальных способностей), то даже количественное различие окажется весьма сомнительным.

Третий аргумент против включения социально-экономических прав в Декларацию состоит в том, что эти права не являются универсальными. Например, оплата отпуска может быть правом только для того, кто живет на зарплату. Однако то же возражение справедливо и для некоторых политико-либеральных прав. Право на брак и семью не налагает обязанностей на тех, кто не состоит в браке и не собирается в него вступать; право на политическое убежище относится лишь к тем, кого преследуют за политические убеждения.

Говоря о свободе собраний и организаций, с одной стороны, и о праве на труд — с другой, я описала эти права формулой: "Я могу, если хочу". К тем правам, о которых только что сказано (независимо от того, являются они либерально-политическими или социально-экономическими), применима другая формула: "Я имею право делать то-то и то-то, если мне нужно и если я хочу". Например, я имею право на политическое убежище, если меня преследуют за политические убеждения. Другой пример: я имею право на материальное пособие от государства, если у меня есть дети и если я хочу его получать. Эти права, входящие в

две разные группы, можно описать иначе, изменив формулу таким образом, что ее последняя часть (мое желание воспользоваться правом) будет опущена. Например, если меня обвиняют в преступлении, я имею право считаться невиновным до тех пор, пока моя вина не будет доказана. Или: у меня есть те же права, что и у других детей, даже если я внебрачный ребенок.

Итак, очевидно, что ограничение перечня прав человека одними политическими правами вовсе не оправдано с точки зрения логики. А поскольку любой перечень прав человека подразумевает определенную социо-политическую систему, то перечень, содержащий одни лишь политические права, без социальных, будет отражать идею либерального капиталистического государства, а перечень, содержащий только социальные права без свобод, — идею деспотического государства с излишне детализированным законодательством.

Авторы Всеобщей декларации стремились избежать обеих крайностей. За это, увы, пришлось расплачиваться — платой стала непоследовательность декларации. Введя в перечень все права, которых когда-либо требовало человечество, авторы имели в виду не какую-то определенную социо-политическую систему, а комбинацию разных систем с ориентацией на демократическое и процветающее государство. Однако главная проблема состоит не в отдельных правах, а в их общем объеме. Всеобщей декларации пришлось отказаться от иерархии прав, ибо любая иерархия ориентировалась бы на определенный социо-политический строй.

Теоретически все предприятие с самого начала было обречено на провал. И не потому, что идея естественного закона устарела, и не потому, что в перечень были включены социально-экономические права. Суть именно в том, что не было создано иерархии прав.

Тем не менее я убеждена, что пренебрежительное отношение ко Всеобщей декларации неоправданно. Декларация была и поныне остается лучшим из возможных решений проблемы, поскольку права, содержащиеся в ней, действуют как моральные требования, как нравственные нормы, регулирующие поведение и взгляды людей. Всеобщая декларация оставляет место для любых политических решений проблемы, согласующихся с этими моральными требованиями. Ни один строй не может быть установлен на основе всех этих прав, и любое правительство может быть подвергнуто критике за то, что оно не соблюдает то или иное право.

Декларация выражает все мыслимые потребности человека в правах, но она не является перечнем прав, соблюдаемых повсеместно. Она — перечень моральных требований, лежащих в основе различных прав. Дело людей — бороться за то, чтобы права эти соблюдались без противоречий. "Без противоречий" — здесь означает, что ни одно право не должно противоречить высшей идее свободы, то есть "естественному закону", и что ни одна интерпретация свободы (фактические права) не должна противоречить другой в процессе реализации этих прав.

Повторяю, естественный закон, согласно которому все люди рождаются свободными и в равной степени наделены разумом, является источником всех прав. Отсюда, помимо прочего, следует, что каждый человек и каждый гражданин должен иметь право требовать новых прав и по-новому интерпретировать уже существующие. Там, где не обеспечиваются свободы, нет и прав. Утверждать, что социо-экономические и культурные права без политических прав несут в себе идею деспотического государства, значит выражаться слишком мягко, ибо экономические, социальные и культурные права сами по себе еще не являются правами. Они становятся правами только в сочетании со свободами.

На первый взгляд, это как будто подтверждает доводы либералов, ведь неоспоримо, что политические права являются подлинными правами даже при отсутствии социо-экономических и культурных прав. Однако я постараюсь доказать, что перечень, включающий одни только либеральные права, тоже вступает в противоречие с высшей идеей свободы, и что именно это противоречие есть источник всех теоретических проблем, с которыми приходится сталкиваться либералам,

когда речь заходит о социально-экономических и культурных правах. Противоречие это порождается всего одним, но зато фундаментальным политическим правом — правом собственности.

Противоречие между правом собственности и высшей идеей свободы (естественным законом) обычно не бросается в глаза. Однако в некоторых случаях оно становится вопиющим. Скажем, Давид Ричи приводит в пример конституцию штата Канзас 1857 г. Эта конституция, с одной стороны, провозглашала, что "Все люди по природе одинаково свободны и независимы", а с другой — что "Право работодателя на раба... — такое же право и столь же нерушимо, сколь и право на любую собственность". С вполне оправданным сарказмом Ричи добавляет, что "для того, чтобы разрешить спор между Биллем о правах и седьмым пунктом этой конституции, понадобилась гражданская война".

Обратимся к менее очевидному случаю. Французская декларация прав человека и гражданина (пункт XVII) гласит: "Право собственности свято и нерушимо; ни один человек не может быть лишен собственности за исключением тех случаев, когда этого требует общественная необходимость, установленная законом, и при условии справедливой компенсации". Всеобщая декларация формулирует право собственности сходным образом. Однако возможность конфискации имущества сформулирована здесь не как мера, направленная против личности, совершившей преступление, а против целых социальных классов (слоев), ибо в противном случае "справедливая компенсация" лишается смысла.

Право собственности подразумевает одно исключение. Если данное имущество принадлежит мне, это исключает возможность того, чтобы этим имуществом пользовались другие. Ясно, однако, что между ситуацией, когда другие не могут без моего согласия пользоваться моим имуществом, и случаем, когда другие люди (может быть, многие) не могут владеть таким же имуществом, что и я, есть существенная разница. Если, например, у меня есть платье, дом или машина, то, понятно, что другие не могут пользоваться этими вещами без моего согласия. Но это не мешает этим "другим" иметь платье, дом или машину. Иное дело, когда я владею заводом, который может действовать только при условии, что на нем работают сотни рабочих. Ясно, что эти рабочие, уже хотя бы в силу специфических взаимоотношений между работодателем и рабочим, не только не могут без моего согласия распорядиться моим заводом, но и вообще владеть каким-то заводом. Если бы у них был свой завод, они не стали бы работать на моем, и мой завод превратился бы в склад ненужного оборудования. Так исключается не только право пользования чужим имуществом, но и сама возможность владеть аналогичным имуществом.

Момент весьма существенный. Если интерпретировать право собственности только как недопущение того, чтобы другие пользовались имуществом, которое кому-то принадлежит, это не противоречит высшей идее свободы. Если же исключить саму возможность того, что многие другие (целые классы) могут владеть аналогичным имуществом, тогда право собственности будет этой идее противоречить.

Легко понять, почему так выходит. Как уже говорилось, все права можно описать следующими формулами: "Я могу, если хочу", "Я имею право (делать то-то и то-то), если мне нужно и если я хочу" и "Я имею право (делать или получать то-то и то-то), если мне нужно". Ни одна из этих формул не применима к праву собственности, если понимать это право как исключение возможности того, чтобы другие могли владеть аналогичным имуществом.

В самом деле. Сразу же отбросим последние две формулы, ибо речь идет не о том, в чем я нуждаюсь, а о том, что у меня есть. Остается рассмотреть лишь первую формулу: "Я могу, если хочу". Если кто-то, кроме меня, может владеть аналогичным имуществом, то формула "Я могу, если хочу" сохраняет свою действительность. Если же право собственности неизбежно создает ситуацию, когда

другие не могут владеть имуществом, аналогичным тому, которое принадлежит мне, формула "Я могу, если хочу" теряет смысл, ибо неизбежно найдется множество людей, которые не смогут, даже если захотят. В итоге право собственности не будет противоречить высшей идее свободы только в самоуправляемом обществе, при таком социальном строе, где никто не может быть лишен права владеть таким же имуществом, как и кто-то другой.

Обратимся теперь к проблеме конфискации имущества – возможность, которую допускают почти все декларации прав человека. Вряд ли можно спорить, что конфискация имущества государством противоречит высшей идее свободы, независимо от размера компенсации за это имущество. Если государство может конфисковать имущество, формула "Я могу, если хочу" перестает работать. Понятно, что цель такого ограничения свободы – скорректировать противоречие, состоящее в том, что право собственности исключает для многих людей возможность владения аналогичным имуществом.

Таким образом, получается, что конфискация имущества как-то способствует справедливому распределению в обществе. Если, однако, трактовать право собственности ограничительно, то в конфискации как средстве "выравнивания" не будет необходимости. В этом случае конфискацию имущества можно заменить общим управлением, что вполне согласуется с высшей идеей свободы.

Из сказанного следует, что право собственности – ахиллесова пята всех свобод в современном обществе. Это право не будет противоречить высшей идее свободы только в том случае, если толковать его в соответствии с идеей самоуправления общества. Более того, лишь при подобной интерпретации права собственности могут быть полностью реализованы все остальные свободы.

Известные доводы против придания свободам характера формальных норм как раз и основаны на справедливом соображении о специфической природе права собственности. Если такое право лишает других возможности владеть аналогичным имуществом, то оно придает лишь видимость законности власти богатых, оптимальным образом использующих свои привилегии, в то время как те, кто это право исключает, аналогичными привилегиями пользоваться не могут. Самоуправляемое общество уравнило бы возможности граждан в реализации свобод, не уничтожая формального характера прав, что вполне согласуется с идеей свободы. В этом случае и некоторые социальные права, требующие сейчас вмешательства государства (например, страхование на случай болезни или потери трудоспособности), можно было бы реализовать и без такого вмешательства. Если каждый человек станет хозяином, то пособие по безработице (по крайней мере, в его теперешнем виде) лишится смысла. Это пособие следовало бы тогда предоставлять только тем, кто не хочет владеть собственностью или работать, каковое нежелание тоже должно быть признано правом. Ведь право на владение собственностью является правом только в том случае, если его можно описать формулой "Я могу, если хочу", и никогда – формулой "Я должен", ибо последняя противоречит высшей идее свободы.

Резюмируя сказанное, мы приходим к выводу, что только в самоуправляемом обществе все права человека поддаются такой интерпретации, когда ни одно из этих прав не противоречит высшей идее свободы, то есть естественному закону. Правда, за одним исключением. Я имею в виду право, входящее во все декларации, – право на образование.

Честно сказать, я не представляю, как можно устранить противоречие между ним и высшей идеей свободы. Образование – право, но одновременно и обязанность, хотя бы когда речь идет о начальном образовании. Право на труд, свобода собраний и организаций, право собственности вообще не были бы правами, если бы труд, участие в организациях и собраниях, владение имуществом были обязательными.

Противоречие легко было бы разрешить, если бы право на образование касалось только высшей школы. Ясно, однако, что без обязательного начального образования не удастся создать даже минимальные предварительные условия реализации прав человека.

В попытке преодолеть это затруднение авторы Всеобщей декларации избрали неверный путь. В пункте 26 читаем: "Родители имеют преимущественное право выбирать, какое образование дать детям". В этой формулировке право явно противоречит высшей идее свободы, так как право выбора предоставляется не детям, а родителям, хотя речь идет об обучении именно детей.

Тенденция тут достаточно наглядна. В современном обществе все гражданские права в полном объеме предоставлены только взрослым. Это значит, например, что ни один человек младше 18, 21 или 24 лет (возрастной ценз зависит от законов страны) не может участвовать в выборах и быть избранным.

В классических декларациях XVIII века права человека действовали не только как моральные требования, но и как политические принципы, и разрабатывались эти декларации людьми, имевшими в виду определенное социально-политическое устройство общества. Права человека, как они изложены во Всеобщей декларации, не являются политическими принципами. Не являются потому, что в соответствии с ними не может быть совершено ни одно совместное действие, а сами эти принципы не отражают идеи какого-либо конкретного социально-политического строя. Следовательно, правильнее говорить не о правах, а всего лишь о нравственных требованиях. На мой взгляд, это обстоятельство нельзя считать недостатком Всеобщей декларации. Просто мы живем в мире, где права человека как правило не соблюдаются.

И последнее — по порядку, но не по важности. Я убеждена, что все права человека (за исключением права на обязательное начальное образование) не противоречат высшей идее свободы, то есть естественному закону, поскольку естественный закон является аксиомой, очевидной исходной точкой всего замысла. Разумеется, с той оговоркой, что право собственности следует интерпретировать как право, исключающее возможность пользования чужим имуществом, но ни в коем случае не владения аналогичным имуществом. Перечень прав человека в самоуправляемом обществе исключил бы и это противоречие. Более того, в этих условиях права человека снова могли бы стать политическими принципами, а не только нравственными требованиями.

Конечно, сейчас все это возможно только в теории. Но все классические декларации смогли реализовать эти права на практике только потому, что сначала эти идеи были разработаны теоретически. Без теории Локка о правах человека не было бы Декларации независимости, без работ Монтескье не было бы французской Декларации прав человека и гражданина. Будут ли политические принципы демократического самоуправляемого общества осуществлены на практике — вопрос открытый. Факт, однако, что эти принципы вообще не появятся, если вначале не будут осмыслены теоретически. ●

ВЕЛИКИЙ КИТАЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Статья вторая. НАЗАД ОТ РЫНКА

1. Заколдованный круг половинчатых реформ

В современном Китае рыночные отношения и частная собственность получили более широкое распространение в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Но, что еще важнее, рыночные отношения, основанные на частной собственности, действуют здесь главным образом в сфере обращения товаров, а не в сфере производства. Что касается рынка земли, то его практически не существует. Рынок рабочей силы крайне ограничен и несовершенен. Так, сельскохозяйственные рабочие могут перемещаться из чисто аграрных отраслей в промышленные отрасли на селе, но они не могут, по крайней мере легально, переходить на городские промышленные предприятия. Рабочие, занятые в промышленности по договорам, более мобильны, чем те, кто прикреплен к своим рабочим местам государственным бюро по трудоустройству. Однако именно последние составляют абсолютное большинство промышленных рабочих. Имеется также и что-то вроде остаточного рынка средств производства (рыночная продажа товаров производственного назначения). Рынки капиталов также очень неразвиты, а китайские финансовые биржи находятся в довольно жалком состоянии. Чрезвычайно ограниченная подвижность средств производства находится в противоречии с первым условием успешного функционирования рыночной системы. Эта ограниченность мешает, а то и делает вовсе невозможным быстрое перераспределение ресурсов в ответ на изменение спроса, усугубляет неравновесие между спросом и предложением, способствует росту инфляции, скрытой безработицы и поощряет низкую производительность труда. Условия функционирования свободного рынка также нарушаются централизованным нормированием основных средств и ресурсов. Хотя в настоящее время нормированием охвачено меньше товаров и услуг, чем в 1978 г., тем не менее их количество и стратегическое значение нарушают нормальное функционирование как остаточных "свободных" рынков на средства производства, так и других свободных рынков. В настоящее время 40% потребностей китайских промышленных предприятий в средствах производства обеспечиваются по коммерческим (хотя и политически зависимым) каналам; оставшиеся 60% обеспечиваются центральным государственным планом.

Хотя "раскрепощение" цен на отдельные виды продукции и имело место (опять же больше в сельском хозяйстве, чем в промышленности), этот процесс все-таки был неравномерным и плохо скоординированным. Взаимосвязь между ценами, включая взаимосвязь между ценами на товары и средства производства, либо недостаточно понимается, либо сознательно игнорируется. Раскрепощения системы ценообразования — в отличие от цен на отдельные товары — нет и в помине.

Для облегчения перехода к более свободной системе цен был введен двойной метод ценообразования, в соответствии с которым цены одних товаров и средств производства определяются планом (который не в состоянии учесть реальное соотношение между спросом и предложением), а других — несовершенными и расплывчатыми рыночными силами. Такой неудовлетворительный компромисс не улучшает, а

скорее искажает старую систему распределения средств и ресурсов в китайской экономике. Более того, эта искусственная гибридизация способствует появлению коррупции (кое-кто применил бы термин "скупка и перепродажа"), поскольку те руководители предприятий, у которых есть политические связи, получают дефицитные материалы, предназначенные в соответствии с планом для производства по низким государственным ценам и перепродают их фирмам, испытывающим материальный голод, по более высоким квази-рыночным ценам. У продающего есть "лишний товар", поскольку он обеспечил себе сверхплановые поставки от государства, завывив требования (с помощью министерских связей), или просто потому, что он недополнил государственный производственный план. "Поскольку государство осуществляет контроль за всеми видами сырья, на которые установлены твердые цены, руководители предприятий изыскивают любую возможность попасть "к мэру", а не "на рынок". Эта шизофреническая раздвоенность распространяется на цены как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции, на оплату рабочей силы (договорная зарплата в сравнении с плановой, основная зарплата в сравнении с зарплаткой по совместительству), на валюту и операции по обмену валюты. Всю эту разветвленную систему сжато описал западный экономист Бела Баласса: "Двухъярусная система сбыта и ценообразования расширяет свободу действий предприятия, но может оказать и отрицательное воздействие на народное хозяйство. Поскольку повышение квот на поставки сырья и материалов и снижение производственных заданий влияют на прибыль фирмы гораздо больше, нежели рост производительности труда и объема производства, грызня между руководителями предприятий — обычное дело. Не следует также думать, что прибыль при ценах, устанавливаемых при внеплановой продаже, представляет из себя общественную прибыль. Отчасти это происходит потому, что реальные цены отличаются от сбалансированных цен, которые действовали бы при отсутствии квот, отчасти же потому, что цены на капитал и рабочую силу не отражают соотношения спроса и предложения".

Таким образом, китайские рынки (где продается внеплановая продукция) являются в значительной мере рынками услуг, и "торговля" между покупателем и продавцом часто имеет политический контекст. Это не та "торговля", которую имел в виду Адам Смит.

Большинство китайских экономистов и многие руководители страны понимают, что "реформа ценообразования является ключом к осуществлению экономической реформы. Пока искаженная система цен в Китае не будет приведена в порядок, невозможно заложить прочное основание социалистического товарного хозяйства". Этому пониманию мешает, однако, опасение, что в условиях повышенного спроса свободное ценообразование приведет к резкому повышению цен, которое, в свою очередь, может вызвать волнения в стране. По словам одного обозревателя: "Реформу цен нельзя проводить поспешно и независимо от других реформ. Она требует благоприятных условий и согласования с другими реформами". Это отчасти напоминает движение по заколдованному кругу: "благоприятные условия" (равновесие спроса и предложения) не будут созданы, пока система цен продолжает оставаться нерациональной, негибкой и двухъярусной.

Четвертое условие — экономическое рациональное поведение покупателя и продавца — тоже не выполняется. Поведение покупателя и продавца в Китае, конечно, рационально в контексте нерациональной ситуации, которая сама по себе требует постоянно вести интенсивную политическую торговлю и оказывать услуги тем или иным вышестоящим бюрократам и "людям со связями". Все это можно назвать "социалистическим феодализмом", который нарушает взаимосвязь между частными и общественными интересами и дискредитирует понятие частной прибыли и предельной практичности. В связи с трудностями "раскрепощения" системы ценообразования, внимание сместилось (возможно, по замыслу некоторых сторонников реформ) в сторону политически менее взрывоопасной, но идеологически

щекотливой реформы собственности. Проблемы, вызванные чрезмерной национализацией, в Китае осознали уже давно, и, начиная с 1978 года, в стране осуществлялся перевод государственной собственности на кооперативные рельсы. Наряду с этим расширяется частная и различные формы смешанной собственности.

Некоторые китайские экономисты дают рационалистическое объяснение возвращению к частной собственности. Они подчеркивают, что это необходимо для расширения автономии предприятий. Выпуск и продажа акций пропагандируется как "восстановление индивидуальных прав трудящихся", как "законная" сделка в условиях социализма. Ведь акции продаются рабочим предприятий и широким слоям населения, а в современном Китае все население – трудящиеся! Кроме того, поскольку большинство выпускаемых акций скорее напоминают облигации, чем обычные акции, это позволяет обойти щекотливый вопрос о частной собственности.

Выпуск предприятиями акций и облигаций также аргументируется необходимостью борьбы с инфляцией. Подчеркивается, что это лучший способ переключить покупательную способность потенциальных потребителей на нужды производства. Более того, считается, что трудящиеся – совладельцы предприятия получают стимул работать больше и лучше. Это приведет к росту производства и производительности труда, к выравниванию спроса и предложения. И вот тогда-то можно будет раскрепостить систему ценообразования, не опасаясь общественных волнений.

Из китайских экономистов, поддерживающих эту идеологию, наибольшей известностью пользуется профессор экономики Пекинского университета Ли Инбин. Его доклад, призывающий к отсрочке реформы системы ценообразования на два года и к решительной либерализации права собственности, был опубликован в мае 1988 года. Развивая тезис о необходимости введения частнособственнических отношений в сельском хозяйстве, Ли заявил на конференции в Бэйдахе: "Крестьяне должны чувствовать, что земля принадлежит им. Сегодня они относятся к своей земле легкомысленно и мало делают для повышения ее плодородия. Они ведут себя так, будто не верят, что долго будут хозяевами своих участков". Ли утверждает, что крестьянским семьям необходимо предоставить юридическое право продавать и сдавать в аренду семейный участок.

Другие, как например Ву Цзинлянь, директор Исследовательского центра технологического и общественного развития при Госсовете, утверждают, что отсрочка либерализации системы ценообразования и дальнейшее существование двухъярусной системы грозит провалом всех попыток децентрализовать экономику. До тех пор, пока цены, так искажены, предоставление предприятиям более широкой свободы действий будет означать лишь то, что принимать нерациональные решения по распределению ресурсов будут не центральные органы планирования, а сами предприятия. Это приведет к еще большим потерям и укрепит позицию противников реформ. "Меня беспокоит, – говорит Ву, – что трудности Китая могут сыграть на руку наиболее осторожным специалистам в вопросах экономики. Если в течение нескольких последующих лет ситуация не изменится к лучшему, Китай разделит участь стран Восточной Европы, то есть окажется в ярме неэффективной, полуреформированной экономики".

Конкуренция – еще одно условие успешного функционирования рынка – также либо вообще не существует, либо существует в искаженном виде. Предоставление руководителям предприятий большей свободы в вопросах снабжения, сбыта, найма и оплаты рабочей силы и сохранения прибыли мало способствует повышению эффективности рынка, если предприятия остаются монополистами, будь то в масштабах всей страны или отдельных ее регионов.

На первый взгляд, структура промышленных предприятий Китая, с точки зрения их размеров, не представляет из себя проблемы. К примеру, доля крупных предприятий (более 243 человек) составляет здесь 0,6% по сравнению с 65% в Венгрии, а доля мелких (до 33 человек) – 59% по сравнению с 2% в той же Венгрии. Такое сравнение, однако, обманчиво. Китайские предприятия ключевых отраслей

промышленности остаются в подчинении центральных или провинциальных министерств, промышленных департаментов и "корпораций". Вследствие этого, все еще значительная доля их снабжения и сбыта прямо контролируется этими федеральными институтами. Эти органы правительственного надзора интерпретируют свое юридическое право собственности в отношении предприятий широко и в духе исключительности. Они оберегают "свои" предприятия от конкуренции со стороны фирм, находящихся в юрисдикции соперников, и раздают своим фаворитам привилегии без учета их производительности и общественной полезности. Часто фирмы, получающие привилегии, представляют из себя крупные предприятия с сильными активами, большим числом рабочих и хорошо развитой системой общественных связей. В условиях этих новых коммерческих отношений предприятия конкурируют не в смысле получения максимальной прибыли, а в смысле достижения максимальных показателей расхода средств и использования ресурсов. Это явление присуще любой частично реформированной социалистической экономике с центральной системой планирования. Некоторые китайские экономисты утверждают, что "при существующей структуре отмена контроля за ценами попросту означает, что государственная монополия станет монополией предприятий".

Эта тенденция к монополизации в последнее время усугубилась тенденцией китайских провинциальных властей к возведению разнообразных барьеров в торговле между провинциями и в перемещении производственных факторов (рабочая сила, капитал) с целью защиты местных предприятий и хозяйственных единиц. В результате того, что координация с помощью рыночного механизма или центрального плана отсутствует, такие барьеры в межрегиональной торговле, наряду со взаимно дублирующимися капиталовложениями, значительно сдерживают конкуренцию и мешают Китаю пожинать плоды межрегиональной специализации. От "конкуренции" в этих условиях осталось лишь соперничество между бюрократами-спекулянтами, стремящимися погреть руки на комбинации региональной монополии, двухъярусных цен и уже упомянутого отсутствия каких-либо механизмов примирения индивидуальных и общественных интересов.

Перемещение свободы действий из центра в провинцию не имело бы такого сильного негативного влияния на эффективность производства, если бы оно шло в направлении от центрального плана к рынку и от общественно-бюрократической собственности — к частной. В этом случае государство имело бы возможность воспользоваться макроэкономическими финансовыми рычагами для того, чтобы снизить опасность срывов на рынке и исправить недостатки рыночной системы. С другой стороны, чисто административная децентрализация аппарата центрального планирования без введения элементов рынка и частной собственности позволяет центральной власти быстро дать задний ход, как это неоднократно случалось в Советском Союзе. Ведь бюрократическая централизация хотя и сковала активность, но не уничтожила средства административного контроля, находящиеся в распоряжении центральных плановых органов. Там, где перемены в экономике находятся на промежуточной, неопределенной стадии, отсутствуют и эффективные рычаги, которыми центр смог бы воспользоваться при возникновении трудностей.

Ситуация усугубляется тем, что центральным планированием либо совсем не учитывается общественная инфраструктура, либо учитывается лишь частично. Как и в других социалистических странах, в Китае нет комплексной системы страхования на случай потери рабочего места — само существование безработицы в системе центрального планирования официально отрицается. Это вынуждает государство помогать предприятиям, оказавшимся в трудном положении (независимо от эффективности производства), во избежание общественных беспорядков из-за увольнения миллионов рабочих. В сущности, каждый трудовой коллектив выполняет функции социального обеспечения, предоставляя своим членам не только зарплату и надбавки (все еще в значительной мере зависящие от возраста), но и компонент зарплаты, соответствующий пособию по безработице: субсидированное жилье

и питание, условия для отдыха, медицинского обслуживания, ухода за детьми и т.д. Какими бы ни были достоинства такой коконоподобной системы, экономика платит за нее ограничением подвижности рабочей силы — даже если бы рабочим было разрешено менять место работы, они неохотно пользовались бы этим правом. Неудивительно, что китайские предприятия в условиях монополизации рынка, отсутствия угрозы банкротства, слабой конкуренции и необходимости выполнять благотворительные функции не являются образцом эффективности.

Во времена Мао и в первые годы правления Дэн Сяопина слабости экономической структуры можно было до какой-то степени преодолеть волевым решением, личной властью или престижем лидера, а до 1958 г. — партии. Но сегодня престиж партии и ее лидеров подорван. Экономические изменения не закреплены в соответствующих государственных институтах и не ассоциируются с деятельностью отдельного лидера. То, что несколько лет тому назад определили как экономический прагматизм и противопоставили сумасбродному спазматическому развитию эры Мао, сейчас похоже на метания в концептуальном вакууме. Короче говоря, шестое условие успешного функционирования рыночной системы — наличие эффективных механизмов управления с ориентацией на рынок — остается в современном Китае невыполненным.

2. По старинке — безопаснее

Реакция центральной власти на трудности, возникшие в последнее время, заключалась в стирании пыли с рычагов административного управления, в попытках "по-новому" использовать эти рычаги. Наиболее четко новый подход сформулировал бывший Генеральный секретарь партии Чжао Цзяян в своем докладе ЦК в сентябре 1988 г. "Внимание, — сказал он, — будет сосредоточено на том, чтобы свести к минимуму риск, связанный с осуществлением реформ". По словам Чжао, это означает совершенствование административного и центрального управления ("единого руководства центральной власти") и усиление контроля со стороны органов планирования. Вместо того, чтобы отстранить партию от руководства экономикой, на секретарей провинциальных партийных организаций возлагается отныне ответственность перед центральной властью за единое руководство экономикой. Таким образом, заключает Чжао, "необходимо укрепить ведущую, контрольную, центральную роль партии". Как, например, положить конец осаде сберегательных касс населением и панической скупке товаров? — спрашивает Чжао. "Выпустить циркуляр ЦК, распространить его в партийных организациях и мобилизовать всю партию на то, чтобы избавить население от дурных привычек". Проблему роста цен, социальной несправедливости и коррупции Чжао предлагает решить путем "массовой просветительной кампании". Ну а для осуществления макроконтроля Чжао рекомендует "всемерно использовать экономические, административные, юридические и дисциплинарные меры, а также проводить активную политическую и идеологическую работу". "В переходный период, — говорил бывший глава партии, — было бы неразумно преждевременно отказаться от административных методов. В противном случае последует экономический хаос". Хотя Чжао и утверждает, что "усиление административных мер должно способствовать проведению реформ, а не возврату к старой системе", его слова наводят на мысль именно о возможности такого возврата.

Как проводится в жизнь официальная точка зрения?

В отношении реформы ценообразования часто подчеркивается, что "ее не отменили, а лишь умерили". На практике это означает, что либерализацию системы цен отложили "примерно на пять лет". Вместо этого цены на основные виды продукции (продовольственное зерно, пищевые виды масел, хлопок, некоторые сельскохозяйственные продукты, сталь и т.д.) должны быть в административном порядке заморожены или же будут изменяться в соответствии с темпами роста,

устанавливаемыми государственным планом. Если, однако, рыночная ориентация системы цен будет отложена на пять лет или даже на два года — китайская экономическая реформа скорее всего впадет в коматозное состояние, из которого ей, вероятно, не выйти до конца жизни теперешнего руководства. Напомним, что в СССР проведение всеобщей либерализации системы цен откладывается "примерно на пять лет", начиная с 1950 года!

Показательным для преобладающей тенденции является заявление Чжао Цзыяна о том, что "в ближайшем будущем Китай не откажется от двухъярусной системы ценообразования". Экономисты школы Ли Иньина, выступающие за приоритет реформы собственности, согласны терпеть двойные цены до 2000 года, а возможно и дольше. Они полагают, что второй способ ценообразования с относительно свободными ценами представляет из себя форпост реформы на "вражеской территории", и его необходимо защищать, несмотря на недостатки двухъярусной системы в целом.

В целях охлаждения "перегретой" экономики и борьбы с инфляцией центральные власти прибегли к комбинации ограничительных экономических мер, рецентрализации политической власти и "демонтажа структуры" реформ. К этим мерам относится возврат к нормированию зерна, свинины, некоторых продуктов питания, химических удобрений, медикаментов и большинства видов сырья.

Для снижения промышленного роста до 8% в 1989 г. правительство предполагало сократить капиталовложения на 19%. Эти планы, естественно, являются лишь прикидочными и необязательно будут проведены в жизнь. Более того, они касаются капиталовложений, учитываемых планом, в то время как основной проблемой последнего десятилетия были вырвавшиеся из-под контроля промышленные и "непродуктивные" капиталовложения, не учитываемые планом и финансируемые за счет прибыли, оставшейся в распоряжении предприятий, за счет кредитов и крестьянских сбережений. Для обуздания такого "разгула капиталовложений" правительство приказало Центральному банку и всем банкам страны соблюдать установленные государством размеры займов. На самом же деле предоставление новых займов при отсутствии специального разрешения органов центрального планирования было временно запрещено.

Это замораживание не распространяется на займы в иностранной валюте, кредиты, предоставляемые для финансирования заграничных инвестиционных проектов или внешнеторговых операций, однако кредитное дело в этих областях тоже ощущает эффект ужесточения политики предоставления займов.

В соответствии с жесткими денежными ограничениями Центрального банка, местные и специализированные банки не только ограничили свою кредитную деятельность, но даже заблокировали изъятие вкладов предприятиями. Это стало причиной острой нехватки наличных средств, что нанесло удар по государственным сельскохозяйственным агентствам, которые сейчас вынуждены оплачивать свои закупки долговыми обязательствами, сумма которых уже составила 1 млрд. долларов. Воспользовавшись предоставленной им свободой действий, крестьяне быстро отреагировали на ситуацию, приостановив договорные поставки продукции государству, и перешли на производство товарных культур, которые можно выгодно продать на свободном рынке. Такое развитие событий заставило Китайский народный банк (Центральный банк) ослабить ограничения на предоставление кредитов Китайскому сельскохозяйственному банку — основному источнику кредитов для сельскохозяйственного сектора.

Вследствие этого антиреформистские элементы призвали к ликвидации городских продовольственных рынков и попытались преподать урок крестьянам, угрожая им коллективизацией. Слухи о коллективизации циркулировали в Китае уже на протяжении нескольких лет и способствовали тому, что многие крестьянские семьи неохотно вкладывали капитал в долгосрочные проекты развития своих хозяйств. Муссируется слух об объединении семейных земельных участков под кол-

лективной крышей. Рассматриваются также меры, способные заставить крестьян перейти от выращивания товарных культур к посевам зерновых. Все это происходит — хотя и неформально — под руководством усердствующих местных кадров, действующих, как им кажется, в соответствии с преобладающими политическими настроениями. Какими бы редкими не были подобные случаи социалистического рецидива в рыночно-частнособственническом эксперименте, — они должны служить предостережением тем западным обозревателям, которые утверждают, что изменения структуры собственности в сельском хозяйстве Китая, проведенные после 1978 г., уже необратимы.

Наложены административные ограничения на покупательную способность различных "общественных групп" — например, отделов государственных учреждений, школ, больниц, предприятий, "компаний", "корпораций" и армейских подразделений. По всей стране разсланы контролеры, изучающие учетные книги и накладывающие высокие штрафы каждый раз, когда замороженные банковские вклады той или иной организации оказываются истраченными. Среди крупных статей в списке расходов этих групп значатся предметы "роскоши" (например, автомобили), банкеты, поездки по якобы служебным делам и "непродуктивные" капиталовложения в строительство гостиниц, домов отдыха для партийных кадров, актовых залов и других мест "пролетарского развлечения". Процентные ставки на индивидуальные долгосрочные сберегательные вклады были повышены, однако они так слабо связаны с показателем розничных цен, что в действительности являются отрицательными. Процентные ставки были повышены с целью предотвратить штурм сберегательных касс в ожидании широкого повышения цен. И все же, несмотря на штурм сберкасс, объем и процентный рост индивидуальных сбережений в Китае (как и в Советском Союзе) остается относительно высоким. Это объясняется отсутствием или недостатком товаров и услуг в таком размере, такого их качества и ассортимента, как того требует потребитель. Процентные ставки на инвестиционные займы также были подняты, однако они остаются все еще слишком низкими, чтобы отбить охоту у учреждений брать ссуды на капиталовложения, осуществляемые вне государственного плана. Когда же манипуляции нерыночными процентными ставками не приводят к ожидаемым результатам, государство попросту прибегает к методам административного принуждения.

Реформа заработной платы — запланированный постепенный отход от системы фиксированной заработной платы советского типа, основанной на классификации труда, — была приостановлена.

И наконец, реформу политической системы, никогда не занимавшую первых мест в повестке дня, но с идеей которой носились в 1987 г. и в первой половине 1988 г., тоже отложили в долгий ящик, сделав ее, по крайней мере отчасти, жертвой экономического отступления.

Высказываются опасения по поводу того, какое отрицательное влияние на занятость может иметь это отступление. По официальным оценкам, уровень безработицы в 1989 г. возрастет до 3% по сравнению с 2% в 1988 г. По неофициальным данным, уровень безработицы достигал в 1988 г. почти 10%, причем скрытая безработица в городском государственном секторе находилась на уровне 20%. В результате замораживания капиталовложений к середине 1989 г. четверть всех рабочих, занятых в строительстве, могут оказаться без работы. Возможно, более всего пострадают мелкие и средние предприятия в сельской местности. Эти предприятия не обладают политической хваткой, необходимой в условиях полуреформированной экономики Китая для получения регулярных поставок дефицитного сырья и оборудования, а также для доступа к средствам транспорта и кредитам. Но ведь именно предприятия такого типа дают работу миллионам крестьян, отошедшим от земли в результате первоначальных успехов реформ на селе!

Наступление центральной власти и применение ею как административно-командных мер, так и "экономических" рычагов, с целью обеспечить приоритет своих

интересов наталкивается на сопротивление провинциальных бюрократов и руководителей предприятий в экономически более развитых провинциях, включая и Золотое побережье. Это сопротивление не обязательно направлено на защиту интересов рынка; оно прежде всего преследует местные интересы. В аморфной структуре китайской экономики это означает защиту всего уже имеющегося в наличии, независимо от реальных нужд потребителя и экономики в целом.

Сопротивление вмешательству центральных властей окажет сильное влияние на направление китайского экономического эксперимента в будущем. Оно может либо привести к большему ослаблению контроля со стороны центра, либо — что более вероятно — может заставить центральную власть применить полный набор репрессивных мер, включая аппарат полицейского насилия. Сохранение политического и экономического единства останется для центра первоочередной задачей, даже если за это придется платить эффективностью экономики.

3. Выбор, который неизбежно придется сделать

Экономические трудности Китая после 1978 г. не столь уж отличаются от трудностей, которые испытывает большинство развивающихся стран и некоторые промышленно развитые страны в нашем быстро меняющемся мире. Хотя инфляция в Китае и выражается трехзначной цифрой, она все же не столь высока, как в Аргентине, Югославии или в Никарагуа. Нищета в Китае, хотя все еще жестокая, — не такая безнадежная, как во многих других странах. В Китае, по крайней мере, нищета была осознана, и были приняты меры по борьбе с нею. То же можно сказать и о безработице, о перегреве экономики, о неэффективности финансовых и административных рычагов управления, о коррупции (которой не избежала даже чопорная и процветающая Япония) и о большинстве остальных недостатков. Так к чему же весь этот шум вокруг Китая?

Ответ, отчасти, заключается в том, что Китай находится на перепутье двух различных дорог. Стране как будто необходимо сделать выбор между плановой и рыночной системами, отвергнув любую иную альтернативу. На самом же деле все экономические системы являются "промежуточными". Одни совмещают преобладающие институты планирования и общественной собственности с вспомогательными элементами рынка и частной собственности, другие — преобладающие элементы рынка и частной собственности с вспомогательными элементами планирования и общественной собственности. Система первого типа представляет из себя административно-командную систему центрального планирования, второго — рыночную систему, основанную на конкуренции. Первой из этих систем присущи дефекты структуры (хронический дефицит потребительских и продовольственных товаров, чудовищная неэффективность, низкое качество и технологическая отсталость в гражданском секторе), невыносимость которых признается как населением, так и руководством. Выход из создавшейся ситуации, который — хотя и неохотно — соглашается коммунистическое руководство, заключается в экономической децентрализации, означающей сдвиг в сторону рыночной системы. Признание несостоятельности административно-командной экономики не означает, однако, что китайское руководство согласно на полный переход к рыночной системе, то есть к системе, в которой рынок и частная собственность являются преобладающими институтами, а механизмы административного типа и обобществление собственности — вспомогательными. Такой переход не только трансформировал бы экономические институты и социалистическую экономическую теорию и этику, но потребовал бы одновременного изменения политической системы и ее философского фундамента. Это привело бы к необходимости отказаться от марксизма-ленинизма на всех уровнях человеческого опыта, не ограничиваясь лишь осуждением сталинизма и маоизма, которые являются как

раз органическим воплощением марксизма-ленинизма, а вовсе не ошибками в "стиле работы".

Несмотря на оптимистические настроения в некоторых кругах на Западе, о такой революционной перемене концепции в Китае в настоящее время и в обозримом будущем не может быть и речи.

Таким образом, в процессе осуществления попыток справиться с трудностями, стоящими перед любой экономикой на пути к модернизации, перед Китаем встал вопрос о трансформации системы в целом, отказе от ее фундаментальных идеологических и политических начал. То, что в других странах означало бы спор по вопросу о технических средствах, в Китае быстро переросло в диспут о конечных целях — социалистическая система против капиталистической. При этом специфика китайских проблем в том, что после 1978 г. развитие рынка и частного сектора достигло здесь границы, за которой встает вопрос радикального изменения системы. Китай, грубо говоря, находится на распутье, когда необходимо сделать четкий выбор. И сделать его необходимо безотлагательно, ибо уже в конце 1987 — в начале 1988 гг. новые рыночные отношения были не в состоянии функционировать без расширения и координации рыночных институтов. Как сторонники реформ, так и их противники интуитивно (и, думаю, с полным основанием) восприняли дальнейшее расширение рыночных отношений как переход границы, разделяющей плановую и рыночную системы. В то же время институты центрального административно-командного планирования и обобществленной собственности оказались ослабленными административной децентрализацией и утратили значительную часть былого влияния.

Летом 1988 г. было принято решение (до сих пор оспариваемое) положить конец дальнейшему движению в сторону рыночной системы. Главным направлением стало с тех пор административное принуждение. Возрождение командного подхода наносит значительный ущерб хрупкому рыночному механизму, созданному в течение предшествующих 10 лет. Прикрываясь лозунгом защиты интересов городских рабочих от напасти инфляции, безработицы, несправедливого распределения доходов и коррупции, противники реформ критикует рыночные институты и дискредитируют идею рынка. Одновременно ужесточается политический и административный контроль над обществом.

Отход от рынка пока еще можно предотвратить, и экономика сможет продолжить свой путь к модернизации. Однако для этого необходимо, чтобы Китай принял решение в вопросе выбора системы. Придется отбросить иллюзии о том, что хронический дефицит, неэффективность и низкое качество товаров и услуг можно искоренить полумерами. Путь к рыночной системе придется пройти до конца — без каких-либо "если" или "но". Для этого потребуется быстрое раскрепощение системы цен, ликвидация монополий, отмена нормирования материалов, значительное расширение сферы частной собственности, а также готовность к болезненным явлениям. Экономические по форме и содержанию, эти требования также, а может быть и главным образом, ставят вопрос о политической выдержке руководителей страны. Впрочем, у них нет выбора, — если процесс модернизации будет приостановлен, а движение назад от рынка продолжится, экономика страны снова скатится к административно-командному управлению, не преодолев дефицита, убыточности, технологической отсталости. Китай вернется к печальной памяти временам Мао Цзедуна.

ЦЕНзуРА

Личные соображения

Автор этой статьи Майкл Скеммел с 1971 по 1980 гг. был редактором журнала "Index on Censorship", в настоящее время — профессор русской литературы Корнельского университета. Скеммел — автор известной книги "Солженицын. Биография" (Лондон, 1984). Статья печатается с небольшими сокращениями.

Слово "цензура", ставшее в наше время одним из самых распространенных, с трудом поддается определению. Согласно Бернарду Шоу, высшей формой цензуры является физическое уничтожение, и подтверждений этому в наши дни куда больше, чем в его время. Другая крайность — утверждение, что всякое редактирование — это тоже цензура, и автор, подлаживающийся под вкусы определенного круга читателей, занимается самоцензурой. Конечно, в обоих этих толкованиях есть доля правды. Но при таком подходе диапазон определений цензуры становится настолько широким, что только сбивает с толку.

Одна из причин этих трудностей в том, что "цензура" принадлежит к той категории слов, которые определяют вроде бы простые, но в действительности наиболее сложные социальные механизмы, вызывающие горячие споры в современной политической жизни. Именно поэтому смысл этого понятия нередко искажался и заменялся лозунгами. У очень многих людей слово "цензура" вызывает отрицательную реакцию, они решительно высказываются против ее применения. Тот же, кто вынужден ее оправдывать, чувствует себя очень неловко.

Так было, однако, не всегда. Свое существование цензура начала как признанный атрибут мудрого правления и считалась таковой свыше тысячи лет. Даже и сегодня некоторые виды цензуры широко применяются в нашей жизни и пользуются признанием, которое никак не соответствует злой репутации этого термина. Чтобы понять, в чем тут дело, нужно разобраться, почему цензура утратила свое положительное значение и превратилась в зло, и оценить механизмы, утверждающие цензуру в современном мире.

1. Происхождение

Интересно, что ни Оксфордский словарь английского языка, ни Новый международный словарь Вебстера (стандартное американское издание) не дают достаточно четкого определения этого понятия. В Оксфордском — слово "цензура" вообще отсутствует. Уже одно это показывает, насколько вся концепция цензуры далека от англо-саксонского сознания.

Слово "цензор" в Оксфордском словаре представлено куда лучше. Тут приведены три вполне конкретных определения и еще четвертое, несколько специфическое. 1. Один из магистратов в Древнем Риме, который занимался переписью населения и другими подобного рода делами и осуществлял надзор над общественной моралью. 2. Должностное лицо, в обязанности которого входит проверка книг, журналов, пьес и т.д. до их издания, дабы определить, не содержат ли они в себе чего-то аморального и еретического, а также чего-либо порочащего государственную власть или наносящего ей вред. 3. Тот, кто проверяет личную корреспонденцию (например, в военное время). 4. Душевные силы, подавляющие некоторые элементы подсознания.

Приняв эти определения за исходные, мы обнаружим, что регулярное использование цензуры началось еще в Древнем Риме, где в функции цензора входил "надзор за общественной моралью". Римляне не усматривали никакого противоречия в том, что официальные лица, в чьи обязанности входило определение места проживания и доходов людей в целях сбора налогов, должны были заботиться и об их нравственности. Они, очевидно, были уверены, что это тоже входит в круг обязанностей государства.

Второе определение подводит нас к сути вопроса в его современном понимании, ибо включает все элементы того, что мы привыкли понимать под развитой системой цензуры. Оно характеризует как объекты цензуры (книги, журналы, пьесы и т.д.), так и роль цензора — блюстителя общественной морали, защитника от ереси и всего, что может нанести вред государству. Разгадка тому, что произошло после римлян, как раз и следует искать в понятии "ересь". Это слово сразу же переносит нас в христианство, во времена усиления влияния Церкви, с расцветом и закатом которой связана история цензуры в Европе.

Сама Церковь в ранний период своего существования перенесла преследования и гонения — обстоятельство, оказавшее сильнейшее влияние на все ее будущее развитие. Утвердившись как государственная религия Рима, Церковь стала укреплять свои позиции, подавляя всяческое инакомыслие. Инакомыслие было объявлено ересью (любопытно, что и в латыни, и в английском слово "ересь" происходит от греческого "выбор"). Помимо всего прочего, что означало строгий контроль над распространением и интерпретацией Священного Писания, что, естественно, влекло за собой введение цензуры.

В Средние века особой сложностью это не представляло. "Книги" переписывались вручную, трудоемкую и кропотливую эту работу выполняло небольшое число посвященных. Поэтому даже после введения инквизиции (в XIII в.) цензура не была ее главной заботой. Положение изменилось лишь в середине XV в., когда Гутенберг изобрел печатный станок. В изготовлении и распространении книг произошла подлинная революция. "Выбор" стал возможен в масштабах, о которых нельзя было мечтать. С этого момента "выбор" и был приравнен к ереси.

Через каких-то 35 лет после изобретения печатного станка (в 1486 г.) архиепископ Майнца (где жил и работал Гутенберг) основал первую мирскую цензурную службу. В 1493 г. возродившаяся в Венеции инквизиция подготовила первый список книг, запрещенных Церковью, а в 1501 г. Папа Римский попытался ввести цензуру во всем христианском мире. Первая попытка оказалась безуспешной. Однако 50 лет спустя, в 1559 г., один из его преемников создал Index Librorum Prohibitorum (Список запрещенных книг), который стал обязательным для всех католиков (то есть всего населения Европы за исключением Англии). Власть инквизиции, добивавшейся строгого соблюдения этого списка, просуществовала во Франции до 1774 г., а в Испании до 1834 г. Впрочем, для католиков список сохраняет свое значение и по сей день. Правда, в наше время он носит чисто консультативный характер.

2. Церковь и государство

Церковь была главной, но не единственной силой, заинтересованной в создании европейской цензуры. Недопущение "высказываний, наносящих вред государственной власти", всегда входило в обязанности цензора. Многие века Церковь и государство были связаны настолько тесно, что любая клевета на Церковь автоматически считалась клеветой на государственную власть, и наоборот. Только с началом процесса отделения Церкви от государства задачи цензуры стали меняться.

Кажется, что упадок влияния Церкви должен был привести к ослаблению цензуры. Все, однако, оказалось гораздо сложнее. Новые светские государства охотно

заимствовали у Церкви это ее изобретение. Генрих Восьмой, первый монарх, полностью порвавший с Римом, издал официальный список запрещенных книг уже в 1529 г., за 30 лет до того, как был составлен римский католический список. Знаменитая франкфуртская книжная ярмарка, основанная в конце XV века, была практически задушена цензурой.

Тем не менее удар, нанесенный Римской церкви Генрихом Восьмым, и последовавшая за тем Реформация, изменили отношение к цензуре. Ведь изначально авторитет цензуры опирался на то, что ее рассматривали как инструмент внедрения абсолютной истины. Когда же возникло несколько истин, у людей появилась "ересь" выбора. Джинна выпустили из бутылки, и никакими силами его уже нельзя было загнать обратно.

Какое-то время, пока Англия и англиканская церковь ощущали угрозу Рима и католических сил на континенте, у них были основания сохранять цензуру. Однако, когда опасность миновала, цензура утратила хотя бы видимость смысла. Но избавиться от цензуры оказалось совсем не так просто. Правительства ревниво относятся к своим прерогативам и не расстаются с ними не без боя.

Решающее сражение произошло в XVII веке. В тот период главным орудием цензуры был Закон о лицензиях (The Licensing Law), введенный "для предотвращения злоупотреблений в печати, то есть публикации бунтарских, изменнических и недозволенных памфлетов, а также контроля книгопечатания и печатных станков". В 1644 г. Джон Мильтон опубликовал свое эссе "Agraphica", первый, до сих пор сохраняющий свое значение трактат против цензуры. В трактате изложены аргументы, многие из которых и сейчас используют для борьбы с цензурой: "Правде, чтобы она восторжествовала, не нужны лицензии! Бывало ли так, чтобы правда потерпела поражение в свободной и открытой схватке?"

Мильтон был глубоко религиозным человеком, но пуританином, а значит, находился в конфликте с англиканской церковью. Если первые христианские мыслители опирались на религию для обоснования цензуры, то Милтон апеллировал к религии, добиваясь отмены цензуры: "Убийство книги – то же, что убийство человека. Убивающий человека убивает разумное существо, но тот, кто убивает книгу, убивает разум, сам образ Божий". Мильтон понимал, что сектантам, если они хотят сохранить надежду на пропаганду своих взглядов, необходима свобода обмена мыслями и идеями.

Отметим, что в начале эссе Мильтона не вызвало особой реакции. Но позднее, в конце XVII в., когда дебаты о цензуре стали центром политической борьбы, его аргументы были подхвачены множеством памфлетистов. Движимые не столь возвышенными побуждениями, они тем не менее достигли того, что самому Мильтону не удалось. В 1695 г. Закон о лицензиях был отменен.

Примерно так же развивались события в Голландии, где реформация была столь же влиятельна. Однако во Франции и Германии борьба была долгой и трудной. В XVIII в. с усилением абсолютизма короли и правительства делали все, чтобы подавить свободы. Французская революция 1789 г. ненадолго изменила эту тенденцию. Декларация прав человека воспекает свободу "слова, мысли и самовыражения" языком, очень схожим с мильтоновским. Однако после поражения революции цензура была введена вновь. Меттерних предложил даже план, согласно которому Германия и Австрия должны были ввести централизованную систему цензуры, которая распространила бы государственный контроль на всю немецкоязычную печать. К счастью, этот план никогда не был реализован, и в 1848 г. цензура в Германии была официально отменена. В 1872 г. этому примеру последовала Франция.

Стоит подчеркнуть роль, которую сыграли в истории цензуры Соединенные Штаты. Отцы – основоположники Америки были, как и Мильтон, пуританами. Американская революция конца XVIII века синтезировала идеи английской демократии и французского просвещения, которые абсолютно совпадают в концепции свободы слова. Один из фундаментальных принципов американской конституции гласил:

"Конгресс не должен издавать законов... ограничивающих свободу слова и печати или право людей мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений".

3. Орудие власти

Как следует из этого краткого исторического обзора, власть и цензура неразрывно связаны. Цензура – служанка власти, и без цензуры ее трудно вообразить. Говоря точнее, с помощью цензуры власть пытается распространить свое воздействие на человека в сферу его ума и души. И чем централизованнее эта власть, чем тотальнее ее притязания, тем более нетерпимой и всеохватывающей становится цензура.

Для истории Западной Европы характерно неуклонное ослабление централизованной власти. Сначала – в Священной римской империи, а затем в многочисленных независимых государствах, пришедших ей на смену. Не станем анализировать истоки этого процесса в политике. Но в сфере цензуры это было обусловлено развитием идеи, зародившейся еще во времена Реформации. Эта идея – разграничение двух понятий: "действия" и "самовыражения".

До XVII в. оба понятия воспринимались как единое целое. Религиозные доктрины, не совпадающие с установленными, приравнивались к покушению на духовное лицо или церковное имущество; доводы в пользу политических перемен или выражение недовольства существующим порядком рассматривались как "призыв к мятежу" и были равносильны измене.

Однако уже Мильтону и его последователям удалось доказать, что "самовыражение" относится к совсем иной категории, чем "действие". Хотя Мильтон никогда не утверждал, что любая форма самовыражения должна быть ненаказуемой, он решительно возражал, чтобы политическое и религиозное инакомыслие оценивалось как преступление. Естественно, когда власть пресекает действия, направленные на ее уничтожение, но она должна быть терпима к выражению иных мнений. Обвинения в "призыве к мятежу" могут выдвигаться лишь против тех, кто призывает к ниспровержению данного политического строя или государства вообще, но не конкретного правительства, партии или правящей группы.

Ни одно правительство или правящая партия никогда не одобряли полностью эту идею. Правителям всегда удавалось обозначить определенные сферы государственной жизни, где открытая критика пресекалась. Однако сам принцип, согласно которому выражение политических и религиозных взглядов, отличающихся от официальных, нельзя рассматривать как революционное действие, в конечном счете получил общее признание.

Этот принцип основан на предпосылке, впервые сформулированной Мильтоном: "Мы никогда не можем быть уверены, что мнение, которое мы пытаемся задушить, – неправильно, и даже если мы в этом уверены, пресечение его равносильно злу". Еще острее выразил эту мысль Вольтер: "Я ненавижу ваши убеждения, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли их высказывать". Наконец, законченная выражение идея получила в XIX веке, в знаменитом эссе Джона Стюарта Милля: "Если бы все люди, кроме одного, придерживались данного мнения и только один человек придерживался бы противоположного, то все равно у человечества было бы не больше оснований заставить этого человека замолчать, чем у того человека, обладай он властью, заставить замолчать человечество".

В своих сочинениях Милль подчеркивал, что основной целью общества должно быть создание разумного и справедливого правительства, а важнейшим условием мирной и организованной его замены – свобода самовыражения. В этом свете свобода самовыражения выступает как общественный механизм, позволяющий судить о настроениях народа, осуществлять перемены, помогающий правителям управлять государством с согласия и одобрения народа.

Принятие этой предпосылки означает, что власть допускает возможность мирных перемен, другими словами – признает демократический строй. И наоборот – правительства, которые не верят в демократию и естественные политические перемены и чья главная цель состоит в том, чтобы любой ценой удержаться у власти, стремятся помешать свободе самовыражения и поэтому заинтересованы в сохранении цензуры.

4. Оправданная мера

Известно, что Западная Европа и страны, находящиеся под ее влиянием, уже достаточно давно живут в условиях отсутствия цензуры. И тем не менее история Европы знает периоды и обстоятельства, когда введение цензуры признается естественным и необходимым. Подобная ситуация возникает в тех случаях, когда под угрозой оказывается не только правительство, но и вся политическая система. Типичный пример такой ситуации – война. В период Второй мировой войны все воюющие страны (включая парламентские демократии) ввели у себя цензуру. И сделано это было с согласия подавляющего большинства населения.

Отсюда – третье определение цензора в Оксфордском словаре: "Тот, кто проверяет личную корреспонденцию (в военное время)". Конечно, цензура проверяла не только личную корреспонденцию. Но даже в годы войны она не позволяла себе то, что в любой коммунистической стране цензура позволяет себе в мирное время.

Развивая эту концепцию, можно сказать, что цензура вводится обычно в период революций, гражданских войн и в других критических ситуациях. Хотя для подлинно демократического государства все это не характерно, следует признать тот факт, что в экстремальных условиях существование цензуры оправдано.

В этом смысле можно понять действия В.И.Ленина, который в 1918 г. ввел цензуру буквально через несколько месяцев после того, как она была отменена свободно избранным Учредительным собранием (которое Ленин разогнал). Народу объявили, что цензура введена временно, в качестве чрезвычайной меры для защиты еще не окрепшего большевистского строя от враждебной пропаганды. Мы знаем, однако, что с тех пор этот строй существует уже более 70 лет, а об отмене цензуры пока не слышно.

Если в одних случаях цензура следует за переворотом, то в других – предшествует ему или даже провоцирует. Нередко, например, цензура вводится одновременно с объявлением военного или чрезвычайного положения. Так оно было в Турции в 1971 и в 1980 гг., на Шри Ланке – в 1979 г., на Филиппинах – в 1972 г., в Индии – в 1975 г. При этом официальная версия сводится к тому, что цензура необходима для предотвращения гражданских волнений или военных беспорядков, сохранения порядка и спокойствия.

5. Само слово цензура...

Все приведенные ситуации сходны в одном: введение цензуры здесь носит характер чрезвычайной, исключительной меры. Иное положение создается тогда, когда цензура легализуется законом, становится постоянной. В таких случаях она прежде всего начинает себя скрывать. Первое слово, которое цензор подвергает цензуре, – само слово "цензура".

Несколько лет назад профессиональный цензор из Польши попросил политического убежища в Норвегии. Он вывез с собой полный текст польского сборника инструкций по цензуре. Из него можно видеть, какие титанические усилия прилагала польская цензура, чтобы как-то скрыть факт собственного существования. И это в условиях, когда в самой этой службе заняты тысячи работников, а с результатами ее деятельности постоянно сталкиваются писатели, журналисты, драматурги, актеры...

Подобная ситуация типична для коммунистических стран и точно копирует советский образец. В Советском Союзе ведомство, занимающееся вопросами цензуры, долгие годы было известно под загадочным названием "Главное управление по литературе и печати", коротко — "Главлит". Зять Хрущева, Аджубей, в 1964 г. придумал для этого учреждения новое, более близкое к действительности наименование: "Управление по охране государственных тайн в печати". Однако и до сих пор не слишком рекомендуется говорить не только о том, с какой целью это управление создано, но вообще упоминать о его существовании.

Соккрытие самого факта существования цензуры может служить индикатором тех методов, с помощью которых зло выдают за добро. В том поставленном с ног на голову мире, где царит цензура, все возможно. Советская конституция гарантирует свободу слова и самовыражения, и эти гарантии списаны с американской и французской конституций. В Португалии после салазаровского переворота 1926 г. был принят закон об отмене цензуры. Этот самый закон формализовал ее до последней детали. Короче, там, где существование цензуры отрицают, ее присутствию неизбежно.

Возможен, правда, и другой вариант: введение цензуры в особой "упаковке". Скажем, в Южной Америке большую часть цензурных рогаток ставят не органы, официально ответственные за цензуру (всякого рода "Управления по контролю печати"), а другие, следящие за применением законов "О борьбе с коммунизмом". В коммунистических странах приоритет отдается "внешней угрозе". Хотя Советский Союз занимает одну шестую часть земного шара, он постоянно твердит о том, что окружен враждебными империалистическими силами, которые стремятся его уничтожить. До недавнего времени эта угроза подкреплялась внутри страны ссылками на действия контрреволюционных сил или враждебных классов, непонятно каким образом уцелевших при коммунистическом режиме...

6. К определению понятия

До сих пор я использовал слово "цензура" как обобщающее понятие, имея в виду самые различные способы ограничения свободы слова. Теперь, однако, пора дать определение. Я предложил бы следующее. Цензура, как бы она ни применялась, — это систематический контроль над содержанием одного, нескольких или всех средств коммуникации с помощью конституционных, судебных, административных, финансовых или чисто физических мер. Меры эти применяются или непосредственно правящей группой, или с ее молчаливого одобрения и согласия.

Они могут сопровождаться и насилием, и пропагандой, носить тотальный или ограниченный характер. Тут важна концепция: использование систематического контроля с целью лишить население страны свободы самовыражения. В принципе тут возможны три основных варианта. Там, где контроль охватывает все средства коммуникации, можно с уверенностью сказать, что цензура тотальна. Там, где контроль применяется избирательно, мы говорим о "частичной", или "выборочной" цензуре. Наконец, в случаях, когда контроль непостоянен и применяется в определенных обстоятельствах, цензуру можно назвать эпизодической. Такая цензура призвана ограничить и затормозить самовыражение, но не исключить его полностью.

7. Методы

Следующий вопрос, над которым стоит задуматься, — это методы цензуры. Есть два типа источников информации, которые, если правительство намерено применить цензуру, должны быть охвачены контролем: внутренние и внешние. Среди источников первого типа особенно важны: 1. Пресса. 2. Радио и телевидение. 3. Книгоиздание. 4. Образование. Среди вторых: 1. Почтовая, телефонная и те-

леграфная связь. 2. Внешнее теле- и радиовещание. 3. Эмиграция, иммиграция, а также зарубежные деловые поездки и туризм.

Опыт свидетельствует, что радио и телевидение обычно становятся первыми объектами государственного контроля. Обусловлено это тем, что осуществление такого контроля сравнительно просто. Это достигается либо установлением над ними прямой государственной или партийной "опеки", либо введением в штат своих людей, либо с помощью инструкций, выполнение которых делает эти системы массовой информации подотчетными власти.

Внимание правительств к радио- и телевещанию имеет и особые резоны. В большинстве стран, где действует цензура, основная часть населения безграмотна, уровень обычных средств информации низок. Поэтому по степени воздействия радио и телевидение заметно превосходит печатное слово.

Что касается прессы, то здесь власти нередко готовы проявить известный либерализм. При низкой грамотности (а сохранение ее на таком уровне — тоже форма цензуры) прессу читает лишь узкая прослойка интеллигенции. Когда эта интеллигенция запугана однопартийным правительством или военной диктатурой до полного повиновения, власти могут допустить некоторый (контролируемый) уровень критики. Конечно, при условии, что критика не очень конкретна и не заходит слишком далеко. До недавнего времени подобная ситуация существовала в Бразилии, сейчас она наблюдается в таких странах Африки, как Замбия и Танзания. В Испании к концу франкистского режима использовался другой метод. Газеты с большим тиражом, предназначенные для широких масс, держали в "наморднике"; в то же время престижным журналам, рассчитанным на узкий круг читателей из интеллектуального меньшинства, были дозволены некоторые свободы. Видимо, это та ситуация, что пытаются нащупать Венгрия и Польша и к какой, очевидно, приведут горбачевские реформы в Советском Союзе.

Методы контроля печати отличаются большим разнообразием. Тут возможны и прямая опека (как на радио и телевидении), и использование косвенных приемов, гораздо менее заметных. К примеру, в 1973 г. правительство Шри Ланки образовало "Совет печати", призванный "гарантировать свободу печати, соответствующую ее высокому профессиональному уровню". Предполагалось, что Совет будет независим и от владельцев газет, и от правительства, а значит, будет выполнять те же функции, что аналогичные организации в Англии, Индии и некоторых других странах. Но те пункты устава Совета, которые вроде бы призваны были гарантировать свободу, ответственность и высокий профессионализм печати, были настолько детально регламентированы, что результат получился обратный. Этот эффект был достигнут весьма просто. При любых спорах пункты устава нуждались в интерпретации. Эта функция возлагалась на суды, находящиеся под правительственным контролем.

Другой метод, особенно чувствительный для газет в бедных странах, — лишение их государственной рекламы и права печатать объявления. Поскольку реклама нередко является единственной гарантией финансовой независимости, то газета, лишенная этого главного источника доходов, может быть быстро поставлена на колени. В Индии эту тактику использовала госпожа Ганди после введения чрезвычайного положения в 1975 г. Она приказала не помещать никаких государственных объявлений в газетах, принадлежащих группам "Statesman" и "India Express", и в газете "Tribune".

Еще один широко практикуемый вариант: ограничение импорта газетной бумаги. В последние годы такая бумага стала непозволительно дорогой, а вряд ли кто решится отрицать, что, во-первых, бедные страны не должны злоупотреблять импортом, а во-вторых, что есть вещи более важные и срочные, чем газетная бумага...

Вполне оправдывает себя и метод манипуляции подходным налогом. Скажем, в Греции издатели традиционно пользуются правом приобретать часть бумаги по

льготной "безналоговой" ставке. Однако черные полковники, захватив власть, сразу же позаботились, чтобы газеты, неодобительно относящиеся к перевороту, были лишены этой привилегии.

Наконец, правительство может просто скупить газеты или помочь это сделать сторонникам режима. Правительство Южной Африки несколько лет назад попыталось использовать этот метод, приняв на себя расходы по созданию новой газеты на английском языке. Однако из этой затеи ничего не вышло. Не удалось и попытки перекупить одну из существующих газет.

С изданием книг дело обстоит сложнее. Считается, что книги, как и специальные журналы, читает в основном интеллигенция. Поэтому контроль тут не так строг. Конечно, и на издателей книг можно оказывать давление с помощью налогов или квот на бумагу. Но именно в этой области мы обычно сталкиваемся с цензурой в наиболее чистом виде.

Существуют два способа цензуры: предварительная и последующая. В коммунистических государствах, а также в странах, которые могут себе это позволить, практикуется цензура первого рода. Все рукописи поступают к цензору, и без его разрешения на публикацию рукопись не может быть сдана в набор. Однако в большинстве стран, где книги подвергаются контролю, предпочитают второй способ. Например, в Иране и Южной Африке цензура не вмешивается до тех пор, пока книга не издана.

На первый взгляд, такой подход представляется более либеральным — ведь книгу хотя бы можно издать. Действительно, в прошлом издатели, желая обойти цензора, печатали сомнительное сочинение так быстро, что успевали продать несколько тысяч экземпляров до того, как цензор успевал наложить запрет. Подобный прием себя оправдывал до тех пор, пока либеральные цензоры поощряли эту практику. Так было, например, во Франции в годы, предшествующие революции, и в России в мягкие времена XIX в. В Южной Африке и в наши дни издателям удается успеть продать значительную часть тиража до того, как "Управление по контролю над изданиями" успеет наложить запрет.

И тем не менее для издателя этот путь таит в себе много опасностей. Он заранее выплачивает автору аванс, вкладывает средства в набор и печатание десятков тысяч экземпляров. При этом может случиться, что продать он сумеет лишь несколько книг. После первого такого эксцесса издатель становится очень осторожным, после двух-трех — ему грозит банкротство.

В особом положении находится система образования. Правители отлично понимают, что способность мыслить свободно и независимо формируется в школе и развивается в университете. Поэтому, если они хотят иметь действительно эффективную цензуру, то эта система должна распространяться на все источники информации и доходить до начальных стадий процесса познания. Более того. Совмещая действенную систему образования с хорошо продуманной цензурой, можно прийти к ситуации, когда цензура вообще не понадобится. Конечно, такой процесс требует времени. Напомним, что одним из первых шагов большевистской власти была реорганизация всей системы образования.

К счастью, в наш век возможности любого режима ограничены. Власти, если даже им удастся установить контроль над всеми внутренними источниками информации, вынуждены считаться с возможностью проникновения информации извне. Чтобы перекрыть этот источник, правительству необходимо прежде всего установить контроль над почтой. При современных масштабах переписки проверять весь поток корреспонденции из страны в страну практически невозможно. Но в этом и нет необходимости. Вполне достаточно, чтобы контроль охватывал переписку определенного круга людей и было заранее известно, что в принципе может быть перехвачено и вскрыто любое письмо. Уже одного этого достаточно, чтобы остеречь иностранцев, которым не безразлично благополучие их адресатов. Тот же метод избирательного прослушивания практикуется при контроле телефонных разговоров.

Иностранное теле- и радиовещание – проблема особая. Простейший и наиболее распространенный способ борьбы с ним – глушение. В Советском Союзе до недавнего времени зарубежные радиопередачи глушили, почти не переставая, со времен Второй мировой войны. Сложность, однако, состоит в том, что такая “цензура” обходится безумно дорого, а для телепередач – малоэффективна. Трансляция же через спутники связи практически лишает глушение всякого смысла. Судорожные попытки некоторых государств добиться строжайшего международного контроля над использованием таких спутников как раз и были вызваны тем, что подобная форма слишком хорошо напоминает мильтоновские “свободные и открытые дебаты”.

Критики идеи свободной трансляции ссылаются на то, что их граждане не желают становиться объектом рекламы пепси-колы и “Дженерал Моторс”. В такой рекламе действительно мало радости. Но дело, конечно, не в пепси-коле, а в информации, в комментариях и некоторых особенностях жизни на Западе, которые ощутимы даже в рекламе.

Возможность свободного выезда за границу тоже подрывает цензуру, а посему должна быть исключена. В идеале это означает, что эмиграция и иммиграция должны быть сведены к нулю, а люди, выезжающие за рубеж временно, должны находиться под строгим контролем – особенно, когда речь идет о государственных служащих.

Для правительства, использующего цензуру, немалые трудности создает и обмен информацией с внешним миром. Как, к примеру, контролировать поток информации из страны? Прямой запрет на пребывание в стране иностранных корреспондентов выглядит слишком грубым и вызывает нежелательные комментарии. К тому же само правительство время от времени нуждается в том, чтобы довести до остального мира какую-то информацию.

Видимо, оптимальное решение состоит в том, чтобы разрешить аккредитацию иностранных корреспондентов в своей стране, но ограничить их передвижение и источники информации, а также держать под контролем те средства связи (телефон, телетайп, телеграф и т.д.), с помощью которых они передают собранную информацию за границу.

Характерно, что эта проблема волнует правительства целого ряда стран, которым никак не удается ввести западных корреспондентов в собственные цензурные рамки. Отсюда многочисленные требования к ЮНЕСКО узаконить правительственный контроль над информацией, поступающей из данной страны. Увы, добиться международного признания такого вида цензуры теперь уже вряд ли удастся.

В этом разделе я пытался охватить все сферы и методы цензуры. Существует, однако, еще один вид цензуры, который остался вне рамок анализа. Между тем он может использоваться и в сочетании с другими видами цензуры, и самостоятельно. При этом в обоих случаях он – едва ли не самый эффективный. Речь идет об организованном, четко направленном терроризме.

На первый взгляд, терроризм такого рода воспринимается как нечто случайное и безадресное, как просто составная часть общего террора, не имеющего ничего общего ни со средствами связи и информации, ни с системой образования. Но более детальный анализ свидетельствует, что лишь определенные журналисты, режиссеры телевидения, писатели, драматурги, профессора университетов и артисты становятся жертвами этого террора – исчезают или гибнут, тогда как другие остаются живы и процветают. При этом гибнут не все люди данной категории и не все другие – остаются в живых. Очевидно, людям, направляющим террор, важно создать видимость случайности. И все-таки намек ясен: “Держитесь подальше, иначе придет ваша очередь”.

8. Границы

Нетрудно понять, что знание политической системы позволяет заранее сказать, есть ли в данной стране цензура или нет. Этот способ безотказно дей-

ствуется при рассмотрении авторитарных систем правления. Гораздо труднее использовать его при анализе других систем. Можем ли мы, например, с уверенностью утверждать, что в парламентских демократиях Западной Европы и Северной Америки цензура вообще отсутствует?

Конечно, нет. Дело в том, что слово "цензура" в строгом смысле (и даже в том смысле, как я пытался ее определить) не вполне применимо к процессам, происходящим в этих странах, и к тем ограничениям, которые налагаются здесь на свободу самовыражения.

Сложность ситуации в демократическом обществе обусловлена тем, что свобода самовыражения — при всей ее важности — является лишь одним из многих гражданских прав. Прав, которые порой вступают между собой в противоречие. Наиболее распространенный пример такой коллизии: противоречие между свободой и правом на защиту личности и репутации от клеветы и злостных наговоров, правом на объективный и беспристрастный суд. Скажем, в Англии эти права защищены законом о неуважении к суду и законом о клевете.

Несколько лет назад к этим правам личности были добавлены еще два: на защиту от расовой и национальной дискриминации (гарантированное Законом о расовых отношениях) и право на изъятие по прошествии определенного времени из личного досье записей о прошлых преступлениях (Закон о реабилитации). В случае коллизии между свободой самовыражения и одним из перечисленных выше прав вопрос решается в суде. При этом очень часто суд считает возможным ограничить право на самовыражение. У меня, правда, нет уверенности, что подобные ограничения могут быть названы цензурой...

Более спорным представляется вопрос о так называемых реликтах, относящихся к временам зарождения цензуры. В частности, я имею в виду Закон о государственной тайне, Закон об антиправительственной агитации и пропаганде и Закон о богохульстве и непристойном поведении. Два первых закона явно представляют собой развитие идеи о недопущении "высказываний, порочащих государственную власть или наносящих ей вред". В разных (но демократических) странах эти законы применяются по-разному. Однако это различие касается не принципа, а лишь степени их применения.

Мы знаем из опыта, что любые правители испытывают неодолимое желание расширять свою власть беспредельно. Но тех, чья власть ограничена обычаями, законом или соглашением, и тех, чья власть не ограничена или ограничена лишь незначительно, разделяет четкая граница. В любой свободной стране применение Закона о пропаганде определяется жестким критерием. Суд исходит из того, направлена ли критика данного правительства, лидера или группы лидеров против самой природы демократического строя или это просто критика конкретных лиц, находящихся у этого строя на службе. Иначе обстоит дело с государственной тайной. Засекречивание тех или иных областей государственной жизни оправдывается, с одной стороны, сложностью технического оснащения современного управленческого аппарата и соображениями государственной безопасности — с другой. В демократических обществах "право" государства устанавливать степень секретности никем не оспаривается. Но сфера применения этого права различна в разных странах и, разумеется, может оспариваться. Отметим, что, по общему правилу, страны Западной Европы строже относятся к соблюдению секретности, чем Северная Америка и Австралия.

Так, Британское правительство, независимо от того, какая партия находилась у власти, проявляло явное стремление все засекречивать на протяжении почти всего двадцатого века.

Неудивительно, что многие британские политики и журналисты с завистью наблюдают за тем, как американцы все более сужают сферу государственных секретов, используя новый закон о свободе информации, гарантирующий открытость государства. Американская свобода самовыражения, основанная на первой поправ-

ке к Конституции, стала тем образцом, к которому стремятся реформаторы Западной Европы.

Вероятно, их стремление обосновано. В то же время не следует забывать тот факт, что именно незащищенность американского правительства от общественного контроля спровоцировала "Ирангейт". Тайна, которой было окружено это дело, привела к тому, что американские средства информации не смогли своевременно помешать такому развитию событий. Хотя именно они и привели его к бесславному концу. Иными словами, как бы ни важны были демократические традиции и юридические нормы, сами по себе они не гарантируют успех. Свобода требует постоянной бдительности.

Законы о богохульстве и непристойности уходят своими корнями в традиционные понятия аморальности, ереси, власти церкви. В католических странах эти законы сохраняют свое значение — особенно там, где правительство подписало конкордат с Ватиканом. Но даже в протестантской Англии известны случаи судебного преследования за богохульство. Например, в семидесятые годы, когда газета гомосексуалистов "Gay news" была оштрафована за публикацию гомосексуальной поэмы о Христе.

Надо сказать, что и в Западной Европе, и в США именно аморальность составляет главный предмет внимания цензуры. Об этом свидетельствуют и частные дебаты в парламентах, и создание нескольких президентских комиссий в Америке. Порнография — первое, с чем широкая публика связывает слово "цензура".

Конечно, это совсем не значит, что вопросы морали волнуют только демократические государства. Как раз наоборот. Нет, по-моему, ни одной страны, где действует строгая политическая цензура, которая столь же строго не контролировала бы общественную мораль.

Если вспомнить, какое внимание уделяли этой проблеме уже римляне, можно прийти к выводу, что "надзор над общественной моралью" в той или иной форме будет осуществляться и в будущем. Ограничение публичной демонстрации всего, что связано с сексом, является составным элементом защиты прав личности. Прежде всего личности ребенка. Тем не менее для Запада характерна тенденция к уменьшению общественного контроля над порнографией и предоставлению личности права решать этот вопрос индивидуально.

9. Самоцензура

Теперь пора коснуться четвертого определения слова "цензор" в Оксфордском словаре. Это стоит сделать хотя бы потому, что именно оно нередко вызывает путаницу в понимании слова "цензура".

Определение, о котором идет речь, — "душевные силы, подавляющие некоторые элементы подсознания", — было сформулировано Фрейдом с целью описать определенные элементы механики подсознания. Употребление в таком контексте термина "цензура" было и поэтичным, и достаточно точным. Может быть, как раз по этой причине такое значение слова приобрело широкую популярность.

В какой-то мере это оправдано. Трудно найти лучшую модель для описания подсознательных мотивов мышления фанатика, тирана или ханжи. Истинный цензор — человек, исполняющий свои цензорские обязанности с усердием и убежденностью, почти наверняка подвержен действию фрейдовской психологической "цензуры" в собственном сознании.

Однако даже цензор "по натуре" никогда не сможет подвергнуть цензуре кого-то другого при отсутствии механизма организованной цензуры. Допускаю, что у него может появиться искушение сделать это. Он может и создать такой механизм. Но без него ему никогда не удастся стать цензором.

Так что при обсуждении "самоцензуры" нужна крайняя осторожность. В частности, следует четко обозначить тот вид самоцензуры, который обусловлен

длительным воздействием систематической внешней цензуры. В этом случае писатель или журналист оказывается перед жестким выбором: при расхождении с цензурой он должен либо молчать, отказавшись от своей профессии и обрекая себя на нужду, либо подавлять и маскировать свои подлинные убеждения и взгляды, то есть заниматься "самоцензурой". Ясно, что самоцензура в этой форме — всего лишь подкатегория цензуры в ее первоначальном смысле.

Цензура по Фрейду — нечто совсем другое. Это продукт внутренних страхов и душевных движений. И какими бы настойчивыми и тяжелыми они ни были, они не имеют ничего общего с обычной цензурой.

Существует и еще одно довольно распространенное заблуждение. Допустим, что автор, работая над книгой, ориентируется на определенный круг читателей: консервативно настроенную публику, женщин, иностранцев. Зная взгляды этого круга и желая ему понравиться, автор опускает в тексте некоторые вещи, которые он хотел бы сказать, а пишет нечто другое. Значит ли это, что он применяет "самоцензуру"? И другой случай: делая все это, он ориентируется на редактора, полагая, что в противном случае его текст подвергнется редактированию. Следует ли отсюда, что "редактирование — та же цензура"?

По-моему, ни тот, ни другой случай не имеют с цензурой ничего общего. Если автор сохраняет свободу выбора и в состоянии писать все, что хочет, нелепо говорить и о цензуре, и о самоцензуре. Конечно, всегда есть опасность, что читатель не примет книгу, или редактор, которому он сдаст работу, отвергнет ее. Но если никто не принуждает его потакать вкусам данного круга читателей или писать каким-то определенным образом, а свою работу он может предложить другим редакторам, то у него нет необходимости насиловать свою совесть. Это всего лишь означает, что он сталкивается с обычным риском, обусловленным спецификой его деятельности.

10. Заключение

В этом кратком обзоре я попытался рассмотреть некоторые из основных проблем, связанных с применением цензуры в современном мире. Сама идея, что цензура — это социальное зло, с которым нужно бороться, относительно нова. Видимо, мысль эта принадлежит мыслителям эпохи французского просвещения. Но международное признание она получила лишь после Второй мировой войны, став составной частью (ст. 19) Всеобщей Декларации Прав Человека. В течение последующих тридцати лет возникло множество общественных организаций, цель которых — следить за строгим соблюдением идеалов, провозглашенных Декларацией.

Задачи, стоящие перед этими организациями, сложны и разнообразны. Для большей части нашей планеты они сводятся к тому, чтобы поощрять строгое соблюдение законов, которые в той или иной степени соответствуют принципам, изложенным во Всеобщей Декларации. В странах, где это достигнуто, необходимо искать баланс между противоречащими друг другу правами, обязанностями, привилегиями, претензиями людей разных категорий.

Очевидно, что споры по поводу того, каким должен быть этот баланс, будут существовать всегда. Как равно и всегда в мире будут существовать силы, действующие в разных направлениях.

С моей точки зрения, эти конфликты вполне естественны, ибо есть не что иное, как проявление борьбы сил и мнений в здоровом обществе. И свидетельствуют они не о болезни и упадке, а об энергии и жизнеспособности. Ведь общество, пребывающее в состоянии полного покоя и безмятежности, есть общество умирающее или уже умершее.

ТОЛЬКО СНЕГ

1.

События, происшедшие в октябре 1917 года, сразу были восприняты как финальный, завершающий акт уже давно ожидаемой трагедии крушения России. С яростной определенностью это восприятие случившегося было выражено в стихотворении Максимилиана Волошина, как бы подводящем кровавую черту под всей тысячетлетней историей Российского государства:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогадели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замыгали на грязных площадях.

Распродали на улицах: на надо ль
Кому земли, республик да свобод,

Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи:
Германцев с Запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда.

Для современников Волошина эти строки не были метафорой. Они не казались даже поэтическим преувеличением, сколько-нибудь искажающим реальное положение дел.

Стихотворение было откликом на только что подписанный в Бресте мир. Оно отражало вполне конкретную политическую реальность.

Многие не сомневались, что с Россией и в самом деле покончено. Уже отложились Финляндия, Польша, Украина, Прибалтика, Кавказ. Да и остальное того и гляди растащат на куски и поделят между собой разные — великие и малые — державы, и кто знает, останется ли под властью правительства, сидящего в Кремле, хотя бы тот надел, с которого начинал первый собиратель московского княжества Иван Калита.

Впрочем, главная драма состояла даже не в этом. В конце концов России не раз уже случалось переживать трудные времена: бывали на Москве и поляки, и Наполеон. И все как-то обходилось. Бог миловал. Но на этот раз похоже было, что не обойдется.

Главная драма состояла в том, что правительство, сидящее в московском Кремле, в отличие от всех русских правительств начиная с Ивана Калиты, как будто даже и не стремилось к целостности Российского государства. Оно открыто поддерживало не центростремительные, а центробежные силы. Оно торжественно объявило, что признает право на полное государственное самоопределение каждой нации, входившей в состав бывшей Российской империи. ("Не надо ль кому земли, республик да свобод?..")

Это было поистине удивительное правительство. Оно не делало тайны из того, что сосредоточило в своих руках всю полноту государственной власти вовсе не для того, чтобы блюсти интересы российской государственности. Да и вообще не

для того, чтобы решать какие-то там узко национальные или узко государственные задачи.¹

О каких надеждах на сохранение государственной целостности России могла идти речь, если в Кремле сидело правительство, для которого слово "патриот" было равнозначно понятию "предатель"? Патриотами назывались белогвардейцы, поскольку они выступали за "единую и неделимую Россию".

Верить в будущее России — это, собственно, значило верить в успех белого дела. Ну, а если белое движение обречено, если большевики победят окончательно и бесповоротно, — что ж, тогда, значит, и в самом деле с Россией покончено навсегда.

2.

Ничего подобного, однако, не произошло.

Большевики победили. Но именно эта победа дала новые основания надеяться на то, что с Россией отнюдь не кончено, что дело и на этот раз "как-нибудь" обойдется.

Возникла новая концепция. Суть ее состояла в том, что большевистский перелом, якобы ознаменовавший полный и окончательный крах российской государственности, на самом деле был всего лишь короткой смутой, каких в тысячелетней истории России было множество. Выражалась надежда, что и из этой смуты Россия выйдет — обновленная, полная сил, как и подобает Фениксу, возрождающемуся из пепла:

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожницами,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испытать,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель...

(Валерий Брюсов, 5 октября 1920 г.)

"Трагические залпы", которые "радовали слух" Валерия Брюсова, — это залпы тех шестидюймовых орудий, одно из которых до сих пор стоит во дворе музея Революции (бывшего Английского клуба на бывшей Тверской). Именно из таких орудий большевики осенью 1917 года предприняли артиллерийский обстрел московского Кремля.

Брюсов недаром крестильным днем назвал не 25 октября (7 ноября) 1917 года,

¹ Позиция Троцкого на переговорах в Бресте ("Ни мира, ни войны") нынче называется предательской. Сегодняшнему поколению русских людей она именно такой и представляется, потому что точкой отсчета для них являются государственные интересы России. Но у революционного правительства, сидевшего в 1918 году в Кремле, точка отсчета была иная: мировая революция. Пренебрежение государственными интересами России в их глазах предательством не было. Предательством называлось пренебрежение интересами мировой революции. Ленин, правда, к проблемам государственной целостности России был не вполне равнодушен. Но именно поэтому он и остался тогда в меньшинстве. Именно за это ему и "попало" от его товарищей по партии. "Ошибка т. Ленина, — заявил на заседании ЦК Урицкий, — в том, что он смотрит на дело с точки зрения России..."

с легендарным залпом "Авроры" (виноват, не залпом, а выстрелом: тут, как выяснилось, никакого залпа как раз и не было) и не менее легендарным штурмом Зимнего. Падение Зимнего в самом худшем случае могло означать всего лишь конец ненавистного Петербургского периода русской истории. В конце концов давно уже было напророчено, что "Петербургу быть пусто". Артиллерийский обстрел московского Кремля — это было совсем другое дело. Русскому интеллигенту, даже вошедшему в состав нового, большевистского правительства, непросто было через это переступить.

Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется...

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что же будет? Куда итти дальше!

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилен.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше.

(А.В.Луначарский, в Совнарком. 2/15 ноября 1917 г.)

Как видим, оптимистическое восприятие событий, зафиксированное в стихотворении Брюсова, осенью 1917 года было несвойственно даже и самим большевикам. Во всяком случае тем из них, кто не до конца разделял интернационалистское ликование по поводу гибели Российского государства, кому было дорого историческое прошлое и будущее России именно как России. Луначарскому и его возможным единомышленникам артиллерийские залпы, направленные в "стены древнего Кремля", отнюдь не радовали слух. Что уж тогда говорить о тех, кто и вовсе не сочувствовал целям большевистского переворота! Их восприятие случившегося было более чем однозначно.

Пощаженные рукой иноземной
В наполеоновы дни,
Под снарядами гнулись кремлевские стены —
Им нечего больше хранить..
С севера, с юга народы кричали:
"Рвите ее! она мертва!"
И тащили лохмотья с смердящего трупя.
Кто? украинцы, татары, латгалыцы.
Кто еще? Это под снегом ухаёт,
Вырывая свой клоч, мордва.
И только на детской карте (ее не будет больше)

Слово "Россия" покрывает
Полмира, и "Р" на Польше,
А "Я" у границ Китая..
.....
Детям скажите: "Мы жили до и после,
Ее на месте лобном
Еще живой мы видали."
Скажите: "Осенью
Тысяча девятьсот семнадцатого года
Мы ее распяли..."

(Илья Эренбург, "Молитва о России", 1918 г.)

И вот оказалось, что это была ошибка. Никто никого не распял. Просто нить народной жизни слегка запуталась. Распутать, развязать ее было уже невозможно, вот и пришлось древним паркам пойти на хирургическое вмешательство: разрезать нить. Но лишь на мгновение. С тем чтобы тут же, рассучив, связать ее вновь воедино и добавить к старой, древней пряже — свежую удель,

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодря, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века.

(Валерий Брюсов)

Дело тут было не в различии политических взглядов. Не в том, что Эренбург или, скажем, Волошин сочувствовали Деникину, а Брюсов держал сторону Ленина. Все дело было в том, что Эренбург и Волошин написали свои стихи осенью 1918 года, а Брюсов — два года спустя, осенью 1920.

В 1920 году и Эренбург уже не настаивал так решительно на том, что "с Россией кончено".

Смердишь, распухла с голоду, сочатся кровь и гной
 из ран отверстых.
 Воля и корчась, к матери-земле припала ты.
 Россия, твой родильный бред они сочли за смертный,
 Гнушаются тобой, разумны, сыты и чисты...

Он словно бы начисто забыл, что совсем еще недавно сам принадлежал к тем плакальщикам гибнущей России, которые ее "родильный бред сочли за смертный".

Этот крутой идеологический поворот характеризует не столько личность Эренбурга, сколько изменившуюся ситуацию. Эренбург тут интересен лишь тем, что он, как в первом, так и во втором случае, быстрее многих почувствовал то, что носилось в воздухе.

К осени 1920 года окончательно выяснилось, что с Россией отнюдь не конечно. Выяснилось, что с Россией пока, на данном этапе, все обошлось. Даже крайние пессимисты вынуждены были признать, что набат, в который два года тому назад ударил Максимилиан Волошин, оказался ложной тревогой.

...Они восстановили армию. Это первое. Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется "во имя Интернационализма", — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле они восстановили русскую армию.

Дальше. Наш главный, наш действенный лозунг — Единая Россия... Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят. Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал. Но... фактически Интернационал оказался орудием расширения территории для власти, сидящей в Москве. До границ, где начинается действительное сопротивление других государственных организмов, в достаточной степени крепких. Это и будут естественные границы будущей Российской Державы... Социализм смоется, но границы останутся... Будут ли границы 1914 года или несколько иные, — это другой вопрос. Во всяком случае, нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши. Сила событий сильнее самой сильной воли... Ленин предлагает, а объективные условия, созданные Богом, как территория и душевный уклад народа, "располагают"... И теперь очевидно стало, что кто сидит в Москве, безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление), принужден... делать дело Иоанна Калиты.

(В.В.Шульгин, "1920 год". Очерки. 1926.)

Людям типа Шульгина нужно было лишь одно: чтобы сохранилось, восстановилось и уцелело Российское государство. Идея? А, Бог с ней, с идеей. Не все ли равно! Не та идея, так другая. Не Третий Рим, так Третий Интернационал... Идея — дело подсобное. Она служит государству, а не государство ей. Пусть большевики тешат себя иллюзией, что они восстанавливают единую и неделимую Россию не ради России, а ради мировой революции. Пусть играют в эту детскую игру. История все равно скажет свое слово, и тогда выяснится, на чью мельницу лили они воду своих всемирных интернациональных идей.

Впрочем, умный политик не станет отрицать роль Идеи в жизни государства. Он великолепно понимает, что совсем без идеи — нельзя. И если та идея, на которой веками стояло российское государство, больше не в силах выдержать тяжесть этой исторической ноши, надо срочно искать другую. А если даже эта

другая идея не слишком ему по душе — что поделаешь! Лучше все-таки с ней, чем с той, старой, агонизирующей, неопровержимо доказавшей, что она себя изжила.

Последние годы бедствий и горя привели меня к сознанию, что русский народ в отношении своих главных жизненных задач в конце концов выйдет на правильный путь... Залог для будущего России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство. Этот политический идеал не может быть моим. Люди, окружающие Ленина, — не мои друзья, они не олицетворяют собой мой идеал национальных героев. Но я уже не могу их больше назвать "разбойниками и грабителями" после того, как выяснилось, что они подняли лишь брошенное: престол и власть. Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ — быть может, помимо их воли — по правильному пути к верной цели и новой мощи...

(Воспоминания В.А.Сухомлинова. 1926.)

Бывший русский военный министр не зря с таким пиететом отозвался о бесконечно чуждой ему идее всемирного пролетарского братства. Как ему было не благословлять этот "великий политический идеал", если, как выяснилось, только он один, этот идеал, и мог скрепить развалившуюся на куски Российскую империю в тот грозный час, когда старые силы сцепления уже перестали действовать.

Проницательный Шульгин и умный Сухомлинов поняли, что идея Третьего Интернационала может служить единой и неделимой России ничуть не хуже, чем почившая в Бозе идея Третьего Рима.

3.

Но то, что успокаивало Сухомлинова и Шульгина, вряд ли могло служить утешением для русского интеллигента.

Для политика идея — средство, а не цель. Она — тот цемент, который обеспечивает государству политическую и военную прочность.

Для интеллигента идея — конечная, высшая цель, единственный смысл и оправдание всей его жизни.

Политик в крайнем случае готов примириться даже с ненавистной ему идеей, только бы сохранилось государство.

Интеллигент легко примирится с крушением государства, только бы восторжествовала дорогая его сердцу идея.

Впрочем, "примирится" — это слишком слабо сказано. Лучшие люди России, одержимые идеей народа-богоносца, склонялись к тому, что полный и окончательный крах российского государства будет даже способствовать торжеству столь дорогой их сердцу идеи. Они полагали, что издавна предназначенную ему богоносную миссию русский народ сможет осуществить тем лучше, чем скорее утратит он свой цивилизованный облик.

У них прямо дух захватывало от сознания, что русскому народу предстоит отныне какая-то новая, поистине великая судьба, своей трагической необычайностью, может быть, даже превосходящая вековечное еврейское рассеяние:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!.

(Блок, "Скифы")

Были и другие, смотревшие на это дело проще. Те вообще не склонны были ощущать в случившемся никакой особой трагедии. И уверенно предрекали полную и абсолютную утрату национальной самобытности, полное растворение всего русского во всеобщем, интернациональном, всечеловеческом. Миссия народа-богоносца в их понимании состояла как раз в том, чтобы примером собственного подвижнического самоуничтожения указать путь всему человечеству.

Мы живем,
 зажатые
 железной клятвой.
За нее —
 на крест,
 и пулею чешите.
Это чтобы в мире —
 без России, без Латвий!
Жить
 единым
 человечьим
 общежитьем...

(Маяковский)

Для этих осуществление надежд Шульгина и Сухомлинова означало бы трагическое крушение их собственных надежд.

Блок, увидев, что русский народ, вместо того чтобы "раскинуться по дебрям и лесам", норвит опять зажить прежней жизнью, загрузил и вскоре умер. Перед смертью он, говорят, очень огорчился из-за того, что перестал слышать музыку революции.

Маяковский, убедившись, что жизнь "без России, без Латвий", судя по всему, так никогда и не наступит, — застрелился.

Но как ни странно, именно они, интеллигенты, а не политики, незаметно приспособили идею Третьего Интернационала к той роли, какую предрекли ей Шульгин и Сухомлинов. Именно они сделали все, чтобы Третий Интернационал стал фасадом новой Российской империи, заменив потрескавшиеся и облезшие декорации Третьего Рима.

Вместо того, чтобы испытать отчаяние и ужас при мысли, что "с Россией кончено", они ощутили какой-то жуткий восторг, небывалое, неслыханное, ни с чем не сравнимое счастье. Ведь даже гармоничный Пушкин знал, что есть упоение в бою и бездны мрачной на краю. И вот, наконец-то, он показался — самый крайний край это мрачной бездны, о которой столько уже было говорено. Как же тут было не ликовать и не восторгаться!

Пошлый мещанский Запад снова был посрамлен. В точном соответствии с давним пророчеством нищая и убогая Русь вновь совершила какой-то непостижимый зигзаг — и помчалась неведомо куда, своим заповедным, свыше предуказанным, до сих пор еще никем не разгаданным путем.

Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

(Гоголь)

Русскому интеллигенту, оказывается, это было зачем-то очень нужно: чтобы посторонивались другие народы и государства. Это было ему до такой степени необходимо, что когда наступило отрезвление и раздались первые робкие голоса: "А может, необязательно, чтобы посторонивались?", — он тотчас же завопил: "Караул! Братцы! Да что же это такое? Последнее достояние отымают!"

Русское национальное сознание живет под неусыпным враждебным присмотром, как преступник, сосланный под надзор полиции. Вот одно из последних суровых предупреждений. Группа анонимных авторов напечатала несколько связанных друг с другом статей, почти сборник, в № 97 "Вестника Русского Христианского Студенческого Движения"... Среди всех прегрешений России какой же самый страшный грех усмотрели авторы? Оказывается, это вера в то, что Россия обладает исторической миссией, что и она несет миру свое, новое слово, или, как говорят авторы, — "русский мессианизм". В этом-то грехе они требуют у русских покаяния, указывая это даже как основную цель России в будущем. Ставить целью так изменить сознание народа, чтобы он не смел думать, что жизнь его имеет цель! К какому другому народу обращались с подобными поучениями?

(И.Шафаревич, "Обособление или сближение".
Из-под глыб. Сборник статей. 1974.)

Никто, конечно, даже и не заикался о том, чтобы русский народ не смел думать, что жизнь его имеет цель. Речь шла лишь о том, что такая цель вовсе не обязательно должна состоять в том, чтобы вести за собой другие народы. Или, как уже было сказано, необязательно стремиться к тому, чтобы косясь посторонивались и уступали дорогу другие народы и государства.

Но русскому интеллигенту почему-то непременно нужно, чтобы именно посторонивались. Уж по какой причине будут они посторониваться, — почтительно осозная свою неполноценность или же просто шарахаясь, как от чумы, — это, как говорится, дело десятое. Важно, чтобы посторонивались.

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

(Блок)

Мы — голодные,
мы — нищие!
С Лениным в башке
и с наганом в руке!

(Маяковский, "Хорошо!")

В сущности, это были вариации на тему давнего, исконного, славянофильского:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...

Соль тут была в том, что Россия до такой степени не поддается измерению общим аршином, что в самой гибели своей она только лишний раз явила миру свою особенную статью.

Стоит только чуть поскрести яростный интернационализм Маяковского (Блока и скрести не надо), как сразу же обнаружится под ним ветхозаветное славянофильское уничтожение паче гордости, традиционная славянофильская спесь, питающаяся убеждением, что родина поэта — не такая, как все прочие страны и государства. Она — особенная:

Даже чуть зарусофильствовал
 от этой шири!
 Русофильство,
 да другого сорта.
 Вот моя
 рабочая страна,
 одна в огромном мире.
 — Эй, Пуанкаре! Возьми нас?..
 Чорта!

Правда, если верить точному смыслу этих строк, они относятся не к России, а совсем к другой стране. И слово "нас" вовсе не означало уже "нас, русских". В устах Маяковского это местоимение было обозначением совсем другой нации, другого народа.

Перед нашей республикой
 стоят богатые
 Но как постичь ее?
 И вопросам
 разнеудоуменным нет числа:
 Что это за нация такая
 "социалистичья",
 и что это
 за "социалистическое отечество"?..
 Приятно
 русскому
 с русским обняться, —
 но у вас и имя Р о с с и я утеряно.
 Что это за отечество
 у забывших об нации?
 Какая нация у вас?
 Коминтерина?

(Маяковский)

В голосе поэта снисходительное презрение.

— Да стоит ли вам объяснять? Все равно ведь не поймете.

Но для самого Маяковского (как и для всех его единомышленников) слова о *новой нации* вовсе не были поэтической метафорой.

Впрочем, о новой нации в ту пору говорили не только единомышленники Маяковского. Говорили даже о возникновении *нового антропологического типа*.

В стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим раньше выражением... Появились совершенно новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию. Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры. Этот тип столь же милитаризированный, как и тип фашистский. Об этом я не раз писал. С людьми и народами происходят удивительные метаморфозы...

(Н.Бердяев, "Самопознание". 1949.)

Маяковский любовно называл свою новую родину — ЭРЕСЕФЕСЕРИЯ. Бунин ненавидяще и презрительно именовал ее — СОВДЕПИЯ. Но и для тех, кто не был ослеплен ни ненавистью, ни любовью, эта новая страна тоже уже не была РОССИЕЙ.

Была бы я в России, все было бы иначе, но — Р о с с и и (звука) нет, есть буквы СССР, — не могу же я ехать в г л у х о е, без гласных, в свистящую гущу. Не шучу, от одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: б у к в ы н е р а з д в и н у т с я.

(Марина Цветаева. Письма Анне Тесковой.
Февраль 1928)

Сегодняшнему читателю может показаться, что горечь этих строк рождена особой чуткостью поэтического слуха, не умеющего смириться с новым названием, новым звучанием дорогого имени.

Но дело тут было не только в вывеске. Для людей этой эпохи слово "СССР" вовсе не было просто *новым наименованием* того, что прежде называлось другим именем.

— Теперь ведь России нет.

— Как нет России?

— Есть Союз советских республик.

— Ну да. Новое название.

— Нет, это иначе. Если завтра произойдет революция в Европе... Скажем: в Польше или Германии... тогда эта часть войдет в состав Союза. Какая же это Россия, если это Польша или Германия?..

(Юрий Олеши, "Список благодеей".)

4.

Однако по прошествии одного-двух десятилетий недоразумение полностью выяснилось.

Единая и неделимая постепенно обрела свой прежний облик. Присоединили прибалтов. Снова (кажется, в четвертый уже раз?) разделили Польшу. Вернули Бессарабию. Не совсем ладно вышло с Финляндией. Проклятые чухонцы упорно не хотели присоединиться. Но в конце концов и это можно было объяснить в традиционном великодержавном духе. Александр III даровал финнам сейм, Ленин — предоставил им независимость. Так что и тут все развивалось в русле давних традиций.

Представление, что Советский Союз будет все расти и расти, пока не превратится во Всемирный Союз Советских Республик, очень скоро обнаружило свою несостоятельность. Польша так и осталась Польшей, Германия — Германией. Даже претерпев насильственные разделы и став послушными сателлитами Москвы, в состав Союза Советских Республик они так и не вошли. Прав оказался Шульгин: Россия достигла своих естественных исторических границ, и на этом вся "мировая революция" закончилась. И слово "СССР" сразу утратило свой таинственный, мистический, сакраментальный смысл. Сегодня оно уже воспринимается как точный синоним слова "Россия", как ее официальное наименование. (Подобно тому как "США" является официальным наименованием бытового, разговорного, общепотребительного — "Америка".)

Казалось бы, все обошлось. Гроза миновала. Бунин в Париже плакал от умиления над "Василием Теркиным" Твардовского. И как ему было не умиляться, если — вот оно, самое несомненное, самое неопровержимое доказательство того, что Россия выжила, уцелела, что даже большевистское наваждение оказалось бессильно перед жизнестойкостью русского национального характера и бойкой замашкой метко сказанного русского слова.

Но... вот что произошло потом.

Вдохновленные победами русского оружия, новенькими погонами, в которых русская армия предстала перед изумленной Европой, а также многими другими вещественными доказательствами того, что все, слава Богу, обошлось, в 1946—47 годах на родину потянулись эмигранты.

Одного из вернувшихся я знал.

Когда-то он уехал из Крыма вместе с остатками врангелевской армии. Он уже в ту пору был взрослым человеком. Потом он жил во Франции, кончил Сорбонну, стал инженером-энергетиком. Во время гитлеровской оккупации активно участвовал в Сопротивлении. Не миновал гестапо.

В 1947 году он исколотал себе советский паспорт и приехал в СССР. Родина встретила его не слишком ласково, но — не об этом речь. Все это, как говорится, было и быльем поросло: с 1947 года до наших дней прошло уже больше, чем минуло с 1920-го по 47-й.

И вот этому человеку я задал однажды такой, не слишком простодушный вопрос:

— Как вам показалось, есть что-нибудь общее между нашей, сегодняшней Россией и той старой, которую вы знали когда-то?

Он ответил:

— Только снег.

●

Сарра БАБЕНЫШЕВА (Бостон, США)

ЧЕРНЫЕ ДНИ СОРОК ДЕВЯТОГО ГОДА

К сорокалетию кампании борьбы с космополитизмом

В годы войны и первое послевоенное время я работала преподавателем русского языка и литературы в Военном институте иностранных языков. Однажды в конце 1948 года мой сослуживец Александр Абрамович Аникст сказал: "Сегодня в Институте мировой литературы интересное мероприятие — коллективный Белинский". Название показалось заманчивым, и я решила пойти. Мне не приходилось раньше бывать на подобных заседаниях, и оно поразило меня серостью, убогим переливанием из пустого в порожнее, постоянным склонением одних и тех же слов: "декаданс", "ахматовщина". Не было не только коллективного Белинского, но и до Писарева коллективу критиков было далеко. Я, конечно, тогда не понимала, что большинство выступавших никак не глупее меня и жуют однообразную жвачку, стараясь угадать волю начальства. Я попросила слова и сказала что-то об отсутствии серьезной дискуссии. Мое выступление, конечно, ничего особенного из себя не представляло, но на фоне других показалось нестандартным и кому-то понравилось. Так или иначе, через несколько дней меня пригласили в Союз писателей и сказали, что Фадеев приказал взять меня на работу. Даже мое неблагозвучное имя-отчество (говорящий со мной Лев Суббоцкий переспросил его с явным удивлением) и то, что я не член партии (это тоже вызвало недоумение), не изменили высокого решения. Для меня это предложение было полной неожиданностью, я решила рискнуть и согласилась.

Так получилось, что в 1948—49 гг. я стала консультантом комиссии по критике при Союзе советских писателей. В то время была затеяна реорганизация ССП, появились новые комиссии: по драматургии, по областной литературе, по критике. Александр Александрович Фадеев старался привлечь к работе новых людей, не связанных, как он считал, групповыми пристрастиями, царившими в литературе.

В комиссии по критике было лишь два опытных литератора, члена Союза: Евгения Ивановна Ковальчук и Евгения Федоровна Книпович. Кроме меня, новыми людьми были Иван Серегин и Валентина Карпова, выпускники ИФЛИ. Они тоже работали в комиссии консультантами. Но если Серегин был человеком в общем доброжелательным, зло творил без усердия, то Карпова рвалась в бой, ее увлекал процесс борьбы. Лите-

ратура была ей чужда, с той же энергией она могла бы заниматься коммунальным хозяйством. Говоря как-то об одном стихотворении, Карпова произнесла: "Образ дуба автору не удался". Так мы ее и называли с тех пор: "образ дуба". Дубоватость не помешала Валентине Карповой сделать карьеру, она стала секретарем партийного аппарата ССП, а затем главным редактором издательства "Советский писатель".

Для Е.Ф.Книпович литература была жизнью, она знала русскую и европейскую поэзию, но была осторожна и лишних слов не произносила. Слушая собеседника, она обычно лишь поддакивала: "Да, да-да". Поперек воли начальства Евгения Федорна никогда не шла.

Председатель комиссии Е.И.Ковальчук преподавала литературу в МГУ, была необычайно работоспособна, а к партийным указаниям относилась, как к строкам Священного писания.

Вскоре после моего прихода в комиссию в воздухе пронеслось слово "космополитизм", но было неясно, к кому это имеет отношение, какой будет эта надвигающаяся кампания. Е.И.Ковальчук решила, что космополиты — это те, кто бывал за границей и мог поэтому испытывать пристрастие к Западу. Она составила список, в котором значились Виктор Шкловский, Исая Лежнев, Илья Эренбург и другие. Но Анатолий Софронов, ответственный секретарь ССП, к этому перечню отнесся неодобрительно, сказав, что список космополитов уже составлен. 28 января 1949 года в "Правде" появилась статья "Об одной антипартийной группе театральных критиков", где космополитами были объявлены Иосиф Юзовский, Абрам Гуревич, Григорий Бояджиев, Александр Борщаговский, Леонид Малюгин, Ефим Холодов, Яков Варшавский. Через день в газете "Культура и жизнь" список дополнили — Иоганн Альтман, Федор Левин, Б.Дайреджиев. А вслед за этим уже по всей стране, в творческих союзах, в университетах и институтах стали отыскивать собственных космополитов, произносились все новые и новые фамилии, племя "беспаспортных бродяг в человечестве" множилось.

Петр Павленко, который жил тогда в Ялте, лечась от туберкулеза, и руководил крымской писательской организацией, рассказывал мне: "Когда появилась статья в "Правде", обком потребовал, чтобы были разоблачены местные космополиты, а в организации всего один еврей — поэт Борис Серман. Мы пожалели его и решили объявить космополитом редакторшу областного издательства. Договорились сначала помогать ей, а потом без шума восстановить на работе."

По ходу кампании стало понятно, что она преследует несколько целей. Во-первых, была поставлена задача отлучить от литературы критиков, которые пользуются уважением писателей и читателей. Александр Фадеев так это и определил: "Гуревич и Юзовский стоят как молчаливые столпы — авторитеты" ("Октябрь", 1949, № 2). Константин Симонов усматривал антипатриотизм в словах Юзовского о том, что зрителю нужно не просто "отражение сегодняшнего дня, он требует, чтобы картины доставляли ему художественное наслаждение" ("Новый мир", 1949, № 3). Критик, требующий художественности, — явление явно вредоносное.

Вторая задача вырисовывалась не менее ясно. Антипатриоты — это евреи, а среди театральных критиков их было немало. В газете "Культура и жизнь" изобличались евреи, прячущиеся под русскими псевдонимами: Холодов — Меерсон, Борис Яковлев — Хольцман. Конечно же, евреи не могут понять ни русского человека, ни его страну. Константин Симонов возмущенно цитировал слова Гурвича о пьесе Н.Погодина: "У Погодина сегодняшняя Россия — страна с душой, но без идеала. Она довольна собой, эта страна. Она не омрачает своего привычного существования переоцениванием ценностей... живет, как Бог на душу положит". "Что это, как не клевета на Россию?" — спрашивал Симонов ("Новый мир", 1949, № 3). Почему, однако, в списки космополитов попали русский Малюгин и армянин Бояджиев? По традиции всех антисемитских кампаний: в списки всегда включалось несколько неев-

рейских имен, вероятно, для маскировки, чтобы сбить с толку рядового — советского и западного — читателя. Кроме того, и Малюгин, и Бояджиев не принимали всерьез пьес Софронова, а спущенное сверху указание бороться с космополитизмом использовалось и в личных целях. Это была третья и, может быть, основная задача. Александр Фадеев и Константин Симонов как руководители Союза писателей и сталинопопослушные аппаратчики выполняли приказ, но душой кампании были Анатолий Софронов, Аркадий Первенцев, Николай Грибачев.

Почему космополитами оказались театральные критики, а не переводчики, например, среди которых тоже немало евреев и которые были непосредственно связаны с западной литературой? Потому что Софронов, Первенцев, их друзья и единомышленники — А.Суров, Н.Вирта, А.Корнейчук, Б.Ромашов — были драматургами. Почти все, кто был зачислен в антипатриоты, в свое время критически отзывались либо о "Московском характере" Софронова, либо о "Южном узле" Первенцева, либо о "Зеленой улице" Сузова. Но почему же тогда возникла на партийном собрании ССП фамилия космополита Даниила Данина, никакого отношения к драматургии не имевшего? Потому что Николай Грибачев был поэтом и Данин критически отозвался о его поэме "Колхоз Большевик". Данин писал: "В поэме 20 главок. В каждой из них более или менее законченная картина сельской жизни. Но жизнь изображена поэтом в таких ласковых деталях, что и вся она, а не только эти детали, отзывается на страницах поэмы радужной пасторалью. И, разумеется, ни о какой там борьбе речи быть не может" ("Новый мир", 1948, № 10). В те годы Ольга Берггольц писала в дневнике: "Пашут на бабах. Баба, умирающая в сохе... Могу ли я быть при этих бабах пустоплясом, как Грибачев и К^о". Пустоплясов хватало. Одновременно с мифом космополитизма расцветал миф сентиментальной деревенской идиллии, миф о светлом будущем, будто бы уже наступившем. Возражая Данину, критики Е.Ковальчук и К.Зелинский писали, что Грибачев в своей поэме "показывает могучую деятельность коммунизма" ("Новый мир", 1949, № 2). "Группа театральных критиков, выросшая на дрожжах космополитизма, декаданса и формализма, систематически подвергала охаиванию и дискредитации все то новое и передовое, что появилось, росло и утверждалось в советской литературе и в советском театре", — говорил Анатолий Софронов ("Октябрь", 1949, № 1). Константин Симонов излагал ту же мысль образно: "Вредность действий этих критиков заключалась в устройстве всех и всяческих похем тем нашим драматургам, которые... не петляли у подножия горы коммунизма в ожидании и поисках каких-нибудь обходных тропок, а как альпинисты, рискуя и принимая на себя все трудности, врубались, лезли прямо в гору, прямо вверх" ("Новый мир", 1949, № 3).

Ругать "альпинистов" непатриотично, это старались доказать Софронов и Первенцев, в этом убеждал себя и Константин Симонов.

Могучая кучка борцов с космополитизмом была к тому же и дремуче невежественной. Зато не стеснялась в средствах. Помню один трагикомический случай. На партийном собрании критик Даниил Романенко, доказывая свойственную евреям семейственность, обвинил Иоганна Альтмана в том, что он ушел на фронт вместе с сыном, женой и племянницей. Сын Альтмана погиб, жена была контужена, а племянница потеряла ногу. И вот эта семья подверглась публичному поношению. Услышав об этом, я почти не могла сдержать слез. Тут меня повстречал в коридоре здания ССП Лев Ошанин, один из активнейших участников кампании борьбы с космополитами. Ошанин стал утешать меня:

— Я сейчас вам все объясню, евреям действительно свойственна семейственность, они всегда поддерживают своих. Почему Альтман писал о Лессинге? Потому что Лессинг — еврей.

— Побойтесь Бога, Лев Иванович, Лессинг — сын пастора.

Но он невозмутимо твердил свое:

— Я говорю то, что я знаю совершенно точно.

Логика доказательств была удивительной. А если бы в самом деле Лессинг был евреем?..

Понятно, почему Софронову и прочим так не нравилось требование интеллигентности, которое предъявлял Александр Борщаговский к их пьесам. Слово "интеллигент" Софронов произносил с тем же выражением, что и "еврей", "художественность", "эстет". Не раз он разоблачал интеллигентские козни перед слушателями и читателями:

"Тут мне вспомнился один преподаватель, читавший нам когда-то в студенческие годы по программе раздел курса о Гумилеве и Ахматовой. Он критиковал этих поэтов, критиковал по программе советского высшего учебного заведения, но надо было слышать, с какой любовью и наслаждением цитировал он те самые стихи, которые критиковались в программе ВУЗа" ("Октябрь", 1949, № 1).

Наблюдения Софронова справедливы. Мы с ним земляки. Я тоже училась в Ростовском пединституте и слушала там лекции Анатолия Лилина. Лектор мимоходом произносил дежурную фразу об ошибках поэтов, а потом часами читал их стихи, познакомив нас таким образом с Ахматовой, Мандельштамом и Гумилевым. Был у нас литературный кружок, и я как-то спросила Лилина, не пригласить ли в кружок Софронова: он учился на вечернем отделении и работал на Россельмаше, сначала рабочим, потом в заводской многотиражке. "В литературный кружок Софронова? Как вам не стыдно", — ответил Лилин, сделав ударение на слове литературный.

Во второй половине февраля 1949 года в Дубовом зале ЦДЛ состоялось собрание драматургов и критиков. Роскошный балльный зал, столько раз описанный в литературе, обшитый деревянными панелями, с высоким сводчатым потолком, с витражами в узких оконцах. Зал переполнен. Я забралась на висющую галерею, спускающуюся в зал деревянной лестницей. На ступеньках тоже сидят люди. На возвышении за столом президиума — Александр Фадеев, Анатолий Софронов, Николай Грибачев, Константин Симонов, Михаил Бубеннов. Председательствует Аркадий Первенцев. Зал наэлектризован. Каждый оратор старается как может. Вот Симонов перечислил поименно всех космополитов и вывел их корни из книги Виктора Шкловского "Гамбургский счет". Не забыл он и о критике Гельфанде, недостаточно усердно похвалившем пьесу Симонова "Под каштанами Праги".

Сергей Михалков вскакивает во весь свой огромный рост и напоминает, что и его пьесу ругали космополиты.

Константин Финн — хороший еврей — изобличает плохих евреев репликами с места: "Шуты!"

Виктор Шкловский, обливаясь слезами, заверяет президиум: "Я люблю свою родину, я очень люблю Россию".

Критик Залесский выскочил на трибуну с сенсационным разоблачением: оказывается, космополиты тайно собирались в ресторане "Арагви" и сговаривались уничтожить советскую драматургию.

Зал взволнован: "Негодяи! Фашисты!" На галерке находят Юзовского и силой тянут его вниз, на трибуну. Маленький, с длинным носом Юзовский вызывает у публики прилив ярости. Аркадий Первенцев, высокий, представительный, словно созданный для того, чтобы председательствовать, тоном прокурора спрашивает:

— Расскажите, как вы собирались в "Арагви" и договаривались убить советскую драматургию.

— Как мы договаривались... сейчас... — бормочет растерявшийся Юзовский и умолкает, беспомощно оглядываясь вокруг.

Финн что-то выкрикивает, Фадеев брезгливо произносит: "Вы шуты..." Первенцев: "Пигмей". И зал подхватывает: "Пигмей! Пигмей! Пигмей!..."

Я смотрю на трибуну, на маленького беззащитного человека, который, вероятно, думает, что его сегодня арестуют (к счастью, не арестовали).

Первенцев требовательно спрашивает: "Кто был с вами в "Арагви"?" — "Фамилии, — кричат из зала, — фамилии!"

...Я вспоминаю, как двадцать с небольшим лет назад в Ростове-на-Дону, в Доме печати, бывшем театре "Гротеск", выступал Маяковский. Зал тоже был перепол-

нен, и на сцене тоже оказался Юзовский. Маленький, ершистый, он наскакивал на возвышавшегося поэта, обвинял его в профанации собственного творчества. Что же случилось сейчас с ним? Куда девалась его отвага?

С поэтами спорят, с бандитами не до полемики. Что мог Юзовский сказать Первенцеву, троюродному брату Маяковского, похожему на поэта разве что ростом? Все происходящее в Дубовом зале не имело отношения к литературе. Преступники очищали литературную сцену от талантливых или просто наугодных им людей.

"Выступление на собрании оголтелого космополита Юзовского, клеветавшего на великое русское искусство, самое передовое в мире советское искусство, было встречено возмущением писателей и критиков", — писала "Правда".

Не все в этом отклике ложь. Возмущение действительно было. Не наигранное, а искреннее возмущение одной части аудитории и чувство страха — у другой ее части. Вера Васильевна Смирнова, талантливый критик, но человек не смелый, сказала мне после собрания: "Ради Бога, простите меня, мне стыдно, что я русская". Евгения Федоровна Книпович говорила: "Сейчас хорошо сознавать себя дворянкой, тем не ошельмуют, не назовут антипатриотом, но как стыдно". И она помогала космополиту Иоганну Альтману в самые тяжелые для него времена, да и не только ему. (Но одновременно помогала главному редактору "Советского писателя" Н. Лесючевскому: писала соответствующие рецензии на книги, подлежащие разгрому.)

Юзовский и Гурвич были, несомненно, талантливыми и независимыми критиками, порядочными людьми, оттого и пострадали. Можно назвать и ряд других уважаемых людей. Но было бы преувеличением считать, что ярлык "космополит" сам по себе — свидетельство таланта и добропорядочности. Не зря Борис Яковлев, услышав на собрании в Институте марксизма-ленинизма свою фамилию в списке антипатриотов, воскликнул: "Какого борца с космополитизмом они лишились!" Альтмана я встретила в день, когда вышла "Правда", 28 января. Меня статья напугала, Альтман отнесся к ней иначе. "Борьба с космополитизмом необходима, и если завтра назовут мое имя, я не откажусь от этих слов". Альтман оказался пророком. Спустя два дня он был зачислен в космополиты. Вел он себя с достоинством, вины за собой не признавал. Его терзали на собраниях, затем арестовали. Выйдя на свободу, он добивался восстановления в партии и умер, едва этого добившись. Альтман был человек доброжелательный, но он верно служил партии, верил, что с низкопоклонством следует бороться. Вполне могло оказаться, что он был бы не среди тех, кого бьют, а в противоположном лагере.

В рядах космополитов оказался и бывший ответственный секретарь Союза писателей Лев Суббоцкий. Защищаясь от обвинений на партийном собрании, он обвел руками зал и воскликнул: "Во имя революции мне пришлось расправиться с большим числом врагов, чем собралось людей здесь в зале. Я ли не патриот!" Он не понимал, что говорит.

Все это не проходило бесследно. Суббоцкий вскоре умер, умер и Дайреджиев, и Левин; пожалуй, если не считать нескольких самых молодых людей, никто из названных космополитами не дожил до сегодняшнего дня.

В 1954 году в том же Дубовом зале Дома литераторов я стала участницей другого собрания. Посвящено оно было писательской этике. Председательствовал Константин Георгиевич Паустовский, человек с безупречной репутацией. Среди выступавших был Хаджи-Мурат Мугуев, который резко говорил об антисемитизме в советском обществе и писательской среде. Я тоже решила выступить. Я рассказала о том, как Софронов, Первенцев и Грибачев сводили личные счеты с теми, кто их критиковал, рассказала многое из того, о чем написала сейчас. Зал напряженно слушал. В первом ряду сидел Алексей Сурков, как только были названы фамилии, он покраснел, встал и пошел к выходу.

— Почему вы уходите? — закричали из зала.

— Я такого никогда не слышал и слышать не хочу.

— А ты слушай! Слушай!

В зале поднялся крик, почти силой Суркова заставили вернуться и досидеть до конца собрания. ●

СЧЕТ № 70000015 "АНТИСПИД"

В редакцию "Страны и мира"

Уважаемые коллеги!

К вам обращаются журналисты журнала "Огонек" с просьбой о помощи.

Мы просим вас рассказать на страницах своего издания об акции нашего журнала: мы открыли благотворительный валютный счет "АнтиСПИД" № 70000015 во Внешэкономбанке СССР для скорейшей закупки одноразовых шприцов, одноразовых систем для переливания крови, одноразовых внутривенных катетеров и других одноразовых медицинских изделий.

СПИД — общая беда. Мы скорбим по всем людям, ставшим жертвами этой страшной болезни.

Но мы хотим, чтобы все наши соотечественники, все, кому небезразлична судьба советских людей, все, у кого есть родственники, друзья, близкие люди в СССР, узнали, наконец, страшную, замалчиваемую правду: нашу страну ожидает эпидемия СПИД еще более страшная, чем другие цивилизованные страны. Так считают авторитетные ученые и медики, чье мнение не зависит от официальной позиции.

Дело в том, что в наших поликлиниках и больницах до сих пор практически нет одноразовых шприцов, одноразовых систем для переливания крови, одноразовых внутривенных катетеров, одноразовых контейнеров для хранения крови и т.д. Имеющиеся же в некоторых центральных больницах одноразовые шприцы, системы для переливания крови, одноразовые внутривенные катетеры используются не один раз для разных пациентов, потому что этих инструментов элементарно не хватает. Шприцы многократного применения часто не стерилизуются — медсестры меняют лишь иглы. В большинстве больниц СССР просто нет одноразовых систем для переливания крови и одноразовых капельниц, используются резиновые трубки, которые стерилизуются и снова используются. Все это приводит к массовым заражениям в больницах. 80 детей по сути одновременно заражены в Элисте, 25 в Волгограде — но это лишь факты, которые получили огласку.

Тест-системы для проверки крови на СПИД, выпускаемые отечественной промышленностью, некачественны, поэтому нет никаких гарантий, что "проверенная" донорская кровь не заражена.

Уже понятно: тысячи, сотни тысяч советских граждан — в том числе детей! — обречены на заражение вирусом СПИД в больницах и родильных домах.

Не защищен советский человек и в кресле стоматолога: некоторые инструменты не стерилизуются после каждого пациента, как положено, только потому, что у врача в наличии всего один комплект данного инструмента, и если он отдаст его на часовую стерилизацию, ему просто нечем будет лечить следующих пациентов.

Перспектива ближайших лет удручает. Наша промышленность не имеет отечественных медицинских изделий, и они даже еще не разработаны. А на закупку импортных линий Совет Министров СССР до сих пор не выделяет валюту, вернее, выделены крохи, которые нас не спасут.

От полной безвыходности и отчаяния журнал "Огонек" открыл благотворительный валютный счет "АнтиСПИД", видя в этом единственный выход из трагической ситуации. Приобретенные нами одноразовые медицинские изделия будут направлены в первую очередь в детские больницы и родильные дома, а не "уплывут" в больницы для высокопоставленных лиц.

Мы хотим через ваше издание обратиться с зовом о помощи ко всем нашим соотечественникам: *Наше государство не защитило нас от СПИДа. Мы обращаемся за помощью к вам. Каждый перечисленный вами доллар, марка, франк спасет чью-то жизнь.*

Распоряжаться всей собранной валютой будут не государственные ведомства, а общественный Распорядительный Совет при журнале "Огонек". В него входят люди, которым верят: видный экономист, народный депутат СССР Гавриил Попов, академик Рэм Петров, офтальмолог, народный депутат СССР С.Федоров, академик Израиль Гельфанд, чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, писательница Татьяна Толстая, поэт Евгений Рейн, главный редактор журнала "Огонек", народный депутат СССР Виталий Коротич и другие. Надеемся, будут в Совете и видные религиозные деятели — православные, баптисты, католики, мусульмане...

Зарубежными представителями Совета уже согласились стать писатели Анатолий Гладили и Владимир Войнович, художник Михаил Шемякин.

Коллеги, просим вас донести до наших соотечественников горькую правду о ситуации со СПИДом в СССР и рассказать о нашем благотворительном счете.

С уважением, координатор фонда "АнтиСПИД"
специальный корреспондент "Огонька" Алла Алова

Рита ЗЮСМУТ

СПИД

Автор многочисленных публикаций о синдроме приобретенного иммунодефицита профессор Рита Зюсмут возглавила борьбу против СПИДа в Федеративной республике Германии, будучи министром по делам семьи и здравоохранения. Р.Зюсмут принадлежит к числу наиболее популярных и влиятельных политических деятелей ФРГ. В настоящее время она является председателем бундестага.

Молодые болезни

Уже не первый раз за последние десятилетия мы узнаем о существовании новой, доселе неизвестной болезни. В середине 1976 года внимание общественности в Соединенных Штатах Америки было привлечено к так называемой болезни легионеров. Вспышка этого инфекционного заболевания произошла после встречи ветеранов войны: 180 участников встречи заболело, 29 умерло. В итоге тщательных исследований был выделен возбудитель, нашедший благоприятные условия для размножения в некоторых установках для кондиционирования воздуха и вызывающий у человека специфическое поражение легких.

Несколько лет назад в Испании, а также за ее пределами были зарегистрированы случаи нервного заболевания с необычной симптоматикой. Причиной болезни было употребление в пищу фальсифицированного оливкового масла.

Можно упомянуть также — если говорить о недавнем прошлом — пандемию своеобразного менингита, сопровождавшегося высыпаниями на коже; болезнь прокатилась по миру в конце пятидесятых годов. Она протекала доброкачественно, не оставляла стойких нарушений. Возбудителем оказался давно известный энтеровирус.

Пролог

Весной 1981 года специалисты из Center of Disease Control (Центр по контролю заболеваемости при американском Институте наблюдения за инфекционными болезнями) зарегистрировали 31 случай заболевания неизвестного происхождения — тяжелого расстройства иммунитета.

Напомним, что иммунитетом называется невосприимчивость организма к инфекционным агентам и веществам, несущим чужеродную генетическую информацию. Одно из проявлений иммунитета — невосприимчивость к инфекционным болезням.

Расстройства иммунитета известны давно, чаще всего они наследственны. В данном случае, однако, речь шла о здоровых, по большей части молодых мужчинах, у которых внезапно и как будто без всякого повода наступил полом иммунных механизмов.

Задачей Центра является выявление новых заболеваний или признаков учащения известных инфекций. Была образована рабочая группа, собравшая за короткое время данные о 125 аналогичных больных; некоторые из них заболели еще до конца 70-х годов. Все пациенты были мужчины и, за исключением одного человека, гомосексуалисты.

Почему?

Оказалось, что у заболевших резко снижено количество лимфоцитов типа "Т". У некоторых больных этих клеток вообще не было. Т-лимфоциты, которые вырабатываются в вилочковой железе и циркулируют в крови, ответственны за иммунные механизмы. Проще говоря, лимфоциты защищают организм от вторжения чужеродных белковых тел, включая возбудителей различных болезней. Отсутствие лимфоцитов этого типа приводит, в частности, к тому, что организм оказывается беспомощным перед лицом даже относительно безобидных агентов, способных вызвать болезнь лишь в особых обстоятельствах ослабления защитных сил. Кроме того, он не может бороться с собственными злокачественно переродившимися клетками, которые дают начало злокачественным опухолям.

У страдающих новой болезнью была высокая температура, они легко подхватывали любую инфекцию и вдобавок обнаружили склонность к опухолевым процессам. До сих пор такие картины можно было наблюдать лишь в редких случаях наследственной иммунной недостаточности либо у пациентов с ослаблением иммунитета вследствие интенсивного (например, лучевого) лечения уже имеющегося рака.

К январю 1982 г. статистика охватывала уже 270 случаев. Хотя огромное большинство больных, как и прежде, составили гомосексуалисты, выяснилось, что заболеть можно и не будучи гомосексуалистом. Некоторые больные были наркоманами и впрыскивали себе наркотик шприцом непосредственно в кровь; другие страдали различными формами кровоточивости и регулярно подвергались переливанию крови. После 1982 года новая болезнь получила общепринятое наименование Acquired Immune Deficiency Syndrome, сокращенно AIDS (синдром приобретенного иммунодефицита, СПИД).

Возбудитель

Итак, два пути заражения: сексуальные контакты и кровь. Можно было предположить, что существует возбудитель болезни, который находится в крови или других жидких средах, вырабатываемых в организме больного СПИДом. Известно другое инфекционное заболевание, при котором заражение может происходить сходным образом: это гепатит В, вызываемый специфическим вирусом.

Тот факт, что у всех больных падает количество Т-лимфоцитов, наводил на мысль, что именно эти клетки становятся жертвой гипотетического вируса. Подобные примеры тоже известны: существует редкая форма лейкоза, или лейкемии (злокачественного заболевания крови), связанная с поражением лимфоцитов так называемым ретровирусом.

В 1983 году в Институте Пастера (Париж) был выделен из крови больных СПИДом агент, поражающий лимфоциты, но не вполне тождественный лейкемическому ретровирусу. Летом 1986 г. он был окончательно идентифицирован как возбу-

тель СПИДа и получил обозначение HIV (русское сокращение ВИЧ – вирус иммунодефицита человека). Причина новой и неожиданной эпидемии нашего века была найдена.

Не только больные

Возбудитель найден, но уже вскоре после того, как развернулись эпидемиологические исследования, стало ясно, что СПИД – это лишь конечная стадия процесса, который, по-видимому, долгое время развивается исподволь. С точки зрения общественного здравоохранения важна не только тяжесть самого недуга, всегда или почти всегда смертельного, но и распространенность, точнее, стремительное распространение инфекции. Если десять лет назад, к концу 1979 года, в США было выявлено (под разными диагнозами) всего лишь десять клинических больных, то, например, через восемь лет их стало 30 тысяч. В Федеративной республике к концу 1982 года было зарегистрировано четыре случая, весной 1987 г. – 986. Цифры продолжают расти примерно в таком же темпе. Но клинические больные – это лишь небольшая часть инфицированных, то есть людей, которые могут заболеть сами и заражают других.

Особая проблема – внутриутробное заражение или заражение во время родов. Больше половины детей, родившихся от инфицированных матерей, в свою очередь оказываются носителями ВИЧ.

Каково реальное соотношение числа вирусоносителей и числа больных? Американские и английские врачи называют пропорцию тридцать к одному; примерно о том же говорит статистика, собранная в Западном Берлине. Некоторые эпидемиологи ФРГ предпочитают говорить о еще более высоком соотношении. Общее количество инфицированных в Соединенных Штатах оценивается в настоящее время в полтора миллиона, в Европе до 500 тысяч, в Федеративной республике Германии – от 30 тыс. до 100 тыс. В Африке, а также в других регионах Третьего мира вирусом инфицированы миллионы людей. Вероятное число вирусоносителей во всем мире, по очень приблизительным оценкам, – 10 млн. человек.

Как это выглядит?

Заражение вирусом СПИДа чаще всего сопровождается кратковременным гриппоподобным недомоганием, увеличением лимфатических узлов; затем все проходит, и лишь спустя годы у некоторой части носителей инфекции развивается поражение лимфоузлов – это начало болезни в собственном смысле слова.

Насколько велик риск заболеть?

Согласно первоначальным данным Центра по контролю заболеваемости (упомянутого выше), заболевает от 5 до 15 процентов инфицированных. Со временем эти данные были подвергнуты сомнению, а главное, выяснился факт, известный при некоторых инфекциях, например, проказе, а именно, что инкубационный период – промежуток от момента заражения до начала болезни – может быть весьма долгим: пять лет и больше. Вообще надо помнить о том, что наши сведения о синдроме приобретенной иммунонедостаточности пока еще далеко не полны.

Можно опасаться, что половина вирусоносителей рано или поздно заболевает СПИДом в клинической форме.

Рассадник

Быстрому распознаванию новой инфекции (да и общему прогрессу в ее познании) способствовало то, что и в первые годы, и сегодня болезнь регистрируется главным образом внутри особых, легко выявляемых групп населения. До сего времени почти девять десятых всех случаев СПИДа в Северной Америке и Западной

Европе составляют гомосексуалисты и наркоманы, причем именно те, кто "колется", то есть вводит себе наркотик внутривенно. Существование именно этих групп риска уже само по себе указывает на особые пути распространения вируса, отличные от способов распространения других вирусов, например, гриппозного или вируса ветряной оспы. Интимные контакты, преимущественно гомосексуальные, и непосредственный обмен кровью – вот пути передачи вируса.

Уже в первые годы бросилось в глаза скопление больных в двух больших городах США – Нью-Йорке и Сан-Франциско. При этом оказалось, что многие из заболевших в Нью-Йорке были выходцами из республики Гаити. Гаити – излюбленное место, где проводят отпуск гомосексуалисты из Соединенных Штатов, особенно жители "Фриско", города, славящегося свободой нравов. Отсюда, из отелей и значных мест Порт-о-Пренса, следы вируса ведут во франкоязычную Центральную Африку, с которой Гаити поддерживает тесные торгово-промышленные связи. Можно утверждать, что именно здесь – и раньше, чем в США, – появились (в 70-х годах) первые случаи СПИДа. Тщательные эпидемиологические исследования показали высокий уровень заражения возбудителем СПИДа населения трех центральноафриканских государств: Заира, Руанды и Бурунди. Из этого "пояса СПИДа" вирусная инфекция была транспортирована не только в Западное полушарие, но и на юг и север черного континента.

Гипотеза

Не исключено, что вирус СПИДа первоначально вегетировал у животных. Можно, однако, представить себе иную картину возникновения новой болезни. Длительное время она носила эндемический характер, другими словами, ее распространение было ограничено какой-то небольшой, изолированной от внешнего мира этнической группой. Из-за долгого инкубационного периода, с одной стороны, высокой смертности новорожденных и сравнительно короткой средней продолжительности жизни у аборигенов Экваториальной Африки – с другой, болезнь могла проявлять себя не слишком часто. Политические и социальные преобразования последнего двадцатипятилетия привели к тому, что изоляция была нарушена.

В отличие от США и Европы, где абсолютное большинство больных составляют мужчины, в Черной Африке заболеваемость СПИДом у обоих полов примерно одинакова. Это не значит, что путь заражения здесь иной. И в Африке, и в других частях мира главнейшая роль в инфицировании вирусом СПИДа принадлежит половым контактам. В Африке весьма нередки случаи нелеченных венерических заболеваний, которые сопровождаются повреждением защитной слизистой оболочки половых органов; это облегчает проникновение вируса в кровь. Частая смена сексуальных партнеров – обычай, который в определенных районах Центральной Африки распространен значительно больше, чем в западном мире. Вместе с тем здесь почти неизвестен гомосексуализм мужчин, почему и возникло африканское обозначение мужеложства: "белый секс".

На острие иглы

Мы говорили о двух группах риска – гомосексуалистах и "колющихся" наркотиками. В первом случае воротами инфекции являются повреждения слизистой. Во втором случае опасность заражения связана с использованием грязными иглами и шприцами.

Но по мере распространения инфекции растет число инфицированных, не принадлежащих к этим двум группам. Тем не менее путь заражения довольно легко установить и здесь. Это может быть, например, переливание крови от донора, инфицированного ВИЧ. Это может быть заражение новорожденного от инфицированной матери. Во всех остальных случаях тщательное обследование всегда выявляет

половой контакт с инфицированным партнером – мужчиной или женщиной – либо, по цепочке, с партнером инфицированного лица.

Важный вывод: чтобы заразиться СПИДом, вовсе не обязательно быть гомосексуалистом или наркоманом.

Что делать?

СПИД представляет угрозу для каждого гражданина и для населения в целом. СПИД, на мой взгляд, представляет опасность для всей нашей цивилизации и культуры. Мы, политики, не можем, в частности, закрывать глаза на то, что в ближайшие пять, а может быть, и больше лет нам придется считаться с резким учащением ранних смертей. Вместе с тем мы не имеем права реагировать на эту новую беду истерически.

Есть основания надеяться, что в недалеком будущем будут найдены надежные медицинские методы профилактики и лечения синдрома приобретенного иммунодефицита. СПИД разделит судьбу страшной вирусной болезни прошлого – натуральной оспы. Нужно, однако, отдать себе отчет в том, что СПИД – проблема не только медицинская.

Риск заразиться СПИДом зависит, как и при других венерических болезнях, во-первых, от числа сексуальных партнеров, а во-вторых, от того, имеет ли место контакт слизистых оболочек. На этом факте и должна базироваться в первую очередь профилактика – как личная, так и социальная. Беспорядочные встречи, в особенности с малознакомыми партнерами, означают в нынешней ситуации повышенный риск подцепить вирус. Опасность возрастает не только с числом партнеров, но и с числом контактов, которые в прошлом в свою очередь имели эти партнеры: цепочка заражения ветвится.

В любом случае защитой от СПИДа является кондом. Обучение пользованию кондомами – обязательная часть системы профилактических мер против распространения болезни. Федеральное ведомство здравоохранения обращает особое внимание населения на то, что широко рекламируемые "усовершенствованные" кондомы с шероховатой поверхностью и т.п. не являются надежными.

В заключение – несколько советов.

<i>Ситуация</i>	<i>Степень риска</i>	<i>Что делать</i>
Шприц (введение наркотика)	Очень велика. Особенно опасно применение общего шприца разными людьми.	Безусловно избегать. В любом случае не пользоваться общими шприцами.
Влагалищный контакт	Велика. Опасность заражения повышается при смене партнеров. Для женщины риск выше, чем для мужчины.	Верность. При смене партнеров пользоваться кондомами.
Оральный контакт	По-видимому, незначительна. Нельзя, однако, исключить возможность заражения женщины от мужчины. В обратном случае заражение мужчины от инфицированной женщины маловероятно.	Если мужчина является носителем вируса или если вирусоносительство невозможно исключить, избегать попадания спермы в полость рта.
Поцелуи	Теоретически опасность существует, но подтверждений не получено.	

Анальный контакт	Велика. Особенно значителен риск для пассивного партнера.	Кондом.
Беременность у женщины, инфицированной вирусом.	Для ребенка — велика.	Женщине, которая хочет иметь ребенка и не может надежно исключить заражение вирусом, рекомендуется поставить тест на вирусоносительство. Женщины с положительной реакцией не должны кормить грудью.

Совместное ведение хозяйства, еда, посуда, одежда, белье, посещение учреждений общественного питания, пользование плавательным бассейном и сауной — риск заражения отсутствует.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Возвращаясь в Москву из туристской поездки в ФРГ, я взял с собой ряд изданных за рубежом русских журналов и книг. Часть их пришлось отправить багажом. Пришел он не скоро и в сильно растрепанном виде. Часть вещей пропала. Но книги и журналы дошли все. Однако таможня бдит. Сначала половину книг забрали на "проверку" и продержали неделю, затем половину из них изъяли совсем — как "не подлежащие ввозу в СССР".

Были изъяты все экземпляры вашего журнала (№ 10 за 1986 г., № 4 за 1987 г., № 2 и 5 за 1988 г. и №№ 1–3 за этот год). Были также конфискованы журналы "Проблемы Восточной Европы", "СССР. Внутренние противоречия", "22" и ряд книг. Мне было сказано, что литература не допускается не за названия, а за конкретные места в тексте. Но какие это места — указано не было. В частности, про ваш журнал говорилось, что изымается не весь журнал, а отдельные (то есть все) номера, потому что в них есть "лихие" статьи. Вообще все было обставлено очень корректно, но так, чтобы я ощутил свою полную беспомощность.

На все мои возражения был один ответ: "Можете жаловаться". Мне не показали (отказались показать) приказ, определяющий, что можно ввозить и что нельзя. Сказали, что это распоряжение Совета Министров за каким-то номером. Отказались показать "криминальные" статьи или фразы и тем более не объяснили, в чем их криминальность. Не дали список изъятых книг. Список остался в акте об изъятии, а мне дали только корешок, однако любезно разрешили список переписать, но без какой-либо официальной подписи. В качестве ненавязчивой угрозы записали место работы.

Я, разумеется, намерен обжаловать эту безобразную в наш век "гласности" конфискацию, но хотел бы, чтобы о происшедшем было сообщено и в печати.

Лев Таненгольц (Москва)

От редакции: Такого рода сообщения в последнее время далеко не единичны. Справедливости ради следует сказать, что нам известны и многие случаи, когда таможня пропустила "Страну и мир" беспрепятственно. В ряде случаев подписчики в Советском Союзе получали журнал просто по почте.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 3 журнала "Страна и мир" за этот год опубликована моя статья, озаглавленная "Так живу". К сожалению, часть этого текста нуждается в корректировке.

В подлиннике текста, отправленном в редакцию "Страны и мира" более полугодом назад, упоминалось интервью с редактором "Нувель эспрессо", опубликованное в советском бюллетене "Век XX и мир" (№ 3, 1988 г.). Редактор французского еженедельника, проехавший по Советскому Союзу "маршрутом дружбы", выразил такой экзальтированный восторг от перемен, происходящих в жизни советских людей, что показалось уместным проиллюстрировать его впечатления некоторыми конкретными примерами.

При публикации в "Стране и мире" произошла определенная подмена "подобного подобным", которая, при полном сохранении фактического материала, изрядно меняет смысл написанного.

"Последние четыре года внесли немало нового в нашу жизнь, — пишет редакция, — отрицать это было бы нелепо. Пусть не все, но многие вещи названы своими именами..."

Не обсуждая эту стандартную формулу "перестроечной" публицистики, вынуждена заметить, что ничего подобного не писала — хотя бы потому, что формулировать таким образом не умею. Не писала также ни о пользе "избирательной кампании", ни о "пустых полках магазинов", ни о "благе перестройки". Возможность подписать что-либо подобное в духе "нельзя не признать, но нельзя не отметить" была всегда, но и в советских организациях пока не было принято делать это без ведома автора.

"Конечно, перестройка и гласность — благо", — пишет в моей статье редакция "Страны и мира".

К сожалению, не могу согласиться. Пусть даже с последующими "но..."

Елена Даниелян (Бостон)

*

Редакция приносит извинения Елене Даниелян за изменения, сделанные в ее статье. Не в оправдание, но в объяснение, мы хотим сообщить следующее.

Речь идет всего лишь о первых 15 строках 5-страничной статьи. В своем литературном зачине в оригинале статьи Е.Даниелян ссылалась на высказывания малоизвестного редактора "Нувель эспрессо", (в оригинале статьи Е.Даниелян назван "издателем "Нувель гуманизм"; мы так и не знаем, какой из вариантов правилен). Высказывания эти датируются мартом 1988 г. Редактор-издатель восхищался гласностью, Е.Даниелян считает его восхищение неоправданным и переходит к фактам из "живой жизни".

Нам показалось, что обсуждать в июньском номере за 1989 г. высказывания полугодовой давности малоизвестного лица не вполне уместно, и редакция заменила это короткое вступление другим, где мысль Е.Даниелян, как мы ее поняли, была сжато сформулирована так: "перемены совершаются в тончайшем, сугубо поверхностном слое бытия, обыкновенную жизнь, жизнь сотен миллионов людей они не затрагивают". И сейчас, перечитав статью, мы убеждены, что смысл и пафос ее этими словами переданы точно. К сожалению, согласовать изменения с автором мы не могли, ибо, когда журнал уходил в типографию, автор находилась на полпути между Одессой и Бостоном, где она теперь живет, и связь с нею была затруднена.

Но претензии Е.Даниелян вызваны, как видно, не изменением литературного зачина, а тем, что ей как автору приписаны мысли, ей несвойственные. Этих мыслей две: "Последние четыре года внесли немало нового в нашу жизнь" и "перестройка и гласность благо" (с последующими "но"). Действительно, нам просто не пришло в голову, что в 1989 г. может бытовать мнение, что за последние 4 года в нашей стране ничего не изменилось и что в гласности нет ничего хорошего, какими бы "но" это ни обставлялось. Мы ошиблись: оказывается, есть люди, придерживающиеся и такой точки зрения.

Сообщая об этом читателям, мы надеемся тем самым исправить нанесенный Е.Даниелян моральный ущерб.

●

СООБЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ

В № 3 и 4 нашего журнала были опубликованы первые главы документального повествования Тельмана Гдльяна "Пирамида". В следующих номерах мы обещали продолжение. К сожалению, от этого намерения мы вынуждены отказаться в связи со следующими обстоятельствами.

Рукопись "Пирамиды" была доставлена в редакцию "Страны и мира" 21 июня с.г. югославским гражданином, жителем Белграда Милоаном Чоличем. На рукописи были указаны два автора: Тельман Гдлян и Евгений Додолев. М.Чолич пояснил, что Е.Додолев — литературный обработчик и доверенное лицо Т.Гдльяна. Слова М.Чолича вызвали доверие, ибо за несколько дней до его появления в редакции Е.Додолев выступил в московской телепрограмме "Взгляд" и рассказал об истории запрещения "его с Т.Гдльяном книги". М.Чолич представил доказательства своего близкого знакомства с Е.Додолевым. Он заявил также, что хорошо знает и Т.Гдльяна. Прямых доказательств этого не было, но по совокупности обстоятельств не было оснований сомневаться в его словах. От имени Т.Гдльяна и Е.Додолева М.Чолич прислал редакцию опубликовать "Пирамиду".

М.Чолич заявил, что за свой труд он не требует ничего, но просил выплатить ему гонорар "для передачи авторам". Это было сделано.

Ознакомившись с рукописью, мы обнаружили, однако, что литературная обработка Е.Додолева сделала текст совершенно невозможным для печати. Стиль Е.Додолева можно проиллюстрировать, например, следующим пассажем (описание группы захвата, ожидающей на дороге опасного преступника):

"Вкусный сигаретный дымок томно растворялся в плотном, как расшитая персидская парча, кызылкумском воздухе, и ненадежная, словно плетенный мосток над арыком, апрельская свежесть угадывалась скорее в игривом дизайне седых растрепанных облаков, нежели в тяжелых и редких вздохах уже основательно прогретого среднеазиатской весной воздуха близкой нефтеносной пустыни".

В таком же стиле был написан весь текст.

Редакция была вынуждена сделать все возможное, чтобы избавиться от следов подобного "литературного" вмешательства. В результате рукопись сократилась на треть, и имя Е.Додолева было из числа авторов снято.

Когда № 4 журнала уже находился в типографии, редакция получила сообщение, что Т.Гдлян ничего не знал о передаче рукописи на Запад для публикации. Более того, М.Чолич ему совершенно неизвестен. Разумеется, никто никакого гонорара Т.Гдлян не передавал. Т.Гдлян выразил опасение, что в данном случае имела место провокация. Учитывая ситуацию, сложившуюся к лету 1989 г. (возбуждение против него и Н.Иванова уголовного дела), Т.Гдлян просил нас приостановить публикацию.

Эту просьбу мы выполняем. Мы полагаем, что Т.Гдлян имеет все основания для опасений. Подтверждением этому служит и тот факт, что публикация "Пирамиды" в нашем журнале стала предметом обсуждения на Пленуме ЦК КПСС ("Правда" от 22 сентября с.г.). Вопрос этот поднял В.Смирнов, бывший второй секретарь ЦК КП Молдавии, арестованный за взятки, а позднее с извинениями освобожденный. Недавно комиссия Съезда народных депутатов "по делу Гдльяна" установила, что освобождение В.Смирнова было необоснованным, и уголовное дело в отношении его необходимо возобновить. Тем временем, однако, В.Смирнов выступает на пленумах с обвинениями в адрес Т.Гдльяна.

Иначе, чем Т.Гдлян, повел себя Е.Додолев. В телефонной беседе с редакцией Е.Додолев подтвердил, что передал "Пирамиду" для публикации. Его претензией к редакции было лишь то, что его имя снято из числа авторов. Е.Додолев утверждал даже, что он является единственным автором книги, и Т.Гдлян к ней причастен лишь косвенно. Мы не знаем, получил ли Е.Додолев предназначенный ему гонорар, но достоверно известно, что он обсуждал с М.Чоличем этот вопрос по телефону.

Таким образом, можно считать установленным, что Е.Додолев обманул доверие Т.Гдльяна. Мы пока не знаем, стоит ли за этим нечто большее. О Е.Додолеве и М.Чоличе нам пока известно очень мало, но редакция проводит расследование. Вероятно, заслуживает внимания то обстоятельство, что оба они входят в редколлегию новой газеты "Совершенно секретно", первый номер которой вышел в июне этого года. Главным редактором этой газеты является Юлиан Семенов, общественное и политическое лицо которого не нуждается в дополнительных характеристиках.

Редакция приносит Т.Гдлян свои извинения за невольно доставленные ему неприятности. Мы готовы возобновить публикацию его книги и других материалов при наличии ясно выраженного пожелания с его стороны. ●

Вот в чем беда человечества, если взять цивилизованную его часть: в нравственности и политике зло определить нетрудно — это то, что приносит вред; однако о добре мы уже не можем сказать, что оно безусловно приносит пользу, ибо полезное в данную минуту может потом долго или даже всегда приносить вред.

*

История — почти сплошная цепь ужасов. При жизни тирана эта наука не в чести, однако преемники его позволяют, чтобы злодеяния их предшественника стали известны потомству: новым деспотам надо как-то смягчить отвращение, которое вызывают они сами, а ведь единственное средство утешить народ — это внушить ему, что его предкам жилось так же худо, а то и еще хуже.

*

И при старом режиме философ высказывал смелые истины. Однако подхватывал их кто-нибудь из тех, кто по праву рождения или в силу благоприятных обстоятельств был предназначен занимать видные места. Он разжижал эти мысли, в двадцать раз ослаблял их и приобретал репутацию человека беспокойного, но умного. Действуя с осторожностью, он добивался всего, чего хотел; философа же бросали в Бастилию. При новом режиме всего добивается уже философ. Он высказывает глубокие истины не затем, чтобы угодить в тюрьму или пробудить ум в глупце и, следовательно, помочь тому добраться до важных должностей, а затем, чтобы эти последние достались ему самому. Вот и судите, могут ли те, кого он устраняет со своей дороги, — а таких множество — примириться с новым порядком вещей!

Себастьян-Рок-Никола Шамфор
"Максимы и мысли" (1795 г.)

芭は白へど 散りぬるを
我世誰ぞ 常なるむ
有為の奥山 今日越えて
浅き夢みじ 醒もせず

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Нежные цветы радуют наш взгляд, но, увы, облетают!
Что в этом мире длится вечно?
Перейдя сегодня пределы доступного чувствам мира,
Я избавлен от быстротечных грез, они не пьянят меня более.